

Институт психологии РАН
Московский педагогический государственный университет
Факультет педагогики и психологии
Психологический институт РАО

СЕМЬЯ, БРАК И РОДИТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Выпуск 2

Под редакцией
А. В. Махнача, К. Б. Зуева

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2015

УДК 159.9
ББК 88
С 30

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

С 30 **Семья, брак и родительство в современной России.** Выпуск 2 /
Под ред. А. В. Махнача, К. Б. Зуева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 408 с.

ISBN 978-5-9270-0312-9

УДК 159.9
ББК 88

В книге представлены работы российских психологов, работающих с современной семьей. Обсуждаются вопросы профессионального сопровождения семьи, построения типологии, роли культурных и национальных факторов в семейном взаимодействии. В статьях затронуты, как традиционные темы супружеских, детско-родительских, сиблинговых и других семейных отношений, так и относительно новые, такие как приемное родительство, степень включенности наемных работников в семью и др.

Книга будет интересна широкому кругу профессионалов, интересующихся проблемами современной российской семьи.

© ФГУБН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0312-9

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зуев К. Б.</i> Основные направления изучения семьи, брака и родительства в современной психологии (вместо предисловия)	9
--	---

Раздел I ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПРОВОЖДЕНИЯ

<i>Алдашева А. А., Зеленова М. Е.</i> Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда	17
<i>Алексеевко Т. В.</i> Оценка эффективности системной семейной психотерапии	25
<i>Андреева А. Д., Бегунова Л. А.</i> Актуализация субъектного потенциала родителя во взаимодействии с ребенком	35
<i>Будинайте Г. Л., Геронимус И. А., Коган-Лернер Л. Б., Кондрашева А. В., Перевознюк Н. Н.</i> Взаимосвязь характеристик семьи и психологических особенностей ребенка, перенесшего онкологическое заболевание	44
<i>Дан М. В., Харламенкова Н. Е.</i> Психологические последствия переживания матерью впервые возникшего психического заболевания у совершеннолетнего ребенка	49
<i>Дробышева Т. В.</i> Образ отца в представлениях детей с разными условиями ранней социализации в семье	58

<i>Романовская М. А.</i> Социально-психологические характеристики мам «нянечных детей»	68
--	----

Раздел II
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

<i>Григорова Т. П.</i> Совладание с деструктивной привязанностью к партнеру в близких отношениях	77
<i>Дубровина И. В.</i> Психологическая готовность к семейной жизни как аспект самоопределения	86
<i>Забегалина С. В.</i> Особенности содержания гендерных стереотипов в детском возрасте	96
<i>Королева Е. М., Крюкова Т. Л.</i> Роль диадического копинга в супружеских отношениях	105
<i>Меняева С. В.</i> Семантика материнства: поколенный генез	114
<i>Орлова Л. В.</i> Социально-психологические предпосылки манипулятивности у детей младшего школьного возраста	120
<i>Сапоровская М. В.</i> Бикарьерная семья в современном мире: факторы риска и ресурсы развития	126
<i>Филатова О. Ю., Геронимус И. А.</i> Особенности сплоченности и адаптивности семей подростков с аддиктивным поведением	135
<i>Цветкова Н. А.</i> О согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре современного мегаполиса	140
<i>Шашина Е. Б.</i> Делегирование семейных функций в современной российской семье	146

Раздел III
ТИПОЛОГИЯ СЕМЬИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

<i>Книголюбова А. Н.</i> Совместная жизнедеятельность семьи как основа для семейной типологии	153
<i>Ковалева Ю. В.</i> Междисциплинарный подход к типологии семьи	161
<i>Кукуев Е. А.</i> Семья как открытая система	174

Раздел IV
СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Айгумова З. И.</i> Психологические особенности супругов, состоящих в биэтническом браке	183
<i>Городилина М. В.</i> Биографическая память рода в традициях и символах (На примере древнеримских аристократических семей республиканского периода)	190
<i>Маховская О. И.</i> Нормативный конфликт различных моделей семьи в условиях эмиграции	196
<i>Швецова М. Н., Мирзаханова М. Р.</i> Взаимосвязь агрессивности подростка с родительским отношением	206

Раздел V
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СЕМЬИ

<i>Котовская С. В.</i> Роль семьи в профессиональном самоопределении лиц трудных профессий в разном уровне жизнеспособности	215
<i>Лактионова А. И.</i> Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка-сироту	225
<i>Лотарева Т. Ю.</i> Жизнеспособность как условие эффективного приемного родительства	243

<i>Махнач А. В.</i>	
Психопатологическая симптоматика и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители	249
<i>Нестерова А. А.</i>	
Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом	265

Раздел VI ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ ДИАГНОСТИКИ СЕМЬИ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Азарных Т. Д.</i>	
Посттравматический стресс, вызванный разводом родителей	277
<i>Алексеева А. С., Гизуллина А. В.</i>	
Взаимосвязь характеристик темперамента в системе родитель–ребенок	287
<i>Аргентова Т. Е., Колотилина В. В.</i>	
Отношения «отчим–ребенок жены» в семьях повторного брака	293
<i>Барский Ф. И., Васин Г. М., Лобаскова М. М., Гиндина Е. Д., Малых С. Б.</i>	
Генетические и средовые вклады в особенности внутрипарных отношений близнецов-подростков	300
<i>Виленская Г. А., Никитина Е. А.</i>	
Привлекательность детских лиц: взаимодействие матери и ребенка	307
<i>Дериш Ф. В., Красильникова Е. Н.</i>	
Различия в характеристиках взаимодействия отца и сиблингов	314
<i>Кисельникова (Волкова) Н. В., Карпинский К. В.</i>	
Негативный смысл ребенка как фактор дизрегуляции репродуктивного поведения: разработка методики диагностики	319
<i>Корниенко Д. С.</i>	
Согласованность родителей и детей в оценке параметров детско-родительского взаимодействия	324
<i>Лебедева Е. И.</i>	
Родительская оценка в диагностике развития модели психического в детском возрасте	334

<i>Солондаев В. К., Конева Е. В., Четвертаков Ю. В.</i> Психическое состояние как характеристика родительства	338
--	-----

Раздел VII
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

<i>Андреева А. Д.</i> Социальная модель взаимодействия семьи и школы в контексте реформы российского образования	347
<i>Ванданова Э. Л.</i> Семейное воспитание: вопросы о традиции и современности	356
<i>Голзицкая А. А.</i> Теоретические обоснования биполярной и многофакторной моделей диагностики родительского отношения	362
<i>Куницына В. Н., Юмкина Е. А.</i> Психологический статус понятия «семейные наставления»	368
<i>Пинчук Д. Ю.</i> Повышение педагогической культуры родителей	376
<i>Сорокина Т. В., Харламенкова Н. Е.</i> Трансляция родителями ценностей и отклоняющееся поведение подростков	383
<i>Тацёва А. И., Бедрединова С. В., Шаова Р. А.</i> Восприятие родителей подростками с разным уровнем глобального самоотношения	393
<i>Циринг Д. А., Пономарева И. В., Евстафеева Е. А.</i> Нарушения межличностных коммуникаций в семье и личностная беспомощность у подростков	398

Основные направления изучения семьи, брака и родительства в современной психологии (вместо предисловия)

К. Б. Зуев (Москва)
konstantin.zyev@gmail.com

Введение

На протяжении всего своего существования семья переживает постоянные трансформации, и, по всей видимости, этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока семья существует как социальный институт. В то же время изменения, которые происходили с семьей на протяжении XX века, и особенно те, которые происходят в нынешнем, XXI веке, ставят под угрозу само существование семьи. Вместе с тем в гуманитарных науках до сих пор нет единого понимания того, что же такое семья, также отсутствует приемлемое определение. Из этого следует, что, помимо конкретно-эмпирических исследований семьи, которые проводятся в значительном количестве и в той или иной степени отражают имплицитное понимание семьи исследователями, совершенно необходим концептуально-терминологический анализ, который был бы отражен в теоретических исследованиях. К сожалению, последние очень редко встречаются в данной предметной области. Вместе с понятием «семья» также требует определения термины «родительство», «супружество», «брак» и многие другие. Необходимость данного обсуждения стоит в научном сообществе очень остро, поскольку исследования, осуществляемые в социогуманитарных науках, не поспевают за реальными изменениями в обществе. Кроме того, необходимо отметить, что это обсуждение может быть только междисциплинарным. Ни психология, ни социология, ни философия, ни право, ни педагогика, ни какая-либо другая отрасль гума-

нитарного знания не сможет в одиночку дать исчерпывающие ответы на все вопросы о семье.

Началу такого диалога и призван послужить представляемый читателю сборник. Книга издается в Институте психологии РАН при содействии факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета и Психологического института РАО.

Необходимо отметить, что данный сборник не первый, посвященный проблемам психологии семьи, который выходит в Институте психологии РАН. За последние годы было издано три книги. В 2013 году вышел сборник «Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире» под редакцией В. А. Кольцовой. Сборник посвящен самому широкому кругу проблем современной семьи, но основной акцент сделан на исследованиях духовно-нравственных аспектов семьи и семейного воспитания. В 2015 году свет увидела коллективная монография «Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект» под редакцией А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. В написании монографии приняли участие ведущие российские и зарубежные авторы. За два года до этого в 2013 году в серии «Психологическая наука – практике» была издана книга «Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство». Авторы – А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых.

И отдельно отметим, что в 2014 году в издательстве «Когито-Центр» вышел первый сборник «Семья, брак и родительство в современной России». Авторами первого сборника выступили специалисты ИП РАН ФПП МПГУ и других научных и исследовательских организаций.

Социально-психологические факторы в исследованиях семьи

Перед рассмотрением основных направлений исследования семьи, необходимо кратко остановиться на социально-психологических факторах, которые оказывают влияние на исследования семьи в современной России. Ранее мы рассмотрели их в предисловии к первой части сборника (Семья, брак..., 2014), поэтому сейчас подчеркнем самые важные и не утратившие актуальности. Первый фактор – включение мировоззренческих позиций в исследования семьи. В целом в науке на ее современном (постнеклассическом) этапе развития повсеместно признается роль личности исследователя в выборе тем, методов и пр. Это также верно и в интерпретации полученных ре-

зультатов. Но в психологии семьи, в силу того, что изучается семья, к которой все люди имеют то или иное отношение, данная тенденция привела к тому, что зачастую исследование становится не инструментом проверки гипотез, а оружием в идеологическом споре. Наличие радикальных изменений в институте семьи признают все, но вот оценки происходящего значительно разнятся. С некоторой долей условности можно выделить два лагеря. Представители первого оценивают происходящие изменения, как кризис семьи и призывают к мерам по укреплению традиционной семьи. Представители второго лагеря утверждают, что происходящие изменения – закономерный ход истории, противостоять которому глупо.

С сожалением приходится констатировать радикализацию взглядов представителей, как первого, так и второго лагерей, которую можно рассматривать в качестве второго фактора. С обеих сторон наблюдается полное нежелание искать рациональное звено во взглядах оппонента. Более того, нередки случаи, когда научная дискуссия принимает крайние формы.

Третий фактор – имплицитный запрет на определенные темы в психологических исследованиях отношений в семье. В первую очередь это относится к исследованиям однополых сожительства. С одной стороны, обращение к данной тематике может вызвать резко негативную реакцию со стороны специалистов, изучающих традиционные темы семьи, вплоть до законодательных запретов. Конечно, возможны исключения, если в исследованиях будет показана «ущербность» таких сожительства. С другой стороны, сами исследования часто делаются не только и не столько с целью выявления психологических особенностей, а сколько с целью осознанной социальной провокации. В таких исследованиях, напротив, в обязательном порядке показывается «состоятельность» и «самодостаточность» однополого сожительства. И тот и другой взгляд вредят научной объективности и сильно обедняют психологию семьи, которой совершенно необходимо реагировать на вызовы современного общества.

В качестве еще одного примера имплицитного запрета на определенные темы в психологических исследованиях приведем исследования детей-сирот, выросших без попечения родителей. В последние годы государство предпринимает большие усилия для помощи детям-сиротам. Принят ряд комплексных мер, направленных на искоренение сиротства, как социального явления. Ведется активная социальная реклама, направленная на устройство детей-сирот в семьи и т. д. В тоже время психологические исследования детей-сирот и замещающих семей, взявших на себя заботу об этих детях, край-

не редки. Все что связано с сиротством остается «запретной» темой, отчасти в силу закрытости учреждений, в которых находятся сироты, отчасти из-за того, что, как представляется, общество и государство не готовы принять результаты подобных исследований.

Четвертый фактор – изменение государственной политики и общественного мнения относительно людей с ограниченными возможностями, и в первую очередь – детей. На государственном уровне реализуется политика, направленная на максимально возможное включение инвалидов в социальную жизнь. Как следствие – исследования семей с инвалидами стали проводиться значительно чаще. И, если раньше подобные исследования были направлены преимущественно на выявление психологических особенностей больных и членов их семей, то современные исследования нацелены на выявление адаптационного потенциала семей, ресурсности и факторов, способствующих полноценной социализации.

Несмотря на влияние указанных факторов на выбор тематики, психологические исследования семьи становятся более разнообразными и массовыми. У исследователей не исчезает интерес к проблемам психологии семьи. В то же время, говорить о психологии семьи как самостоятельной отрасли пока рано, но следует выделить как минимум три основания для выделения направлений исследований в психологии семьи.

Основания для выделения направлений исследований психологии семьи

Первое основание – по предмету исследования внутри семьи. Большинство учебников состоит из однотипных разделов: психология супружества, психология детско-родительских отношений и рассмотрения различных нормативных и ненормативных кризисов. Заложенное в учебниках выделяемое нами основание переходит и исследовательскую практику. Аналогичную ситуацию мы обнаруживаем, заглянув в программы конференций. Основная масса исследований традиционно приходится на два указанных типа отношений (супружеские и детско-родительские), причем лидируют вторые. Так за период с 2010 года по настоящее время в Научной электронной библиотеке (на основании публикаций к которой высчитываются основные библиометрические показатели в России, включая Российский индекс научного цитирования) было размещено 368 статей в названии которых содержится словосочетание «детско-родительские отношения». В то же время словосочетание «супружеские отношения» встречается 80 раз, а словосочетание

«отношения мужа и жены» – ни разу. Не удивительно, что данная тенденция нашла свое отражение и в нашем сборнике. Несмотря на то, что мы старались избегать формирования разделов по предмету исследования, в сборник включены 8 статей, объединенных под названием «Психология и педагогика семейного воспитания» (Раздел VII).

Второе основание – отраслевое. Процессы, происходящие в семье интересны представителям различных отраслей. В первую очередь необходимо отметить социальную психологию. Словосочетание «социальная психология семьи» довольно прочно вошло в научный обиход. В сборнике представлены 10 статей, объединенных в раздел II «Социально-психологические характеристики современной семьи».

Так же по отраслевому основанию собраны 10 статей раздела «Проблемы комплексной диагностики семьи и детско-родительских отношений» (раздел VI). Несмотря на видимый прикладной аспект данного раздела, в статьях ставятся фундаментальные проблемы. В современных исследованиях семьи используется очень ограниченный набор методик, большинство из которых представляют собой опросники, разработанные за рубежом и адаптированные в нашей стране 20–30 и более лет назад, в совершенно других политических, экономических и социальных реалиях. Разработка нового инструментария, основанного на современных теориях и в современных условиях жизни семьи, является актуальной задачей для всей психологии, а не только психологии семьи.

С некоторой долей условности к отраслевому делению можно отнести раздел III «Типология семьи: междисциплинарный подход». Затрагиваемые в статьях вопросы выходят за рамки психологии семьи, общей психологии и в некоторых случаях психологии в целом.

В разделе «Семья в контексте культуры» (Раздел IV) представлены 4 статьи, которые мы так же относим к отраслевым, отдавая себе отчет, что они выходят за рамки этнопсихологии, что и отражено в названии раздела.

Как известно, изучением семьи занимаются специалисты психологии развития и возрастной психологии, психологии личности, патопсихологии. По этой причине статьи представителей всех указанных направлений присутствуют в сборнике, однако размещены по разделам в соответствии с другими основаниями.

К сожалению, использование наукометрических количественных показателей в данном случае затруднено. Мы не можем сказать, в каком из направлений выполнено больше исследований семьи в силу несовершенности инструментов поиска в Научной электронной библиотеке.

Последнее основание для выделения направлений – проблемное. Имеется в виду решение конкретных научных проблем на предметном поле психологии семьи. Именно такое основание для классификации статей нам представляется самым перспективным. Конечно, с одной стороны, мы имеем опасность потерять специфику предмета психологии семьи, но с другой стороны именно рассмотрение актуальных научных проблем подчеркивает значимость семьи, как особой психологической общности.

К проблемно-ориентированным разделам относятся: «Проблемы современной семьи: теория и практика сопровождения» (Раздел I), «Психологические аспекты жизнеспособности семьи» (Раздел V).

Очевидно, что представленное в книге деление носит условный характер. Ряд статей и даже разделов сборника можно отнести к нескольким основаниям.

В итоге в сборнике представлены 47 статей авторов из различных регионов России – ученых из академических и учебных заведений, психологов-практиков из России и Белоруссии. Ряд работ поддержан грантами РГНФ и РФФИ, что также свидетельствует о высокой значимости исследований семьи.

Литература

- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Семья, брак и родительство в современной России / Под. ред. Т. Н. Пушкиревой, М. Н. Швецово́й, К. Б. Зуева. М.: Когито-Центр, 2014.
- Социально-психологические аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире / Отв. ред. В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПРОВОЖДЕНИЯ**

Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда*

А. А. Алдашева, М. Е. Зеленова (Москва)

aigulmama@mail.ru mzelenova@mail.ru

В статье рассматривается профессия «замещающий родитель». Проанализированы теоретические и эмпирические работы, затрагивающие вопросы приемного родительства. Выделены уровни анализа профессиональной успешности кандидатов в замещающие родители, с опорой на которые возможно построение психограммы специалиста данного профиля.

Ключевые слова: *дети-сироты, приемная семья, профессия «замещающий родитель», профессиограмма, психограмма, личностные особенности.*

Проблема сиротства продолжает оставаться одной из сложнейших социальных и научных проблем современного общества. Российский и международный опыт свидетельствуют о наличии разнообразных форм жизнеустройства детей-сирот. Опыт показывает, что каждая из существующих форм семейного жизнеустройства детей-сирот имеет свою целевую группу детей, при этом общим признаком для них является низкий уровень социализации, как результат семейной депривации (Гайсина, 2013; Прихожан, Толстых, 2007; Ослон, 2006; и др.).

В последние десятилетия убеждение в том, что дети-сироты должны воспитываться в семье, стало основой государственных социальных программ, направленных на решение проблемы сиротства. Помещение детей в приемные семьи, где родители имеют необхо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10508а.

димые навыки и опыт ухода за детьми (в том числе детьми-инвалидами), получая фиксированную плату за свою заботу, предполагает разрешение многих проблем, связанных с воспитанием детей-сирот в России (Астахов, 2014). Государство материально и информационно поддерживает создание приемных семей, проводятся конференции, привлекаются негосударственные общественные организации, способствующие развитию института приемной семьи. На практике можно констатировать появление новой социоэкономической профессии – «замещающий родитель», что предполагает вычленение определенных критериев и требований к профессионалам данного профиля, а также необходимость разработки и учреждения системы подготовки будущих приемных родителей как квалифицированных специалистов (Алдашева, 2012; Алдашева, Махнач, 2010; Алдашева, Зеленова, Рунец, 2015).

Профессиональный замещающий родитель предоставляет социальные услуги государству по воспитанию детей-сирот, несет ответственность за жизнь, здоровье и благополучие приемного ребенка. Основным инструментом работы приемного родителя является его личность, а также его знания и умения в сфере воспитания детей и организации семейной среды, ее материальных и психологических ресурсов, взаимодействия с другими социальными группами, государственными институтами. Замещающее родительство можно определить как интегральное психологическое образование личности, включающее совокупность ценностно-смысловых ориентаций родителя, его установок, убеждений и ожиданий, принятие родительской позиции и родительской ответственности, стиля семейного взаимодействия, переживание родительских чувств. Это многогранный социально-психологический феномен, имеющий сложную структуру и являющийся нравственным продуктом, наработанным в ходе жизненного пути. Компетентность замещающего родителя включает готовность и способность профессионального приемного родителя применять знания для принятия эффективных решений по воспитанию приемного ребенка (Алдашева, Иноземцева, 2014).

Приемная семья представляет собой малую социальную группу. Она может рассматриваться как многоуровневая, многокомпонентная система, все подструктуры которой тесно взаимосвязаны и базируются на общности быта, многосторонних личных и социальных взаимоотношениях, взаимной ответственности и взаимопомощи. Создание приемной семьи и успешность ее дальнейшего существования как открытой многокомпонентной системы, находящейся в состоянии подвижного равновесия, является сложным процессом. Устойчивость приемной семьи и ее целостность как системного об-

разования закладывается уже на этапе отбора кандидатов в замещающие родители, определяется множеством факторов и напрямую зависит от успешности адаптационного периода. Как известно, прохождение адаптационного периода, формирование и укрепление внутрисистемных связей позволяет любой системе приобрести новые качества и способность к позитивному поступательному развитию в будущем. В ситуации, когда адаптационные трудности преодолеть не удастся, система утрачивает свою целостность. Она либо распадается, либо начинает функционировать на более низком уровне, приобретая все большее число деструктивных признаков (Ломов, 1996).

Основные проблемы приемного родительства (отбор кандидатов, воспитание и развитие ребенка в замещающей семье, сопровождение приемных семей и т. д.) рассмотрены в работах многих ученых. Анализ исследований, посвященных созданию и функционированию приемных семей, показал многообразие авторских подходов, среди которых можно выделить социально-психологический, мультимодальный, экзистенциально-гуманистический, ресурсный и др. (Котова, 2011; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2014; Куфтяк, 2008; Ослон, 2006; и др.). При этом наблюдается разнонаправленность позиций и акцентирование преимущественно конкретных компонентов и подструктур семьи, что в значительной степени затрудняет понимание специфики деятельности приемного родителя. Отсутствует профессиограмма профессии «замещающий родитель», в которой представлен перечень требований и условий труда приемного родителя, а также базирующаяся на этих требованиях ее составная часть – психограмма, позволяющая получить портрет успешного профессионала с психологических позиций.

Анализ источников с целью выделения профессионально значимых качеств, социально-демографических и психологических характеристик людей, готовых взять на воспитание ребенка-сироту, позволил получить следующие данные. Как правило, приемными родителями желают стать зрелые люди в возрасте 30–45 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование. Что касается семейного статуса, то, по данным одних исследователей, среди кандидатов преобладают семейные пары, более половины которых имеют родных детей; согласно другим, кандидаты – это в основном одинокие женщины (вдовы или разведенные), имеющие своих детей и родительскую семью, в истории которой нередки случаи многодетности и есть факты принятия детей на воспитание. В целом, опираясь на эти данные, можно сказать, что успешность приемного родительства определяется такими социально-демографи-

ческими факторами, как: наличие в семье собственных взрослых детей; наличие собственного родительского опыта; ориентация родителей на выбор детей младшего возраста. Что касается психологических составляющих, то анализ показал, что при отборе кандидатов и формировании замещающих семей необходимо учитывать следующие большие группы переменных: мотивы приема ребенка в семью и ценностные ориентации замещающих родителей; характеристики приемной семьи как малой социальной группы (особенности внутрисемейных взаимоотношений и взаимодействия с ближайшим окружением и социумом). Выявлено также, что успешные и неуспешные приемные родители отличаются рядом личностных особенностей, отношением к ошибкам детей, характером переживания собственного опыта детско-родительских отношений, предпочтением методов воспитания, способами разрешения проблемных ситуаций.

Особый интерес представляют данные, свидетельствующие о возможном появлении негативных последствий в приемных семьях. Именно учет подобных фактов требует тщательного осмысления при создании концептуальной модели профессионала «замещающий родитель» и построении профессиограммы специалиста. Например, установлено, что у кандидатов в замещающие родители, по сравнению с обычными семьями, значимо ниже уровень удовлетворенности разными сферами жизни, кроме того, у них ниже рефлексивность (особенно в сфере профессиональной деятельности). Опрос экспертов показал, что обследованные кандидаты в замещающие родители часто нуждаются в психологической помощи (Котова, 2011). Установлено, что приемные родители характеризуются высокими показателями шкалы «ригидность аффекта» (Махнач, Прихожан, Толстых, 2013). Приемные родители на статистически достоверном уровне чаще отказываются от детей подросткового возраста.

В целом, по результатам эмпирических исследований, замещающий родитель предстает как человек активный, имеющий внутреннюю систему взглядов и убеждений, помогающих ему противостоять стрессам и справляться с жизненными ситуациями. В приемном родительстве он видит либо самоактуализацию себя как родителя, либо альтруистическую помощь ребенку-сироте. В процессе самореализации он предпочитает опираться на эмоциональный опыт, умеет не расстраиваться по пустякам и в любой ситуации способен находить положительные моменты. Кандидаты в приемные родители, у которых присутствует представление о том, что они «хозяева жизни» и способны влиять на нее в соответствии со своими целями

и представлением об осмысленности жизни, обладают способностью идентифицировать эмоции других людей и сопереживать им. Будущие приемные родители оптимистично смотрят на жизнь, стремятся преодолевать возникающие трудности, способны конструктивно решать конфликты и находить выход из сложных ситуаций (Алдашева, Иноземцева, 2014; Николаева, 2013; Николаева, Япарова, 2007; Проблема сиротства..., 2015; и др.)

Проведенное с позиций социальной психологии труда с целью построения концептуальной модели и профессиограммы профессии «замещающий родитель» обобщение эмпирического материала, позволило выделить три уровня анализа.

Первый уровень анализа – приемная семья как воспитательное пространство. На данном уровне учитываются: демографический состав семьи (возраст приемных родителей и членов семьи), тип отношений, сложившийся между супругами, между родителями и кровными детьми, культура общения не только внутри семьи, но и в социуме. Принятие решение о возможности кандидата быть приемным родителем на данном уровне анализа следует оценивать с учетом физических и личностных свойств кандидата. Критерии выбора признаков отбора должны обосновываться с позиции обеспечения не только безопасности ребенка, принятого на воспитание, но и безопасности замещающей семьи в целом. Следует обращать внимание на профессию кандидата. Как показывает практика, замещающее родительство чаще выбирают представители соционимических профессий: педагоги, социальные работники, воспитатели. Перечисленные профессии, по имеющимся в психологии данным, характеризуются высокой степенью риска профессиональной деформации личности, эмоционального и профессионального выгорания (Барabanова, 2011; Водопьянова, Старченкова, 2005; Дикая, 2015; Доценко, 2009; Зеленова, Кабаева, и др.). Учет такого рода информации удовлетворяет требованиям к безопасности воспитательного пространства семьи и контролю за возможными источниками неблагополучия, приводящими не только к отказу от ребенка, но и представляющих опасность для жизни и психологического благополучия как приемного ребенка, так и замещающей семьи в целом.

Второй уровень анализа рисков замещающей семьи предполагает оценку характера материальных и духовных потребностей, навыков распределения средств на удовлетворение этих потребностей семьи (в пище, одежде, предметах быта, образовательных и культурных нуждах). При отборе следует учитывать потребность кандидатов управлять образовательным и культурным развитием, их направ-

ленность на всестороннее развитие приемных детей. Особое внимание на данном уровне анализа следует уделить рентным установкам претендентов. В поле зрения специалистов, привлеченных для отбора приемных родителей, должен быть анализ степени преобладания и устойчивости данной установки в структуре потребностей кандидата, так как недостижение материальных устремлений часто приводит к переживаниям психологического неблагополучия (Эммонс, 2004). При рентной установке приемных родителей, согласно Э. Фромму, ребенок может воспринимать себя как товар, который обладает определенной ценностью на рынке и который можно выгодно продать или обменять (Фромм, 1990).

Третий уровень анализа замещающей семьи – это рассмотрение физического и духовного развития детей. При отборе приемных родителей исследуется потенциал семьи как организатора жизни и деятельности ребенка, установки и направленность на развитие личности ребенка. Здесь важным критерием потенциала приемной семьи выступает мировоззренческая позиция кандидатов, в которой основными признаками являются осознание возлагаемой на себя миссии и понимание всей ответственности за свой выбор. По мнению исследователей (Овчарова, 2006), успешное родительство тесно связано с такими понятиями, как ответственность, готовность и доверие. Работа аспирантки О. В. Рунец, показала, что, по сравнению со специалистами других помогающих профессий, кандидаты в замещающие родители в большей степени склонны к более детальному осмыслению разнообразных жизненных ситуаций и взвешенности принимаемых решений, что свидетельствует о социальной ответственности представителей данной группы (Рунец, 2015).

Подводя итоги, можно сказать, что анализ литературных источников, опыт собственных исследований и работа с кандидатами в замещающие родители явились базисом для разрабатываемого пилотного варианта профессиограммы специалиста-профессионала нового вида социономической профессии «замещающий родитель». Работа над концептуальной моделью продолжается в рамках проекта РГНФ. Особое внимание направлено на разработку психогаммы, позволяющей получить портрет успешного профессионала в терминах психологии труда.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 3–18.

- Алдашева А. А. Профессиональная компетентность: понятие и структура // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2012. № 4 (109). С. 121–128.
- Алдашева А. А., Махнач А. В. Социально-психологические предпосылки изучения профессии «приемный родитель» // Социальная психология труда. Теория и практика. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. Т. 2. С. 232–251.
- Алдашева А. А., Иноземцева В. Е. Опыт психологической подготовки к деятельности замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 194–212.
- Алдашева А. А., Зеленова М. Е., Рунец О. В. Профессиональная компетентность замещающих родителей как фактор психологической безопасности приемных детей // 7-я Российская конференция по экологической психологии: Тезисы / Отв. ред. М. О. Мдивани. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 17–20.
- Астахов П. России нужны профессиональные приемные семьи: Интервью каналу LifeNews. URL: <http://lifenews.ru/news/147986> (дата обращения 10.10.2015).
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005.
- Гайсина Г. И. Семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: российский и зарубежный опыт. М.: РГНФ, 2013.
- Дикая Л. Г. Профессиональное выгорание и безопасность труда в социально-ориентированных профессиях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 43–53.
- Доценко О. В. Эмоциональная направленность как личностная детерминанта выгорания у представителей социэкономических профессий // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 509–534.
- Зеленова М. Е., Кабаева В. М., Барабанова В. В. Уровень жизнестойкости, Я-концепция и профессиональное здоровье учителей // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 40–53.
- Котова Т. Е. Социально-психологические и личностные характеристики готовности к замещающему родительству: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2011.

- Куфтяк Е. В., Тихонова И. В.* Приемная семья: особенности подбора и адаптации: Методическое пособие для специалистов служб сопровождения семьи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
- Николаева Е. И.* Психология семьи: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2013.
- Николаева Е. И., Япарова О. Г.* Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 37–43.
- Овчарова Р. В.* Родительство как психологический феномен: Учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.
- Ослон Н. В.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психология сиротства. М.: Питер, 2007.
- Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви. М.: Педагогика, 1990.
- Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004.

Оценка эффективности системной семейной психотерапии

Т. В. Алексеенко (Москва)

atv-psy@mail.ru

В статье обсуждаются проблемы и задачи оценки эффективности психотерапии, анализируются общие для различных психотерапевтических подходов компоненты и механизмы психотерапевтического воздействия – эмоциональная поддержка, инсайт, обратная связь и др. – с точки зрения их лечебного действия на разных этапах психотерапевтического процесса. Рассматриваются на примере практических случаев такие критерии оценки эффективности системной семейной терапии, как уменьшение симптоматики и удовлетворение явного и скрытого запросов.

Ключевые слова: *эффективность психотерапии, системная семейная психотерапия, работа с симптомом, явный запрос, скрытый запрос, изменения в семейной системе.*

С тех пор как в начале 50-х годов прошлого века Г. Айзенк «бросил вызов» практикующим психотерапевтам, эмпирически доказав, что по своим результатам психотерапия не эффективнее пребывания больных в психиатрических лечебницах без получения ими систематической психотерапии (Лаутербах, 1995; Карвасарский, 2002; Александров, 2009), в науке активно обсуждается вопрос оценки эффективности последней. Исследуются результаты работы психотерапевтов всех существующих школ и направлений, выделяются критерии оценки эффективности, выдвигаются требования, которые должны обеспечить научную обоснованность и объективность таких критериев.

Опубликованные в 1994 г. результаты мета-анализа исследований эффективности психотерапии, проведенного К. Граве с соавто-

рами, поразили научный мир своей фундаментальностью, качеством и количеством исследованных работ. Из 3500 опубликованных за 30 лет (до 1984 г.) исследований психотерапии они отобрали 897 исследований психотерапии взрослых пациентов, проводимой различными методами и соответствовавших требованиям научного анализа, основанными на разных теоретических подходах, а также 41 исследование (до 1991 г.), в которых проводился сравнительный анализ эффективности разных видов психотерапии (Лаутербах, 1995; Александров, 2009).

Из выводов, сделанных К. Граве с сотрудниками относительно научно обоснованной эффективности когнитивно-поведенческого, гуманистического, психодинамического, психоаналитического, интерперсонального и других видов психотерапии, следует, что различия большинства ведущих направлений психотерапии гораздо меньше выражены, чем этого можно ожидать. Сравнительные исследования более позднего времени также показали, что психотерапевтическая эффективность разных подходов приблизительно одинакова (Калмыкова, Кэхеле, 2000).

Статистическое сопоставление таких видов психотерапии, как разговорная психотерапия по К. Роджерсу, психоанализ, семейная (системная и поведенческая) психотерапия и поведенческая терапия, проведенное Л. Граве с соавторами позволили сделать следующий вывод. Раскрывающие методы, помогающие клиенту ответить на вопросы, почему и как возникла проблема, по степени эффективности (силе эффекта) существенно «проигрывают» поддерживающим методам – методам семейной и когнитивно-поведенческой психотерапии, помогающим преодолевать жизненные проблемы клиента (Лаутербах, 1995). Ответ на вопрос «почему?» способствует лучшему пониманию клиентом самого себя (своих мотивов, потребностей, ценностей, своего поведения) и может стать действенной психотерапией для интеллектуального, образованного, успешного клиента с мало выраженной симптоматикой. Ответ на вопрос «зачем?» – ключевой в системной семейной терапии – открывает путь оказания помощи клиенту в преодолении проблемы, а, как отмечает В. Лаутербах, «большинству пациентов нужна помощь в преодолении своих проблем, а не в обнаружении скрытых мотивов» (Лаутербах, 1995, с. 41).

При доказанной равнозначности выраженности эффекта основных психотерапевтических направлений для каждого из теоретически обоснованных методов психотерапии выявляется симптоматика или заболевания клиента, в терапии которых этот метод является эффективным. Однако большинство психотерапевтических школ

претендует на лечение не определенных патологических состояний, эффективность психотерапии которых собственными методами продемонстрировало и доказало, а претендует на компетентность в терапии большинства патопсихологических и социально-психологических «диагнозов» пациента. На практике мы сталкиваемся с ситуацией, когда клиент попадает к психотерапевту той или иной направленности в большей степени «волей случая». Эта претензия катализирует процесс поиска *общих факторов психотерапии*, детерминирующих улучшение состояния пациента (клиента), а также способствует процессам *интеграции* психотерапевтических методов, имеющих в своей основе различные теоретические позиции.

В дискуссии по вопросу разработки критериев эффективной психотерапии авторы выдвигают ряд условий, которым эти критерии должны удовлетворять. Многие исследователи сходятся во мнении, что они должны достаточно полно характеризовать наступившие у клиента изменения не только непосредственно к концу терапии, но и пролонгированно – в анамнезе в трех сферах: соматической, психологической и социальной. Оценка эта должна производиться как с объективной позиции – желательно сторонним исследователем, а не самим психотерапевтом, так и с субъективной – самим пациентом (Карвасарский, 2002).

Наблюдаемые в последние десятилетия процессы интеграции в психотерапии ставят и задачу дополнительного анализа *факторов лечебного действия психотерапии*, анализа механизмов, с помощью которых психотерапевт добивается желаемых изменений в мышлении и поведении пациента. Эти категории описываются авторами по-разному – в соответствии с используемым теоретическим подходом и особенностями применения форм психотерапии (индивидуальной, групповой, семейной). А. А. Александров предлагает содержательную сборную классификацию, составленную на основе взглядов таких авторов, как Р. Корзини и Б. Розенберг, И. Ялом, С. Кратохвил (Александров, 1997). Представим данную классификацию в виде таблицы (см. таблицу 1).

За основу взято отнесение Р. Корзини девяти факторов лечебного действия психотерапии, описываемых им как наиболее важных при групповой психотерапии, к трем сферам – когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Как отмечал Р. Корзини, когнитивные факторы лечебного действия психотерапии сводятся к древней как мир заповеди «познай себя», эмоциональные – к «люби ближнего своего», поведенческие – к «делай добро» (Александров, 1997).

При описании факторов лечебного действия приводится альтернативная терминология, используемая другими авторами при опи-

сании схожих феноменов. Например, такой механизм, как перенос, основанный на эмоциональных связях между пациентом и психотерапевтом или между участниками психотерапевтической группы, близок по своим сущностным характеристикам к понятию «коррективный эмоциональный опыт» Ф. Александра, и к понятию «коррективное повторение первичной семьи» И. Ялома. Мы не смогли не добавить к выделяемым Р. Корзини факторам основанный на эмоциональном отреагировании «катарсис» как один из важнейших факторов, выделяемый И. Яломом и другими авторами.

В представленной таблице мы попытались отразить и некоторое соотнесение факторов лечебного действия. Так, «инсайт», относясь к когнитивному научению, вместе с эмоциональным коррективным опытом и опытом нового поведения объединяется И. Яломом в категорию интерперсонального научения (Александров, 1997). Мы взяли на себя смелость предположить, что факторы «представления информации», «эмоционального отреагирования» и «обратной связи» посредством запуска соответствующих им механизмов позволяют достичь в психотерапии изменений неадекватного поведения, названных И. Яломом «первым витком адаптационной спирали», которая зарождается внутри психотерапии, а потом выходит за ее пределы. Рассматриваемые с позиции соотнесения с динамикой психотерапевтического процесса факторы «универсальности», «эмоциональной поддержки» – «альтруизма» и «самораскрытия» могут выступать в качестве основы построения психотерапевтической системы (в терминологии системной психотерапии), имея свое особое значение на начальном этапе терапии.

Представленная попытка расширить анализ факторов и механизмов терапевтического процесса, ведущих клиента к изменениям, целиком соотносится с гипотезой о том, что «различные терапии включают в себя определенные общие для всех компоненты, оказывающие лечебное воздействие, хотя и не занимают центрального места в присущем данной школе теоретическом обосновании психотерапевтического изменения» (Александров, 2009, с. 33). Однако выделение критериев оценки эффективности каждого из направлений психотерапии исходит из особенностей подходов психотерапевтических школ к цели и задачам этого процесса, а также из трактовки понятия «симптом» и часто связанного с ним понятия «запрос» на терапию.

Как отмечает А. В. Черников, существующие различия в определении цели семейной психотерапии практиков разных направлений не мешает им прийти к согласию по поводу минимальной задачи терапии, определяемой как «решение представленных се-

Таблица 1
Факторы лечебного действия психотерапии
(классификация на основе Р. Корзини, Б. Розенберга, И. Ялома, С. Крагохвила)

Сферы направленности механизмов изменений		
когнитивная	эмоциональная	Поведенческая
<p>«Универсальность» («чувство общности»: осознание пациентом универсальности его проблем, того, что он не одинок в своих страданиях»</p> <p>«Представление информации» («обучение поведению»: пациент учится, наблюдая и познавая закономерности человеческих отношений, может взглянуть на одни и те же вещи с разных сторон»</p> <p>«Осознание» («инсайт»): осознание пациентом неосознаваемых прежде связей между особенностями своей личности и коренящихся в далеком прошлом причин с неадаптивными способами его поведения»</p>	<p>«Эмоциональная поддержка» («принятие», «акцептация», «фактор сплоченности», «внушение надежды»): создание климата психологической безопасности»</p> <p>«Альтруизм»: ощущение своей необходимости и полезности для остальных»</p> <p>«Эмоциональное отреагирование» («катарсис»): сильное проявление аффектов создает основу или предпосылки для изменений»</p> <p>«Перенос» («коррективный эмоциональный опыт», «коррективное повторение первичной семьи»): благодаря интенсивному переживанию актуальных отношений и ситуаций происходит коррекция неправильного обобщения»</p>	<p>«Самораскрытие» («самоэксплорация», «окно Джогары», «самораздевание»): в процессе психотерапии стимулируется откровенность, пациент раскрывает себя, проявляя скрытые мысли, желания, переживания»</p> <p>«Интеракция» («обратная связь», «конфронтация»): на основе дифференцированной обратной связи пациент может научиться дифференцировать свое поведение»</p> <p>«Проверка реальности» («проверка нового поведения», «обучение новым способам поведения», «адаптационная спираль», «имитирующее поведение», «моделирование»): обучение новым способам поведения»</p>
«Познай себя»	«Люби ближнего своего»	«Делай добро»

мейных проблем и облегчение симптомов без возникновения новых симптомов у каких-либо членов семьи» (Guerin, 1976, цит. по: Черников, 2001, с. 93).

Пример. *За помощью обратилась семья из трех человек: папа, мама и дочь 11 лет (носитель симптома). Симптом – утренняя тошнота, рвота, появляется в момент сборов в школу. Симптом отсутствует во второй половине дня и в выходные. Обследования у гастроэнтерологов и педиатров показали, что девочка здорова и нет никаких соматических причин для таких ее болезненных состояний. Родители сделали вывод, что это «точно психосоматика», и с таким запросом пришли к психологу. На сессии при исследовании проблемы выявилось циркулярное взаимодействие членов семьи, включающее симптом. Утром, с момента появления «болезненного состояния» дочери и до «4–5-го урока» (примерно с 8 до 12 часов), мама настойчиво «решает проблему», стараясь привести физическое состояние дочери к удовлетворительному и «отправить дочь в школу». Это вызывает у мамы сильное раздражение. Особенно в те дни, когда ей необходимо идти на работу в офис. Из-за этих проблем она перенесла всю возможную работу домой, а при необходимости выехать на работу ей приходится «вызывать» мужа, отрывая того от его работы. В этих случаях папа «сменяет на посту» маму, продолжая (более спокойно) попытки приведения дочери в «рабочее состояние». К 12 часам родители понимают, что в школу дочери идти уже бессмысленно. Все успокаиваются. Состояние дочери нормализуется, она способна даже обедать, после чего мама с дочерью до вечера «делают уроки». До следующего утра дочь чувствует себя великолепно. Вечером мама вынуждена еще выполнять свою работу. Папа, придя с работы, «помогает по хозяйству» и проводит время с дочерью. «После отбоя» дочери у родителей «нет сил ни на что».*

Из выявленных особенностей структурных параметров этой семьи стоит упомянуть размытость границ супружеской и детской подсистем и перевернутую иерархию. Раскрыв символический смысл симптома для этой семьи (в том числе через дразнилки девочки одноклассниками на тему токсикоза при беременности и «от чего наступает беременность»), выйдя в сферу отношений в супружеской подсистеме, психотерапия семьи подошла к связи между «психосоматикой» дочери и проблемами интимных отношений супругов. Поскольку супруги приняли решение «сделать еще один шаг» в терапии, психотерапевт «отправил девочку за дверь», тем самым воздействуя на границы подсистем семьи и существующую иерархию.

С родителями был заключен контракт на следующую встречу по запросу относительно супружеского взаимодействия. Когда девочку вернули в комнату, семье было дано домашнее задание: до следующей встречи с психотерапевтом родителям – утром дочь не будить, в школу не отправлять («она все равно там практически не бывает»), дочери – делать уроки дома в полном объеме, как обычно. Взрослым было дано еще одно задание на укрепление супружеской подсистемы, втайне от дочери (главным была форма подачи – «у взрослых есть свои тайны»).

Накануне назначенной встречи позвонил папа и сообщил, что они не смогут прийти из-за болезни жены и что первое задание они не выполнили, поскольку дочь на следующий день после встречи с терапевтом утром встала сама, собралась и ушла в школу. И за прошедшие 6 дней на приступы тошноты не жаловалась. Встречу супругов перенесли. Однако и на нее супруги не пришли: позвонила мама и радостным, уверенным тоном сообщила, что с девочкой с «того дня все замечательно», уже скоро месяц как ходит в школу, без проблем; в связи с этим мама «вернулась в работу» и у нее столько дел, что совсем нет времени выбраться на психотерапию; о задании «для взрослых» они сначала забыли, а теперь «как-то некогда».

М. А. Бебчук и Е. А. Рихмаер предлагают все многообразие существующих психотерапевтических подходов классифицировать, по признаку единицы психокоррекционного воздействия на подходы, ориентированные на симптом (проблему), на личность, на систему (семью, группу, организацию). С точки зрения первого подхода, в котором ставится задача воздействия на симптоматическое поведение и результатом психотерапии является избавление от симптома, рассмотренный случай является примером эффективной психотерапии. Но давайте посмотрим с другой позиции – с точки зрения системной терапии. Основной единицей психотерапевтического воздействия тогда будет выступать семья, а основной задачей – изменение особенностей ее коммуникативных и структурных параметров и *переход семейной системы на иной, более функциональный уровень жизни*. И с этой точки зрения, избавление от симптома дочери не позволяет нам уверенно говорить об эффективности проведенной работы. Семья «заменяла» один симптом другим: похоже, что мама стала «трудоголиком», чтобы супруги и дальше «не имели возможности» решать назревшую в супружеской подсистеме проблему. Закон гомеостаза пока «победил» закон развития системы и в дальнейшем вполне вероятно появление новых стабилизаторов в этой семейной системе.

Вопрос о *непосредственных и долгосрочных эффектах психотерапии* в системной семейной терапии может звучать, согласно метафоре Ф. Кливера «Семейная пара, живущая в доме с трещинами в стене, может их оштукатурить и оклеить обоями, что даст краткосрочное решение проблемы. Пара может выбрать другое направление и, прежде всего, укрепить фундамент, чтобы стены не трескались; это – более надежный подход с долговременным результатом» (Кливер, 2005, с. 338).

Системная теория изменений говорит об изменениях первого (*адаптация*), второго (*метаадаптация*) и третьего (*сдвиги в самовосприятии системы*) порядка (Черников, 2001). Адаптация не затрагивает структуру и основные правила функционирования системы и, если проблема серьезная, она не приводит к возвращению нормального функционирования семьи. Метаадаптация предполагает изменение организационных основ системы, происходит реструктурирование семьи, что, в свою очередь, приводит к желаемому результату в психотерапии. Сдвиги в самовосприятии системы, в том числе своей способности к изменениям, безусловно, помогают семейной системе обрести (восстановить) свою функциональность, перейти на следующую фазу развития, эффективно решать стоящие перед ней задачи.

Пример. *На прием к семейным психотерапевтам (работающим в котерапии) пришла семья – мама, папа и дочь 15 лет. Два года родители «боролись» с проблемным поведением дочери – проведением ею времени в «дурной компании» подростков. «Что только ни делали», «к кому только не обращались за помощью» (к слову, на прием к психотерапевту семья собиралась прийти около года), ничего не помогало: дочь оставляла компанию на неделю, не больше, а потом «все возвращалось». Пару месяцев назад девушка приняла решение окончательно разорвать отношения с этой компанией и до сих пор «держится: проводит вечера дома, снова послушная, хозяйственная, замечательная дочь, даже стала сама зарабатывать на свои карманные деньги – водит соседскую девочку в художественную школу». На вопрос, для чего в такой ситуации семья пришла к психологам, родители ответили: «понять, почему было так, как было, чтобы больше не допустить возвращения дочери в ту дурную компанию».*

Для удовлетворения такого запроса семье был предложен контракт на две встречи. При помощи техник системной семейной психотерапии (циркулярного интервью, скульптуры семьи, волшебных вопросов и др.) психотерапевты подвели членов семьи к осознанию связи

между привычно дистантными отношениями родителей и проблемным поведением дочери, которое сближало родителей, вынужденных вдвоем спасти дочь. Стала ясна циркулярная последовательность и ключевые события, запускающие проблемное поведение. Предъявленный семьей запрос был удовлетворен.

Оценивая проведенную работу, котерапевты разошлись во мнениях: один считал ее вполне эффективной, другому мешало «смутное чувство тревоги», проанализировав которое он пришел к выводу, что в работе был упущен важный момент – котерапевты так и не выявили скрытый запрос семьи, формулирование и удовлетворение которого обычно ведет к повышению функциональности семейной системы. Волей случая этот момент проявился буквально на следующий день. Живя в одном районе с семьей клиентов, психолог увидел в одном из дворов компанию подростков, курящих и распивающих алкогольные коктейли, среди них – ту самую девушку. Скрытый запрос зазвучал следующим образом: «Верните нам наш симптом!»

Именно исчезновение симптома, стабилизовавшего последние годы семейную систему, испытывающую трудности при переходе к следующей стадии своего жизненного цикла, трудности в решении задачи сепарации повзрослевшей дочери, привело эту семью к специалистам. Поняв, «как это работало», семья получила возможность «вернуть все, как было», восстановить status quo.

Подводя итоги представленного анализа частных вопросов проблемы эффективности психотерапии, мы можем представить следующие *выводы*.

1. Наблюдаемые в последние десятилетия процессы интеграции в психотерапии ставят задачу дополнительного анализа факторов лечебного действия психотерапии и анализа механизмов, с помощью которых психотерапевт добивается желаемых изменений в мышлении, поведении клиента. Некоторым подтверждением гипотезы о том, что различные психотерапевтические подходы включают в себя определенные общие для всех компоненты, оказывающие лечебное воздействие, служит сопоставительный анализ когнитивных, эмоциональных и поведенческих факторов, выделяемых этими подходами, и соотнесение их с этапами психотерапии.
2. Факторы лечебного воздействия «универсальность», «эмоциональная поддержка» – «альтруизм», «самораскрытие», могут выступать в качестве основы построения психотерапевтической системы, имея особый вес и значение на начальном этапе психотерапии. Факторы «представление информации», «катарсис» и «обратная связь» позволяют достичь в психотерапии первич-

ных изменений основ организации семейной системы, ее переструктурирования, как основной задачи следующего этапа психотерапевтического процесса. На завершающем этапе психотерапии особый статус приобретают факторы «осознание», «коррективный опыт», «проверка нового поведения», приводящие к изменениям в самовосприятии системы и создающие условия для долгосрочного психотерапевтического эффекта.

3. Общая теория систем, обогатив теорию и практику психотерапии, одновременно подняла планку для психотерапии в вопросах ее целей, задач, критериев оценки ее эффективности. Одним из решающих в психотерапии становится вопрос: зачем у пациента как члена семейной появляется и закрепляется в поведении конкретный симптом.

Литература

- Александров А. А. Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009.
- Александров А. А. Современная психотерапия: Курс лекций. СПб.: Академический проект, 1997.
- Бибчук М. А., Рихмаер А. Е. Симптом. Личность. Система. URL: http://www.familyland.ru/library/sciencearticle/sciencearticle_66.html?template=26 (дата обращения 12.10.2015).
- Калмыкова Е. С., Кэхеле Х. Психотерапия за рубежом: история и современное состояние (краткий обзор) // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 88–99.
- Кливер Ф. Слияние и дифференциация в браке // Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика / Под ред. К. Бейкер, А. Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2005. С. 305–338.
- Лаутербах В. Эффективность психотерапии: критерии и результаты оценки // Психотерапия: От теории к практике: Материалы I съезда Российской психотерапевтической ассоциации. СПб.: Изд-во Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 1995. С. 28–41.
- Психотерапия: Учебник. 2-е изд. / Под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2002.
- Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

Актуализация субъектного потенциала родителя во взаимодействии с ребенком*

А. Д. Андреева, Л. А. Бегунова (Москва)

alladamirovna@yandex.ru lab6510@list.ru

В статье представлен анализ субъект-объектных и субъект-субъектных коммуникаций в детско-родительских отношениях на примере частного случая психотерапевтической работы с родителем. Показано, что формирование объектного типа взаимодействия с ребенком, когда детско-родительские отношения направлены на подчинение родителю, на игнорирование внутреннего мира детей, что связано с повторением родителем семейного сценария, его личностной незрелостью и дисфункцией родительской ответственности. В ходе психотерапевтической актуализации субъектного потенциала родителя скорректирован тип взаимодействия родителя с ребенком, усвоенный первым в его родительской семье. Поставлена проблема диагностики уровня субъект-объектности в детско-родительских отношениях и актуализации потенциальных ресурсов субъект-субъектного типа взаимодействия в семье. Обсуждается феномен родительской ответственности, способствующей развитию личности ребенка и стимулирующей достижение им более высоких результатов.

Ключевые слова: *родительская ответственность, дисфункциональная семья, детско-родительские отношения, образ семьи, субъект-объектный тип взаимодействия, субъект-субъектный тип взаимодействия.*

Развитие субъектной парадигмы в постнеклассической психологии представлено системно-субъектным подходом и психологией человеческого бытия, которые естественным образом связаны с пси-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00685.

хологией развития и психологией семьи (Сергиенко, 2008, 2011; Знаков, 2013; и др.). На современном этапе в социальной и клинической психологии семьи существует множество теоретически разнородных подходов к объяснению механизмов функционирования семьи как системы, раскрывающих особенности супружеских и детско-родительских отношений, причины семейных конфликтов и разводов (Варга, 2001; Лидерс, 2007, 2011; Никольская, 2015; Эйдемиллер, 2003; и др.).

Эволюционный подход предполагает развитие субъектности с самых ранних этапов психического развития человека. Е. А. Сергиенко подчеркивает, ссылаясь на труды А. В. Брушлинского, что раскрытие природы целостности субъекта указывает «на неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека, начиная с пренатальной стадии, когда появляются самые первые, простейшие психические явления у еще не родившегося младенца» (Сергиенко, 2002). В ряде исследований представлены данные о зарождающейся субъектности детей, их способности организовывать психологические ресурсы для достижения цели, и подчеркивается роль средовых факторов, среди которых особенности родительского отношения влияют на скорость и траектории развития контроля поведения (Виленская, 2008; Сергиенко, 2013).

В. В. Знаков определяет предмет психологии бытия как «смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру» (Знаков, 2013). Приоритетным здесь становится изучение целостных единиц событий, «в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире» (Знаков, 2013). Системное отношение субъекта психической активности (человека или другого существа) и окружающей среды, представляющей ее субъекты, является методологическим основанием экпсихологического подхода к развитию психики (Панов, 2014). В рамках системно-субъектного подхода субъект-субъектная или субъект-объектная коммуникация представляют коммуникативную функцию субъекта (Сергиенко, 2011, 2012). В. В. Знаков, раскрывая понятия субъект-объектных и субъект-субъектных коммуникаций, рассматривает их в связи с выраженностью маскулинных и фемининных признаков человека и макиавеллизмом. Люди с выраженными маскулинными качествами склонны к субъект-объектному типу коммуникаций, т. е. они чаще интерпретируют слова других людей «как проявление излишней опеки над собой, стремление командовать, манипулировать», подозревают, «что другие люди обращаются с ним/ней не как с равноправной личностью, субъектом познания и общения, а как с «вещью», объектом, не имеющим

своего внутреннего мира, который следует принимать во внимание и уважать». При выраженности фемининных признаков люди ориентированы на диалогическое общение, которое «включает убеждение человека в том, что, если собеседник что-то говорит, то он обращается к нему как равноправному партнеру, подлинному субъекту общения», т. е. преобладает субъект-субъектный тип коммуникации. Люди с высоким значением показателя макиавеллизма больше склонны понимать высказывания по субъект-объектному типу, а с низким значением – по субъект-субъектному (Знаков, 2002). В. И. Панов выделяет три типа экопсихологического субъектного и объектного взаимодействия, где за субъектность принимается активность (инициативность), а за объектность – реактивность (формальность) взаимодействия: 1) объектно-объектное, т. е. формальное общение; 2) объектно-субъектное или субъект-объектное, когда лидер в позиции субъекта подчиняет себе объект; 3) субъект-субъектное, когда обе стороны активно взаимодействуют друг с другом (Панов, 2011). Таким образом, в зависимости от разных ситуаций, в которых оказывается человек, может меняться его тип взаимодействия с окружающими, однако существуют личностные предпосылки к преобладающему типу взаимодействия субъект-объектному и субъект-субъектному (Знаков, 2002).

Семейная среда рассматривается как многомерное социальное образование (Панов, 2011). Исследование особенностей модели семьи как социального института и как генетически первичной среды воспитания ребенка необходимо для определения направлений психологической поддержки (Вовчик-Блакытна, 2012). Исследования семейной среды в качестве основы для развития и реализации регуляции поведения, проведенные с позиций системно-субъективного подхода, подчеркивают значение повседневного взаимодействия между родителями и детьми, в них обращается «внимание на родительскую ответственность за собственное поведение, самоорганизацию, саморегуляцию, которые могут являться основой для адаптации и жизненной уверенности их детей» (Ковалева, 2012). Фактором риска личностного развития ребенка и его субъектности может выступить переживание чувства эмоциональной отчужденности родителей, а также любое воздействие на него со стороны воспитателя, когда ребенок выступает в качестве объекта каких бы то ни было психологических воздействий: например, перфекционистских (Андреева, 2015), т. е. взаимодействие ребенка и среды осуществляется в субъект-объектном типе или, по определению Е. О. Смирновой, предметном (Смирнова, 2010). Поэтому остаются актуальными исследования возможности снижения дан-

ного фактора риска, т. е. объектного типа родительского отношения к ребенку.

С этой целью предпринято эмпирическое исследование психологической коррекции объектного типа родительского воздействия. В качестве *объекта* исследования, осуществленного в формате работы со случаем, выступила семейная история Татьяны Г., 32-х лет, матери 12-летнего сына. *Предмет* исследования – актуализация в ходе консультативной сессии потенциальных ресурсов субъектности родительско-детского взаимодействия. *Гипотеза исследования* – представляется возможным, используя определенную технику психологического консультирования, сформировать субъектный тип отношения к ребенку у родителя, находящегося с этим ребенком преимущественно в объектном взаимодействии.

Консультации Татьяны Г. проходили в рамках системного подхода семейной психотерапии с использованием следующих методов: беседа, опросники «Родительский перфекционизм», «Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири»; генограмма, семейная социограмма; рисуночные тесты (Андреева, 2015; Варга, 2001; Венгер, 2001; Лидерс, 2007; Никольская, 2010; Собчик, 1990).

В результате психологического обследования Татьяны Г. были выявлены симптомы дисфункциональной (неэкологичной) семейной среды, в которой воспитывалась клиентка. Ниже представлены часть этих симптомов (условий среды), в которых росла девочка, и показано, как эти симптомы трансформировались в ее взрослой жизни:

- а) *Родительская семья Татьяны Г.*: 1) По семейной легенде, до заключения родителями брака тетка отца («к ней все ездили на поклон») дала согласие на свадьбу с условием, что ей отдадут на воспитание первого родившегося ребенка. На момент рождения Татьяны Г. тетка умерла, а девочка из-за «бытовых проблем» была отдана на проживание родителям матери, у которых она жила до семи лет. Вместе с родителями всегда жила ее младшая на год сестра; 2) Супружеские отношения родителей были конфликтными, после окончания Татьяной Г. средней школы родители развелись; мать повторно удачно вышла замуж, а у отца отношения не сложились, и он ведет маргинальный образ жизни. Супружеские отношения бабушки и дедушки, у которых до семи лет проживала клиентка, также были и остаются конфликтными; 3) Проживая с бабушкой и дедушкой, Татьяна Г. неоднократно слышала разговоры о том, что если бы они с сестрой были мальчиками, то родители жили бы дружно. В семье детей одевали в одежду стиля «unisex».

- б) *Собственная семья Татьяны Г.*: 1) двенадцатилетний сын клиентки с годовалого возраста постоянно проживает с отцом. Через два месяца после рождения ребенка Татьяна Г. устроилась на работу и бросила институт; за сыном стал ухаживать муж, продолжавший учебу в мединституте. Уходя от мужа, когда ребенку исполнился год, Татьяна Г. забрала мальчика, но практически сразу «отдала» отцу, мотивировав это тем, что отец ребенка – врач и он лучше, чем она, помогал мальчику во время приступов астмы; 2) Примерно два раза в месяц Татьяна Г. забирала сына на выходные и ездит с ним в загородный дом к бабушке и дедушке, у которых она жила до семи лет. Часто оставляет его с ними, с прабабушкой и прадедушкой мальчик проводит летние каникулы. К моменту обследования Татьяна Г. старалась ограничивать общение мальчика с прабабушкой и прадедушкой, так как услышала от них «упреки» в адрес мальчика в том, что он очень «похож на девочку, занимается танцами и посещает художественную школу»; 3) У Татьяны Г. успешно сложилась карьера; после 25 лет она увлеклась тяжелой атлетикой и борьбой, стала мастером спорта. После расставания с мужем у нее были устойчивые отношения с тремя мужчинами. Татьяна Г. рассказывала, что хотела бы родить второго ребенка и воспитывать его «как все», но постоянно проживать с сыном не хочет, несмотря на то, что перестала «бояться» его приступов астмы, рецидивы которых связан у мальчика с ее домашними питомцами (попугаями).

Таким образом, в семье Татьяны Г. прослеживается: 1) повторение сценария, созданного, согласно семейному мифу, еще до ее рождения: проживание ребенка отдельно от матери; нарушение эмоционального контакта между матерью и ребенком; 2) нарушение половой идентификации и ролевого поведения Татьяны Г. (идентификация с маргинальной ролью отца), выраженные черты маскулинности и макиавеллизма, поощряемые в семье бабушки и дедушки; опасения по поводу нарушений в поло-ролевом поведении сына; 3) стремление компенсировать родительскую ответственность, «отыграть» роль матери рождением второго ребенка.

По результатам диагностики типов межличностных отношений (тест Т. Лири) получены низкие показатели по шкале «подчиняемость» (3 балла), умеренные показатели агрессивности (6 б.), подозрительности (8 б.), зависимости (7), дружелюбия (8) и альтруистичности (7), высокий показатель авторитарности (11) и экстремальный показатель эгоистичности (13). Таким образом, для Татьяны Г. характерен властно-лидирующий и независимо-доминирующий

типы межличностных отношений, что дает основание считать ее склонной к установлению субъект-объектного типа взаимодействия (Мусликова, Карпушина, 2011). По результатам опросника «Родительский перфекционизм», получен средний показатель уровня родительского перфекционизма – 8 баллов, т. е. Татьяна Г., несмотря на доминантность и эгоизм, склонность строить «объектные», подчиняющие себе отношения с окружающими, в общении с ребенком старается проявлять «конструктивный перфекционизм», способствующий развитию ребенка. Она стремится к «субъектному» взаимодействию с сыном, которое стимулировало бы его к достижению более высоких результатов, но не приводило бы к негативным психологическим переживаниям (Андреева, 2015). Однако в реальности отношения Татьяны Г. с 12-летним сыном дисфункциональны, что связано со средой, в которой она росла. Но, несмотря на нарушения в отношениях между матерью и сыном, нежеланием Татьяны Г. принимать на себя функции родительской ответственности, «идеальный» образ семьи у нее связан с присутствием сына. По методике «Семейная социограмма» (Никольская, 2010), в «идеальной семье» Татьяны Г. нарисовала на первом плане себя вдвоем с сыном, а затем в отдалении «предполагаемых» мужа со вторым ребенком и подчеркнула, что на данный момент ей наиболее комфортно, когда она вдвоем с сыном. Потенциально испытываемая стремится к «субъектному» взаимодействию с сыном, не вызывающему у ребенка негативных психологических переживаний, в реальности же она не способна к такому взаимодействию и остается в границах объектного типа отношений, обусловленных родительской семьей, в которых она росла, усвоив объектный тип родительского воздействия в отношении ребенка. Выявленный конфликт испытываемой явился основанием для психологического коррекционного воздействия.

Наиболее информативным приемом диагностики стала работа с рисунками «Сон, который меня взволновал» и «Сон, который повторяется», где у Татьяны Г. присутствовал сюжет о том, что она держит в руках предмет, который ей не нужен, но она не может выпустить его из рук. Рисуя и проговаривая сон, Татьяна Г. самостоятельно идентифицировала этот предмет с образом сына. Произошло, таким образом, «порождение актуальной психической реальности», в которой общение с сыном приняло межличностный характер. В отношении к ребенку мать осознала, что ее сын так же одинок в семье, как и она в ее детских и взрослых отношениях с родителями. Эта мысль легла в основу переоценки ею жизненных ценностей и появлению «субъект-субъектного» в варианте «субъектно-порождаю-

щего» и возможно «субъектно-совместного» типа взаимодействия между взрослым и ребенком (Панов, 2014).

Таким образом, по результатам анализа случая коррекции субъект-объектной родительской позиции, показана возможность изменения типа взаимодействия родителя, усвоенного им в его родительской семье. Объединение присущих Татьяне Г. маскулинного с феминным типов взаимодействия способствовало снижению эмоционального напряжения в общении с сыном. Коррекционный эффект достигнут благодаря актуализации субъектного потенциала испытуемой. Проблема диагностики актуального уровня субъект-объектности в родительско-детских отношениях нуждается в разработке специализированного инструментария. Выявление потенциала развития субъектности представляется важной задачей для эффективной работы с семьями, создания методик комплексной оценки системных семейных ресурсов и жизнеспособности семьи в русле существующих в отечественной психологии теоретических подходов (Махнач, Постылякова, 2012) и может, в свою очередь, обогатить эмпирический арсенал системно-субъектного подхода.

Литература

- Андреева А. Д.* Перфекционизм современных родителей как дисфункция чувства ответственности // Человек как предмет междисциплинарного гуманитарного познания: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 245–250.
- Варга А. Я.* Системная семейная психотерапия: Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001.
- Венгер А. Л.* Психологическое консультирование и диагностика. Ч. 1–2. М.: Генезис, 2001.
- Виленская Г. А.* Роль взаимодействия с родителями в раннем онтогенезе контроля поведения // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2008. №2 (2). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/component/content/article/16-n2-2/102-vilenskaya2.html> (дата обращения: 28.09.2015).
- Вовчик-Блакытна Е. А.* Одиночество ребенка как маркер неэкологичности семейной среды // 6-ая Российская конференция по экологической психологии: Тезисы. Москва, 25–26 октября 2012 г. / Научн. ред. М. О. Мдивани. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. С. 80–81.
- Знаков В. В.* Субъект-объектные и субъект-субъектные типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология

- индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 144–160.
- Знаков В. В.* Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 29–38.
- Ковалева Ю. В.* Роль семейной среды в становлении регуляции поведения // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 521–528.
- Лидерс А. Г.* Психологическое обследование семьи: Учеб. пособие-практикум для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. 2-е изд., стер. М.: ИЦ «Академия», 2007.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В.* Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
- Минаева О. А., Лидерс А. Г.* Методологические основы представлений о семье // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 71–87.
- Мусликова М. Р., Карпушина Л. В.* Влияние социально-психологических характеристик супругов на уровень удовлетворенности браком // Экопсихологические исследования / Под ред. В. И. Панова. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 221–232.
- Никольская И. М., Пушина В. В.* Семейная социограмма в психологическом консультировании: Учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2010.
- Панов В. И., Капцов А. В.* Экопсихологические типы коммуникативного взаимодействия: социально-психологический аспект. Экопсихологические исследования / Под ред. В. И. Панова. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 221–232.
- Панов В. И.* Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.–СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.
- Сергиенко Е. А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Бушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 270–310.
- Сергиенко Е. А.* Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 16–27.

- Сергиенко Е. А.* Развитие психологии субъекта и субъект развития // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–131.
- Смирнова Е. О., Холмогорова В. М.* Конфликтные дети. М.: Эксмо, 2010.
- Собчик Л. Н.* Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири: Метод. руководство. М.: Московский кадровый центр при Главном управлении по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома. Консультационная фирма, 1990.
- Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия: Учеб. пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2003.

Взаимосвязь характеристик семьи и психологических особенностей ребенка, перенесшего онкологическое заболевание

*Г. Л. Будинайте, И. А. Геронимус, Л. Б. Коган-Лернер,
А. В. Кондрашева, Н. Н. Перевознюк (Москва)*

ltnrb4@gmail.com

Целью исследования явилось изучение психологической адаптации ребенка, перенесшего онкологическое заболевание и находящегося на этапе ремиссии, в контексте особенностей функционирования семьи. В пилотажном эмпирическом исследовании были выявлены взаимосвязи между психологическими особенностями ребенка и эмоциональным состоянием матери ребенка: уровнем агрессивности матери и частотой и значимостью социальной поддержки ребенка, уровнем тревожности матери и степенью тревожности ребенка, уровнем фрустрации матери и познавательной активностью ребенка; а также между психологическими особенностями ребенка и структурной организацией семьи: семейной сплоченностью и частотой социальной поддержки, уровнем адаптации семьи и самооценкой ребенка во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: *хронические соматические заболевания, социально-психологическая адаптация, онкологические больные, психологическая помощь семье, семейная система, структура семейной системы.*

За последние годы накоплен значительный объем данных о психологических и медицинских аспектах хронических заболеваний у детей. Однако преимущественно исследования нацелены на заболевание в острой фазе. Условия благополучной психологической адаптации ребенка, находящегося уже на этапе ремиссии, остаются малоизученными. Очевидно при этом, что процесс социально-пси-

хологической адаптации ребенка, перенесшего онкологическое заболевание, невозможен без учета семьи ребенка и существующих в ней семейных взаимоотношений.

Целью исследования явилось изучение взаимосвязи психологических особенностей ребенка, пережившего онкологическое заболевание и находящегося на этапе ремиссии (его самооценки, эмоционального состояния, восприятия эмоциональной поддержки от других) с особенностями структурной организации его семьи, эмоциональным состоянием матери ребенка.

Выборка

Исследование проводилось с октября 2014 г. по май 2015 г. на базе ЛРНЦ «Русское поле». Выборка состояла из 23 детей (14 мальчиков и 9 девочек) с диагнозами ОЛЛ (общий лимфобластный лейкоз) ($n=21$), лимфома ($n=2$). Возраст детей – от 10 до 16 лет. Средний возраст хронически больных детей – 12 лет. Возраст матерей: от 33 до 50 лет, средний возраст – 41 год.

Методы исследования

Для исследования особенностей структурной организации семьи использовался Шкала семейной гибкости (адаптации) и сплоченности Олсона (FACES-3) (Лидерс, 2008), в которой первый параметр характеризует гибкость реагирования семейной системы при воздействии на нее стрессоров, а второй – степень эмоциональной связи между членами семьи. Для исследования «эмоционального» состояния использовалась методика «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка (Дмитриев, 2010). Эти методики заполнялись матерями детей.

Ребенку предлагались:

- *опросник Г. Айзенка* (Дмитриев, 2010), направленный на изучение психических состояний личности: тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность;
- *шкала социальной поддержки детей и подростков К. Малецки* (Лифинцева, Рязгунова, 2013), который выявляет оценку ребенком частоты и степень важности различных форм социальной поддержки, получаемой им от его социального окружения – родителей, учителей, одноклассников, друзей (Белаконь, Минакова, 2013). Оценка частоты состоит из 6-балльной шкалы Лайкерта – от 1 (никогда) до 6 (всегда). Оценка субъективной значимости состоит из 3-балльной шкалы Лайкерта – от 1 (неважно) до 3 (очень важно);

- шкала оценки своей компетентности С. Хартер (Чернышева, 2012) описывающей оценку ребенком успешности («компетентности», «умелости») в различных сферах его деятельности (в познавательной деятельности (учебе), общении со сверстниками, занятиях спортом, подвижных играх).

Полученные данные обрабатывались методом корреляционного анализа с использованием статистической программы SPSS (22 версия). Для выявления взаимосвязи между параметрическими переменными (показатели по шкалам методик К. Малецки, С. Хартер и Г. Айзенка) использовался коэффициент корреляции Пирсона, для выявления взаимосвязи между непараметрическими переменными (сплоченности и адаптации семейной системы) – коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязи между следующими переменными:

- уровень агрессивности матери и частота предоставляемой поддержки (т. е. оценкой ребенка того, насколько часто он получает поддержку от его окружения) ($r=0,428$; $p=0,041$);
- агрессивность матери и значимость социальной поддержки (оценка ребенком того, насколько важна ему поддержка социального окружения) ($r=0,525$, $p=0,01$).

Можно предположить, что в ситуации перенесенного онкологического заболевания на этапе ремиссии агрессивная позиция матери, которая в опроснике Г. Айзенка описывается как «повышенная психологическая активность, стремление к лидерству путем применения силы по отношению к другим людям» (Дмитриев, 2010) парадоксальным образом играет функциональную роль. Эта позиция позволяет ей быть целеустремленной во взаимодействии с врачами и общественными организациями, занимающимися организацией лечения ребенка, что косвенным образом способствует более успешной адаптации самого ребенка.

Также была выявлена положительная взаимосвязь между уровнем тревожности матери и степенью тревожности ребенка ($r=0,419$; $p=0,046$). Это свидетельствует о том, что при повышении уровня тревожности у матери тревожность ребенка также возрастает. По-видимому, такая корреляция является следствием тесного эмоционального контакта, возникающего у матери с ребенком во время болезни.

Была обнаружена отрицательная корреляция между показателем фрустрации матери, возникающей вследствие реальной или воображаемой помехи, препятствующей достижению цели и показателем познавательной активности ребенка ($r=-0,486$; $p=0,019$). Выраженная фрустрация матери означает снижение мотивации к достижениям, преодолению трудностей и низкую самооценку. При наличии фрустрации у матери учебная мотивация ребенка и, соответственно, общая оценка себя как «знающего», «умеющего», может также снижаться.

На следующем этапе исследовались взаимосвязи между особенностями структурной организации семьи и психологическими особенностями ребенка. Была выявлена корреляция между семейной сплоченностью в реальной семье и общим показателем частоты социальной поддержки ребенка ($r=-0,465$; $p=0,036$). Чем более мама видит семью сплоченной, тем более незначительной кажется ребенку социальная поддержка. Возможно, «слитность» в отношениях ограничивает возможность ребенка замечать и адекватно оценивать этот вклад, что может привести к ухудшению адаптации самого ребенка.

Что касается выявленных взаимосвязей между адаптацией (гибкостью) семейной системы и психологическими особенностями ребенка, то чем чаще мама оценивает семью как хаотичную, тем выше у ребенка показатель ригидности в поведении ($r=-0,477$; $p=0,021$). Хаотичная семья определяется Д. Олсоном как семья с низким контролем, нечеткими ролями и правилами. Возможно, поведение ребенка выглядит ригидным потому, что в семье есть сложности с контролем и дисциплиной, при этом ригидность ребенка в этом случае является компенсаторной. При этом чем более хаотична семейная система, тем менее ригидно поведение матери ($r=-0,488$; $p=0,018$). Можно предположить, что способность матери к гибкости поведения в большей степени проявляется в семье, в которой отсутствуют стабильные ролевые позиции и правила. По-видимому, это является «сохранившимся» способом поведения матери, которое было функциональным на период болезни ребенка, но является уже не столь функциональным сейчас. Также нами была выявлена взаимосвязь между уровнем адаптации семьи и самооценкой ребенка во внеурочной деятельности ($r=-0,643$; $p=0,01$). Чем более «хаотичной» видит мать свою семью, тем менее значимой для ребенка является внеурочная деятельность (игры с одноклассниками, спорт, хобби). Другими словами, при отсутствии достаточной семейной стабильности познавательная и игровая активность ребенка снижается.

На основании полученных результатов формулируем следующие **выводы**:

- активная позиция матери, проявляющаяся как агрессивность, может опосредованно способствовать социальной адаптации ребенка, перенесшего онкологическое заболевание;
- эмоциональное состояние матери имеет связь с двумя состояниями ребенка: тревожность и познавательная активность;
- восприятие матерью семьи как сплоченной имеет отрицательную взаимосвязь с восприятием ребенком степени социальной поддержки от окружающих;
- чем более гибкой мать видит семью, тем больше ригидности проявляется в поведении ребенка. При этом уровень гибкости семьи прямо пропорционально связан с уровнем гибкости матери;
- чем более «хаотичной» видит мама свою семью, тем менее значимой для ребенка является внеурочная деятельность.

Полученные данные могут быть полезными психологам и психотерапевтам, работающим как непосредственно в отделениях реабилитации, так и занимающимся семейным консультированием. Проведенное исследование несомненно представляет интерес также и для врачей, медицинского персонала, работающих в отделениях реабилитации, так как полученные данные описывают особенности взаимодействия семьи и ребенка, специфику адаптации детей, перенесших онкозаболевание.

Литература

- Белоконь А. П., Минакова Д. М.* Пилотажная проверка психометрических свойств многомерного опросника социальной поддержки для детей и подростков // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2013»* / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2013. Секция «Психология». Ст. 11.
- Дмитриев М. Г., Белов В. Г., Парфенов Ю. А.* Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб., 2010.
- Лидерс А. Г.* Психологическое обследование семьи. М., 2008.
- Лифенцева А. А., Рязгунова А. В.* Адаптация методики «Шкала социальной поддержки детей и подростков» К. Малецки // *Клиническая и специальная психология*. 2013. № 2.
- Чернышева Н. С., Маркова Д. М.* Шкала самооценки компетентности и социального принятия дошкольника (С. Хартер и Р. Пайк) // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2012. № 2 (20). С. 155–164.

Психологические последствия переживания матерью впервые возникшего психического заболевания у совершеннолетнего ребенка*

М. В. Дан, Н. Е. Харламенкова (Москва)

marina@raudsepp.ru nataly.kharlamenkova@gmail.com

Представлены результаты исследования уровня посттравматического стресса и психопатологической симптоматики у матерей, посещавших «Курсы психиатрической грамотности» после впервые возникшего психического заболевания у совершеннолетнего ребенка. Выявлен средний с тенденцией к высокому уровень посттравматического стресса и показана его связь с психопатологической симптоматикой. Обосновывается значение психообразовательной работы для профилактики симптомов стресса у матерей и снижения уровня психологического неблагополучия. Выявлено, что данный вид работы способствует снижению симптомов депрессии, соматизации, обсессивности–компульсивности, фобической тревожности, уровня выраженности посттравматических стрессовых реакций.

Ключевые слова: *посттравматический стресс, психическая болезнь, психопатологическая симптоматика.*

Психологические последствия влияния на человека стрессоров высокой интенсивности включают в себя когнитивно-личностные и эмоциональные изменения у индивида, вызванные воздействием психотравмирующего переживания (Тарабрина, 2009).

Среди факторов, приводящих к серьезным стрессовым состояниям, таких как участие в боевых действиях, насильственные действия, смерть близкого человека, катастрофы, природные катаклизмы, тяжелые соматические заболевания и др., выделяется такой

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2015-0010.

фактор, как впервые возникшее психическое заболевание у близкого родственника.

Распространение психических заболеваний, специфическое поведение больного в период острого проявления болезни, наличие мифов и предубеждений по отношению к психиатрическим больным – лишь некоторые дополнительные факторы, приводящие к дезадаптации семей и отдельных их членов, столкнувшихся с заболеванием родного (Ривкина, Сальникова, 2009). Среди многообразия проявлений психических заболеваний острое начало болезни с психотическим состоянием становится наиболее тяжелым психологическим стрессом для окружающих, приводит к стигматизации, самостигматизации родственников больного (Солоненко, 2006; Ениколопов. 2013), что подтверждает необходимость разработки и внедрения психообразовательных программ в состав реабилитационных мероприятий (Гурович и др., 2007).

По современным стандартам психиатрическая помощь базируется на биопсихосоциальной модели (Хритинин и др., 2015). Задача данного подхода состоит не только в уменьшении и купировании симптомов психического заболевания, но и в социально-психологическом восстановлении пациента и его реабилитации. Такой подход наиболее эффективен при возникновении первых психотических эпизодов, когда вся семья переживает глубокий психоэмоциональный стресс, сопровождающийся искажением самоидентификации пациента и семьи, изменением структуры внутрисемейного и социального взаимодействия (Эйдемиллер и др., 2006). Образовательная программа для родственников, наряду с другими лечебно-реабилитационными мерами, становится значимой частью помощи пациентам с первым психотическим эпизодом и фокусируется на близких пациенту людях как на ресурсах для его выздоровления (Гурович и др., 2007).

В настоящее время достоверно подтверждено значение сочетания фармакотерапии и семейно-ориентированного влияния, в котором участвует хотя бы один родственник пациента, испытывающий большую часть семейной нагрузки – физической, эмоциональной и финансовой (Костенко, 2014). Именно такой ухаживающий родственник играет определяющую роль в последующей социальной адаптации пациента. Однако психологическое благополучие и состояние родного остается за пределами многих исследований, сфокусированных на изучении влияния семейных форм поддержки на течение заболевания, предупреждение частых и повторных госпитализаций.

Обязанности по уходу за больным чаще всего ложатся на плечи матерей пациентов как наиболее близких и способных обеспечить

максимально возможную поддержку (Савина, Чарова, 2002). Совершеннолетний сын или дочь, в условиях нормальной динамики семейного взаимодействия и при отсутствии заболевания, должен постепенно сепарироваться от родителей и создать собственную семью, стать относительно независимым (Судьин, 2012; Харламенкова, Кумыкова, Рубченко, 2015). Но в условиях возникновения психической болезни этот естественный процесс нарушается, и семья обретает вновь беспомощного и требующего заботы ребенка (Бурмистрова, 2008; Кэхеле, Буххайм, Певнева, 2011; Шмукер, 2002).

Настоящее исследование проводилось с целью выявления уровня посттравматического стресса и психопатологической симптоматики у матерей в ситуации впервые возникшего психического заболевания у совершеннолетнего ребенка, а также изменения уровня посттравматического стресса и сопутствующей ему симптоматики после участия матерей в специальной психообразовательной программе.

Гипотеза исследования: у матерей, переживших первый психический эпизод у своего совершеннолетнего ребенка, наблюдается высокий уровень посттравматического стресса и психопатологической симптоматики, который снижается после участия матери в специальной программе «Курсы психиатрической грамотности».

Методики и характеристика выборки

Для диагностики посттравматического стресса использовались методики, адаптированные Н. В. Тарабриной с коллегами: Миссисипская шкала (МШ), гражданский вариант; для оценки посттравматических реакций – Шкала оценки влияния травматического события (ШОВТС) – испытуемым давалась инструкция: пользуясь шкалой, указать, в какой степени они продолжают переживать впервые возникшее у сына или дочери психическое заболевание; опросник выраженности психопатологической симптоматики – SCL-90-R (Тарабрина, 2001; Тарабрина и др., 2007).

Исследование было проведено на выборке матерей пациентов с впервые возникшим психическим эпизодом (давность стрессового воздействия от 2,5 до 6 мес.), посещающих «Курсы психиатрической грамотности» на базе филиала №2 Психиатрической больницы №14 (психоневрологического диспансера №10 г. Москвы) и филиала №2 Психиатрической больницы №15 (психоневрологического диспансера №16). Объем выборки – 54 чел. Возраст матерей – от 39 до 70 лет, по уровню образования – от среднего специального и выше. Около трети всех испытуемых – 16 матерей на момент прохож-

дения курсов не имели работы, причем 5 из них оставили работу из-за болезни ребенка.

Диагностика проводилась на двух этапах исследования: в начале и в конце посещения матерями «Курсов психиатрической грамотности».

Для проверки основной гипотезы исследования средние данные, полученные с помощью Миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций и опросника выраженности психопатологической симптоматики – SCL-90-R были сопоставлены со средними значениями, ранее рассчитанными по этим показателям для разных выборок (Тарабрина и др., 2007). Результаты показали, что уровни психопатологической симптоматики и посттравматического стресса у матерей, переживших первый психотический эпизод у своего совершеннолетнего ребенка, превышают средние значения по показателям, выявленным в других группах респондентов, обследованных ранее (Тарабрина и др., 2007).

Сравнение показателей посттравматического стресса (МШ и ШОВТС), диагностика которых проводилась до и после «Курсов психиатрической грамотности» показало значимые различия между ними. Уровень посттравматического стресса снизился и при оценке общего значения ПТС (по Миссисипской шкале, $p \leq 0,001$) и при оценке признаков вторжения, избегания и физиологического возбуждения как психологических реакций матери на стрессовое событие – на первый психотический эпизод у своего ребенка (ШОВТС, $p \leq 0,00$).

Существенные и значимые сдвиги были выявлены при сопоставлении показателей психопатологической симптоматики до и после «Курсов психиатрической грамотности»: по шкалам «Соматизация», «Обсессивность–компульсивность», «Межличностная сензитивность», «Депрессивность», «Тревожность», «Паранойяльные симптомы», «Психотизм», по общему баллу GSI, индексу проявления симптоматики (PSI), индексу выраженности дистресса (PDSI) на уровне $p \leq 0,05$; по шкале «Враждебность» – на уровне $p \leq 0,01$. По показателю «Фобическая тревожность» значимых различий не наблюдалось.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о верификации сформулированной гипотезы.

Дополнительно были получены коэффициенты корреляции между уровнем посттравматического стресса (по Миссисипской шкале) и психопатологической симптоматикой (опросник SCL-90-R), а также данными по методике ШОВТС. На начало «Курсов психиатрической грамотности» выявлены следующие связи общего уровня посттравматического стресса (МШ): с показателем ПТС по методике ШОВТС ($r_s = 0,67$, $p = 0,00$), а также со шкалами «Соматизация» ($r_s = 0,21$,

$r_s=0,028$), «Обсессивность–компульсивность» ($r_s=0,24$, $p=0,013$), «Межличностная сензитивность» ($r_s=0,15$, $p=0,13$), «Депрессивность» ($r_s=0,15$, $p=0,13$), «Тревожность» ($r_s=0,15$, $p=0,12$), «Враждебность» ($r_s=0,297$, $p=0,003$), «Фобическая тревожность» ($r_s=0,048$, $p=0,64$), «Паранойяльные симптомы» ($r_s=0,17$, $p=0,093$), «Психотизм» ($r_s=0,38$, $p=0,00$), общим баллом GSI ($r_s=0,26$, $p=0,006$), индексом проявления симптоматики (PSI) ($r_s=0,31$, $p=0,001$), индексом выраженности дистресса (PDSI) ($r_s=0,17$, $p=0,086$). Данные показали, что до участия в психообразовательной программе уровень посттравматического стресса у матерей тесно связан с различными симптомами и его повышение сопряжено с ростом показателей «Соматизация», «Обсессивность–компульсивность», «Враждебность», «Психотизм» и практически по всем индексам методики SCL-90-R.

После завершения «Курсов психиатрической грамотности» у матерей выявлены следующие связи общего уровня посттравматического стресса (МШ): с показателем ПТС по методике ШОВТС ($r_s=0,77$, $p=0,00$), а также со шкалами «Соматизация» ($r_s=0,017$, $p=0,86$), «Обсессивность–компульсивность» ($r_s=0,14$, $p=0,15$), «Межличностная сензитивность» ($r_s=-0,004$, $p=0,97$), «Депрессивность» ($r_s=0,014$, $p=0,88$), «Тревожность» ($r_s=0,06$, $p=0,53$), «Враждебность» ($r_s=0,21$, $p=0,036$), «Фобическая тревожность» ($r_s=0,012$, $p=0,91$), «Паранойяльные симптомы» ($r_s=0,175$, $p=0,082$), «Психотизм» ($r_s=0,13$, $p=0,20$), общим баллом GSI ($r_s=0,089$, $p=0,35$), индексом проявления симптоматики (PSI) ($r_s=0,083$, $p=0,38$), индексом выраженности дистресса (PDSI) ($r_s=-0,009$, $p=0,93$). Значимыми оказались только две связи – с показателем ПТС по методике ШОВТС и шкалой «Враждебность». Таким образом, после участия в психообразовательной программе у респондентов снижается уровень посттравматического стресса, а его связи с психопатологической симптоматикой (кроме показателя враждебности) становятся незначимыми.

Выявленные в работе зависимости в определенной степени можно сопоставить с данными разных исследований, выполненных под руководством Н. В. Тарабриной, в которых результаты, полученные с помощью Миссисипской шкалы, предварительно делились на высокие, средние и низкие. Корреляция МШ с психопатологической симптоматикой по опроснику SCL-90-R в каждой из выделенных групп (с высокими, средними и низкими показателями по МШ) позволила обнаружить следующее: в группе с высокими значениями ПТС данные, полученные по МШ, значимо коррелируют со всеми показателями опросника SCL-90-R; в группе со средними значениями ПТС показатели также взаимосвязаны, но значения коэффициента корреляции не так высоки, как в предыдущей группе; в груп-

пе с низкими значениями уровня ПТС показатель МШ не связан с психопатологической симптоматикой (Тарабрина, 2009, с. 266–269). «Таким образом, – пишет Н. В. Тарабрина, – основное различие в корреляционных плеядах показывает, что только высокий уровень ПТС тесно взаимосвязан с характеристиками психопатологической симптоматики, общим уровнем психологического дистресса, показателями депрессивности, личностной тревожностью и возрастом, что позволяет рассматривать эти взаимосвязи в качестве симптомокомплекса, описывающего на эмпирическом уровне феномен посттравматического стресса, корреспондирующий с клинической картиной посттравматического стресса» (Тарабрина, 2009, с. 269).

В настоящем исследовании удалось показать, что такое событие, как внезапно возникшее психическое заболевание у собственного ребенка, является интенсивным стрессором, который вызывает симптомы посттравматического стресса, причем при высоком уровне ПТС повышается и уровень сопутствующей психопатологической симптоматики, преимущественно уровень соматизации, обсессивности – компульсивности, враждебности и психотизма.

Участие родственников, прежде всего – матерей, в психообразовательных курсах позволило существенно снизить уровень посттравматического стресса, а также ослабить связь ПТС с психопатологической симптоматикой. Цель таких курсов состоит в обучении родственников больных основам психиатрической и юридической грамотности, поведению в семье, основам медицинской культуры в целях повышения качества жизни больного и его близких. Помимо психиатрической грамотности, курсы предоставляют родственникам психически больных знания и навыки, которые помогают им в решении проблем социального и юридического характера, а также в вопросах обеспечения необходимыми медицинскими средствами и предоставления профессионального лечения.

Полученные в исследовании данные имеют не только сугубо научную, но и практическую значимость, подтверждая значение «Курсов психиатрической грамотности» в повышении качества жизни больного и его близких. Также на основе выявленных в настоящем исследовании зависимостей можно выделить общие и специфические особенности влияния различных стрессоров на человека, учитывая эти особенности при оказании адресной психологической помощи.

Данные показали, что наиболее тесно с уровнем ПТС связаны враждебность и на уровне тенденции – паранойяльные симптомы. Аналогичные результаты получены в исследовании, проведенном

на выборке женщин с диагнозом «рак молочной железы» (Тарабрина и др., 2010), а также на выборке больных с диагнозом «менингиома» (Тарабрина, Харламенкова, Никитина, 2015). Так, при исследовании больных с диагнозом «рак молочной железы» сравнение групп больных с высокими и средними показателями ПТС с группой больных с низкими показателями ПТС позволило говорить о так называемой триаде психопатологических симптомов – враждебности, фобической тревожности и паранойяльных симптомах. Было отмечено, что возникновение этих симптомов может быть связано со спецификой заболевания – калечащей операцией, страхом рецидивов заболевания, боязнью негативной оценки окружающих (Тарабрина и др., 2010), что, безусловно, характеризует и больных с диагнозом «менингиома». Выявленные в настоящем исследовании результаты, по-видимому, подтверждают факт не только психического, но и выраженного социального дефекта, который нарушает привычное функционирование человека в обществе, а также влияет на психическое состояние его родственников, вызванное у них страхом рецидива болезни близкого и ожидаемым социальным порицанием и последующей изоляцией.

Выводы

Впервые возникшее психическое заболевание у совершеннолетнего ребенка можно рассматривать как стрессор высокой интенсивности, психологическим последствием которого для части родителей является посттравматический стресс и сопутствующая ему психопатологическая симптоматика.

Высокий уровень посттравматического стресса тесно связан с уровнем психопатологической симптоматики, а именно с соматизацией, обсессивностью–компульсивностью, враждебностью, психотизмом.

Участие близких родственников (преимущественно матерей) в психообразовательной программе «Курсы психиатрической грамотности» ведет к снижению уровня посттравматического стресса и ослаблению связей уровня ПТС с психопатологической симптоматикой.

Литература

Бурмистрова Е. В. Семья с «особым ребенком»: психологическая и социальная помощь // Вестник практической психологии образования. 2008. № 4. С. 81–86.

- Гурович И. Я., Шмуклер А. Б., Сторожакова Я. А. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. М.: Медпрактика-М, 2007.
- Ениколопов С. Н. Стигматизация и проблема психического здоровья // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (К 85-летию Юрия Федоровича Полякова). М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2013. С. 109–121.
- Костенко М. А. Семейно-ориентированная социальная поддержка: институционализация инновационных практик в российской системе защиты детства // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2014. №4. С. 37–38.
- Кэхеле Х., Буххайм А., Шмукер Г. Развитие, привязанность и взаимоотношения: новые психоаналитические концепции // Московский психотерапевтический журнал. 2002. №3. С. 32–50.
- Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. №5. С. 3–22.
- Певнева А. Н. Психические состояния матерей детей с церебральным параличом как исходные предпосылки психологического синдрома // Психологическая наука и образование. 2011. №2. С. 30–32.
- Ривкина Н. М., Сальникова Л. И. Работа с семьями в системе психосоциальной терапии больных с шизофренией и расстройствами шизофренического спектра с первыми психотическими эпизодами // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. 19. №1. С. 65–76.
- Савина Е. А., Чарова О. Б. Особенности материнских установок по отношению к детям с нарушениями в развитии // Вопросы психологии. 2002. №6. С. 15–22.
- Солоненко А. В. Влияние некоторых внутрисемейных психологических факторов на трудоспособность пациентов с первым психотическим эпизодом // Сборник региональной научно-практической конференции «Социальная сфера Кубани: экономические и социально-психологические аспекты развития». Краснодар, 2006. С. 213.
- Судьин С. А. Психическая болезнь и семья: субъективные и объективные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №2 (1). С. 390–394.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса. Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Тарабрина Н. В., Азарков В. А и др.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. М.: Когито-Центр, 2007.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А, Шаталова Н. Е.* Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.* Уровень посттравматического стресса и психопатологическая симптоматика у больных, оперированных по поводу менингиомы // Консультативная психология и психотерапия. 2015. №3. С. 32–49.
- Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К.* Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Хритинин Д. Ф., Петров Д. С., Коновалов О. Е., Ландышев М. А.* Микросоциальная среда и психиатрическая помощь. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015.
- Эйдемиллер, Э. Г., Добрякова И. В., Никольская И. М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Питер, 2004.

Образ отца в представлениях детей с разными условиями ранней социализации в семье*

Т. В. Дробышева (Москва)

tdrobysheva@mail.ru

В статье рассматривается влияние условий ранней социализации личности на ее последующее развитие. Включение в семью наемного работника (няни) по уходу за ребенком в период с его рождения и до трех лет рассматривается как внешний фактор, обуславливающий специфику формирования детских представлений об отце, матери и семье в целом. Приведены результаты эмпирического исследования, целью которого явилось выявление различий в образе отца у дошкольников, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником (няней) и без него. Показано, что в качестве эффекта ранней социализации личности в условиях семьи с наемным работником могут быть рассмотрены проблемы полоролевой идентичности мальчиков, а также редуцированный образ отца в сознании детей.

Ключевые слова: образ отца, функции отцовства, ранняя социализация в семье, условия социализации, наемный работник по уходу за ребенком (няня), представления.

В современных условиях развития российского общества, отличающихся экономической нестабильностью, проблемами реформирования социальной сферы, снижением качества жизни населения, высокой напряженностью внешнеполитических отношений и т. п., наблюдаются изменения и в жизнедеятельности современной российской семьи. Так, исследователи отмечают: высокую мотивацию достижения молодых родителей, в первую очередь, в экономичес-

* Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ФАНО №0159-2015-0001.

кой и социальной сфере; их занятость; особенности структурирования свободного времени; отсутствие семейных традиций и праздников (они замещены государственными и религиозными) и т. п. Изменения коснулись и статусно-ролевых отношений супругов, детско-родительских и межпоколенческих отношений. К примеру, в настоящее время появились семьи, в которых мама финансово обеспечивает семью, а папа занимается воспитанием детей дома.

Начиная с 90-х годов прошлого века количество молодых мам, предпочитающих долго «не задерживаться» в декретном отпуске, готовых продолжать профессиональную деятельность сразу после рождения ребенка, существенно увеличилось. Как следствие на рынке труда вырос и спрос на услуги наемных работников по уходу за ребенком младенческого и раннего возраста. Однако, анализируя информацию на сайтах, посвященных деятельности няни в семье, специальную литературу, статьи в периодике и т. п., мы не обнаружили данных, указывающих на понимание сотрудниками агентств по подбору персонала того, что присутствие в жизни ребенка раннего возраста (от 0 до 3 лет) наемного работника, выполняющего функции матери по уходу за ним, может привести к изменению социализации личности на следующих этапах ее развития. В частности, в одном из исследований, проведенном нами с целью выявления различий в образе матери в представлениях детей дошкольного возраста, воспитывающихся в раннем возрасте в семьях с няней и без нее, было обнаружено следующее. Образ мамы в представлениях детей из семей с наемным работником (в сравнении с аналогичными представлениями их сверстников, воспитывающихся без няни) содержал признаки, указывающие на отсутствие у ребенка психологической близости с ней, наличие подавляемого либо скрытого чувства обиды на нее. В представлении обследованных детей образ мамы компенсировался образом отца. Причем когнитивный и эмотивный компоненты изучаемого образа матери были редуцированы: дети отмечали только социальную роль мамы («работает»), ее внешность («красивая») и ограниченно функции по ведению домашнего хозяйства («убирает, готовит еду»). Дети почти не упоминали о своих чувствах к матери и о ее чувствах к себе; затруднялись назвать формы совместного с ней времяпрепровождения и т. п. Все вышеизложенное подтвердило предположение о наличии *признаков частичной материнской депривации* в группе детей, воспитывающихся в семье с наемным работником (Дробышева, Бутякова, 2013). Образ отца в сознании данной категории детей ранее глубоко не изучался.

Как отмечают исследователи, восприятие ребенком отца и его роли в семье имеет важное значение не только для полоролевой идентификации личности, но и для ее психического, социального и психологического развития в целом (Ю. В. Борисенко, О. Г. Калина, И. С. Клёцина, Р. В. Овчарова, О. В. Удова, А. Б. Холмогорова и др.). По мнению О. Г. Калины и А. Б. Холмогоровой образ отца начинает формироваться с рождения и осуществляется под воздействием различных *внутренних* (половозрастные и ситуативные проекции, фантазии) и *внешних* (коммуникации со значимыми близкими людьми, культуральные стереотипы, взаимодействия с отцом) факторов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой (Калина, Холмогорова, 2011). Опираясь на работы западных психологов, авторы описали механизм формирования образа отца в сознании его ребенка. По их мнению, сначала для ребенка существует только мать, которая, заботясь о нем, удовлетворяет все его потребности. По мере его развития, диадку «мать–ребенок» дополняет «третий», т. е. тот, кто поможет ребенку открыть отношения, существующие за пределами первоначального эмоционального слияния, симбиоза с матерью. Этот «третий», с позиции О. Г. Калины и А. Б. Холмогоровой, должен обладать тремя важными качествами: быть особенно важным для матери и ребенка; быть более удаленным, чем мать; быть способным к эмпатичному восприятию ребенка (Калина, Холмогорова, 2011). В качестве этого «третьего» лица в исследовании рассматривается отец.

Опираясь на результаты наших пилотажных исследований (Дробышева, Романовская, 2013, 2014), мы предположили, что в семье, в которой присутствует наемный работник (няня), выполняющий функции матери по уходу за ребенком. Другими словами значимым «третьим» может стать няня, которая выстраивает с ребенком (от рождения до 3 лет) близкую психологическую дистанцию. Конечно, не все няни стремятся к психологической близости с воспитанником. Как показало наше исследование, это зависит от мотивации и предпочитаемого стиля профессионального взаимодействия няни. Однако нельзя отвергать возможность влияния няни на взаимодействие матери и ребенка, которое является источником формирования образа отца.

Все вышеизложенное послужило основанием для проведения эмпирического исследования*, целью которого стало выявление различий образа отца в представлениях детей дошкольного возраста с разными условиями ранней социализации в семье (с наемным работником по уходу за ребенком (няней) и без него). Мы предполо-

* Автор статьи выражает благодарность О. В. Компасенко за участие в проведении эмпирического исследования

жили, что образ отца в сознании детей, воспитывающихся в раннем возрасте няней, отличается от аналогичного образа отца в представлениях их сверстников, не имевших няни, по выраженности положительных/отрицательных качеств личности, приписываемых образу, а также по реализации отцом родительских функций. Также мы предположили, что в группе детей, воспитывающихся в раннем детстве с няней, образ отца будет отличаться по оценкам его родительских и социальных функций в зависимости от половой принадлежности респондентов.

Выборка исследования состояла из детей от 5 до 6,5 лет, посещающих дошкольные образовательные учреждения г. Москвы. Объем выборки: 40 чел., разделенных поровну по полу и условиям ранней социализации в семье (контрольная и экспериментальная группы). В *экспериментальную группу* были включены дети, имевшие в раннем возрасте няню (от рождения до 3 лет), которая работала в семье полный рабочий день и не менее 3–4 дней в неделю. В *контрольную группу* вошли дети, посещающие те же самые детские сады (в исследовании участвовали дети из четырех детских садов), но не имевшие в раннем возрасте няни.

В качестве *методов эмпирического исследования* применяли: проективный метод «Рисунок семьи»; рассказы детей «Мой папа», «Моя мама»; опросник «Семья глазами ребенка» (Т. В. Дробышева, И. Н. Микиева); методику Р. Жилия «Межличностные отношения ребенка»; тест тревожности (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен); методику «Лесенка» (В. Г. Щур), методику рефлексивной самооценки детей. Основой для интерпретации рисунков детей из двух групп послужили выделенные категории контент-анализа исследуемых образов. Данный прием количественно-качественного анализа применяли и к анализу детских рассказов. Матрица анализа рассказов включала несколько категорий и подкатегорий: А – личностные качества отца (А1 – положительные; А2 – отрицательные); Б – внешний облик отца (Б1 – позитивно оцениваемые детьми характеристики внешнего облика отца, Б2 – негативно оцениваемые, Б3 – нейтрально оцениваемые); В – деятельность отца (В1 – в семье, В2 – в обществе); Г – выполнение отцом своих родительских функций (Г1 – связанных с удовлетворением биологических потребностей ребенка, Г2 – психологических потребностей ребенка); Д – межличностные отношения отца и матери (Д1 – позитивно оцениваемые отношения, Д2 – негативно оцениваемые отношения родителей); Е – информированность ребенка о хобби и интересах отца. В качестве единиц анализа (ед. а.) выбрали слова и словосочетания, раскрывающие заявленные в работе категории и подкатегории анализа.

В исследовании, наряду с образом отца, выявляли особенности образа матери. Этот аспект работы был связан с поставленной задачей изучить взаимосвязь двух образов в сознании детей, различающихся по условиям ранней социализации в семье. Однако, в связи с ограничением объема публикации, ниже будут изложены только некоторые из полученных результатов.

Результаты исследования показали, что существуют различия в исследуемых образах отца в сознании детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней и без нее (рисунок 1).

Как можно увидеть на графике (см. рисунок 1), наибольшее различие в образах отца в представлениях детей из двух групп связано: с восприятием детьми его положительных качеств (44 ед. а. в контрольной группе и 14 ед. а. – в экспериментальной), деятельности в семье (29 ед. а. и 1 ед. а.) и обществе (6 ед. а. и 18 ед. а.); с выполнением им родительских функций, направленных на удовлетворение психологических потребностей ребенка (теснота связей с отцом, содержание взаимодействия) (76 ед. а. и 28 ед. а.); с восприятием межличностных отношений отца и матери. Все респонденты, описывая своего отца, отмечали, что он: «добрый», «хороший», «спра-

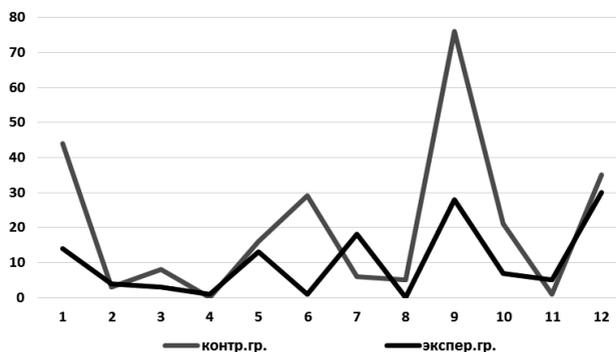

Рис. 1. Различия в характеристиках образа отца в представлениях детей из экспериментальной и контрольной групп (1 – положительные личностные качества отца; 2 – отрицательные личностные качества отца; 3 – позитивно оцениваемые детьми характеристики внешнего облика отца; 4 – негативно оцениваемые детьми характеристики внешнего облика отца; 5 – нейтрально оцениваемые детьми характеристики внешнего облика отца; 6 – характеристики деятельности отца в семье; 7 – характеристики деятельности отца в обществе; 8 – удовлетворение биологических потребностей ребенка; 9 – удовлетворение психологических потребностей ребенка; 10 – позитивно оцениваемые ребенком МЛО родителей; 11 – негативно оцениваемые ребенком МЛО родителей; 12 – информированность ребенка о хобби и интересах отца)

ведливый», «милый», «ласковый», «заботливый», «умный», «храбрый», «смелый», «веселый» или «смешной». Причем в контрольной группе число упоминаний у девочек и у мальчиков было примерно одинаковое (21 ед. а. и 23 ед. а.). В экспериментальной же группе такими характеристиками наделяли образ отца преимущественно девочки (11 ед. а. – девочки, 3 ед. а. – мальчики). Отрицательные качества личности отца, упоминаемые детьми из двух групп, имели незначительные различия. Чаще всего дети указывали на то, что папа может быть «злым», «сердитым», «жадным», «строгим» и «часто ругаться». Воспринимаемые детьми отрицательные характеристики образа отца (по числу единиц анализа) существенно уступали его положительным качествам личности. Интересно, что в обеих группах отрицательные качества отца отмечали девочки, а не мальчики. Данный факт указывает на полоролевую идентичность детей, сформированную к этому возрасту. По всей видимости, мальчики, отождествляя себя с отцами, игнорировали какие-либо негативные проявления его личности. Девочки же, наоборот, идентифицируя себя с другой группой, выделенной по признаку принадлежности к женскому полу, обращали внимание на разные по модальности личностные характеристики отца.

Функции отца, связанные с обеспечением им качества жизни своей семьи, поддержанием психологического климата в семье, воспринимались всеми респондентами как проявление деятельности отца в обществе (на работе) и в семье (дома). На графике наглядно представлена обратно пропорциональная выраженность оценок деятельности отца, осуществляемой им в семье и в обществе, в восприятии детей из двух групп. Так, дошкольники, воспитывающиеся в раннем возрасте в семье без няни, в своих рассказах много внимания уделяли «домашним делам» папы: «моет посуду», «пылесосит», «чинит что-то», «готовит кушать», «занимается с сестрой /братом», «собирает мебель», «вешает люстры» и т. п. (29 ед. а.). Интересно, что в этой группе высказывания о «мужской работе в семье», которую выполняет папа, в основном принадлежали мальчикам (27 ед. а.), а не девочкам (2 ед. а.), что также указывало на полоролевую идентичность респондентов. Представления детей из этой группы о деятельности отца в обществе включали следующие суждения: «ходит на работу», «работает поваром/банкиром/строителем и т. п.», «ездит в командировки», «зарабатывает деньги» (6 ед. а.). Все они по ровну были распределены в группе мальчиков и девочек (по 3 ед. а.). Аналогичные представления детей из экспериментальной группы о деятельности отца в семье и обществе по содержанию мало отличались от представлений их сверстников из контрольной группы.

В их рассказах упоминание того, что делает папа дома – «моет, чинит, готовит и т. п.» встречалось только один раз, причем в рассказе девочек. По сути, содержание представлений о социальной значимости папы в данной группе ограничилось описанием его профессиональной деятельности, социального статуса, функции по финансовому обеспечению семьи («Папа ходит на работу. Их у него две: одна свинская, а другая, где деньги зарабатывают...»), «Ему нравится заниматься работой в банке и сидеть в компьютере», «Папе нравится покупать еду, одежду, ходить на работу и ездить в командировки» и т. п.). Причем мальчики чаще упоминали о профессиональной деятельности отца (13 ед. а.), чем девочки (5 ед. а.). Также в этой группе детей было много высказываний, указывающих на времяпрепровождение отца дома: игра в компьютер, просмотр телевизора, разговор по телефону и т. п.

По результатам частотного анализа высказываний детей из двух групп, наибольшие различия были выявлены в их представлениях о выполнении отцом родительских функций, связанных с удовлетворением психологических потребностей ребенка. В контрольной группе все респонденты (в равной степени мальчики и девочки) чаще всего отмечали, что папа: «любит меня/нас», «заботится обо мне», «гуляет со мной», «играет со мной», «делает зарядку со мной», «смотрит мультики со мной», «читает мне книгу», «шутит со мной», «разговаривает со мной», «покупает/дарит мне игрушки» (76 ед. а.) и реже указывали, что он «кормит», «защищает» и т. п. (5 ед. а.). Дети из экспериментальной группы совсем не упоминалось о том, что папа обеспечивает физическое существование ребенка («кормит», «одевает», «защищает»), но и высказываний об удовлетворении их психологических потребностей (в общении, принятии, любви) (28 ед. а.) было также существенно меньше. Интересно, что девочки, воспитывающиеся в раннем возрасте с няней, чаще отмечали (18 ед. а.), чем мальчики из этой же группы (10 ед. а.), то, что папа играет, гуляет с ними. В то время как мальчики рассказывали, что им нравится с папой «ездить на выставки по его работе», «выкидывать мусор», «играть в футбол». В целом, в рассказах детей из экспериментальной группы больше присутствовало суждений о том, что папе не нравится делать дома («мамины приказы», «когда я ною», «когда он говорит по телефону, а его тревожат», «когда с ним спорят» и т. п.), чем о том, что он делает вместе с ребенком.

Психологический климат в семье зависит не только от того, какие отношения складываются между родителями, но и от того, как воспринимает эти отношения ребенок. В нашем исследовании было обнаружено, что дети, не имевшие в раннем возрасте няни

и воспитывающиеся в семье только родителями, больше выделяли позитивных проявлений в отношениях своих родителей (21 ед. а.), чем их сверстники, воспитанные нянями (7 ед. а.). Они отмечали, что папа «заботится о маме, ждет ее, разговаривает с ней, любит ее, заваривает ей чай или кофе и т. п.», что они вместе с мамой любят «обниматься», «делать подарки» и т. п. Однако данные высказывания в экспериментальной группе принадлежали только девочкам (7 ед. а.), в то время как в контрольной группе – преимущественно девочкам (18 ед. а.) и в меньшей степени мальчикам (3 ед. а.).

Заключение

Полученные в исследовании результаты частично подтвердили наше предположение о различиях в образе отца в сознании детей, воспитывающихся в разных условиях ранней социализации в семье.

Действительно, в восприятии детей 5–6-летнего возраста, не имевших в раннем возрасте няни, образ отца включал больше положительных качеств личности, чем аналогичный образ в отца в представлениях их сверстников, воспитывающихся с нянями. Для первой категории дошкольников (из семей без няни) деятельность отца в семье («домашняя мужская работа») воспринималась как более важная характеристика, чем его профессиональная деятельность, социальный или финансовый статус, особенно для мальчиков. По всей видимости, это связано с их половой идентификацией, присвоением ими функций отца в семье. Дети из этой группы много внимания уделяли описанию совместной деятельности с отцом (игра, общение, отдых, прогулки и т. п.). В их восприятии отец обеспечивает им защиту, любовь, принятие, заботу. Для девочек особенно важным явилось проявление отцом чувств к матери (помогать что-то делать, заваривать чай, обниматься, делать подарки, видеть ее, любить ее). Данная характеристика образа отца играет важную роль в формировании позитивного образа «Я как женщины» в структуре «Я-концепции» его дочери.

В сознании детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником (няней), образ отца положительными качествами наделяли преимущественно девочки. В восприятии мальчиков личностные качества отца в его образе представлены весьма ограниченно. Мальчики в большей степени были информированы о социальном статусе отца, о важности для него профессиональной деятельности, места работы, чем о его функциях и деятельности в семье. Детям было сложно назвать примеры совместной деятельности с отцом и, наоборот, легко рассказать о том, что не любит папа де-

лать дома. Однако в восприятии девочек совместная деятельность с отцом имела больше положительных примеров (вместе рисовать, плавать, играть), чем в восприятии мальчиков.

Все вышеизложенное косвенно указывает, с одной стороны, на роль мамы в формировании образа отца в сознании ребенка, с другой – на «гендерную асимметрию» в профессиональном взаимодействии нянь со своими воспитанниками. Как показали наши исследования, в содержании профессионального поведения нянь отсутствуют какие-либо действия, направленные на формирование образа отца в сознании воспитанника. Требования мам, предъявляемые няням относительно их деятельности в семье, также не включают соответствующие установки и ожидания (Дробышева, Бутякова, 2013; Дробышева, Романовская, 2013; и др.). Возможно и сами няни ограничивают информирование детей об отце указанием на его социальные характеристики (статус, профессиональная деятельность и т. п.). Поскольку в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней, образ отца в сознании мальчиков был более редуцирован, чем аналогичный образ в представлениях девочек, то можно предположить, что одним из негативных психологических эффектов ранней социализации в семье с наемным работником (няней), является угроза гендерной идентичности мальчиков.

Выявленные в исследовании факты, возможно, в настоящее время не представляют собой глобальной социальной проблемы. Однако они могут быть рассмотрены как латентные признаки ее вызревания на почве нарастающего кризиса института семьи.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М.: Наука, 1987. С. 137–145.
- Дробышева Т. В., Бутякова И. В. Образ матери в представлениях детей с частичной материнской депривацией // Личность в современном обществе: психологические проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов. Воронеж: Издат.-полиграфический центр Воронежского гос. ун-та, 2013. С. 420–423.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А. Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально-психологического исследования // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 357–373.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А. Современная няня в российской семье: наемный работник или член семьи? // Семья, брак и ро-

- дительство в современной России / Под. ред. Т. Н. Пушкаревой, М. Н. Швецово́й, К. Б. Зуева. М.: Когито-Центр, 2014. С. 79–82.
- Калина О. Г., Холмогорова А. Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011.
- Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиково́й, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.

Социально-психологические характеристики мам «нянечных детей»*

М. А. Романовская (Москва)

В статье изложены результаты исследования социально-психологических свойств личности детей дошкольного возраста, проявляемых ими во взаимодействии со сверстниками, в зависимости от условий воспитания в семье (с няней и без нее). Также показано, что социально-психологические характеристики мам детей, воспитывающихся в раннем возрасте с няней, являются внешним фактором, определяющим выраженность эмпатии и направленность детей на взаимодействие с другими. Наибольшее влияние на изученные свойства детей оказывают: высокий уровень мотивации достижений мамы, резкая смена стиля взаимодействия с ребенком, отсутствие запретов и санкций в сочетании с контролем за поведением ребенка.

Ключевые слова: *ранняя социализация личности, факторы социализации в семье, социально-психологические свойства личности, социально-психологические характеристики мам, «нянечные дети».*

* На первых этапах исследований термин «нянечные дети» использовался для названия детей, воспитывающихся в полной семье с рождения до 3 лет наемными работниками (нянями). Впоследствии термин стали использовать для детей, у которых наблюдались признаки влияния профессионального поведения няни на их сознание и поведение. В дальнейшем каузальная диада «няня–ребенок» была дополнена элементом «мама». В настоящее время феномен «нянечного ребенка» рассматривается как результат влияния комбинации причин, связанных с особыми условиями становления и развития ребенка в семье с приемным работником (няней) на этапе ранней социализации (см.: Дробышева, 2015).

Современные исследователи проявляют активный интерес к изучению вопросов принятия женщиной роли матери. Особенности взаимодействия матери и ребенка на ранних этапах онтогенеза изучались в психологической науке многими специалистами (Н. Н. Авдеева, Т. В. Архиреева, Дж. Боулби, Л. И. Божович, О. Ю. Дубовик, М. И. Лисина, А. М. Прихожан, Г. В. Скобло, Е. О. Смирнова, Э. Эриксон и др.). Большинство из них подчеркивает важность условий ранней социализации для последующего развития личности ребенка. В качестве специфичных условий социального развития личности в период раннего детства чаще всего рассматривают: сиротство, воспитание в семье с приемными (или замещающими родителями), пребывание ребенка в детском доме и т. п. (А. А. Алдашева, Дж. Боулби, А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, и др.). С нашей точки зрения, включение в семью чужого взрослого (наемного работника), частично выполняющего функции матери по уходу за ребенком раннего возраста (няни), также изменяет направленность и характер социализации ребенка на следующем этапе его развития.

Результаты пилотажных исследований, проведенных нами в течение последних двух лет, показали, что, по мнению родителей (нанимателей), няня должна заниматься формированием у ребенка навыков и умений в игре, придумывать сюжет игры, следовать правилам игры, эмоционально сопереживать сверстнику. Позиция няни в вопросах организации поведения ее воспитанника значимо отличалась. Так, большинство нянь считало, что учить ребенка сочувствию должны родители, а они должны научить правилам поведения в обществе (Дробышева, Романовская, 2012). Последующий анализ полученных данных позволил сделать вывод о том, что в ситуации взаимодействия мамы и няни, связанной с воспитанием ребенка, когнитивный конфликт в сознании мамы неизбежен. Этот конфликт происходит в представлении мамы из-за противоречия между идеальной (ожидаемой) и реальной няней, а также противоречия относительно содержания деятельности няни в семье уже в сознании самой няни и мамы. Интересно, что значительная часть обнаруженных нами противоречий между нанимателем (мамой) и наемным работником (няней) не касались жизнедеятельности ребенка (т. е. содержания деятельности няни по уходу за младенцем). Они были связаны с взаимоотношениями мамы и няни. Так, было выявлено, что мама, принимающая на работу няню, ожидала, что она безоговорочно будет выполнять все ее инструкции, просьбы, адекватно реагировать на замечания. Однако реальный опыт ее взаимодействия с няней показал, что наемный работник часто не соблюдает договоренностей. Впоследствии проведенное нами ис-

следование типов взаимодействия современной няни в российской семье, подтвердило факт, что существуют няни с профессиональной позицией, которые открыто проявляют конформизм (соглашаются, но делают по-своему) в отношении требований нанимателей. Их близкая с ребенком психологическая дистанция может приводить к формированию эмоциональной привязанности у ребенка не с мамой, а с няней (Дробышева, Романовская, 2015).

Возникает вопрос, что же заставляет родителей (и, в первую очередь, маму) приглашать в семью наемного работника по уходу за ребенком раннего возраста? Какова мотивация решения мамы о переносе своих функций на чужого человека? И главное: *осознает ли мама последствия воспитания няней ребенка раннего возраста?*

При изучении проблемы детерминации личности в разных условиях ее социализации следует заметить, что не может быть единственной причины, порождающей следствие. Например, простое указание на наличие няни в раннем возрасте не дает нам понимания каузальной связи. Детерминация социального развития личности на раннем этапе ее социализации обусловлена рядом причин, одна из них – готовность матери к передаче своих функций наемному работнику, другая – с позицией самого наемного работника, принимающего на себя эти функции. Их комбинация определяет специфику социального развития, формирование личностных и социальных качеств ребенка, которые на следующем этапе (дошкольное детство) определяют процесс его самодетерминации.

Все вышеизложенное позволило нам сформулировать *цель исследования* – выявление факторов социально-психологических свойств личности, проявляемых ею во взаимодействии с другими, в зависимости от условий ранней социализации в семье. Мы *предположили*, что социально-психологические свойства личности в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником (няней), зависят от мотивации достижения мамы, ее ценностных ориентаций, представлений о ребенке, предпочитаемого стиля воспитания ребенка. Данные характеристики выступают предпосылкой особенностей социализации «нянечного ребенка» на этапе становления его системы отношений со сверстниками.

В исследовании участвовало 76 детей в возрасте от 4,7 до 6 лет, разделенные на две группы по критерию присутствие/отсутствие няни в раннем возрасте, а также мамы этих детей (76 чел.). Группы детей были выровнены по критерию экономического статуса семьи, по составу семьи (полная), по полу (поровну мальчики и девочки). Все няни имели полную занятость в семье воспитанника. Присутствие

няни в жизни ребенка с 0 до 3 лет контролировалось как дополнительная переменная. Программа исследования включала два блока методик, первый из которых был ориентирован на изучение социально-психологических свойств детей, проявляемых ими во взаимодействии со сверстниками (наблюдение; игра «Мозайка»; «Эмоциональные лица» Н. Я. Семаго, «Цветик-семицветик» И. М. Витковской, «Незаконченные истории» Е. О. Смирновой, В. М. Холмогоровой). Второй блок методик предполагал выявление у мам их отношения к ребенку (мини-сочинение), предпочитаемого стиля воспитания (методика «АСВ» Эйдемиллера, Юстицкиса), уровня мотивации достижения (методика Т. Элерс), согласованности/рассогласованности мотивационно-личностной сферы (методика А. Б. Фанталовой).

Представим результаты, полученные на группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником (няней).

Результаты исследования

На первом этапе исследования выявляли различия в выраженности социально-психологических свойств личности (эмпатии, направленности, активности, самостоятельности) у детей из двух групп – экспериментальной (дети, воспитывающиеся в семье с наемным работником – няней) и контрольной (дети, воспитывающиеся в раннем возрасте без няни). Для выявления различий применяли критерий Н Краскела–Уоллиса (при $p < 0,05$) и дискриминантный анализ. Результаты дискриминантного анализа показали следующее. Две группы респондентов различаются по набору переменных ($\lambda = 0,785$; $\chi^2 = 17,04$; $p = 0,014$), указывающих на: проявление эмпатии во взаимодействии со сверстником, характер направленности, выраженность самостоятельности / зависимости детей от взрослого, а также на проявление активности детей в процессе взаимодействия со сверстниками.

В дискриминантную функцию вошли следующие переменные (все с положительным знаком): адекватность восприятия эмоций сверстника, предпочитаемые формы помогающего поведения, чувствительность к сверстнику (параметры оценки эмпатии); модальность направленности (эгоизм/альтруизм), оценка действий партнера по взаимодействию (параметры оценки направленности); привлечение внимания взрослого (параметр оценки самостоятельности); степень вовлеченности во взаимодействие со сверстниками (параметр оценки активности). В результате анализа получено 92,2% правильно классифицированных случаев. Из числа испытуемых экспериментальной группы 4 чел. были ошибочно отнесены к контрольной

и 2 чел. из контрольной группы по значениям вышеперечисленных переменных также ошибочно были внесены в экспериментальную.

Таким образом, социально-психологические свойства личности детей дошкольного возраста, проявляемые ими во взаимодействии со сверстниками и формирующиеся в разных условиях ранней социализации, т. е. в семье с наемным работником (няней) и без него, отличаются по уровню и выраженности 7 из 17 заявленных в анализе показателей: *эмпатии, направленности, самостоятельности и активности* личности. В экспериментальной группе обнаружены трудности проявления респондентами эмпатии как на уровне адекватности восприятия эмоций другого, так и на уровне оказания помощи сверстнику, проявления чувствительности по отношению к нему. Эгоистическая направленность данных детей на себя, свои интересы в процессе взаимодействия со сверстниками связана с негативными (иногда демонстративными) оценками действий и личности партнера по взаимодействию. Данные дети компенсируют трудности взаимодействия со сверстниками усиленным привлечением внимания взрослого (воспитателя, помощника воспитателя в детском саду), ситуации взаимодействия с которым для них более привычны (перенос сложившихся отношений с няней). Следует отметить, что выраженность всех исследуемых свойств личности, проявляемых детьми в процессе взаимодействия со сверстником (и чужими взрослыми) позволяет нам предположить, что уровень социально-психологической зрелости (Журавлев, 2007), характеризующейся по нескольким «специфичным признакам» в группе детей, воспитывающихся в раннем возрасте с няней, ниже, чем в группе их сверстников, воспитывающихся в раннем возрасте в семье без няни. Данные нашего пилотажного исследования, упомянутого в начале статьи, показали, что именно няни (независимо от типа профессионального взаимодействия), выступающие посредниками в отношениях своих воспитанников со сверстниками на этапе ранней социализации, не считают формирование эмпатии, альтруизма и т. п. своей профессиональной задачей. По их мнению, этим должны заниматься родители (Дробышева, Романовская, 2015).

На втором этапе исследования выявляли взаимосвязь (по критерию Спирмена) между социально-психологическими характеристиками мам (отношение к ребенку, установки на воспитание ребенка, мотивация достижения и согласованность/рассогласованность мотивационно-личностной сферы) и выраженностью социально-психологических свойств личности детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней. В анализ были включены только те харак-

теристики, которые отличают «нянечных детей» от сверстников, воспитывающихся в раннем возрасте в семье без няни.

Выявлено, что наибольшее влияние мамы оказывают на *неадекватность восприятия эмоций сверстника их ребенком, на отсутствие чувствительности во взаимодействии со сверстником, но не на формы помогающего поведения* (возможно, предпочтение провокационной или прагматической помощи – есть результат влияния няни). Иными словами, они играют важную роль в формировании эмпатии у ребенка. Кроме того, следует отметить и негативное влияние исследованных мам на формирование несамостоятельности ребенка, проявляемой им во взаимодействии со сверстниками, его зависимости от поддержки взрослого, играющего роль «посредника» в отношениях с другими детьми. Эгоизм и склонность к провокационной помощи другому, проявляемые «нянечными детьми» во взаимодействии со сверстниками, также зависят от предпочитаемого мамой стиля воспитания, ее представлений о ребенке, уровня мотивации достижений и т. п. Как показало наше исследование, активность/пассивность ребенка во взаимодействии со сверстниками в наименьшей степени зависит от исследованных характеристик мамы. Однако степень вовлеченности ребенка во взаимодействие со сверстниками (по сути различающая две группы респондентов по критерию «самостоятельность–зависимость»), определяющая его готовность к активному сотрудничеству с другими детьми, связана с характеристиками мамы. В частности, низкая эмоциональность включения «нянечного ребенка» в игровые действия со сверстниками зависит от негативных оценок нравственных качеств ребенка, отраженных в представлениях его мамы.

Среди изучаемых нами *социально-психологических характеристик мам* чаще всего образовывали связи со свойствами ребенка, указывающими на его низкий уровень социально-психологической зрелости, следующие характеристики: *высокий уровень мотивации достижений; тип воспитания ребенка, связанный с «воспитательной неуверенностью», «фобией утраты ребенка», «расширением родительских чувств», «проекцией на ребенка собственных нежелательных качеств», «неразвитостью родительских чувств», «внесением конфликта между супругами в сферу воспитания»; резкая смена стиля взаимодействия с ребенком; отсутствие запретов и санкций с доминирующим контролем за поведением ребенка*. Амбивалентность и негативная модальность оценок нравственных, волевых, эмоциональных и социальных качеств ребенка в представлениях мам, по всей видимости, отражается в предпочитаемом ею стиле его воспитания. На этапе пилотажного исследования нами было обна-

ружено, что в семьях, где присутствует наемный работник по уходу за ребенком, свое представление о стиле воспитания мама переносит на няню. Можно только предположить, что неуверенность мамы в себе, своих способностях воспитывать ребенка при высокой мотивации достижений, а также, возможно, ее неудовлетворенность взаимоотношениями с мужем, которые она переносит на своего ребенка, и т. п. – все эти характеристики выступают предпосылкой готовности мамы к приему в семью наемного работника, выполняющего ее функции по уходу за ребенком.

Литература

- Дробышева Т. В.* Взаимодействие исследовательской и практической психологии в изучении конкретного социально-психологического феномена // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 538–555.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлениях мамы воспитанника // Развитие психологии в системе человекознания. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 354–357.
- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Типы профессионального взаимодействия современных российских нянь: социально-психологический анализ // Социальная психология и общество. М., 2015. Т. 6. № 3. С. 81–97.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 198–222.

Раздел II

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Совладание с деструктивной привязанностью к партнеру в близких отношениях*

Т. П. Григорова (Кострома)

grigorova.t90@mail.ru

В статье представлено описание феномена деструктивной привязанности к партнеру в близких (супружеских) отношениях. Проанализирована идея о стрессовом влиянии на личность угрозы потери партнера и разрыва значимых отношений. Описаны специфические компоненты деструктивной привязанности, а также их связь с выбором копинга испытуемыми. Представлены результаты, подтверждающие снижение жизнеспособности и благополучия в близких отношениях как результат действия специфических проявлений деструктивной привязанности и использования субъектами непродуктивных индивидуальных копинг-стратегий для совладания с ними.

Ключевые слова: *совладающее поведение, отношения привязанности, компоненты привязанности, стресс, разрыв отношений, деструктивная привязанность.*

В настоящее время по-прежнему остается актуальным изучение межличностных отношений и их влияния на благополучие и качество жизни личности. В свою очередь, многие как иностранные, так и отечественные исследователи, утверждают, что проблемные аспекты близких (в том числе супружеских) отношений, такие как насилие, ревность, измена, нарушения привязанности, одиночество, химические и поведенческие аддикции, непродуктивный диадический и индивидуальный копинг партнеров, приводят к существенному снижению уровня их удовлетворенности отношениями, делают отношения напряженными, стрессогенными (Екимчик, 2011; Гри-

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10671/15.

горова, 2015; Москаленко, 2010; Никольская, 2010; Шипова, 2014, Эйдмиллер, 2007; Berscheid, Regan, 2005; Mikulincer, 2007; Shaver, Randall, Bodenmann, 2009; Vangelisti, 2009; и др.).

Значимым источником стрессового напряжения, возникающего у партнеров в близких отношениях, с точки зрения теории привязанности, является ситуация или переживание угрозы потери партнера и разрыва данных отношений (Боулби, 2003). Также имеются результаты исследований о том, что такие показатели привязанности взрослых, как тревога потерять партнера, избегание близости с ним, снижают степень их удовлетворенности отношениями, что также является фактором дестабилизации отношений (Кувшинова, Сычев, 2012). Классики изучения феномена совладающего поведения (Lazarus, Folkman, 1984) также подчеркивают стрессогенное влияние на личность угрозы разрыва значимых связей или потери значимого объекта.

В настоящем исследовании мы рассматриваем феномен включенности человека в эмоционально тяжелые для него отношения, создающий угрозу для его личностного благополучия и адаптации с точки зрения теории привязанности и тех ее нарушений, которые проявляются по отношению к партнеру. В данном контексте предметом нашего изучения стала привязанность к партнеру, отношения с которым не удовлетворяют потребностям субъекта в любви, принятию и безопасности; создают угрозу для его психологического, психического и физического благополучия, однако активно сохраняются им в течение длительного времени. Данный тип привязанности мы предлагаем называть *деструктивной привязанностью*, в связи с ее дезадаптивной, стрессогенной, вредоносной направленностью по отношению к ее субъекту. Поскольку поведение привязанности актуализируется и усиливается в ситуациях угрозы разрыва близких отношений с партнером, то именно совладание со стрессом угрозы способствует их благополучию и психологической безопасности (Григорова, 2015). Психологическая безопасность переживается личностью как состояние спокойствия, комфорта, равновесия. Нарушение этого состояния вследствие возникновения объективных или субъективных угроз отражается на психическом благополучии человека и, в частности, ощущается им как ограничение собственной активности, свободы воли, суверенности и др. (Харламенкова, 2013).

В качестве основного предиктора психологического благополучия личности во всем разнообразии трудных жизненных ситуаций чаще всего рассматривается использование ею проблемно-ориентированного копинга, как наиболее продуктивного в большинст-

ве трудностей (Рассказова, Гордеева, 2011). Продуктивный копинг также связан с положительным воздействием на психоэмоциональное состояние человека и функционирование близких отношений как системы: разрешение трудной ситуации, снижение уровня напряжения, тревоги, дискомфорта. Непродуктивный копинг связан с преобладанием эмоциональных реакций на ситуацию в виде погружений в переживания, самообвинение, обвинение партнера и др. (Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005). Однако в настоящее время признается тот факт, что выбор той или иной стратегии еще не обеспечивает эффективность совладания. Важно учитывать влияние обстоятельств, индивидуальных факторов, важности самого стресса. Наиболее успешным будет выбор той стратегии, затрата сил при применении которой будет наименьшей при наиболее положительном результате (Ветрова, 2011; Сергиенко, 2011).

Таким образом, целью исследования являлось изучение совладающего поведения субъектов деструктивной привязанности к партнеру, уровня его продуктивности и обусловленности характеристиками привязанности как фактора ухудшения благополучия и жизнеспособности их отношений.

Эмпирическая база исследования состояла из 165 чел., состоящих в отношениях любовной привязанности (в том числе в супружеских отношениях) от 3 до 20 лет. Средний возраст испытуемых – 32 года ($SD=3,8$). Все испытуемые были разделены на две группы. В первую группу вошли 43 женщины и 40 мужчин ($n=83$), не состоящие в отношениях деструктивной привязанности. Во вторую группу – 48 женщин и 34 мужчины ($n=82$), являющиеся субъектами деструктивной привязанности.

Основным методом исследования являлось авторское феноменологическое интервью. Для изучения индивидуального копинга использовался Опросник способов совладания – WCQ С. Фолкман и Р. Лазаруса (Folkman, Lazarus, 1988) в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой (2004); для изучения компонентов привязанности партнеров в близких отношениях – Мультиопросник измерения романтической привязанности у взрослых – MIMARA, адаптация Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик (2009).

Результаты и их обсуждение. Согласно данным, полученным нами данных из феноменологического интервью, субъекты деструктивной привязанности регулярно испытывают тревогу, связанную со страхом потерять партнера; узнать об обмане с его стороны; с общим недоверием к нему. Чувства описываются испытуемыми как хронические, возникающие вне независимости от объективных обстоятельств; как «изматывающие», «опустошающие».

При изучении чувств и переживаний субъектов деструктивной привязанности нами были выявлены следующие эмоции, характеризующие выборку: страсть, желание полностью обладать партнером ($\chi^2=125,45$, $p\leq 0,001$); ненависть к партнеру ($\chi^2=121,66$, $p\leq 0,001$); внутренняя напряженность ($\chi^2=128,65$, $p\leq 0,001$). Все испытуемые отмечают силу и тяжесть собственных переживаний. С одной стороны, они склонны оправдывать наличие столь сильных переживаний именно уникальностью своего опыта, что схоже с работой такого защитного механизма, как *рационализация* ($\chi^2=121,66$, $p\leq 0,001$); с другой стороны, ими отмечается «ненормальность», деструктивность данных переживаний. В то же время большинство субъектов деструктивной привязанности игнорируют либо не в полной мере осознают ту угрозу, которую представляет для них отношения с конкретным партнером (в частности, элементы насилия в отношениях), склонны «забывать» эпизоды ненадежности и безразличия партнера, что, на наш взгляд, является действием защитного механизма *вытеснения* ($\chi^2=115,48$, $p\leq 0,001$).

Идея о том, что в подобных отношениях фрустрируются потребности субъекта деструктивной привязанности также нашла свое подтверждение: оказалось, что им свойственен более высокий уровень фрустрации в близких отношениях с партнером ($p\leq 0,001$). Испытуемые также имеют более высокий уровень самоподдержки ($p\leq 0,001$). Тревога, страх потерять партнера, трудности в удовлетворении собственных потребностей в любви способствуют их эмоциональному дистанцированию от партнера для того, чтобы уменьшить силу переживаний. Именно эмоциональная отдаленность от партнера, трудности в установлении близости с ним могут способствовать нарастанию тревоги и укреплению привязанности к партнеру. Также им свойственен более высокий уровень ревности ($p\leq 0,001$), что связано с желанием подавить тревогу в отношениях с партнером путем осуществления контроля над ним и отношениями в целом, проявления которого и выражаются в ревности. Более высокий уровень «срастания» с партнером ($p\leq 0,001$) испытуемых, имеющих деструктивную привязанность, связан с проблемами у них такой привязанности в дифференцировании личностных границ, что является закономерным итогом отсутствия подлинной психологической безопасности в отношениях.

Различия в выраженности компонентов привязанности у субъектов с деструктивной привязанностью и испытуемых контрольной группы представлены в таблице 1.

Фрустрация субъектов отношений деструктивной привязанности оказалась положительно связана с использованием копинг-стра-

Таблица 1

Сравнение выраженности показателей привязанности у субъектов с деструктивной привязанностью (n=82) и испытуемых контрольной группы (n=83)

Показатель привязанности	t-критерий	Среднее (n=82)	Среднее (n=83)	Уровень значимости
Фрустрация	9,403	3,9	2,9	p≤0, 001
Самоподдержка	7,954	4,2	3,7	p≤0, 001
Ревность	5,842	4,1	3,4	p≤0, 001
Срастание с партнером	10,193	4,4	3,5	p≤0, 001

тегии «планирование решения проблемы» ($R=0,67$ при $p \leq 0,001$), что объясняется возникновением у испытуемых желания получить удовлетворение своих потребностей через попытки улучшить взаимоотношение с партнером, добиться необходимой эмоциональной близости с ним. Также была выявлена значимая положительная взаимосвязь между уровнем «самоподдержки» и использованием *конфронтативного копинга* ($R=0,426$ при $p \leq 0,048$), что проявляется в попытках испытуемых укрепить, усилить дистанцированность от партнера путем демонстрации враждебности к нему, тем самым избегая негативные переживания. Вероятно, что партнеры, имеющие высокий уровень самоподдержки в отношениях, не склонны воспринимать другого партнера как способного оказать им помощь в совладании, поэтому выбирают копинг, позволяющий им оказывать наибольшее сопротивление стрессу. Положительная связь выявлена между «самоподдержкой» и копинг-стратегиями «*принятие ответственности*» ($R=0,516$ при $p \leq 0,014$). Также нами было выявлено, что чем выше у партнера выражен такой компонент романтический привязанности, как «*ревность*», тем в большей мере он использует копинг-стратегию «*бегство-избегание*» ($R=0,476$ при $p=0,025$). Ревность к партнеру, связанная с недоверием к нему, тяжелыми переживаниями, в определенной мере затрудняет применение проблемно-ориентированного копинга и подталкивает человека к избеганию решения проблемы. Кроме того, ревность, на наш взгляд, связана с проблемой контроля над партнером. А поскольку осуществлять полноценный контроль над другой личностью практически невозможно, а также испытываются чувства небезопасности и непринятия, это становится предпосылкой для использования стратегии «бегства-избегания». Значимую отрицательную взаимо-

связь между *ревностью* и использованием копинг-стратегии «*положительная переоценка*» ($R=-0,448$ при $p \leq 0,035$) мы можем объяснить тем, что ревность, как тяжелое для испытуемых переживание, связанное со страхом потерять партнера, способствует их восприятию отношений как опасных, тревожных, которые хочется разорвать, что затрудняет возможность положительно переоценить ситуацию.

Сравнительный анализ различий используемых копинг-стратегий между партнерами с деструктивной привязанностью получил следующие результаты. Таким образом, субъекты отношений с деструктивной привязанностью:

1. Чаще используют копинг-стратегию «*дистанцирование*» ($p \leq 0,002$). Эта стратегия связана с когнитивными усилиями, направленными на уход от проблемы и желание уменьшить ее значимость. Частое использование этой стратегии во многом связано с большей тяжестью испытываемых переживаний. Невозможность избавиться от источника переживаний, приводят к желанию отгородиться от них.
2. Чаще используют копинг-стратегию «*самоконтроль*» ($p \leq 0,008$), что говорит о силе негативных переживаний, с которыми приходится им совладать, применять усилия, направленные на регуляцию своих чувств.
3. Чаще используют копинг-стратегию «*принятие ответственности*» ($p \leq 0,154$), что связано с их склонностью к рационализации, стремлением оправдывать действия партнера. Переживая негативные чувства, данные испытуемые не склонны ожидать или обращаться за помощью к партнеру, что подталкивает их самим искать пути решения проблемы.
4. Чаще используют копинг-стратегию «*бегство-избегание*» ($p \leq 0,001$). Совладание у данных испытуемых происходит в большей степени с чувствами, состояниями, переживаниями, поэтому усилия, направленные на избегание негативных переживаний, нередко оказываются неэффективными.

Описанные выше различия представлены в таблице 2.

Выводы

Совладая с эмоциональными переживаниями, небезопасностью и неприятием в отношениях деструктивной привязанности, испытуемые используют разнообразные копинг-стратегии, но продолжают испытывать высокий уровень стресса и сохраняют неудовлетворяющие их отношения. В таких отношениях они применяют преиму-

Таблица 2

Различия в выраженности копинг-стратегий по методике «Опросник способов совладания» у субъектов с деструктивной привязанностью и испытуемых из контрольной группы (n=165)

Копинг-стратегии по ОСС	t-критерий	Уровень значимости
Дистанцирование	4,181	$p \leq 0,006$
Самоконтроль	11,761	$p \leq 0,001$
Поиск социальной поддержки	8,729	$p \leq 0,001$
Принятие ответственности	7,962	$p \leq 0,001$
Бегство-избегание	7,848	$p \leq 0,001$
Планирование решения проблемы	-2,802	$p \leq 0,006$

щественно избегающие стратегии копинга и стратегии эмоционально-ориентированного копинга. Это свидетельствует о сложности эмоционального переживания стресса, трудностях в использовании продуктивных стратегий, о неподвластности данной ситуации контролю, а также о склонности испытуемых уклоняться от травмирующих переживаний для сохранения относительного психологического комфорта. Использование стратегий «принятие ответственности», «положительная переоценка» позволяет частично адаптироваться к испытываемому в отношениях стрессу, что усиливает субъективное восприятие отношений с партнером как уникальных и сверхзначимых. Однако, вследствие глубокой неудовлетворенности отношениями, ими практически не используется копинг, направленный на отношения, а также диадический копинг.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М.: Наука, 1987. С. 137–145.
- Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 3–18.
- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Ветрова И. И. Развитие контроля поведения, совладания и психологических защит в подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Григорова Т. П. Деструктивная привязанность во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2015.

- Екимчик О. А. Совладание со стрессом в ситуациях ревности и измены // Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 237–257.
- Москаленко В. Д. Зависимость. Семейная болезнь. М.: Пэр Сэ, 2009.
- Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005.
- Кувшинова О. А., Сычев О. А. Стиль привязанности и удовлетворенность отношениями у супружеских пар с различным стажем семейной жизни // Психолого-педагогическое сопровождение семьи в реалиях современного социокультурного пространства: Материалы Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2012. С. 206–211.
- Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.
- Никольская И. М. Клиническая психология семьи: основные положения // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2010. № 4. URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer13.php (дата обращения: 24.08.2015)
- Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований // Психологические исследования. 2011. № 17. URL: <http://www.psystudy.com/index.php/num/2011n3-17/493-rasskazova-gordeeva17.html> (дата обращения: 02.02.15).
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Харламенкова Н. Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 133–159.
- Шипова Н. С. Совладание с переживанием измены в близких отношениях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2014.
- Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 3-е. СПб.: Речь, 2007.
- Berscheid E., Regan P. C. The psychology of interpersonal relationships. Pearson Prentice Hall, 2005.
- Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. N. Y.: Springer Publishing House, 1984.
- Mikulincer M., Shaver P. R. Attachment in adulthood: Structure, dynamics and change. N. Y.: Guilford Press, 2007.

Randall A. K., Bodenmann G. The role of stress on close relationships and marital satisfaction // *Clinical Psychology Review*. 2009. V. 29. P. 105–115.

Vangelisti A. L. *Feeling Hurt in Close Relationships*. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.

Психологическая готовность к семейной жизни как аспект самоопределения

И. В. Дубровина (Москва)

iv.dubrovina@yandex.ru

Обосновывается положение о том, что подготовка молодых людей к семейной жизни заключается не только в занятиях по «семеьеведению» и в «половом просвещении», но и в развитии нравственных качеств личности, необходимых для благополучной, счастливой семьи.

Ключевые слова: *самоопределение, половое воспитание, семья, школа, психологическая готовность к семейной жизни, нравственное воспитание.*

Самоопределение – сложный и длительный процесс. Он означает определение себя в мире, предполагает, что перед человеком открываются разные возможности самоосуществления. Самоопределяться молодому человеку приходится во многом: в своих отношениях к миру, в вопросах смысла существования, в проблемах собственного самосознания (общечеловеческое, этническое, религиозное, историческое, нравственное, профессиональное и пр.), в социальных и культурных ценностях, в своих чувствах, в идеалах. Можно сказать, что в самоопределении взрослеющего человека рождается смысл его последующей жизни.

Признавая большое значение подготовки молодежи к жизни, педагоги, родители, психологи основное внимание уделяют формированию мировоззрения юношей и девушек, их профессиональным намерениям, выбору будущей профессии. Вопросы – «куда пойти учиться», «как стать хорошим специалистом», «как установить хорошие отношения в коллективе» и пр. – центральные в разработке проблемы самоопределения и подготовки молодежи к жизни. Но есть еще одна очень важная сторона жизни человека – жизнь семейная.

Современная семья – самый чувствительный показатель духовного и социального здоровья общества. Семья является сложнейшим социальным объединением, с которым так или иначе связана жизнь каждого из людей. Поэтому один из важных аспектов самоопределения взрослого человека – формирование его готовности к созданию в будущем собственной семьи. Самоопределение в этой сфере жизни, как и во всех других, – сложный и длительный процесс. Не всегда человек, достигший определенного возраста, готов к созданию семьи.

Ранний брак для двух молодых людей может оказаться не просто воплощением романтической мечты быть вместе и в радости, и в горести, но может стать настоящим испытанием на прочность характера и чувств. У молодых людей могут возникнуть психологические трудности. Юноша и девушка как бы переходят из одного мира отношений в другой. До брака их отношения были похожи больше на дружеские. Дружеские же отношения с начала и до конца остаются неофициальными, необязательными. Они существуют только потому, что есть потребность в их сохранении. После заключения брака возникают новые отношения – супружеские, которые по содержанию остаются неофициальными, а по форме становятся официальными. Молодые люди берут на себя определенные обязательства друг перед другом, ответственность за семью, за детей. По словам К. Маркса, никто не принуждает к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак.

Супружество предъявляет определенные требования к поведению и поступкам молодоженов, оно в той или иной степени ограничивает индивидуальную свободу, приносит ежедневные хлопоты. Рождение детей ставит новые проблемы перед супругами. И вот этот переход от некоторой необязательности к ответственности не для всех юношей и девушек совершается сразу и безболезненно. Поэтому один из важных аспектов самоопределения растущего и взрослеющего человека – формирование его психологической готовности к созданию своей семьи. Психологическая готовность, прежде всего, включает в себя осознание юношей и девушкой того, что регистрация брака есть не завершение, а лишь начальный этап на пути создания семьи, что счастье семьи во многом зависит от осознания молодыми людьми правовой и нравственной основы брака. И, конечно, насколько у них развита способность быть по-настоящему любящим, т. е. способность любить человека ради него самого.

Уместно вспомнить предупреждение В. А. Сухомлинского: «Труднейшая страница человеческой мудрости – это постичь умом и серд-

цем, что значит любить так, чтобы был счастлив тот, кого ты любишь, чтобы счастливым приходил в мир тот, кого порождает любовь. От того, как будут овладевать молодые поколения этой великой мудростью, зависит не только личное счастье. От этого зависит нравственная чистота и счастье всего общества» (Сухомлинский, 1971, с. 143). Создание собственной семьи – личный выбор каждого человека. Но этот выбор требует личностной зрелости, способности принять на себя ответственность за него. Поэтому к семейной жизни человека надо специально психологически готовить как к очень сложной деятельности.

Причем начинать воспитывать молодежь в преддверии или после свадьбы слишком поздно. К семейной жизни человека следует готовить с детских лет, со школьной скамьи. Это легче и эффективнее, чем потом создавать многочисленные психологические консультации, разбирающие сложности уже существующей семьи, когда психолог-консультант должен обучать уже взрослых людей нормальному общению и взаимодействию в семье.

В плане подготовки детей и школьников к семейной жизни, безусловно, полезны и специальные лекции, беседы, и реализация программ по проблемам полового воспитания, просвещения, семьеведения и пр. Но, главное, такая подготовка должна заключаться в развитии их личности, повышении уровня их нравственного развития.

Специфика семейной жизни заключается в том, что для которой встречаются мужчина и женщина, связанных и половым влечением, и высокими нравственными отношениями, что вместе и означает любовь. А. С. Макаренко обращал внимание на то, что силы «любовной» любви могут быть найдены только в опыте неполковой человеческой симпатии. Что, воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении, формируем готовность к семейной жизни.

Известно, что основными социальными институтами, призванными помочь детям в их нормальном взрослении, социализации и самоопределении, являются семья, образовательные учреждения, общество в целом. В настоящее время, осуществляя задачу нравственного воспитания подрастающего поколения, и в семье, и в школе мало внимания обращают на самую суть его – на воспитание психологической культуры личности ребенка. Такое воспитание обусловлено развитием духовных потребностей в познании и самопознании, рефлексии, красоте, творчестве, общении, поиске смысла жизни, оно предполагает не только глубину интеллектуального

развития, но и тонкость и богатство эмоциональной сферы, что помогает растущему человеку воспринимать и понимать чувства и переживания других людей, откликаться на них. Как показывают психологические исследования, у многих детей не развивается желание и не формируется умение внимательно относиться к потребностям и переживаниям других людей, заботиться о близких, развивается эгоистическая мотивация. Такую внутреннюю позицию человек может сохранить, создав и свою собственную семью, где требования, адресованные ранее отцу или матери, предъявляются теперь супругу. А между тем умение и желание понять окружающих людей, учитывать их интересы, вкусы, настроения, привычки являются непременным условием благополучия будущей семейной жизни.

Каждый из социальных институтов, решая вопросы психологической готовности детей, подростков, молодежи к семейной жизни, должен руководствоваться принципом непрерывности этого процесса (Сергиенко, 2012) и учитывать возрастные особенности развития самосознания, индивидуальных потребностей, интересов и пр. Самым первым и главным «социальным институтом» для ребенка, конечно, является семья. Ребенок растет, переходит из одного социального института в другой, но влияние на него семьи сохраняется. Буквально с рождения он впитывает понятия, образы, а вместе с ними и через них – некий заданный в семье, установленный и поддерживаемый тип социальных отношений, особенности мироощущения, которыми определяются эмоциональные и этические нормы отношений, эталоны поведения, общая направленность личности и т. д. В воспитании ребенка как будущего семьянина огромная роль принадлежит примеру родителей – видит ли ребенок воочию счастье семейной жизни, радость общения отца и матери. А. С. Макаренко замечал, что настоящая любовь между отцом и матерью, их нежность и уважение друг к другу, помощь и забота являются самым могучим воспитательным фактором, возбуждают у детей внимание к серьезным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной. Способствуют постепенному развитию такой стороны самосознания, как осознание себя представителем определенного пола. Овладевая культурой в процессе неформального семейного образования, ребенок одновременно овладевает собой и своим поведением, постепенно накапливает свой собственный опыт отношений, интересов, переживаний. «Следует задуматься, – замечает В. П. Зинченко, – не является ли то, что Л. С. Выготский называл социокультурным контекстом развития, духовным укладом, который начинает усваиваться в раннем детстве» (Зинченко, 2003, с. 419).

Половая принадлежность – самая первая категория, в которой осмысливает себя ребенок. Половые различия дети весьма рано осознают, а затем довольно остро переживают. Например, вот какие вопросы детей 2–3 лет, связанные с этой проблемой, приводит К. Чуковский в своей книге «От двух до пяти». Так, мальчик спрашивает: «Папа, а когда ты был маленький, ты был мальчик или девочка?». Или: «Папа, как узнают, кто родился – мальчик или девочка? Ведь на них нет ни штанишек, ни юбочек». Или: «Слушай, мама, когда я родился, откуда ты узнала, что я – Юрочка?»

Еще Л. Фейербах указывал, что осознание индивидом себя в качестве мужчины и женщины является непременным условием успешного развития личности. Он писал, что личность есть ничто без полового различия. Поэтому с самого раннего детства нужно тактично знакомить детей с проблемами пола. Готовить их к встрече с представителями другого пола, придавая этой встрече соответствующие содержание и направление.

Дети очень неравнодушны к своей внешности, которая уже в дошкольном возрасте фокусирует их напряженные эмоциональные переживания, а затем влияет и на формирующуюся общую самооценку. Очень важно помочь ребенку увидеть и осознать достоинства своей внешности, помочь ему полюбить свой внешний облик, относиться к нему спокойно, не стесняться его. Обратит внимание ребенка на то, что все девочки и мальчики, в том числе и он (или она) прекрасны, надо только уметь увидеть это. Именно в этом возрасте закладывается определенная модальность эмоционального отношения ребенка к миру, к людям, к себе. Эта модальность зависит в значительной степени от психологической атмосферы в семье, от тех отношений, которые складываются у ребенка с родителями и другими членами семьи. Наверное, самое ценное, что получает ребенок в семье, – это ощущение себя нужным, любимым, это дает ему спокойствие и уверенность в отношениях с окружающим миром, он к нему тоже относится с доверием и любовью. Родительская любовь создает основу для позднейших гуманных и благожелательных отношений человека к людям. Чувство любви есть тот общий фон, который упорядочивает и оживляет все остальные чувства, формирует и обогащает эмоциональный мир растущего человека, позволяет ребенку соприкоснуться с такими чувствами, как человеколюбие, великодушие, милосердие, бескорыстие и пр.

То, что ребенок приобретает в семье, он сохраняет на долгие годы. «Именно опыт, приобретенный в раннем детстве, формирует такие основные феномены, как порядочность и чистоплотность, самодисциплина и самоотверженность, которые, в свою очередь,

вливают на поведение человека в рамках последующих половых отношений» (Борман, 1975, с. 11).

Когда ребенок поступает в школу, происходит как бы «слияние» двух социальных институтов – семьи и образовательного учреждения, развитие ребенка находится под влиянием уже двух основных факторов – семейной ситуации и школьной. Конечно, можно ответственность за подготовку школьников к созданию собственной семьи возложить на родителей. Важность семьи в подготовке ребенка к будущей семейной жизни неоспорима. Но, как известно, семьи бывают разные. И семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания.

Есть явно неблагополучные семьи, в которых присутствуют грубость, скандалы, аморальное поведение, насилие. Подросткам из таких семей присущи агрессивность, пренебрежение к достоинству личности. Есть так называемые внешне «благополучные» семьи: в одних из них процветают потребительство и бездуховность, что формирует у ребенка гипертрофированные материальные, престижные потребности, в других – отсутствуют эмоциональные связи ребенка с родителями, что ограничивает его положительные эмоциональные переживания и впечатления. В жизни многих детей отсутствует любовь как явление культуры, как тип нормальных отношений между людьми. У детей из подобных семей по сути дела оказывается полностью неудовлетворенной основная потребность детского возраста – потребность в любви и внимании со стороны родителей, и это неминуемо приводит к напряженным переживаниям ребенка, которые становятся основой для формирования его характера и отношений с окружающими.

Поэтому в школе следует больше внимания уделять формированию самоопределения школьников, особенно начиная с подросткового возраста, и в этом «семейном» направлении жизни. Обращать более серьезное внимание на такую сторону развития самосознания подростков, как осознание себя представителем определенного пола. В этом возрасте быстрый физический рост и половое созревание производят заметные изменения во внешнем и внутреннем мире подростка, у него возникают новые ощущения, чувства, переживания, которые порождают острый интерес к самому себе и интерес к другому полу. Начинают проявляться чувства симпатии к представителям противоположного пола, появляются увлечения, привязанности, первая любовь.

Мальчики и девочки начинают осознавать себя мужчиной или женщиной, у них начинают складываться идеалы мужественности и мужской привлекательности, женственности и женской

красоты, формируется потребность понять себя с этой точки зрения. Иными словами, у мальчиков и девочек подросткового возраста уже возникают идеалы «взрослого мужчины», «взрослой женщины» (или мужественности – женственности), чаще всего не знаемые и не контролируемые взрослыми – родителями, учителями, которые на эту сторону развития самосознания подростков явно обращают недостаточное внимание. Подросток чаще всего остается один на один с возникающими в связи с этим новыми ощущениями, мыслями, переживаниями, потребностью понять себя.

Существующие в школе программы, методы учебной и воспитательной работы, характер общения и пр. не предусматривают создания особой системы представлений ребенка, подростка о себе как человеке определенного пола, включающих специфические для мальчиков и для девочек потребности, мотивы, ценностные ориентации, отношения к представителям другого пола и соответствующие этим образованиям формы поведения. Эта система представлений во многом складывается стихийно, под влиянием поведения и отношений сверстников, родителей, других взрослых. Сейчас особенно – под влиянием телевидения, Интернета, рекламы, глянцевого журналов и пр. «В настоящее время в нашей стране сложилась переломная ситуация, когда существующие традиционные стереотипы маскулинности (мужественности) и фемининности (женственности) уже устарели, а новые еще не успели сложиться. В такой ситуации острее, чем в стабильной культуре, перед молодым поколением встают вопросы выборов половой идентичности, адекватного формирования представлений о межличностных, эмоционально значимых отношениях, о личностных качествах и характеристиках потенциального полового или брачного партнера» (Черникова, Камышанова, 2006, с. 4).

Задача развития личности ребенка в соответствии с его полом включает формирование, с одной стороны, психологического пола, с другой – системы отношений с лицами противоположного пола. Быть может, самое главное в половом воспитании – это общее положительное и тактичное отношение взрослых к сложным проблемам взаимоотношения полов. Подростки и старшеклассники остро нуждаются в помощи старших, прежде всего родителей и учителей, но одновременно хотят оградить свой интимный мир от их бесцеремонного вторжения.

Девочки и мальчики подросткового и раннего юношеского возраста испытывают острую потребность не только общаться и строить отношения с представителями противоположного пола, но и лучше разобраться в захватывающих их чувствах и переживаниях, в характере складывающихся отношений.

Любовь не только индивидуальное чувство, но и специфическая форма человеческих взаимоотношений, предполагающая максимальную интимность, близость. «Каждый индивид обладает какими-то природными потенциями, но „сценарий“ его сексуального поведения, то, кого и как он будет любить, определяется всей совокупностью условий, сформировавших его личность» (Кон, 1979, с. 130).

Психологически различие любви и сексуального влечения характеризуется их противоположной направленностью: если любовь проявляется в самоотдаче, то сексуальность стремится к самоудовлетворению, превращая другого в средство удовлетворения своей потребности. Важно сочетание духовного общения с физической близостью. Недостаточный уровень духовного развития ребенка к моменту полового созревания приводит к конфликту сексуальности с высшими чувствами и стремлениями. Об этом свидетельствуют описанные в литературе факты существования у подростков конфликта между чувственностью и возвышенной платонической любовью. В такой ситуации, пишет Т. А. Флоренская, «существуют различные возможности: половое созревание может привести к сексуальной доминанте и, следовательно, к аномалии в развитии личности – к эгоцентризму и потребительству. Но, с другой стороны, половое созревание „совпадает“ с такими новообразованиями в развитии личности, как рефлексия, самоанализ, повышенная сензитивность к нравственным проблемам, что является залогом нормального развития личности» (Психолого-педагогические..., 1980, с. 59–60).

Задача состоит не в том, отмечал И. С. Кон, чтобы уберечь юношей и девушек от сексуальности – это и невозможно, и не нужно, а в том, чтобы научить их управлять этой важной стороной социальной и личной жизни. Это значит, что старшеклассники должны знать не только биологию пола, но и иметь ясные представления о социальных и психологических аспектах проблемы (Кон, 1979, с. 137). Поэтому проблема «полового воспитания состоит отнюдь не только в «половом просвещении», акцентирующем внимание на сексуальных отношениях, а в воспитании будущих мужчин и женщин, способных любить и готовых к трудностям семейного быта, материнства и отцовства. Способность любить является признаком личностной зрелости человека. «Радоваться самому существованию другого человека – вот выражение любви в ее исходном и самом чистом виде» (Рубинштейн, 1976, с. 370). Воспитательная работа с подростками и старшеклассниками приобретает форму социально-психологической поддержки процесса полового и семейного самоопределения (Черникова, Камышанова, 2006, с 163).

Дать полное объяснение феномену человеческой любви, феномену семьи с помощью средств научного познания невозможно в силу уникальности, присущей этим феноменам. Любовь каждого человека индивидуальна, каждый по-разному и в разном возрасте находит свою любовь, переживает свой неповторимый опыт любви и создания семьи.

Однако осознание приходит через «ворота» научной мысли (Л. С. Выготский), а психологическая наука все-таки способна прояснить суть любви и значение семьи, описать и классифицировать проявления любовных переживаний, семейных отношений. Поэтому наиболее эффективным методом воспитания в школе личности растущего человека, в том числе и полового воспитания, было бы полноценное психологическое образование. Л. С. Выготский писал в связи с проблемой полового воспитания: «Нет никаких путей для этики, которые не были бы проложены через психологию. Этические усилия и заключаются в овладении природными влечениями, говорящими в человеке. В этом смысле та свобода воли, которую необходимо предполагает этическое решение, заключается в господстве над самим собой, основанном на правильном понимании природной необходимости. Нужно иметь известный психологический опыт для того, чтобы овладеть собой. Это длительное и трудное искусство, которому надо долго учиться, вероятно труднейшее из всех остальных искусств овладения природой» (Выготский, 1929, с. 140).

Психология как учебный предмет может в какой-то степени рассматриваться как зона ближайшего развития личности. Эту «зону» создает учитель, постепенно вводя ребенка (в соответствии с возрастом) в мир все более усложняющихся человеческих и социальных отношений, в мир человеческих чувств, переживаний, знаний, размышлений. В мир ответственности за свои решения, поступки, отношения, за свое поведение и общение, в целом, за определение нравственного смысла своей жизни и нахождение путей его реализации.

В настоящее время подготовлен большой отряд профессиональных школьных психологов, которые при небольшой дополнительной педагогической подготовке способны эффективно вести школьный курс психологии, включающий психологические проблемы «любовно-семейного» самоопределения учащихся.

Литература

- Борман Р.* Молодежь и любовь. М.: Прогресс, 1975.
Выготский Л. С. Педология подростка. М., 1929.

- Зинченко В. П.* Психологические основы педагогики: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2003.
- Кон И. С.* Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979.
- Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни: Сборник научных трудов / Под ред. И. В. Дубровиной. М., 1980.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
- Сергиенко Е. А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/711-sergienko24.html> (дата обращения 10.12.2014)
- Сухомлинский В. А.* Рождение гражданина. М., 1971.
- Черникова Т. В., Камышанова И. В.* Возраст первой любви. Воспитание чувств. М., 2006.

Особенности содержания гендерных стереотипов в детском возрасте

С. В. Забегалина (Ульяновск)

svetlanviktorovn@mail.ru

Вместе с развитием ребенка изменяются не только свойства его личности, но и содержание его сознания, содержание его представлений и знаний о мире. В статье анализируется содержание представлений ребенка об идеальных мужчине и женщине.

Ключевые слова: *гендерный стереотип, полоролевой стереотип, черты личности, гендерная роль, идеальный мужчина, идеальная женщина.*

Т. А. Репина выделяет четыре основных направления в психологии, касающихся вопроса полоролевой социализации: первое – психоанализ, второе – теория социального научения и близкая к ней теория моделирования, третье – теория когнитивного развития, четвертое – так называемая новая психология пола (Репина, 1987). Психоанализ считает мужскую и женскую модели поведения диаметрально противоположными по своим качествам. Если для типичного мужского поведения характерны активность, агрессивность, целеустремленность, стремление к соперничеству, способность к творчеству, рассудительность, развитые волевые качества, то для женского – пассивность, зависимое поведение, уступчивость, отсутствие логики мышления, а также больше присуща эмоциональность и социальная уравновешенность.

Подражание и эмоциональные отношения наиболее важным являются во втором направлении. Здесь почти все зависит от родительских моделей, которые ребенок старательно осваивает, и от подкреплений, которые дают родители: положительное – за соответствующее полу поведение ребенка, отрицательное – за противоположное (Забегалина, 2011).

В разработанной Л. Колбергом теории когнитивного развития таким главным фактором в детском развитии является познавательная информация, которую ребенок получает от взрослого, а также понимание им своей половой принадлежности и того, что это свойство необратимо. Ориентация на образец «хорошего мальчика» или «воспитанной девочки» происходит на том этапе детского развития, когда отчетливо осознается мнение других и возникает стремление действовать так, чтобы завоевать их одобрение, когда начинают формироваться собственные понятия о хорошем и плохом. В «Новой психологии» основная роль отводится «социальным ожиданиям общества, которые возникают в соответствии с конкретной социально- культурной матрицей и находят свое отражение в процессе воспитания.

Основные понятия, используемые нами в работе – это гендерный и полоролевой стереотип (они часто используются в синонимичном значении) и черты, характеристики личности. Полоролевой (гендерный) стереотип объясняется с помощью таких двух понятий как стереотип и гендерная (половая) роль. Стереотип – мнение о личностных качествах группы людей. Они могут быть чрезмерно обобщенными, неточными и резистентными к новой информации (Майерс, 1996). Гендерная роль – набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин. Полоролевой стереотип таким образом выступает как мнение об определенных личностных качествах и нормах поведения как свойственных и/или желательных для лиц мужского и женского пола. И под чертами личности здесь понимаются не только стабильная предрасположенность вести себя определенным образом, но все внешне выраженные качества личности, выражаемые с помощью определений. Основное изменение в гендерных стереотипах за последние десятилетия – это их ослабление, причинами которого являются следующие факторы:

- во-первых, психологами доказано, что нет «чисто» мужской и «чисто» женской личности, но различные качества имеют разную степень выраженности;
- во-вторых, широко признан тот факт, что стереотипы не представляют собой что-то «природное», а, скорее, создаются обществом (Смелзер, 1994).

Несмотря на их ослабление, стереотипы очень действенны. Большинство людей в мире верят в общепринятые гендерные идеалы – идеализированные представления о предназначении, поведении и чувствах мужчин и женщин. Е. П. Ильин приводит данные исследований Дж. Уильямса и Д. Бест (1990), из которых следует, что су-

ществует много общего в таких стереотипах мужчин и женщин у представителей различных стран (Ильин, 2007).

Разработанная нами опросная методика применялась к детям разных возрастных групп (дошкольники (4–7 лет), младшие школьники (7–10 лет), средние школьники (12–13 лет) и всего было опрошено 106 детей. Предметом исследования послужили представления детей об идеальном человеке, мужчине и женщине.

Целью нашего исследования было изучение особенностей содержания гендерных стереотипов. В задачи исследования входило выявление особенностей содержания изучаемых стереотипов в каждой возрастной группе и возможных факторов, определяющих эти особенности, сравнение результатов опроса по группам между собой, поиск некоторых общих закономерностей и тенденций в процессе формирования гендерных стереотипов, определение возможных факторы, их обуславливающих.

Согласно гипотезе, общие, наиболее характерные черты в представлениях об идеальном человеке, мужчине и женщине, формируется и закрепляется ранее, чем различные, варьирующие в разных группах. Уже в дошкольном возрасте у детей имеются устойчивые представления о социально одобряемых чертах. Также мы предполагаем, что основа идеальных представлений практически сформирована к концу младшего школьного возраста, далее следует их дифференциация в зависимости от личности самого ребенка и той социальной среды, в которой он находится.

Каждый стереотип описывался с помощью определенного набора черт. Под чертами мы понимаем те характеристики, которые дети давали своему идеалу человека, мужчины и женщины. На основе сравнения данных по разным группам, а также детального анализа результатов, полученных в каждой группе в отдельности, мы предположили возможность выявить некоторые общие тенденции и закономерности, касающиеся процесса формирования гендерных стереотипов.

В исследовании применяется метод опроса: в группе дошкольников – опрос-интервью, в группах школьников младшего возраста (1–3, класс) и среднего школьного возраста (6 класс) – анкетный опрос. Методика опроса базируется на методике И. Браверман (Braverman, 1972) и Дж. Шафетц (Chafetz, 1978), в которой юношей и девушкой просили дать характеристику типичному мужчине и типичной женщине. В результате опроса был создан различный набор качеств типичных мужчины и женщины (см. табл. 1, цит. по: Ильин, 2007).

В группе дошкольников проводился опрос-интервью, а школьники записывали свои ответы самостоятельно. Согласно инструк-

Таблица 1
Стереотипы типичных черт мужчин и женщин

<i>Типичный мужчина</i>	<i>Типичная женщина</i>
Агрессивный	Тактичная
Предприимчивый	Проявляет расположение
Доминирующий	Нежная
Независимый	Не использует грубых выражений
Скрывающий эмоции	Понимает чувства других
Любит математику и науку	Разговорчивая
Обладает деловыми навыками	Религиозная
Знает, как осваивать мир	Интересуется собственной внешностью
Легко принимает решения	Ценит искусство и литературу
Самодостаточен	Сильно нуждается в защите
Свободно говорит о сексе	Аккуратная в привычках
с другими мужчинами	Спокойная

ции, дети-школьники должны были написать по 5 черт, обязательных для идеального человека, мужчины и женщины, затем написать по пять «чисто» мужских и женских профессий, руководствуясь при том только собственными представлениями, а не действительностью. Характеристики предлагалось давать с помощью прилагательных. Полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа, а затем ранжирования, отдельно в каждой группе по возрастам и по полу.

Представление детей о гендерных стереотипах, распространенных в любом обществе, формируются, по нашему мнению, очень в раннем возрасте, в процессе социализации, где задействованы агенты разного пола. Распространенные, по мнению взрослых, черты, свойственные определенному полу, будут проявляться и закрепляться в полоролевых стереотипах детей ранее, чем те черты и характеристики, которые признаются немногими. Уже в старшем дошкольном возрасте у детей имеются устойчивые представления о социально одобряемых чертах человека, мужчины и женщины, а также адекватное восприятие негативных проявлений в поведении, манерах, характере индивидов. Дети раннего возраста дифференцируют часть черт как присущих в большей степени маме или характерные для папы. Идеальные качества, называемые (или предполагаемые) как существенные, находят себе воплощение в любимых персонажах мультфильмов, героях сказок и приключенческих произведений, любимые актеры кино также сочетают в себе набор

привлекательных для ребенка черт. Мы полагаем, что устойчивые представления о гендерных стереотипах как о фундаменте существенной части дальнейшего построения картины мира оказываются практически сформированными уже к концу младшего школьного возраста. Далее идет лишь дифференциация исследуемых представлений в зависимости от личности самого ребенка и той социальной среды, в которой он находится: семьи, школы, в которой ребенок учится, сверстников, с которыми он общается, и того круга знакомых взрослых лиц, который оказывает на ребенка значимое влияние.

Анализ результатов

В дошкольном возрасте дети не могут четко описать их представления об идеале. По их мнению, человек должен быть хорошим; также они относятся и к идеалам мужчины и женщины. Объясняется это несформированностью абстрактного мышления в этом возрасте. Дети легко называют любимых актеров и персонажей мультфильмов, хотя описать их еще затрудняются и называют одну – две их характеристики. Несколько проще собрать данные об их полоролевых стереотипах, когда разговор заходит о родителях, но описания ситуативные: «Я люблю, когда мама добрая, или я люблю, когда папа добрый. Люблю, когда мама ласковая, не люблю, когда папа ругает». К родителям, чаще к отцам, предъявляются требования к выполнению культурных норм: «Не люблю, когда папа грызет ногти» и т. д.

В первом классе основные положительные черты идеала мужчины и женщины – добрый, умный, красивый, варьируется лишь их ранг. Часть черт приписывается как свойственные только одному полу, например: сильный и смелый мужчина, а женщина ласковая.

Во втором классе оказалась распространенной оценка степени выраженности эмоциональных проявлений. Для мужчины более характерно быть серьезным, а для женщины – веселой.

В третьем классе называются такие черты, как заботливый или хозяйственный, дети чаще пишут, что женщина должна уметь хорошо готовить и воспитывать детей.

Также существенны различия между списками профессий, предлагаемыми для противоположного пола: девочки не выбирают в качестве «женских» непрестижные виды деятельности, выбранные мальчиками: уборщица, официант и т. д. Признаком «мужских» профессий для девочек является физическая нагрузка, престижность, привлекают «военные», но избегаются «мирные» профессии, связанные с риском: спасатель, пожарный. Мальчиков, наоборот, привлекают последние.

Заметные различия обнаружались у девочек и мальчиков из частной и муниципальной школ. Дети из частной школы называют такие черты для мужчины, как богатый, культурный, воспитанный, интеллигентный. Образ идеальной женщины, в первую очередь, подразумевает легкий, мягкий характер и яркую индивидуальность, а также не быть скупой. Дети из муниципальной школы называют традиционные «мужские» и «женские» черты – сильный, мужественный, умный и т. д., а женские – заботливая, хозяйственная, ласковая, красивая и т. д.

Аналогичные различия отмечаются и в списке профессий: дети из частной школы часто среди «женских» называют парикмахера, стилиста, дизайнера, другие профессии, связанные со «сферой красоты», среди «мужских» – предприниматель, президент, директор и т. д. Дети из муниципальной школы такие профессии называют крайне редко (не более 1 случая на класс). Черты идеального человека у мальчиков часто включают часть «мужских», а у девочек – часть «женских» черт.

В 12–13 лет дети уже без затруднений разводят понятия идеалов, выделяют существенные и уникальные для каждого образа

Таблица 2

Характеристики «идеальных» мужчин и женщин, по данным опроса подростков (12–13 лет, 30 респондентов)

«Идеальный» мужчина		«Идеальная» женщина	
Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
1. добрый (9) *	1. умный (11)	1. красивая (12)	1. красивая (12)
2. умный (8)	2. добрый (8)	2. добрая (8)	2. умная (12)
3. сильный (7)	3. красивый (7)	3. умная (8)	3. добрая (9)
4. честный (7)	4. честный (6)	4. честная (7)	4. отзывчивая (7)
5. красивый (6)	5. сильный (6)	5. веселая (6)	5. приветливая (5)
6. волевой (5)	6. смелый (5)	6. работающая (5)	6. честная (5)
7. накачанный (4)	7. высокий (4)	7. ласковая (5)	7. хозяйственная (4)
8. веселый (3)	8. веселый (3)	8. стройная (4)	8. веселая (3)
9. мужественный (3)	9. интеллигентный (3)	9. душевная (3)	9. трудолюбивая (3)
10. деликатный (2)	10. отзывчивый (3)	10. вежливая (2)	10. общительная (2)

Примечание: В скобках указано количество респондентов, предложивших данную характеристику.

черты. Время, затрачиваемое на поиск нужного ответа, сокращается, по сравнению с младшими группами, в несколько раз, усложняются мотивы, обуславливающие выбор нужного слова. Количество черт, называемых детьми, возрастает почти вдвое (1,9 раза), по сравнению с младшими школьниками, что, несомненно, обусловлено возрастом и соответствующим уровнем развития детей. В этом возрасте (12–13 лет) прослеживается поиск индивидуальных черт идеала.

Так же как и черты личности, становится более расширенным список профессий для мужчин или женщин, называемых детьми. Что показательно, они совпадают с действительным распределением этих профессий в обществе среди лиц мужского и женского пола (см. табл. 3).

В целом, для идеалов человека и гендерных стереотипов характерным является их почти полное совпадение со стереотипами, распространенными в обществе. Кроме того, представления детей могут служить источником дополнительной информации о ценностях и установках их родителей. Можно отметить факт преобладания у детей в любом из трех идеалов общечеловеческих ценностей: красоты, ума, доброты. Вместе с возрастом ребенка происходит изменение в расстановке акцентов на различных характеристиках идеала. Вместе с тем существуют черты общие для всех идеалов и характер-

Таблица 3

Характерные «чисто» мужские и «чисто» женские профессии, по данным опроса подростков (12–13 лет, 30 респондентов)

Мужские		Женские	
Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
1. водитель (10)	1. водитель (11)	1. медсестра (12)	1. учитель (8)
2. бизнесмен (8)	2. полицейский (9)	2. воспитатель (12)	2. врач (7)
3. грузчик (8)	3. президент (8)	3. учитель (11)	3. швея (5)
4. строитель (7)	4. строитель (7)	4. повар (9)	4. фотомодель (5)
5. шахтер (7)	5. бизнесмен (7)	5. домохозяйка (8)	5. воспитатель (5)
6. врач (6)	6. грузчик (6)	6. уборщица (7)	6. медсестра (4)
7. инженер (4)	7. инженер (5)	7. стюардесса (5)	7. психолог (4)
8. летчик (4)	8. летчик (4)	8. продавец (4)	8. продавец (3)
9. сантехник (4)	9. архитектор (3)	9. бухгалтер (3)	9. повар (3)
10. военный (3)	10. сантехник (3)	10. цветовод (2)	10. модельер (2)

ные для детей любого возраста. С возрастом роль последних увеличивается, в оценке событий, фактов и людей ребенок начинает опираться на взгляды других детей. Особенно четко подобная ориентация начинает прослеживаться со включение ребенка в новые для него социальные институты – школу.

Время наиболее четких проявлений стереотипов – младший школьный возраст. С конца младшего школьного возраста появляются идеалы с опорой на собственную индивидуальность, Постепенно возрастает количество черт, присущих взрослому человеку. Это значит, что ребенок начинает ориентироваться на взрослые стандарты поведения и полоролевые стереотипы, возрастает общее количество называемых черт.

Происходящие количественные и качественные изменения обусловлены развитием познавательных процессов и личности в целом. Первоначально идеал формируется, а затем уже идет его присваивание себе. Если идеал кажется недостижимым, например, быть «красивым и сильным» воспринимается как нереальное явление, то возможен внутрличностный конфликт успешное разрешение которого возможно либо при изменении себя (невозможность успеха на самом деле иллюзорна), либо изменении идеала (возможность успеха нереальна в данном направлении идеал меняется, например на «умный и интересный»).

Для практических целей важно знать каким ребенок представляет себя (добрый–злой, умный–глупый, сильный–слабый и т. д.) и каков его идеал. В случае противопоставления некоторых своих черт идеалу можно говорить о наличии у ребенка внутрличностного конфликта. В целом, совпадение или несовпадение с идеалом свидетельствует о самооценке ребенка. Дополнительную информацию дает оценка идеалов мужчины и женщины, идентификация себя со своим полом, выработанность или отсутствие полоролевых стереотипов. В целом гендерные, полоролевые стереотипы имеют социальную природу и характеризуют социальное окружение ребенка, обуславливая его адаптацию не только в детском возрасте, но и во взрослой жизни (Овсяник, 2012).

Литература

Забегалина С. В. Развитие полоролевых стереотипов в детском возрасте: прогноз изменений // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования), 2011. № 4 (18). С. 55–66.

- Зуев К. Б.* Представления о гендерных ролях подростков из полных и неполных семей // Психологические исследования. Вып. 1 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 126–138.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2007.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. Гл. 2. Гендерные стереотипы, или Мужчины и женщины в глазах общества. URL: <http://bookap.info/genpsy/ilyin/gl14.shtml> (дата обращения: 07.10.2015).
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1996.
- Овсяник О. А.* Социально-психологические особенности адаптации личности // Современные исследования социальных проблем: Электронный научный журнал. 2012. № 1. С. 686–696.
- Репина Т. А.* Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 159–165.
- Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- Chafetz J. S.* Masculine/feminine or human? An Overview of the Sociology of Sex Roles. Itasca, Illinois: F. E. Peacock. 1978.

Роль диадического копинга в супружеских отношениях*

Е. М. Королева, Т. Л. Крюкова (Кострома)

katerina_shutova@bk.ru tat.krukova44@gmail.com

В статье описывается совладающее поведение партнеров как фактор развития супружеских отношений. Представлены результаты исследования диадического совладания, обсуждаются связи диадического конфликтного копинга со степенью удовлетворенности супружескими отношениями. Рассматриваются различия в выборе партнерами совместных копинг-стратегий в зависимости от статуса отношений (зарегистрированный и незарегистрированный брак).

Ключевые слова: *стресс, диадический стресс, совладающее поведение, диадический копинг супругов, удовлетворенность браком.*

В каждой семье, как функциональной, так и дисфункциональной, есть свои стабилизаторы, дестабилизаторы, положительно либо отрицательно влияющие на динамику супружеских отношений. Любая семья на протяжении жизни сталкивается с различными трудностями. Успешность совладания с ними откладывает отпечаток на качество супружеских отношений, их стабильность, психологическое здоровье, удовлетворенность браком (Revenson et al., 1995). Каждая семья по-разному совладевает с тяжелыми жизненными ситуациями, которые, в свою очередь, проверяют ее на прочность. При неэффективном копинге они могут привести к разрыву партнерских отношений, у других же семей, наоборот, существует особое качество, называемое *resilience* (McCubbin, 1983), которое позволяет ей формировать и поддерживать устойчивые паттерны функционирования под влиянием стресса.

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10671/15.

Одним из наиболее пагубных результатов отсутствия удовлетворения близкими отношениями являются психологически негативные состояния одиночества, депрессии, апатии и т. д. (Regan, 2011). Большинство отечественных авторов (В. Н. Дружинин, О. А. Карабанова, М. В. Сапоровская, Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) признают большую роль личностных, социально обусловленных характеристик супругов в оценке качества их брака и общего здоровья семьи. Мы считаем, что одним из важнейших источников стабильности и жизнестойкости семейной системы является совладающее поведение супругов (Белорукова, 2005; Крюкова, 2010; Куфтяк, 2011; Сапоровская, 2011; Стресс, выгорание..., 2012). Понятия стресса и стрессоров помогают лучше освятить проблему качества и стабильности близких отношений. Пути, при помощи которых пары совладают со стрессом вместе, являются важным предиктором функционирования отношений и их стабильности (Калугина, 2012; Bodenmann et al., 2006).

Ежедневный стресс (даже незначительный хронический и внешний по отношению к семье стресс) оказывает выраженное влияние на диадическое взаимодействие, удовлетворенность отношениями и вероятность развода (Hill, 1948; Randall, Bodenmann, 2012). Как следствие, могут возникать переживания отчужденности и неудовлетворенности, что увеличивает вероятность нарушения отношений и расторжение брака (Bodenmann et al., 2010; Schulz et al., 2004). Под стрессорами мы понимаем неблагоприятные события в жизни диады. Они имеют собственную возрастную и онтологическую динамику, связаны с особенностями жизненного пути человека (Крюкова, 2010).

В течение долгого времени стрессоры и сам стресс определялись только на индивидуальном уровне, как явление, которое затрагивает, в первую очередь, самих людей и их благополучие, либо как продолжение индивидуального стресса, нашедшего развитие в семье (P. Boss, R. Hill, S. Folkman, S. Hobfoll, R. Lazarus, C. Spielberger). Большой акцент на значимости влияния социальной среды представлен в подходе сохранения ресурсов (Hobfoll et al., 1994). Согласно этой теории, субъективное восприятие стресса кроется в социальном контексте и результаты индивидуальных копинг стратегий рассматриваются с точки зрения их социальных последствий. Таким образом, долгое время стресс рассматривался как индивидуальное явление, хотя предполагается, что личный стресс имеет социальные последствия (S. Folkman, R. Lazarus; и др.). В последние годы стресс в паре был определен как исключительно диадическое или социальное явление (Bodenmann, 1995–2015; Lyons et al., 1998). Согласно

этой точке зрения, диадический стресс представляет собой особую форму социального стресса с участием общих проблем, эмоциональной близости между партнерами, и поддержанием тесных связей.

Г. Боденманн определяет *диадический стресс* как стрессовое событие, которое всегда относится к обоим партнерам либо непосредственно, когда оба партнера сталкиваются с одним и тем же стрессовым событием, когда напряжение появляется внутри самой пары, либо косвенно, когда напряжение одного из партнера перетекает на другого партнера и влияет на них обоих (Bodenmann, 2005).

Разделяют внешний и внутренний стресс в паре: определяют *внешние* раздражители, которые возникают за пределами близких отношений, которые в основном включают в себя взаимодействие между партнерами, которое может косвенно повлиять на отношения тем, что стресс каждого партнера в диаде влияет на второго (Bodenmann, 2005; Randall, Bodenmann, 2008). К этому виду стрессоров относятся, например: стресс на рабочем месте, финансовые проблемы, социальное напряжение с соседями. Стресс, связанный с детьми, также определяется как внешний стрессор, потому что он не исходит из самой пар (Randall, Bodenmann, 2008). *Внутренние* стрессы определяются тем, что происходит внутри пары (в диаде). Они включают в себя конфликты и напряженность, возникающие между партнерами из-за их разных целей, взглядов, потребностей и желаний, привычек одного из партнеров, которые нарушают привычки другого, или несовместимость между партнерами. Внутренние стрессоры также могут включать в себя заботу и переживания о партнере из-за его благополучия (Bodenmann, 2006). Если мы хотим глубже разобраться, как влияет стресс на близкие отношения, необходимо изучать оба типа стрессоров – каждого партнера по отдельности и взаимодействие между ними с учетом их функционального взаимовлияния (Randall, Bodenmann, 2008). Максимальный семейный стресс, с которым семья не справляется, может привести к семейному кризису. Это неспособность семьи восстановить стабильное состояние в ситуации постоянного давления тех требований, которые изменяют семейную структуру и способы взаимодействия членов семьи, ухудшая их психологическое благополучие.

Семейный кризис мы определяем как необратимую переменную и поворот в развитии жизни семьи, когда прежние, привычные роли членов семьи становятся неадекватными, и происходит разрушение (распад) прежних образцов поведения и ролей.

Модель семейного кризиса ABCX представлена в классической работе Р. Хилла следующим образом: А (событие – стрессор) взаимодействует с В (ресурсы семьи, с которыми она встречает кризис),

взаимодействует с С (оценка, которую семья дает событию), создает Х (кризис). Данная классическая модель ABCX концентрирует свое внимание на докризисных переменных, которые объясняют различия в способностях семей справиться с влиянием стрессора и изменений, и определяют, становится ли результат влияния кризисом для семьи (Hill, 1948; McCubbin, Figley, 1983).

Таким образом, семейный стресс необязательно достигает уровня кризиса, если семья использует свои ресурсы, умения и противостоит деструктивным переменам (Крюкова, 2010; Крюкова и др., 2005).

Несмотря на то, что еще практически 20 лет назад Д. Терри и Т. Ревенсон была предложена концепция диадического совладания со стрессом, влияние диадического копинга на удовлетворенность браком в психологии недостаточно изучалось (Revenson, 1994; Terry, 1989). Согласованность двух индивидуальных моделей совладания рассматривалась авторами как предпосылка эффективности копинга. По их мнению, наиболее благоприятно для пары высокое соответствие эмоционально-ориентированного копинга обоих супругов, соответствие в использовании супругами проблемно-ориентированного копинга могут иметь различные последствия, но, в любом случае, не наносят вреда качеству супружеских отношений и самочувствию обоих партнеров. Иной подход представлен в работах Г. Боденманна (Bodenmann, 2005), который рассматривает стресс и копинг в рамках супружеских отношений как системное событие.

Под диадическим копингом мы понимаем такие попытки преодоления напряжения, когда происходит активное сотрудничество партнеров и согласование копинг-стратегий супружеской пары, а также копинг-усилия одного из партнеров, направленные на улучшение и усиление функционирования другого партнера, и их взаимоотношения (Калугина, 2012; Крюкова и др., 2005; Куфтяк, 2011).

Диадический копинг снижает напряжение через действительное решение проблемы, выполняет функции эмоциональной и социальной регуляции, а также играет большую роль в супружеских отношениях, способствуя возникновению и укреплению чувства «мы», доверия партнеров друг к другу (Стресс, выгорание ..., 2012).

Мы считаем одним из важнейших стабилизаторов брака наличие позитивно направленного и других адекватных позитивному развитию отношений в паре типов диадического копинга. Цель эмпирического исследования: изучить диадический копинг супругов и оценить его роль в развитии супружеских отношениях.

Метод. Эмпирическую базу исследования составили люди от 21 до 40 лет (средний возраст – 27 лет, SD=3,7) со стажем брака от 3 до 16 лет (средний стаж – 5,7 лет, SD=2,7), всего 102 чел. (34 пары, со-

стоящие в официальном браке, и 17 пар, состоящих в гражданском браке). Методики: Опросник диадического (супружеского) копинга М. Боуман (адаптация Крюковой, Калугиной, 2010) измеряет 6 типов совладающего поведения, свойственных каждому партнеру, при этом один из стилей может преобладать. Для определения эффективности совладающего поведения супругов включены опросник удовлетворенности браком (Алешина и др., 1987); опросник ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность) А. Н. Волковой (модификация Слепковой, 1990).

Сравнение результатов с нормами опросника показало наибольшую выраженность стратегий *уход в собственные переживания*, *планированное решение проблемы*. Результаты копинга избегания находились на низких значениях. Мы связываем это с тем, что позитивно направленные стратегии совладающего поведения более выражены в парах, находящихся в официальном браке, которые составляют удельный вес выборки.

Поэтому далее мы исследовали зависимость копинг-стратегий, используемых партнерами в трудных жизненных ситуациях, от статуса отношений (официальный или гражданский брак).

Мы выяснили, что значимых различий в выборе *индивидуальных* копинг-стратегий в сравниваемых группах нет. Однако есть тенденция к различиям в выборе стратегии *самообвинение* ($p < 0,09$). Вероятно, супруги, зарегистрировавшие свои отношения, по сравнению с теми, кто их не узаконил, склонны винить в существующей проблеме больше себя, нежели супруга.

Также нами выявлены значимые различия в уровне выраженности позитивно направленного типа диадического копинга у супругов, находящихся в официальном и гражданском браке. Парам, состоящим в официальном браке, больше присущи копинг-стратегии *планированное решение проблемы* и *уход в собственные переживания*, нежели лицам, состоящим в гражданском браке.

Следовательно, супруги в официальном браке, по сравнению с супругами, проживающими в гражданском браке, охотнее и более осознанно идут на обсуждение, анализ, разрешение проблем и трудностей внутри семьи, нежели переносят их в свое окружение, стремятся не думать о них, забыть в каких-то других делах, отвлечься, отстраниться и определенным образом делегировать ответственность за их возникновение и разрешение.

Мы рассматриваем официальный брак как более устойчивый союз, по сравнению с гражданским браком. Таким образом, значимая выраженность совместной копинг-стратегии *уход в собственные переживания* в официальном браке мы объясняем желанием супругов

не обидеть партнера и стремлением сохранить теплые супружеские отношения, поскольку обдумывание проблемы самостоятельно, отвлечение на работу, хобби, друзей (и т. д.) способствует снятию эмоционального напряжения и тем самым создает почву для спокойно-го конструктивного диалога, планированного решения проблемы.

Различия в выборе такого вида диадического копинга, как *планированное решение проблемы*, характеризующегося наибольшей включенностью супругов в решении проблемы, по сравнению с другими копинг-стратегиями, на наш взгляд, объясняется самой природой межличностных отношений супругов, состоящих в официальном и гражданском браках. Исходя их теоретического анализа психологической литературы, межличностные отношения супругов, состоящих в официальном браке, характеризуются стремлением к взаимопониманию, большей духовной близости между партнерами, стремлением к достижению положительного семейного микроклимата. Для супругов, состоящих в гражданском браке, чаще свойственно нежелание изменять себя и развивать такие качества, которые могли бы способствовать укреплению семьи. А планированное решение проблемы требует наибольших затрат со стороны партнеров, поскольку в данном случае они решают проблему сообща, конструктивными способами, в том числе, возможно, и ущемление собственных интересов.

Кроме того, в ходе проведенного нами интервью выяснилось, что те, пары, которые удовлетворены своими отношениями, применяют рассматриваемые стратегии семейного совладания в последовательности: сначала пытаются отвлечься и тем самым снять нервное напряжение («уход в собственные переживания»), а затем вместе решать проблему (стратегия «планирование решение проблемы»). Опираясь на контент-анализ высказываний партнеров, мы считаем, что позитивно направленный копинг супругов положительно влияет на удовлетворенность браком, так как с его помощью уменьшается эмоциональное напряжение, урегулируются конфликты, а трудная жизненная ситуация разрешается конструктивными способами.

Мы придерживаемся мнения о дестабилизирующем влиянии конфликтного и избегающего стиля диадического типа копинга на супружеские отношения. Конфликтный копинг предполагает наличие агрессивного реагирования супругов на трудности и ежедневные стрессы проявление партнерами агрессивных усилий по изменению ситуации, активном утверждении своей точки зрения без учета мнения другого партнера.

На первом этапе исследования, когда выборка состояла из 66 чел. (от 21 до 40 лет, средний возраст – 26 лет) со стажем брака от 3

до 9 лет, мы выявили отрицательную связь *диадического конфликтного* копинга и удовлетворенности супружескими отношениями ($r=-0,438$ при $p<0,000$). Данный вид совладающего поведения также был отрицательно связан с эмоциональным притяжением ($p<0,03$). На втором этапе исследования ($n=102$ чел.) установлена тенденция, что совместное использование *конфликтного копинга* отрицательно связано с эмоциональным притяжением супругов ($p=0,09$), которое, в свою очередь, влияет на удовлетворенность браком ($r=0,75$, $r^2=0,56$, $\beta=0,75$ при $p<0,000$). Мы считаем, что диадический конфликтный стиль совладающего поведения ведет к эмоциональному дистанцированию партнеров, тем самым косвенно дестабилизирует супружеские отношения, что согласуется с ответами респондентов, полученных в ходе интервью, и, на наш взгляд, что, вероятно, и подтвердится при увеличении выборки.

В супружеских парах с преобладанием *избегания* как типа диадического копинга показатели удовлетворенности браком не имеют статистически значимых связей, что согласуется с результатами других авторов (см. напр., Калугина, 2012). Контент-анализ высказываний партнеров показывает, что позитивно направленный копинг супругов положительно влияет на удовлетворенность браком, так как с его помощью уменьшается эмоциональное напряжение, урегулируются конфликты, а трудная жизненная ситуация разрешается конструктивными способами.

Выводы. Итак, в течение длительного времени эмпирические исследования супружеских пар были сосредоточены на индивидуальных моделях стресса, а не на диадических моделях: диадическая концептуализация стресса появилась сравнительно недавно. В настоящее время центрированный на отношениях копинг оценивается всеми авторами как ресурсный и наиболее продуктивный тип совладания с трудностями в семье. Мы придерживаемся мнения о дестабилизирующем влиянии преобладания *конфликтного* и *избегающего* стиля диадического копинга в супружеских отношениях, поскольку проявление партнерами агрессивных усилий по изменению ситуации, активное утверждение своей точки зрения без учета мнения другого партнера ведет к эмоциональному дистанцированию партнеров и отчуждению. Парам, предпочитающим такой стиль поведения, А. Миллер пророчит расторжение брака через 10 лет совместной жизни (Miller, 2013). Однако полное отсутствие негатива может означать, что разочарования и обиды накапливаются у одного или обоих партнеров. Ключевым является баланс между двумя крайностями – критикой, требованиями, конфликтами, с одной стороны, и позитивностью – с другой (Sharon, Janet, 2013).

Литература

- Белорукова Н. О. Семейные трудности и психологическое совладание с ними на разных этапах жизненного цикла семьи: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006.
- Зуев К. Б. Стабильность семьи: определение понятия и перспективы исследований // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015. № 3. С. 34–39.
- Калугина Е. Л. Совладающее поведение супругов после рождения в семье второго ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.
- Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
- Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Куфтяк Е. В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005.
- Куфтяк Е. В. Психология семейного совладания: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сапоровская М. В. Психология семьи и межпоколенных отношений. Кострома: Изд-во КГУ им. Некрасова, 2011.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Шутова Е. М. (Королева Е. М.). Психологические стабилизаторы супружеских отношений (при стаже брака свыше 3-х лет): Квалификационная работа (магистерская диссертация). Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014.
- Шутова Е. М. Копинг и эмоциональное притяжение в супружеских отношениях // Сборник научных работ студентов и молодых ученых Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные вопросы медицинской науки», посвященной памяти академика М. И. Перельмана. Ярославль: Индиго, 2014. С. 143.
- Bodenmann G., Randal A. K. Common Factors in the Enhancement of Dyadic Coping // Behavior Therapy. 2012. V. 43. № 1. P. 88–98.
- Bodenmann G., Pihet S., Kayser K. The relationship between dyadic coping, marital quality and well-being: A two year longitudinal study // Journal of Family Psychology. 2006. V. 20. № 3. P. 485–493.

- Bodenmann G., Meuwly N., Kayser K.* Two conceptualizations of dyadic coping and their potential for predicting relationship quality and individual well-being // *European Psychology*. 2011. V. 16. P. 255–266.
- Hil R.* *Families under Stress*. N. Y.: Harper & Row, 1948.
- Hobfoll S. E., Dunahoo C. L., Ben-Porath Y., Monnier J.* Gender and coping: The dual-axis model of coping // *American Journal of Community Psychology*. 1994. V. 22. P. 49–82.
- Lyons R., Mickelson K. D., Sullivan M. J. L., Coye J. C.* Coping as a communal process // *Journal of Social & Personal Relationships*. 1998. V. 15. P. 579–605.
- Miller A.* Can this marriage be saved? // *Monitor on Psychology*. 2013. № 4. P. 42–49.
- O'Brien T. B., DeLongis A., Pomak G., Puterman E., Zwicker A.* Couples coping with stress: The role of empathic responding // *European Psychologist*. 2009. V. 14. № 1. P. 18–28.
- Regan P. C.* *Close Relationships*. N. Y.–London: Routledge, 2011.
- Revenson T. A., Kayser K., Bodenmann G.* (Eds). *Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping*. Washington, D. C.: American Psychological Association, 1995.
- Sharon J. L., Janet A. C.* Creating a strong and satisfying marriage. URL: <http://extension.missouri.edu/publications/displaypub.aspx?P=gh66102013> (дата обращения: 10.12.2012).
- Schulz M. S., Cowan P. A., Cowan C. P., Brennan R. T.* Coming home upset: Gender, marital satisfaction and the daily spillover of workday experience into marriage // *Journal of Family Psychology*. 2004. V. 18. P. 250–263.
- Stress and the Family*. Coping with Normative Transitions. V. 1 / Ed. by H. I. McCubbin, C. R. Figley. N. Y.: Brunner/Mazel Publishers, 1983.

Семантика материнства: поколенный генез

С. В. Меняева (Иркутск)

vip.menyaeva@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи семантики понятия «материнство» у женщин трех поколений одной семьи. В исследовании приняли участие 60 чел. (20 триад: бабушка–мать–дочь). Была проведена верификация суждения о том, что семантика материнства обладает межпоколенной стабильностью, что проявляется в сходстве семантических пространств понятия «материнство» у женщин из нескольких поколений одной семьи. Выявлено, что семантические пространства понятия «мать» у трех поколений одной семьи имеют содержательные различия. При этом обнаружена близость семантики «Я» и семантики «мать» у каждой группы испытуемых. Были выявлены следующие проблемы: трансформации семантики мужчины (отца); отдаленность представлений о матери у девочек и их матерей; негативные коннотации понятия «мать» у женщин.

Ключевые слова: семантика, материнство, поколенный генез, межпоколенная стабильность, факторный анализ, бабушка, мать, дочь.

Трансформация материнских установок и готовности к материнству, происходящая в последние годы в результате изменения социокультурных критериев успешности, входит в противоречие с определяющей ролью матери в становлении личности ребенка, связанной с необходимостью компенсировать психологически деструктивное воздействие окружающей среды.

Важно понимать особенности изменений представлений о материнстве у женщин в одной семье. Традиционный процесс трансляции семейных ценностей и материнских установок из поколения

в поколение изменяется, что связано со сменой ценностных ориентаций в обществе, в частности усилением индивидуальности, важности материального благополучия, карьеры, потребности получать удовольствие и «жить для себя». Стабильность традиционных установок женщины на рождение детей и готовность посвятить свою жизнь их воспитанию является сегодня научной проблемой.

Целью эмпирического исследования является выявление семантической структуры материнства. Мы предполагаем, что семантика материнства обладает межпоколенной устойчивостью, что проявляется в сходстве семантических пространств понятия «материнство» у женщин нескольких поколений одной семьи. Устойчивость системы представлений о материнстве у членов одной семьи выявлялась в процессе проведенного нами исследования.

Использование психосемиотического подхода позволяет исследовать структуру семантики материнства в соответствии с принципом целостности.

Теоретической основой исследования явились научные и обыденные представления о том, что традиционно хранительницами семейной истории, традиций, норм, установок считаются женщины. Материнство формируется в результате пережитого опыта материнства женщинами в нескольких поколениях. Передача этого опыта осуществляется через вербальные послания или косвенно, через повторяющиеся паттерны поведения. Большую роль в процессе межпоколенного взаимодействия играет воспитательный потенциал старшего поколения. Межпоколенная трансляция включает в себя: общие смысловые и ценностные установки, информацию о представителях рода, оценку характеристик «своего» и «иного», тип взаимодействия в семье, систему установок и способы реагирования в процессе коммуникаций, передачу опыта, обеспечение родовой целостности семьи, чувства, переживания, представления о справедливости и несправедливости, семейные сценарии и т. д. «В системе представлений каждого индивида есть специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом. Например, образы «хорошего родителя», «идеального мужа или жены» формируются через непосредственное подражание, усвоение опыта родительской семьи, из прочитанных книг, каналов массовых коммуникаций и обуславливают формирование нравственных критериев, «идеальных мерок», с которыми индивид подходит к оценке себя или других и, в конечном счете, обуславливают организацию его жизни, определяют его личность» (Петренко, 2005).

Для верификации теоретической гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование с использованием метода личностного

семантического дифференциала, где с помощью 40 шкал из попарно сгруппированных прилагательных, выражающих качественно противоположные характеристики, испытуемые оценивали понятия: «мать», «отец», «ребенок», «Я». Испытуемыми были 20 триад: 20 внушек, 20 мам и 20 бабушек.

Полученные в процессе оценки 60 испытуемыми стимула «мать» по 40 шкалам СД данные составили матрицу размером 40×60. Для уменьшения ее размерности была использована процедура факторного анализа (ФА) методом максимального правдоподобия. Вращение факторов производилось методом Варимакс. Для оценки надежности вычисления и возможности описания использовался тест Кайзера–Мейера–Олкина (КМО), значение которого составило 0,864, что свидетельствует о возможности проведения дальнейшего качественного анализа. В результате ФА получены 5 факторов, описывающих 47,229% суммарной дисперсии переменных.

В первый фактор вошли шкалы «Плохой–хороший» (с факторной нагрузкой $-0,749$), «Справедливый–несправедливый» ($0,734$), «Душевный–бездушный» ($0,706$), «Противный–приятный» ($-0,706$), «Добрый–злой» ($0,672$), «Враждебный–дружелюбный» ($-0,621$), «Безответственный–добросовестный» ($-0,617$), «родной–чужой» ($0,604$), «вызывающий доверие–не вызывающий доверие» ($0,593$). Этот фактор был назван фактором «Душевность».

Во второй фактор с высокой нагрузкой вошли шкалы «Слабый–сильный» ($0,670$), «Неуверенный–уверенный» ($0,668$), «Несамостоятельный–самостоятельный» ($0,661$), «Зависимый–независимый» ($0,661$), «Решительный–нерешительный» ($-0,624$), «деятельный–пассивный» ($-0,533$). Этот фактор был обозначен как фактор «Слабость».

Третий фактор «Напряженность» включил шкалы: «Раздражительный–невозмутимый» ($0,716$), «Легкий–тяжелый» ($-0,669$), «Расслабленный–напряженный» ($-0,656$), «Простой–сложный» ($-0,499$).

Четвертый фактор объединил шкалы: «Разговорчивый–молчаливый» ($0,681$), «Замкнутый–открытый» ($-0,575$), «Нелюдимый–общительный» ($0,557$), «Вялый–энергичный» ($-0,485$). Он назван фактором «Открытость».

В пятый фактор – «Жизнерадостность» вошли шкалы «Живой–неживой» ($0,655$), «Любимый–ненавистный» ($0,581$), «Естественный–искусственный» ($0,551$), «Жизнерадостный–унылый» ($0,436$).

Таким образом, семантическая структура материнства включает факторы «Душевность», «Слабость», «Напряженность», «Открытость» и «Жизнерадостность».

Далее мы сравнивали семантику понятия «мать» у представителей трех поколений одной семьи. Достоверность различий опре-

делена с помощью критерия Краскела–Уоллиса. Выявлено, что стимул «мать» имеет статистически значимые различия по «фактору душевности» ($p=0,036$). Так, старшими женщинами в семье (группа «бабушки») мать оценивается, скорее, как «бездушная» (среднее значение по фактору – $-0,002$). Близка к оценке «бабушек» оценка «внучек» ($0,02$). Оценка «душевности» матери средней женщиной в семье значительно более позитивная – ($0,378$). Поскольку две женщины в семье (старшая и средняя) – матери, мы сравнивали их семантическую оценку понятия «мать» по фактору «душевности» с оценкой «Я». Мама наиболее высоко оценивают себя по фактору «душевности» ($0,16$), бабушки наиболее критичны к себе ($-0,84$). Среднее значения – у представителей третьего поколения – внучки ($-0,24$).

На основе проведенного анализа можно предположить, что оценка «матери» и оценка себя обнаруживает у женщин сходство. При этом женщины старшего поколения наиболее высокие требования предъявляют как к «матери», так и к себе.

Выявленная тенденция подтверждена анализом семантики отдельных шкал. Так, бабушки оценивают «мать» как менее добросовестную по шкале «Безответственный–добросовестный» ($-2,000$), а мамы оценивают, как наиболее добросовестную ($-2,800$). Оценка третьего поколения – внучек и в этом случае – средняя. Для среднего поколения (мам) стимул «мать» является более упорядоченным (значение шкалы «Хаотичный–упорядоченный» ($-2,350$ при $p=0,002$), более вызывающим доверие ($2,950$ при $p=0,035$). Думается, тенденция к выраженной разнице в семантике стимула, проявленная в значительно более позитивной оценке понятий «мать» и «Я» женщинами среднего поколения, нежели их матерями (бабушками) и детьми (дочери), может стать основой для исследования степени рефлексивности и выраженности материнских установок, что будет выполнено нами на следующем этапе исследования.

Интересно, что при сравнении бабушками, мамами и внучками стимула «отец» статистически достоверных различий не было выявлено ни по одному фактору и ни по одной шкале. В оценке отношения к мужчине проявлена межпоколенная стабильность.

По второму фактору – «Слабость» женщины среднего поколения оценивают понятия «мать» очень высоко ($-2,79$). При этом их оценка понятия «отец» по данному фактору непропорционально мала ($-0,44$). Интересно, что в группе «бабушек» оценка иная: «отец» более сильный ($-0,35$), чем «мать» ($-0,13$). Таким образом, выражена тенденция к трансформации семантики силы: бабушки, как и внучки, более сильными считают отца, а женщины среднего поколения – себя. Эти данные согласуются с активно распространя-

ющемся в обыденном сознании представлении о снижении доминантной роли отца в семье. При этом семантика отца у девочек характеризуется силой, что может свидетельствовать о неадекватной трансформации – тревожном искажении представлений о слабости «отца» у женщин среднего поколения, которые наделяют понятие «отец» коннотациями, свойственными успешному, по современным социальным меркам, мужчине.

Анализ значений третьего фактора «Напряженность» показал, что группа женщин среднего поколения (мамы) в большей степени наделяет понятие «мать» напряженностью (0,25), чем женщины старшего поколения (0,029) и особенно младшего (– 0,204). Семантика понятия «Я» также отразила ранее обнаруженную тенденцию к сближению значений «матери» и себя у испытуемых женщин. Самыми высокими оценками напряженности «матери» наделили себя.

По четвертому фактору «Открытость» получены следующие результаты: девочки в большей степени наделяют «мать» семантикой «открытости» (0,26), наиболее «закрытой» считают «мать» представительницы среднего поколения (– 0,19), оценка женщин старшего поколения нейтральна (0,006). Интересно, что «отца» представительницы всех трех поколений считают закрытым: (средние значения по фактору у детей – (–0,269), у мам – (–0,174), у бабушек – (0,335). Оценки «Я» оказались идентичны оценкам «матери».

Анализ значений пятого фактора «Жизнерадостность» показал, что наименьшие значения оценки «матери» – у женщин среднего поколения (–0,01), наибольшие – у детей (0,04). При этом себя женщины всех трех поколений наделили семантикой «нежизнерадостности»: значения по фактору у девочек (–0,13), у их мам – (–0,72), а у бабушек – (–0,18).

Таким образом, проведенное исследование показало, что семантические пространства понятия «мать» у представительниц трех поколений одной семьи имеют содержательные различия. При этом выявлена близость семантики «Я» и семантики «мать» у каждой группы испытуемых.

Женщины разных возрастов идентифицируют себя с матерью. При этом семантика понятия «мать» отличается у представительниц среднего поколения большей жесткостью. Семантика представительниц старшего поколения (бабушки) и младшего (внучки) характеризуются большей близостью, что может быть обусловлено, в частности, тенденцией к уменьшению роли матери в процессе становления девочек.

Проведенное исследование является пилотажным, в его ходе были выявлены проблемы, требующие дальнейшего изучения,

в частности проблема трансформации семантики мужчины «отца» в семантическом пространстве матери, что может быть связано как с реальным изменением его роли в семье, так и с негативными установками женщины. Другой проблемой является отдаленность представлений о матери у девочек и их матерей. Третьей – проблема негативных коннотаций понятия «мать» у женщин.

Литература

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. доп. СПб.: Питер, 2005.

Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014.

Социально-психологические предпосылки манипулятивности у детей младшего школьного возраста

Л. В. Орлова (Челябинск)

Lvo74@list.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования феномена личностной манипулятивности у детей младшего школьного возраста и особенностей их взаимоотношений с близкими взрослыми. Показано, что дети младшего школьного возраста, склонные к манипулированию, имеют менее доверительные отношения с близкими взрослыми и более эмоционально переживают негативные проявления с их стороны, стараются избегать стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: личностная манипулятивность, манипулятивное поведение, младший школьный возраст, семейные отношения.

Проблеме субъекта и субъектности посвящены работы многих современных психологов (Абульханова, 2007; Большунова, 2007; Знаков, 2008; Сергиенко, 2007; и др.), исходные положения теории субъекта представлены в работах С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, А. В. Брушлинского (Рубинштейн, 2003; Ананьев, 2001; Брушлинский, 2003).

Опираясь на идеи о субъекте и его развитии, можно предположить, что феномен личностной манипулятивности представляет собой: во-первых, симптомокомплекс определенных личностных особенностей; во-вторых, системное образование, которое возникает в результате взаимодействия внешних и внутренних условий, проявляется в определенном способе самоорганизации личности, различных формах активности и определяет низкий уровень субъектности. Манипулятивным личностям свойственны стремление к власти, цинизм, эгоистичность, враждебность, неудовлетворенность собственной работой (Клекли, 1941; Кристи, Гейз, 1978; Пир-

сон, 1986; Хаэр, 2007; Шостром, 1992; и др.). Из этого следует, что манипулятивность оказывает существенное регулирующее влияние на поведение индивида, его отношение к другим людям, затрудняя процессы взаимодействия и взаимопонимания.

Существуют как природные, так и социальные детерминанты возникновения личностной манипулятивности. Особенности взаимоотношений с окружающими, прежде всего, семейные отношения представляют собой социально-психологические истоки формирования манипулятивности. По словам Б. Г. Ананьева, относительное согласие или напряженность во взаимоотношениях, близость родителей к ребенку, общность стратегии и тактики воспитания образуют духовную атмосферу семьи и оказывают существенное влияние на формирование ребенка как личности (Ананьев, 2001).

Анализ литературных источников (Чечельницкая, 1999; Braginsky, 1970; Overbeek et al., 2006; Roazzi et al., 2004; Shu-Fang Dien, 1974; и др.) показал, что причиной формирования личностной манипулятивности могут быть различные типы семейных отношений. Так, Г. В. Грачев и И. К. Мельник пишут, что уже с первых недель жизни недоброжелательные интонации, крик, агрессивная мимика и т. п. воспринимаются ребенком как акты враждебности и в дальнейшем, когда ребенок стремится скрыть какой-либо «плохой» поступок, он начинает лгать или использует манипуляцию по отношению к взрослым (Грачев, Мельник, 2002). Согласно Е. В. Сидоренко, люди вырабатывают у себя склонность к манипуляции потому, что потеряли надежду добиться чего-либо прямыми методами: «Многие из них потеряли эту надежду в раннем детстве... Потеряв надежду быть принятым за равного и интересного партнера, ребенок находит способ сделать так, чтобы взрослый сам обратил на него внимание. Он может упасть, заболеть и т. п.» (Сидоренко, 1996). М. Смит считает, что манипулирование поведением возникает, когда навязываются чуждые правила, которые попирают неотъемлемое право – самим решать, что и как делать. Автор делает вывод о том, что манипуляция становится возможной благодаря идущему из детства представлению о том, что во всем следует руководствоваться общепринятыми правилами и не высказывать независимых суждений (Смит, 2000).

Э. Шостром пишет, что манипуляторами не рождаются, ими становятся, и что манипулированию дети учатся у своих родителей (Шостром, 1992). В исследованиях многих зарубежных психологов (Kraut, Price, 1976; Ojha, 2007; и др.) установлены корреляционные связи между выраженностью манипулятивных установок у детей и их родителей. Так, на основе эмпирических данных делается вывод, что у ребенка, не получающего безусловную любовь, развива-

ются чувства гнева и враждебности, которые он не может открыто выразить, опасаясь противодействия со стороны родителей. Таким образом, ребенок, оказывается в сложной конфликтной ситуации, порождающей страх, тревогу и манипулятивное поведение (Ojha, 2007).

Авторами рассмотренных выше исследований показано, что личностная манипулятивность формируется в детском возрасте и причиной ее формирования могут быть разные типы семейных отношений, характеризующиеся как конфликтные, агрессивные, авторитарные, манипулятивные, индифферентные. Следует также отметить, что эмпирических работ, посвященных данному вопросу, очень мало и их авторами чаще всего являются зарубежные исследователи.

В связи с этим нами было проведено исследование феномена личностной манипулятивности у детей младшего школьного возраста и особенностей их взаимоотношений с близкими взрослыми. Объем выборки составил 50 чел. в возрасте 10–11 лет – учащиеся 4-х классов СОШ № 121 г. Челябинска. В качестве психодиагностических методик использовались: детский вариант Мак-шкалы Р. Кристи, Ф. Гейз, личностный тест Р. Кеттела. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с помощью корреляционного анализа и ϕ -критерия углового преобразования Фишера.

Поскольку детям в младшем школьном возрасте характерна высокая сензитивность к отношению к ним со стороны не только родителей, но и учителя, то для изучения особенностей социальных взаимоотношений с близкими взрослыми у испытуемых со склонностью к манипулятивному поведению были проанализированы ответы на вопросы, выбранные из теста Р. Кеттела и касающиеся отношений «ребенок» – «родитель», «ребенок» – «учитель»: «Твои родители всегда выслушивают тебя», «Взрослые не обращают на тебя внимание и разговаривают между собой в твоём присутствии», «В твоём присутствии взрослые часто прекращают свой разговор и слушают себя», «Если мама на тебя сердится, то она не права», «Если мама на тебя сердится, то у тебя возникает ощущение, что ты сделал что-то не так», «Тебя обижают взрослые», «Взрослые тебя хорошо понимают», «Учитель часто делает тебе замечания на уроках», «Учитель считает, что ты ведешь себя на уроках так, как надо» и др.

Далее был проведен сравнительный анализ особенностей социального взаимодействия с близкими взрослыми в «крайних» группах – в первую группу вошли испытуемые с высокими показателями по Мак-шкале, во вторую группу – с низкими.

Статистически значимые различия были выявлены в ответах испытуемых с различной склонностью к манипулятивному пове-

дению на следующие вопросы: № 47 «Если тебе делают замечание, ругают, ты сохраняешь спокойствие и хорошее настроение» (выбран вариант ответа – «А») и «Если тебя ругают, делают замечания, то ты сильно расстраиваешься» (Б); № 45 «Ты охотнее расскажешь маме о своих школьных делах» (А) и «Ты охотнее расскажешь об экскурсии, прогулке» (Б).

Отвечая на вопрос № 45–60% испытуемых с высокими показателями по Мак-шкале, выбрали вариант ответа «Б», отмечая, что очень расстраиваются, когда их ругают, делают замечания, тогда как лишь 14% испытуемых с низкими показателями по Мак-шкале предпочли этот вариант ответа ($\varphi=2,02$ при $p<0,05$).

Все испытуемые с низкими показателями по Мак-шкале (100%) при ответе на вопрос № 47 выбрали вариант «А». Что касается группы испытуемых с высокими показателями по Мак-шкале, то данный вариант ответа выбрали лишь 30% испытуемых. Следовательно, склонные к манипулятивному поведению испытуемые в меньшей степени предпочитают рассказывать своим родителям о школьных делах, чем не склонные к этому ($\varphi=2,32$ при $p<0,01$). Возможно, опасаясь негативных реакций со стороны родителей, склонные к манипулированию испытуемые не желают обсуждать с ними значимые жизненные ситуации и в качестве предмета общения выбирают темы нейтрального характера, не связанные с учебой, с проблемными ситуациями в отношениях с учителем и одноклассниками.

При ответе на вопрос, касающийся оценки того, как люди к ним относятся (вопрос № 1) большая часть (80%) испытуемых, склонных к макиавеллизму, выбрали ответ «А» – «Почти все люди к ним хорошо относятся», тогда как среди испытуемых, не склонных к макиавеллизму данный вариант ответа выбрали лишь 57%. Однако статистическая обработка не выявила значимых различий в ответах испытуемых на данный вопрос ($\varphi=1,00$ при $p<0,10$).

Корреляционный анализ показал наличие связей между показателями по Мак-шкале и выраженностью таких личностных черт как экстраверсия ($r=0,40$ при $p<0,05$), добросовестность ($r=0,44$ при $p<0,05$) и смелость ($r=-0,28$ при $p<0,05$).

Анализ данных показал, что дети младшего школьного возраста, склонные к манипулятивному поведению, имеют менее доверительные отношения с близкими взрослыми, и более эмоционально переживают негативные проявления с их стороны, стараются избегать стрессовых ситуаций. Они более общительные, исполнительные, но нерешительные в своих действиях и поступках. В связи с этим можно предположить, что манипулятивное поведение младших школьников носит в основном «защитный» характер.

Литература

- Абульханова К. А. Идеальность или реальность субъекта // Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сборник научных трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.–Ставрополь: ПИ РАО, Сев-КавГТУ, 2007. С. 31–46.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2003.
- Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2002.
- Большунова Н. Я. Условия и средства развития субъектности: Дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 2007.
- Сергиенко Е. А. Субъект и личность: поиск единства и специфики // Мир психологии. 2012. № 3 (71). С. 30–49.
- Знаков В. В. Психология человеческого бытия – одно из направлений развития психологии субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 69–77.
- Грачев Г. В, Мельник И. К. Манипулирование личностью. М.: Эксмо, 2002.
- Смит М. Д. Тренинг уверенности в себе. СПб.: Речь, 2001.
- Чечельницкая Е. П. Стратегии манипулятивного общения у пациентов с искажением образа Я при пограничной личностной организации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
- Шостром Э. Анти-Карнеги. Мн.: ТИЦ «Полифакт», 1992.
- Хаэр Р. Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007.
- Braginsky D. D. Parent-child correlates of Machiavellianism and manipulative behavior // Psychological Reports. 1970. V. 27. P. 927–932.
- Christie R., Geis F. Studies in Machiavellianism. N. Y.: Academic Press, 1970.
- Cleckley H. The Mask of Sanity. St. Louis, MO: CV Mosby, 1941.
- Kraut R. E., Price J. D. Machiavellianism in parents and their children // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. V. 33. № 6. P. 782–786.
- Ojha H. Parent-Child Interaction and Machiavellian Orientation // Bhopalpur Journal of the Indian Academy of Applied Psychology. 2007. V. 33. № 2. P. 285–289.
- Overbeek G., Biesecker G., Kerr M. Co-occurrence of depressive moods and delinquency in early adolescence: The role of failure expectations, manipulateness, and social contexts // International Journal of Behavioral Development. 2006. V. 30. № 5. P. 433–443.

- Person E.* Manipulativeness in Entrepreneurs and Psychopaths // Unmasking the Psychopath / W.X. Reid (Ed.). WW Norton, CO, 1986.
- Roazzi A., Camino C.* Maquiavelism: a psychological construct // Estudos e Pesquisas em Psicologia. 2004. V. 4. Nº 1. P. 48–62.
- Shu-Fang Dien D.* Parental Machiavellianism and children's cheating in Japan // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. V. 5 (3). P. 259–270.

Бикарьерная семья в современном мире: факторы риска и ресурсы развития*

М. В. Сапоровская (Кострома)

saporov35@mail.ru

В статье представлены результаты исследования факторов риска и ресурсов развития супружеских отношений в бикарьерных семьях с разным стажем супружества. Рассмотрены условия, повышающие вероятность неблагоприятного, деструктивного развития межличностных отношений в браке (ролевая структура с признаками эгалитарности; пассивное совладание, недостаток совместных копинг-действий и т. д.). Описаны переменные, способствующие развитию стабильности, стрессоустойчивости, жизнеспособности семейной группы, т. е. ее ресурсы развития.

Ключевые слова. *Карьера, бикарьерная семья, удовлетворенность браком, ролевая структура семьи, образ мужчины в семье, образ женщины в семье, ориентация на семейное будущее, совладание с семейным стрессом.*

Интенсивное изменение основных сфер жизни современного российского общества, развитие рыночной экономики привело к тому, что карьера мужчин и женщин стала рассматриваться как важный показатель развития человека в социуме. *Карьера* – это процесс и результат осознанной позиции и поведения субъекта в области профессиональной деятельности, связанный с должностным и/или профессиональным ростом (Дикая, Журавлев, 2013). Изменение позиции и статуса женщины в современном обществе, ценностей и потребностей дало ей новые возможности в реализации личных амбиций и карьерного роста. Это привело к тому, что число бика-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-16-44004.

рьерных семей значительно возросло. В социальной психологии *бикарьерная семья* – это семейная группа, в которой оба супруга активно включены в построение профессиональной карьеры. Какие факторы повышают риски неблагоприятного развития отношений в бикарьерном браке, а что является их ресурсом – актуальный вопрос, требующий своего разрешения.

Цель данного исследования – изучение удовлетворенности супружескими отношениями, особенностей ролевой структуры, представлений мужчин и женщин друг о друге, их ориентации на совместное семейное будущее, реакции на стресс, т. е. тех параметров, которые являются либо факторами риска, либо ресурсами развития бикарьерной семьи. Факторами риска мы называем те условия, которые повышают вероятность неблагоприятного, деструктивного развития межличностных отношений в браке. Ресурсы развития – это переменные, способствующие развитию стабильности, стрессоустойчивости, жизнеспособности семейной группы.

Выборка и методы исследования

Объем *выборки* составил 180 чел., 90 супружеских пар, со стажем супружества от 3 до 17 лет, возраст испытуемых – от 21 до 48 лет, средний возраст – 33 года. Все мужчины и женщины ориентированы и реализуют профессиональную карьеру. Во всех семьях есть дети, их возрастной диапазон от 2 до 16 лет.

Методический комплекс исследования: опросная методика, в состав которой вошли 118 характеристик личности (Степанов, 2004; модификация Сапоровской, Акатовой, 2014); методика «Определение особенностей распределения ролей в семье» (Алешина, Гозман, Дубовская, 1987); тест «Удовлетворенность браком» (Алешина, Гозман, Дубовская, 1987); методика «Устремленность на семейное долголетие» (Торохтий, 2006); интервью на тему «Как мы справляемся со стрессом»; дескриптивная статистика; контент-анализ; однофакторный дисперсионный анализ для несвязанных выборок; непараметрический критерий U-критерий Манна–Уитни; корреляционный анализ Спирмена, угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

На *первом этапе* исследования по критерию удовлетворенности браком было сформировано две эмпирические группы: *1 группа* – супруги с высокими показателями удовлетворенности браком (104 чел.) – 58%; *2 группа* – супруги с низкими показателями удовлетво-

ренности браком (76 чел.) – 42%. При этом во второй эмпирической группе оба супруга демонстрируют низкие показатели удовлетворенности браком только в 38% случаев. В 62% случаев один партнер демонстрирует средние показатели удовлетворенности отношениями, а другой – низкие. Интересный и важный для нас факт – женщины в бикарьерных семьях чаще, чем мужчины неудовлетворенны супружеством (при $p=0,03$). Deskриптивная статистка по параметру ролевого распределения ролей в семье в целом на выборке показала, что практически все функциональные роли (воспитание детей, эмоциональный климат, организация семейной субкультуры и развлечений, роль хозяйки) в бикарьерных семьях в большей степени принадлежат женщине. Традиционно мужская роль – это материальное обеспечение семьи. Сравнительный анализ ролевой структуры бикарьерных семей с разным уровнем удовлетворенности браком выявил значимые различия только по ролевому параметру *Сексуальный партнер* (при $p=0,03$). В бикарьерных семьях с низким уровнем удовлетворенности браком эта роль в большей степени принадлежит женщине, а в семьях с высокими показателями удовлетворенности браком – мужчине. Роль сексуального партнера является одной из важных супружеских ролей и включает проявление активности и инициативности в сексуальном поведении. Традиционно эта роль в большей степени принадлежит мужчине, в эгалитарных семьях – обоим партнерам. Корреляционный анализ так же подтвердил взаимосвязь данной роли с уровнем удовлетворенности супружеством ($r=0,41$ при $p=0,01$).

На втором *этапе* исследования у наших респондентов были изучены образы идеального и реального мужчины и женщины в семье. Теоретически мы исходили из того, что *Образ* – это сложное многоаспектное явление, которое является важнейшим компонентом действий субъекта, ориентируя его в конкретной ситуации и направляя его активность (Мещеряков, Зинченко, 2003). Важными составляющими образов являются социальные представления и социальные установки. Особое значение для нашего исследования имеет изучение идеального, реального образов и их соотношения. Идеальный образ воплощает в себе наиболее ценные и привлекательные человеческие черты. Нередко в *идеале* воплощается и то, чего не достает человеку, то, к чему он стремится для того, чтобы быть удовлетворенным в своих планах и мечтах. Сопоставление идеального и реального образов дает весьма ценную информацию о психологической дистанции между идеалом и его реальным воплощением. На данном этапе исследования был сформулирован ряд задач. Выявить у мужчин и женщин – членов бикарьерных семей:

1) сходства и различия образов *идеальной и реальной* женщины в семье; 2) сходства и различия образов *идеального и реального* мужчины в семье; 3) проанализировать различия и сходства идеальных и реальных образов мужчин и женщин в семье.

По результатам дискриптивного анализа мы в ранговом порядке представили содержательные характеристики образов женщины в семье у мужчин и женщин нашей выборки, при этом первый ранг присваивался характеристике, получившей наибольшее количество выборов (более 70% выборов). Однофакторный дисперсионный анализ подтвердил наличие значимых различий (при $F_{эмп} \geq F_{0,01}$) по ряду характеристик. Оказалось, что мужчины приписывают идеальной жене и матери фемининные характеристики, которые объединяются в образ *Хорошей матери и жены, привлекательной женщины*. Характеристики, выделяемые женщинами, условно объединяются в образ *Женщины-лидера в семье*. Следует подчеркнуть, что общими (т. е. нет значимых различий в выраженности данного признака) для обеих групп испытуемых стали такие характеристики идеального женского образа в семье как: *Необычность, Доверчивость, Скромность*. Традиционно, необычность позволяет женщине привлекать и удерживать внимание к себе. Доверчивость обеспечивает легкость установления контактов с людьми, отражает ориентацию женщин на лучшее в человеке. Скромность – черта характера, выражающаяся, главным образом, в умеренности требований, в отсутствии стремления первенствовать, лидировать, соблюдении правил приличия.

Характеристики реального образа женщины в семье существенно отличаются от идеального, хотя и в данном случае можно говорить о некотором сходстве этих образов. Такие характеристики, как *Чувство юмора, Умение пошутить, Умение развлечь*, выделяются в обеих группах испытуемых и указывают, с нашей точки зрения, на их ресурсность. С точки зрения мужчин, реальная женщина в семье *уставшая, раздражительная, но добрая и с чувством юмора*. С точки зрения женщин, их современница в семье *независимая, уверенная в себе, яркая, веселая и с чувством юмора*. Образы реальной женщины в семье у мужчин и женщин скорее различны, чем схожи (количество различий больше, чем сходств). Это говорит о существенном расхождении представлений мужчин и женщин друг о друге.

Сравнительный анализ идеального и реального образов показал, что по большинству значимых характеристик образы идеальной и реальной женщины в группе мужчин имеют больше различий, чем сходств. Это говорит о явном несовпадении ожиданий мужчин

относительно своих партнерш и реальной действительности. В подгруппе женщин, наоборот, сходств в этих образах значимо больше, чем различий, что говорит об удовлетворенности женщин своей позицией и статусом в семье.

Идеальный мужчина в семье в представлении респондентов обеих групп должен обладать следующими характеристиками: *Быстрота в принятии решения; Забота о людях; Великодушие; Умение пошутить*. Указанные характеристики позволяют мужчине принимать решения и нести ответственность за них, учитывая интересы и потребности членов семьи, умение прощать ошибки, т. е. одновременно быть сильным, мужественным и чувствительным к интересам других людей. Мужчины наделяют образ идеального мужчины в семье более маскулинными характеристиками (*Добытчик, Глава и Опора семьи*). А вот женщины включают в этот образ нетипичные для мужчины характеристики – *Сострадание* и *Искренность*. Вероятно, что это именно те качества, которых явно не хватает мужьям с точки зрения жен, так как сострадание и искренность обеспечивают супружеским отношениям любовь, заботу и теплоту. Таким образом, идеальный мужчина в семье должен обладать такими характеристиками, которые обеспечивают ему власть в семье и позволяют реализовывать поддерживающую функцию. По данным исследования, видно, что образ идеального мужчины в семье имеет значительные сходства в представлениях мужчин и женщин. Представления о реальном мужчине у респондентов обеих групп также имеют больше сходств, чем различий. Обе подгруппы отмечают *Веру в себя, Готовность к действию*. Женщины к этому ряду добавляют *Резкость, Активность*. Однако есть важная особенность у этих описаний, которая обращает на себя внимание. Только две характеристики в группе мужчин и четыре в группе женщин получили большое количество выборов (более 60%). Остальные характеристики весьма разнообразны (их частота выбора не превышает 12%). Это говорит о несогласованности, неоднородности представлений о мужчине в семье.

Сопоставление образов идеального и реального мужчины в семье в эмпирических группах показало, что мужчина должен и реально является главой семьи, принимает решения, уверен в себе. Но ожидаемые и важные характеристики, *Заботливость, Чуткость* и *Великодушие*, в реальности отсутствуют, что является потенциальным фактором развития супружеского конфликта.

На *третьем этапе* исследования мы изучали ориентацию респондентов на семейное будущее (долголетие) и копинг-реакции на семейный стресс. Были проведены феноменологическое интервью на тему «Как мы справляемся со стрессом» и методика «Устрем-

ленность на семейное долголетие» (Торохтий, 2006). Сравнение проводилось между двумя группами супругов с высокими (1 группа) и низкими (2 группа) показателями удовлетворенности браком.

Результаты показали, что во 2 группе респонденты чаще всего выбирают пассивное реагирование на стрессовые жизненные ситуации, а в первой группе – активное реагирование ($\varphi=2,31$ при $p=0,00$). Приведем примеры наиболее типичных ответов.

«Что для вас означает слово „стресс“, словосочетание „жизненные трудности“?»

1 группа: «трудности с зарабатыванием денег», «не хватает денег».

2 группа: «бытовые неурядицы», «проблемы в отношениях с близкими людьми», «семейные проблемы», «личные проблемы», «трудности по работе», «сложности с деньгами».

В бикарьерных семьях с низким показателем уровня удовлетворенности браком перечень стрессоров более разнообразный по своему содержанию. В диадах с высоким показателем удовлетворенности браком семейных стресс – это денежные проблемы семьи, либо собственные финансовые затруднения.

Содержательные различия между респондентами двух групп ярко обнаружались при ответах на вопросы *«Как вы противостоите жизненным трудностям и стрессам? Что вы при этом делаете?»*. Приведем пример часто встречающихся ответов.

1 группа: «Решаю, что важнее в данный момент», «Договариваюсь с людьми», «Стараюсь найти выход», «Обсуждаю с женой/мужем», «Ищу дополнительную работу», «Ищу выход и нахожу его», «Делаю все возможное, чтобы разругнуть ситуацию».

2 группа: «Думаю», «Напрягаю окружающих», «Провожу больше времени с друзьями», «Занимаюсь спортом», «Ищу разные варианты», «Прислушиваюсь к себе».

Анализируя ответы, можно сказать, что респонденты 1 группы ориентированы на активное совладание, деятельностное решение проблемы и когнитивную поддержку от партнера. Респонденты 2 группы предпочитают анализ и размышление; на уровень активного разрешения ситуации они не выходят. В качестве поддерживающих отношений выбирают друзей, а не партнеров по браку.

Также нас интересовало, к кому респонденты обращаются за помощью, на кого рассчитывают при столкновении со стрессом. Типичные ответы приведены ниже.

1 группа: «Близкие», «Жена», «Муж», «Коллеги».

2 группа: «Решаю сам», «Коллеги», «Друзья», «Родители».

Активное решение проблем, совместные копинг-действия с партнером, ориентация на членов семьи – в этом специфика совладания

со стрессом партнеров в бикарьерных браках с высокой удовлетворенностью супружескими отношениями. Респонденты этой группы ориентированы на семейное долголетие, что отражается в их ощущении содержательной наполненности семейной жизни, прочности и продолжительности супружеских отношений, их стабильности. Они продумывают перспективы развития семьи, ориентированы на поиск способов и решений общих семейных задач, сочетают личные и общесемейные цели ($U=425$ при $p=0,00$). Они эмоционально реагируют на успехи и неудачи в решении семейных задач, открыто проявляют свои чувства, переживания относительно друг друга ($U=518$ при $p=0,00$).

Анализ и размышление относительно возможностей решения проблемы, но при этом отсутствие активных действий, ориентация только на себя, друзей или родителей, а не на партнера по браку – в этом специфика совладания со стрессом в бикарьерных браках с низкой удовлетворенностью супружескими отношениями. Респонденты этой группы демонстрируют средний уровень устремленности на семейное долголетие ($U=371$ при $p=0,00$). Это проявляется в дефицитарности взаимодействия и совместных действий партнеров. Их взаимодействие характеризуется эмоциональной сдержанностью, кратковременностью контактов друг с другом, а отношение к семейной жизни двойственно – с одной стороны, они понимают важность семьи и брака в своей жизни, но, с другой стороны, иногда сомневаются в правильности выбора своего партнера.

Заключение

Итак, мы сфокусировали свое внимание на факторах риска и ресурсах развития бикарьерной семьи в современном мире. Данные нашего исследования позволяют сделать ряд обобщений. *Факторами риска* деструктивного развития межличностных отношений в бикарьерном браке, являются следующие особенности:

- *Эгалитарная ролевая структура.* Позиция женщины в бикарьерном браке весьма неоднозначна и противоречива. В определенной степени (а не редко и в равной степени) жена разделяет с мужем традиционно мужскую роль *Добытчика*. При этом муж не разделяет нагрузку жены в традиционно женских ролях. Однако изменение ролевой структуры в сторону эгалитарности связано со снижением удовлетворенности супружескими отношениями. Вероятно, в данной ситуации повышается риск конкуренции супругов и борьбы за власть в семье, что дестабилизирует ситуацию, повышает конфликтность в отношениях. Между

тем следует отметить, что для семей других типов данная особенность не является типичной.

- *Несовпадение ожиданий от партнера с реальной действительностью.* Хрестоматийно, данная ситуация является источником фрустрации, сниженного эмоционального фона, состояния неудовлетворенности супружескими отношениями. Эта закономерность работает не только в бикарьерных семьях, но и в семьях других типов.
- *Нарушения представлений мужчин и женщин друг о друге.* Неоднородность представлений супругов друг о друге и об их взаимодействии, отсутствие или недостаточность межличностного взаимопонимания между ними являются значимым фактором развития супружеского конфликта.
- *Пассивное совладание, ориентация в трудной ситуации на помощь друзей и родственников, а не на партнера.* Анализ ситуации, попытки понять причины ее возникновения, но отсутствие реальных действия для ее изменения приводит к «застреванию» на этапе размышления. Привлечение друзей и родственников в качестве ресурса совладания отдаляет партнеров друг о друга, что повышает риски деструктивного развития отношений.
- *Эмоциональная сдержанность и дефицитарность совместных действий супругов* приводит к снижению эмпатии у супругов, что потенциально обуславливает искажение коммуникативных процессов в семье, повышает эмоциональное напряжение, может стать источником эмоционального выгорания партнеров.
- *Неустойчивая ориентация на позитивное семейное будущее.* Ориентация партнеров на общее будущее, осознание своих потребностей и возможной их удовлетворения в браке всегда складывается в процессе межличностной коммуникации. Следовательно, если эта ориентация неустойчивая, значит, партнеры сомневаются в дальнейшей возможности удовлетворения важных потребностей в супружеских отношениях, а их брак становится психологически нестабильным.

Ресурсами развития супружеских отношений в бикарьерном браке, по данным нашего исследования, являются:

- *Традиционная ролевая структура семьи,* позволяющая снизить риски конфронтации и борьбы за власть в семье;
- *Открытое проявление чувств и переживаний относительно друг друга* позволяет партнерам заявить о своих потребностях, проявить чувство симпатии, любви и поддержки по отношению

к супругу/супруге, что повышает качество межличностных отношений в браке;

- *Активное совладание с проблемами на уровне совместных копинг-действий с партнером*, что является важнейшим стабилизатором семьи, обеспечивая ее стрессоустойчивость и жизнеспособность;
- *Чувство юмора, умение шутить* – ресурсные черты женщины, позволяющие снизить стрессогенный потенциал трудных ситуаций за счет их переоценки, придания иного смысла. Чувство юмора позволяет женщине сохранять дружелюбие в отношениях, улучшает эмоциональный микроклимат семьи.

Подводя итог, следует сказать, что изучение атрибутивных характеристик бикарьерных семей является актуальным и перспективным направлением социально-психологических исследований. Данные этих исследований позволяют выявлять причины и прогнозировать особенности дальнейшего развития супружеских отношений в бикарьерных браках.

Литература

- Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М., Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2006.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Сапоровская М. В. Психология межпоколенных отношений в семье. М.: Национальный книжный центр, 2014.
- Сапоровская М. В. Психология межпоколенных отношений в современной российской семье. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.
- Степанов С. С. Живая психология. Уроки классических экспериментов. М.: Пер Сэ, 2004.
- Торохтий В. С., Прохорова О. Г. Психологическое здоровье семьи. Сер. Психологический взгляд. М.: Каро, 2009.

Особенности сплоченности и адаптивности семей подростков с аддиктивным поведением

О. Ю. Филатова, И. А. Геронимус (Москва)

filatovaolga1974@ya.ru

Целью исследования явилось выявление структурных особенностей семей подростков с аддиктивным поведением и сопоставление этих данных со структурными особенностями семей подростков, у которых нет зависимого поведения от ПАВ. Актуальность этой проблемы связана с тем, что систематическое изучение влияния особенностей семейных взаимоотношений на развитие аддиктивного поведения в отечественной психологии только начинается, в то время как существует запрос в профессиональном сообществе на профилактику аддиктивных расстройств.

Основанием для теоретического осмысления этой проблемы стали положения структурного подхода системной семейной терапии (Минухин, Фишман, 1998). В соответствии с циркулярной моделью Д. Олсона (Лидерс, 2007) в качестве основных параметров семейной системы рассматриваются: адаптивность (способность семьи приспосабливаться к изменениям) и сплоченность (эмоциональная близость в семье). Для изучения этой проблемы в более широком контексте у подростков, помимо аддиктивного поведения, диагностировались другие связанные с ним формы отклоняющегося (девиантного) поведения. Нами были сформулированы следующие гипотезы.

1. Структурные особенности семей с аддиктивными подростками отличаются от структурных особенностей семей с подростками, не имеющими зависимости от ПАВ.
2. Существуют различия в степени удовлетворенности реальной семьей у аддиктивных подростков и подростков без зависимого поведения от ПАВ.

3. Существует взаимосвязь структурных особенностей семей зависимых и не имеющих зависимости от ПАВ подростков, с готовностью к реализации девиантного (отклоняющегося) поведения подростками.

Методы

Исследование проводилось в одном из центров психолого-педагогической реабилитации и коррекции для подростков с зависимостью от психоактивных веществ Московской области. Экспериментальную группу составили 25 респондентов мужского ($n=19$) и женского пола ($n=6$) в возрасте от 16 до 18 лет. У всех респондентов на момент исследования была выявлена зависимость от ПАВ.

Контрольную группу составили 27 респондентов мужского ($n=20$) и женского ($n=7$) пола в возрасте 16–18 лет, учащихся 10–11 классов трех московских школ.

Использовались следующие методики:

- 1) Методика FACES-III Д. Олсона в переводе А. Г. Лидерса (Лидерс, 2007);
- 2) Опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орёл) (Фетискин и др., 2002)

Для выявления существенных значимых различий использовалось угловое преобразование (критерий) Фишера. Для исследования взаимосвязи переменных использовался коэффициент корреляции Пирсона. Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета программ SPSS 22.

Результаты

Получены статистически значимые различия в сплоченности семей подростков из двух групп.

По показателю «Сплоченность в реальной семье» в семьях с аддиктивными подростками разделенный тип семьи встречается чаще, чем в семьях условно здоровых подростков. Эмпирическое значение $\varphi^*=1,672$ (количество и процент семей в экспериментальной и контрольной группе 15 (60%) и 10 (37%)). По этому же показателю в семьях с условно здоровыми подростками объединенный тип семьи встречается чаще, чем в семьях с аддиктивными подростками. Эмпирическое значение $\varphi^*=1,647$ (количество и процент семей в экспериментальной и контрольной группе 5 (20%) и 11 (40,7%)).

В представлениях аддиктивных подростков о своих идеальных семьях по показателю «Сплоченность в идеальной семье» разделенный тип семьи встречается чаще, чем в представлениях о своих идеальных семьях условно здоровых подростков. Эмпирическое значение $\varphi^*=1,668$ (количество и процент семей в экспериментальной и контрольной группе 12 (48%) и 7 (25,9%).

В представлениях о своих идеальных семьях в группе условно здоровых подростков перепутанный тип семьи встречается чаще, чем в представлениях о своих идеальных семьях у зависимых подростков. Эмпирическое значение $\varphi^*=1,751$ (количество и процент семей в экспериментальной и контрольной группе 1 (4%) и 5 (18,5%).

Получены статистически значимые различия по показателю гибкости семей подростков из двух групп: в представлениях о своих идеальных семьях условно здоровых подростков хаотичный тип семьи встречается чаще, чем в представлениях о своих идеальных семьях у зависимых подростков. Эмпирическое значение $\varphi^*=1,751$ (количество и процент семей в экспериментальной и контрольной группе 5 (18,5%) и 1 (4%).

Статистически значимых различий по показателю неудовлетворенности реальной семьей у аддиктивных подростков и подростков без зависимого поведения от ПАВ выявить не удалось.

Корреляционный анализ выявил наличие отрицательных взаимосвязей между показателем «Сплоченность в реальной семье» и склонностью к агрессии и насилию у подростков ($r=-0,389$, $p=0,05$) и «Сплоченность в идеальной семье» ($r=-0,515$, $p=0,01$). Также выявлена обратная взаимосвязь между показателями «Сплоченность в реальной семье» и «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» подростков ($r=-0,443$, $p=0,05$), между показателями «Сплоченность в идеальной семье» и волевого контроля эмоциональных реакций ($r=-0,490$, $p=0,01$).

Обсуждение

Результаты пилотного исследования подтвердили предположение о наличии различий в структурных особенностях семей с аддиктивными подростками и семей с подростками без зависимого поведения от ПАВ. Было выявлено, что аддиктивные подростки чаще воспринимают свою реальную семью как эмоционально разобщенную. Можно предположить, что эмоционально близкие отношения (даже в крайних своих проявлениях) могут являться фактором защиты подростка от формирования зависимого поведения.

В то же время в представлениях условно здоровых подростков о своих идеальных семьях наблюдается тенденция к увеличению хаотичных семей, что связано с выработкой новых правил и форм взаимодействия в семье. С одной стороны, эта ситуация приводит к дисфункции семьи, а с другой стороны, это дает возможность подросткам устанавливать новые границы во взаимоотношениях со взрослыми.

Отсутствие статистически значимых различий в степени удовлетворенности реальной семье может быть связано с тем, что данное исследование являлось пилотажным с малой выборкой.

Выявленные отрицательные взаимосвязи между сплоченностью и такими видами девиантного поведения, как склонность к агрессии и насилию, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, дают нам основания предполагать, что близкие эмоциональные отношения между членами семьи могут являться фактором защиты подростка от реализации агрессивного поведения и насилия по отношению к окружающим, повышают ценность собственной жизни и снижают импульсивность подростка.

Полученные нами данные согласуются с результатами исследования М. Тафа, Р. Байокко (Tafa, Baiocco, 2009), в котором была установлена взаимосвязь зависимого поведения подростков и восприятия структуры семьи их родителями, а также исследованием И. А. Геронимуса, И. Н. Абросимова, Я. В. Колпакова (Геронимус и др., 2014), где была показана роль открытой коммуникации (сплоченности) в редукции риска аддиктивных расстройств у подростков.

Заключение

Полученные предварительные результаты обуславливают дальнейшее исследование особенности структурной организации семей подростков с аддиктивным поведением. Приведенные в статье данные могут быть полезными для создания программ первичной профилактики детской наркомании в семье и для психотерапевтической работы с семьями, в которых растет аддиктивный подросток.

Литература

Геронимус И. А., Абросимов И. Н., Колпаков Я. В. Структурные и коммуникативные нарушения в семейной системе как факторы риска аддиктивного поведения у лиц молодого возраста // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 77–83.

- Лидерс А. Г.* Психологическое обследование семьи: Учеб. пособие-практикум для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. М.: ИЦ «Академия», 2007.
- Минухин С., Фишман Ч.* Техники семейной терапии/ Пер. с англ. А. Д. Иорданского. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 362–370.
- Tafa M., Baiocco R.* Addictive behavior and family functioning during adolescence // *The American Journal of Family Therapy*. 2009. V. 37. № 5. P. 388–395.

О согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре современного мегаполиса

Н. А. Цветкова (Москва)

В последние несколько десятилетий в рамках института семьи происходят радикальные изменения, которые отражают как общецивилизационные тенденции, так и социально-экономические преобразования в современном российском обществе. Наиболее очевидными изменениями являются: добрачная практика сексуального поведения молодежи, резкое увеличение количества незарегистрированных браков, снижение рождаемости (рост малодетности и сознательной бездетности), увеличение числа разводов, в том числе в период «молодой семьи», т. е. до появления в семье первенца.

Происходит существенная трансформация семейных ролей и перераспределение зон супружеской ответственности. Вместо законов экономики семей стали править законы эмоциональной близости. Из всех функций семьи на первый план выступают психотерапевтическая (обеспечивающая стремление мужчины и женщины получить в семье эмоциональную поддержку и психологическую защиту) и фелицитивная (обеспечивающая стремление каждого из супругов к счастью) (Богданов и др., 2003).

В этой связи все большую роль в стабильности семьи и гармоничности ее развития играет такой фактор, как совместимость установок супругов на семейные цели и ценности, общность взглядов на содержание семейных ролей на всех этапах развития семьи.

Достичь совместимости установок супругам в современных семьях не просто, поскольку установки сами по себе претерпевают существенные изменения. Кроме того, стремясь к личной автономии, современные мужчины и женщины зачастую оказываются «потребителями» семейной жизни, не умея и не желая ничего «дать

взамен». Супружеское общение теряет такие качества, как открытость, взаимопонимание, доверительность, честность. Появляются непонимание, разочарованность, критицизм. Вместо эмоциональной сплоченности наступает разобщенность и отстраненность. Отсюда ясно, что в современном обществе возрастает востребованность практической психологической помощи парам для улучшения психологического климата в семье и повышения психологической культуры супружеского общения. Для того, чтобы такая помощь была эффективной, консультант должен учитывать все многообразие существующих у каждого из супругов семейных ценностей и ролевых установок.

В проведенном авторами эмпирическом исследовании общее количество испытуемых составило 90 чел. (45 семейных пар); возраст испытуемых варьировался в пределах от 20 до 35 лет. Все респонденты проживают в Москве.

Уровень согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре изучался с помощью методики А. Н. Волковой, включающей в себя 7 шкал (Волкова, 1985): 1) шкалу значимости межполовых отношений в супружестве; 2) шкалу, отражающую установку мужа/жены на личностную идентификацию с брачным партнером; 3) шкалу, измеряющую установку супруга/супруги на реализацию хозяйственно-бытовых функций семьи; 4) шкалу, позволяющую судить об отношении супруга/супруги к родительским обязанностям; 5) шкалу, отражающую установку супруга/супруги на значимость внешней социальной активности (профессиональной, общественной); 6) шкалу, отражающую установку супруга/супруги на значимость эмоционально-психотерапевтической функции брака, и 7) шкалу, отражающую установку мужа/жены на значимость внешнего облика, его соответствия стандартам современной моды.

Установлено, что наиболее согласованными являются установки в следующих сферах супружеского взаимодействия: хозяйственно-бытовой (95%), родительско-воспитательной (98%), сфере социальной активности (93%). Самыми несогласованными являются установки в сферах межполовых отношений (80%), личностной идентификации (86%), эмоционально-психотерапевтической (89%) и в сфере внешней привлекательности (86%).

Для выявления различий по частоте встречаемости уровней значимости семейных ценностей среди мужчин и женщин был использован χ^2 Пирсона. В результате проведенного исследования, было выявлено, что ожидания и притязания супругов различаются по частоте встречаемости:

- высокого уровня значимости ожиданий ($\chi^2=6,42$ при $p=0,01$) и притязаний ($\chi^2=9,41$ при $p=0,002$) в хозяйственно-бытовой сфере;
- среднего ($\chi^2=12,02$ при $p=0,001$) и высокого ($\chi^2=7,18$ при $p=0,007$) уровня значимости притязаний в родительско-воспитательной сфере;
- низкого ($\chi^2=10,61$ при $p=0,001$) и высокого ($\chi^2=9,68$ при $p=0,002$) уровня значимости ожидания в сфере социальной активности;
- среднего уровня значимости ($\chi^2=4,49$ при $p=0,03$) притязаний в сфере социальной активности;
- высокого уровня притязаний ($\chi^2=7,01$ при $p=0,008$) в эмоционально-психотерапевтической сфере;
- низкого ($\chi^2=9,69$ при $p=0,002$) и высокого ($\chi^2=5,93$ при $p=0,02$) уровней значимости в сфере внешней привлекательности.

Таким образом, обнаружены следующие различия в установках мужа и жены относительно хозяйственно-бытовой сферы семейного взаимодействия: у мужчин, по сравнению с женщинами, преобладает высокая значимость *ожиданий* в хозяйственно-бытовой сфере, а у женщин – высокая значимость *притязаний* в хозяйственно-бытовой сфере, т. е. в такой сфере семейных отношений, как организация быта и ведение домашнего хозяйства, мужчины в большей степени, чем женщины, *ожидают*, что их партнер (жена) будет активно решать бытовые вопросы, а женщин не ждут активного участия мужей в хозяйственно-бытовых заботах, а сами готовы взять эти заботы на себя, у них превалирует установка на собственное активное участие в ведении домашнего хозяйства. Это означает, что в сфере хозяйственно-бытового взаимодействия установки мужа и жены являются комплементарными (взаимодополняющими друг друга). На практике, в семейной жизни, такая взаимодополняемость сплачивает пару, поскольку исключает причины для конфликтов в этой области супружеского взаимодействия.

Другим обнаруженным половым различием является то, что в *родительско-воспитательной* сфере у женщин значимо чаще встречается средне выраженная значимость *притязаний*, а у мужчин – высокая значимость притязаний. Это означает, что женщины-мамы, считая, по-видимому, роль матери своим естественным долгом, рассматривают участие в воспитании детей и выполнение материнских обязанностей чем-то само собой разумеющимся и не придают этому особого значения, тогда как мужчинам свойственно в большей степени придавать выполнению отцовских обязанностей достаточно большое значение. Возможно, это связано с тем, что женщины в роли матери имеют хорошие образцы для подражания – своих матерей

и бабушек, тогда как современные отцы стремятся преодолеть те негативные стереотипы отцовского поведения, которые были присущи предыдущим поколениям – эмоциональная отстраненность, большая погруженность в свои профессиональные и карьерные заботы, которая оправдывалась мужчинами предыдущих поколений стремлением как можно лучше обеспечить семью в материально-финансовом плане, делегирование ответственности за воспитание детей своим женам. Чтобы освоить новые стереотипы поведения, современные мужчины-отцы ставят свою роль отца в фокус внимания, о чем и свидетельствует высокая выраженность их притязаний в родительско-воспитательной сфере.

В отношении *ожиданий* по данной шкале не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами. Это означает, что супруги в одинаковой степени ожидают от своих партнеров активного участия в воспитании детей.

Что касается установок супругов относительно значимости *внешней социальной активности* (профессиональной, общественной), то мужчины чаще женщин придают низкую значимость *ожиданиям* в данной сфере, а женщины, наоборот, – высокую. То есть у большинства женщин есть установка на то, чтобы у мужа были серьезные профессиональные интересы и высокая социальная активность, тогда как для большинства мужчин социальная активность жены не имеет большого значения.

Что же касается *притязаний в сфере социальной активности*, то у женщин, по сравнению с мужчинами, преобладает средневыраженный уровень значимости. Это означает, что потребности в собственной социальной активности, профессиональной успешности у женщин несколько более выражены, чем у мужчин. Этот результат находится в полном соответствии с данными других исследователей о возрастающем количестве женщин, которые не хотят ограничивать себя рамками семейной жизни и стремятся быть профессионально востребованными, заниматься общественно значимым делом и достигать в этой своей деятельности значительных успехов (Берн, 2007).

Установки супругов относительно значимости *эмоционально-психотерапевтической функции брака* таковы: высокую значимость *притязаниям* придают чаще всего женщины, т. е. для них, в отличие от мужчин, стремление быть семейным «психотерапевтом» имеет очень большое значение. Женщины готовы взять на себя роль эмоционального лидера семьи, заботиться о создании и поддержании комфортного психологического климата, оказывать моральную и эмоциональную поддержку своему супругу. Мужья роль «семей-

ного психотерапевта» готовы выполнять в гораздо меньшей степени. В отношении *ожиданий* по данной шкале не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами. Это означает, что супруги в одинаковой степени ожидают от своих партнеров активной эмоциональной поддержки.

Установки мужа/жены относительно значимости *внешнего облика, его соответствия стандартам современной моды* таковы: *притязания* в сфере внешней привлекательности имеют низкий уровень значимости чаще всего у мужчин, а высокую значимость – у женщин. Следовательно, большинство мужчин не считает нужным уделять серьезное внимание своей внешности, тогда как женщинам свойственная установка на поддержание собственной привлекательности, им присуще стремление модно и красиво одеваться и соответствовать тенденциям моды. В отношении *ожиданий* по данной шкале не было выявлено значимых различий между мужчинами и женщинами. Это означает, что и муж, и жена хотят, чтобы их «вторые половинки» с достаточно пристальным вниманием относились к своему внешнему виду и следовали тенденциям современной моды.

Что касается установки на значимость *межполовых отношений* в семье, то в большинстве случаев как у мужчин, так и у женщин наблюдается средний уровень выраженности. Это означает, что для большинства мужчин и женщин, данная сфера семейной жизни не является ведущей.

Установки мужа/жены на личностную идентификацию с *брачным партнером* имеют средневыраженные значения. Значит, несмотря на отсутствие у каждого из супругов установки на личную автономию, тем не менее стремление к общности интересов, потребностей, ценностных ориентации, способов времяпрепровождения у обоих супругов не стоит на первом месте по значимости. Это результат, на наш взгляд, отражает тенденцию, отмечаемую многими исследователями: в современную семью все увереннее входит *принцип автономии личности* – т. е. супруги больше ориентированы не на развитие семьи в целом, а на развитие самих себя *за пределами семьи* – в бизнесе, профессии, общественной деятельности. Причем в этой области семейных отношений притязания каждого супруга совпадают с ожиданиями от партнера.

В иерархии семейных ценностей сферы семейной жизни занимают у мужчин следующие места: 1 место – родительско-воспитательная сфера; 2 место – эмоционально-психотерапевтическая; 3 место – социальная активность; 4 место – личностная идентификация; 5 место – внешняя привлекательность; 6 место – хозяйственно-бытовая; 7 место – межполовые отношения. У женщин в иерар-

хии семейных ценностей эти сферы занимают следующие места: 1 место – эмоционально-психотерапевтическая; 2 место – внешняя привлекательность; 3 место – социальная активность; 4 место – родительско-воспитательная сфера; 5 место – личностная идентификация; 6 место – хозяйственно-бытовая; 7 место – межполовые отношения. При этом важно отметить, что у женщин *различие* между показателями шкал семейных ценностей не такие выраженные, как у мужчин. В интервале значений, который у мужчин в иерархии семейных ценностей разделяет первое и второе места, у женщин в таком же интервале показателей шкалы семейных ценностей выявлены 4 ступени в иерархии. Исходя из этого, можно утверждать, что для женщин, несмотря на выделенные ступени в иерархии, семейные ценности с 1 по 4 ступень являются достаточно важными, как и для мужчин.

Литература

- Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.
- Богданов Г. Т., Богданович Л. А., Полев А. М. и др.* Супружеская жизнь: гармония и конфликты. М.: Просвещение, 2003.
- Волкова А. Н.* Методические приемы диагностики супружеских затруднений // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 37–45.

Делегирование семейных функций в современной российской семье

Е. Б. Шашина (Москва)

elesha28@mail.ru

Исследование посвящено новому типу семьи, появившемуся в нашем обществе на рубеже XX–XXI вв. В ходе исследования было опрошено 56 детей – учеников 3–4 классов частной школы с целью выявления типов семей, делегирующих семейные функции. В результате было выделено три типа семей с разной долей делегирования семейных функций.

Ключевые слова: семья, делегирование функций, детско-родительские отношения.

В настоящее время семья как социальный институт претерпевает кардинальные изменения. Об этом свидетельствует большой поток исследований, проводимых отечественными и зарубежными психологами и социологами (Зуев, 2014). Исследователи отмечают, что эти изменения затрагивают как структуру, так и функции семьи. Новым тенденциям в развитии семьи посвящены доклады многих участников научных конференций, которые периодически проходят в ведущих научных и образовательных центрах (Семья, брак и родительство в современной России, 2014; Психологические проблемы современной семьи, 2015).

Наша статья посвящена функциональным изменениям, происходящим в российских семьях. Причиной подобных явлений стали социально-экономические трансформации в нашей стране, которые за последние 25 лет привели к расслоению российского общества и появлению семей, занимающих высокий социально-экономический статус.

Что же представляет собой семья с делегированием функций? Если посмотреть на основные семейные функции, выделяемые оте-

чественными исследователями (Эйдемиллер и др., 2006), то почти все функции (воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, функция духовного (культурного) общения, функция первичного социального контроля), за исключением репродуктивной и сексуально-эротической, в той или иной мере делегируются наемным работникам. Поэтому целью нашего исследования является описание подобных семей с позиций функционального подхода к изучению семьи и выявление специфики детско-родительских отношений в этих семьях. Нами было проведено эмпирическое исследование с целью выявления различных типов семей с делегированием семейных функций. В исследовании участвовали 56 школьников (27 девочек и 29 мальчиков) в возрасте 9–10 лет из подмосковной частной школы и 6 классных руководителей. В эксперименте использовались методика «Фильм-тест» Р. Жилия, метод социометрии и анкеты.

Проведенное исследование дает возможность дать общие характеристики семьи с делегированием функций. Интересно отметить тот факт, что 60% матерей в этих семьях работают. Большинство семей, в которых воспитываются респонденты, имеют 2–3 детей (см. таблицу 1).

Необходимо отметить, что общими чертами, свойственными семьям с участниками исследования является то, что образование ребенка чаще всего осуществляется за счет отца, а контроль над успеваемостью берет на себя мать. В школу по разным вопросам, связанным с воспитанием детей, обращаются чаще всего мамы и бабушки (80% от общего числа обратившихся).

Полученные данные позволили описать три типа семей с разным уровнем делегирования семейных функций: с большой долей делегирования семейных функций, средней долей делегирования и малой долей делегирования.

К первому типу были отнесены семьи, в которых за детьми обеспечивается уход постоянная няня, проживающая в семье; в распоряжении детей находятся водитель; уроки дети делают с помощью няни, гувернантки или приходящих учителей, в поездки на каникулах ребенка сопровождает няня или охранник; еду для ребенка готовит няня или повар. Даже в школу по поводу ребенка обращаются няня или гувернантка, а не мама. Иногда для воспитания ребенка

Таблица 1
Количество детей в семье

1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка
12%	43%	34%	11%

нанимаются несколько нянь. Няня также сопровождает ребенка в различных поездках и при посещении врача. Водитель отвозит ребенка в школу и привозит его обратно домой и часто выступает в роли охранника.

Второй и третий тип семей характеризуется меньшим количеством обслуживающего персонала, осуществляющего уход за ребенком (см. таблицу 2).

Таблица 2

Количество детей и отличительные характеристики разных типов семей с делегирующим типом ответственности

	Большая доля делегирования семейных функций (I тип)	Средняя доля делегирования семейных функций (II тип)	Малая доля делегирования семейных функций (III тип)
Количество семей	23	19	14
Характеристики семей	Наличие постоянной няни или гувернантки, проживающей в семье, водителя, охранника, повара, учителей-репетиторов	Наличие приходящей няни, водителя, подготовка уроков с помощью учителей-репетиторов	Наличие водителя, подготовка уроков с помощью школьных учителей или учителей-репетиторов

Анализ данных, полученных в результате использования методики «Фильм-тест» Р. Жилия (шкалы «Отношение к матери» и «Отношение к отцу»), позволил определить отношение детей к своим родителям. Если общее количество детей из разных типов семей, испытывающих сильную привязанность к матери или отцу (верхняя граница нормы или выше), составляет 45%, то распределение внутри групп показало следующие данные (см. таблицу 3).

Из таблицы видно, что наиболее сильную привязанность к своим матерям демонстрируют дети из семей I типа. Что касается привязанности к отцам, то в разных типах семей не было обнаружено столь существенной разницы. Результаты нашего исследования полностью подтвердили ранее полученные данные о том, что няня не является членом семьи (Дробышева, Романовская, 2013).

Таким образом, можно констатировать появление нового типа семьи, делегирующего свои семейные функции наемному персоналу: няне, гувернантке, водителю, учителям и др. В ближайшее время планируется изучение специфики социального интеллекта детей из подобных семей. Мы предполагаем, что это позволит опре-

Таблица 3

Количество детей, испытывающих сильную привязанность к своим родителям

	I тип семьи	II тип семьи	III тип семьи
Сильная привязанность к матери	56%	36%	36%
Сильная привязанность к отцу	48%	53%	36%

делить успешность социализации «нянечных детей» в дальнейшей жизни и выяснить психологические особенности детско-родительских взаимоотношений в этих семьях.

Литература

- Зуев К. Б. Психология семьи в современной России: некоторые тенденции (вместо предисловия) // *Семья, брак и родительство в современной России* / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014. С. 7–9.
- Дробышева Т. Р., Романовская М. А. Представления в семье о статусе и деятельности современной няни как предмет социально-психологического исследования // *Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 357–373.
- Семья, брак и родительство в современной России* / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014.
- Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Речь, 2006.

Раздел III

ТИПОЛОГИЯ СЕМЬИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Совместная жизнедеятельность семьи как основа семейной типологии

А. Н. Книголюбова (Москва)

lex_knigolyub@mail.ru

В статье представлены различные варианты систематизации семьи. Обосновывается необходимость дальнейшей работы по построению типологии семьи, в качестве основания для такой работы предлагается использование понятия совместная жизнедеятельность.

Ключевые слова: *семья, социальная система, социальный институт, типология семьи, функционирование семьи, структура, семейный стаж, социальная адаптация, совместная жизнедеятельность.*

Семья – это малая социальная группа, важнейшая форма организации личного опыта, основанная на супружеском союзе и родственных связях – отношениях между родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство (Соловьев, 1977). Одновременно с этим семья является важнейшим социальным институтом, исторически сложившейся формой совместной жизнедеятельности людей. Тем не менее, в науке семья остается до конца неопределенным понятием. И социология, и социальная психология не могут дать семье однозначного определения. Дискуссия по этому вопросу отражена в работе В. В. Солодовникова (см.: Ковалева, 2014). Многие авторы (Антонов, 1998; Варга, 2001; Голод, 1990; Эйдемиллер, 2000; и др.) в своих работах обсуждают проблематику семьи, ее историю, функции и структуру. Н. В. Лукьяченко справедливо заметила, что если рассматривать семью в рамках гуманитарного знания, то семья, говоря метафорическим языком, подобна улыбке Чеширского кота. Она всплывает в любом аспекте науки, но лишь стоит в ней определиться и осмыслить ее, как она тут же растворяется в воздухе. Се-

мья прослеживается в любой науке, но везде сложно дать ей точное определение (Лукьяченко, 2011).

Необходимость изучения семьи связана с тем, что она является социальным институтом, от функционирования которого зависит благополучие всего общества. Сложность ее изучения связана с тем, что семья является системой, не терпящей постороннего вмешательства в ее дела. Семья не стоит на месте, она динамична и постоянно претерпевает изменения, связанные с ее развитием. На разных этапах жизненного цикла семьи могут меняться ее жизненные цели и задачи. Особенно ярко эти изменения проявляются при прохождении семьей нормального кризиса – периода, когда старые способы достижения цели становятся неэффективными, и она вырабатывает новые. На разных этапах жизненного цикла семьи, в зависимости от задач, стоящих перед супругами, различается способ согласования их индивидуальных регуляторных характеристик, т. е. совместная регуляция поведения семьи (Ковалева, 2012, 2013).

Именно из-за динамичности семьи, смены ее задач и целей ее трудно классифицировать и выделить критерии для ее систематизации. Типологии семьи строятся на различных основаниях. Любая типология служит для выявления общих черт и различий между явлениями, ее цель – обеспечить исследование того или иного явления. В социальной психологии типология семьи возможна по различным категориям, например, по степени функционирования, уровню социальной адаптации, по характеру партнерских отношений и т. д. (Голод, 1990).

Основные типологии семьи разрабатываются по феноменологии, наблюдаемым признакам семьи. Так, в качестве оснований для типологии используют численность семьи, особенности отношений в семье, эмоционально-нравственный климат в семье, а также уровень педагогической компетентности родителей (Мацковский, 1989). Однако такие типологии характеризуют семьи только по отдельным признакам, зачастую упуская важные аспекты семейной жизни, например, не учитывается время функционирования семьи и ее состав, а также тот факт, что семейным отношениям свойственна динамичность.

Климат в семье непосредственно сказывается на психическом и физическом здоровье личности человека и на его деятельности. Благополучие для большинства людей в семье будет являться источником счастья и спокойствия. Здоровая семья, которая поддерживает интересы каждого ее члена, сможет удовлетворить его потребности, сделать его счастливым, помочь ему добиться своих целей. Это достигается путем уважения друг к другу, схождения взглядов, инте-

ресов и ценностей, терпимости друг к другу у всех членов семьи. И, напротив, проблемная семья не позволяет лично расти каждому из своих членов, испытывающих недостаток тепла, чувство стыда за кого-либо из своих близких. Эти трудности ведут к конфликтам и противоречиям, результатом этого будет низкая адаптивность семьи, неспособность ее членов к совместной деятельности, разногласия в воспитании детей (Эйдемиллер, Юстицкис, 2002).

Большой вклад в изучение основ семейного благополучия внес системный подход к семье (Варга, 2001; Черников, 2001). «Суть рассмотрения семьи как системы заключается в том, что все процессы, протекающие в различных областях ее жизни, взаимосвязаны и направлены на поддержание семейной целостности. Цели семьи при этом подчиняются не только закону гомеостаза, согласно которому семья поддерживает собственный статус, но и закону развития – необходимости перехода на следующий этап жизненного цикла с его специфическими задачами и функциями. Переход реализуется в результате прохождения семьей нормального кризиса. Это случается, например, при рождении детей, взрослении детей и начале ими самостоятельной жизни, выходе на пенсию члена семьи, необходимости контактировать с новыми социальными институтами» (Ковалева, 2012). Семейная система является открытой. В соответствии с концепцией системного подхода выделяют структуру семьи, семейные взаимодействия, семейные функции и жизненный цикл семьи. Структура семьи показывает число, состав и совокупность взаимодействия членов семьи. Также она формирует семейные, культурные, идеологические стили семьи. В процессе семейных взаимодействий семья выполняет свои функции и удовлетворяет свои потребности. По мере продвижения по стадиям своего жизненного цикла семья как целое постоянно изменяется (Варга, 2001). В исследованиях эти особенности семейной жизни часто остаются неучтенными и потому неизученными. Особое внимание обращается на педагогическую компетентность супругов в воспитании детей, эмоциональную несдержанность членов семьи, степень проявления семейных проблем и т. д. При этом часто не учитывается динамика семейной системы, прохождение ее через определенные этапы, как следствие – возникновение семейных кризисов (Антонов, 1998).

Таким образом, в системном подходе семьи могут классифицироваться следующим образом: по опыту и стажу семейной жизни выделяют молодую семью, семью, ждущую первого ребенка, семью среднего супружеского возраста, семью старшего супружеского возраста и пожилую супружескую пару.

Семьи молодоженов. Типичным эмоциональным состоянием для такой семьи является состояние эйфории: у супругов еще отсутствует реальное восприятие себя и другого в супружестве. Семья решает ряд задач. Важнейшие из них – адаптация супругов к условиям семейной жизни в целом и к психологическим особенностям друг друга. Решаются проблемы жилища и приобретения собственного имущества. Налаживаются отношения с родственниками супруга (Голод, 1990).

Молодые семьи. На этой стадии семья, как правило, сталкивается с первыми трудностями. Как правило, эти трудности связаны с необходимостью совмещения разных точек зрения, ценностных ориентаций, позиций, моделей семьи.

Семьи, ждущие ребенка. На эту ступень поднимается молодая семья, ожидающая первенца. На данном этапе значительно изменяются функции культурного и эмоционального общения. Перед супругами возникает сложная задача: сохранить эмоциональную общность семьи в совершенно иных условиях, чем те, в которых она формировалась.

Семьи среднего супружеского возраста. Это наиболее опасный период жизни семьи. В эти годы появляются однообразие, стереотипность во взаимоотношениях супругов. За время, потраченное на уход за ребенком, супруги могут эмоционально отдалиться друг от друга. Именно на этот период приходится большинство разводов.

Семьи старшего супружеского возраста. Морально-психологическое благополучие супругов на этом этапе во многом зависит от богатства их личностей, взаимной уступчивости. Если семья однополовая, то ребенок на этой стадии уже может завести свою собственную семью и покинуть «родительское гнездо». Семья родителей может продолжать свою воспитательную деятельность, но она часто сталкивается с сопротивлением детей, которые хотят жить автономно (Эйдемиллер, Юстицкис, 2002).

Пожилые супружеские пары. Этот этап в жизни семьи возникает после вступления в брак их детей, появления внуков. Супруги выходят на пенсию, их здоровье ухудшается, а круг общения вследствие этого резко сужается. Потребность в признании, уважении, прежде всего, со стороны детей на данном этапе играет особо важную роль (Антонов, 1998).

В соответствии со степенью и способами решения основных задач этапы жизненного цикла семьи подразделяются на функциональные и дисфункциональные.

Функциональная семья – это семья, которая ответственно и дифференцированно выполняет свои функции, вследствие чего удовле-

творяется потребность в росте и изменениях как семьи в целом, так и каждого ее члена (Эйдемиллер, Юстицкис, 2002). В нормально функционирующей семье удовлетворяются и потребности всех членов семьи в безопасности и защищенности, в заботе и любви, в принятии и уважении и т. д. Это обеспечивает поддержку и автономию каждого члена. Все родственники связаны теплыми эмоциональными отношениями, их роли в семье не конкурируют, а дополняют друг друга. В такой семье все трудности и испытания в значительной мере сглаживаются, в решении проблем принимают участие все члены семьи, поэтому проблемы в семье не приводят к социальной дезадаптации личности. Гармония и теплая эмоциональная обстановка в семье формирует своеобразный «иммунитет», позволяющий ей без особых травм переносить все неблагоприятные влияния окружающей среды и общества.

Дисфункциональная семья – это семья, в которой выполнение функций оказывается нарушенным по причине внутренних (болезнь родственника, развод) или внешних (материальное или социальное положение) факторов. В основе нарушения функций семьи могут лежать самые разные факторы, такие как дисгармония интимных отношения, психологическая несовместимость супругов, условия жизни и т. д. (Юров, 2000). Вследствие этих нарушений структура или некоторые семейные функции семьи могут не выполняться. В силу этого в супружеской, родительской, материально-бытовой и в других сферах жизнедеятельности семьи не достигаются цели членов семьи и общества в целом.

Социально-психологический подход к типологии семьи учитывает следующие моменты. По уровню социальной адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности выделяют: благополучные, семьи групп социального риска, неблагополучные, асоциальные.

Благополучные семьи успешно справляются со своими функциями и практически не нуждаются в поддержке социальных служб. Кризисы и проблемы, возникающие при переходе на следующую ступень семейной жизни благополучная семья обычно способна преодолеть без особых трудностей (Голод, 1990).

К семьям группы риска относятся неполная семья, малообеспеченная семья и т. п. Они справляются с задачами воспитания ребенка с большим напряжением своих сил и могут иметь проблемы в исполнении семейных функций.

Неблагополучные семьи, имея низкий социальный статус в какой-либо из сфер жизнедеятельности, не справляются с возложенными на них функциями. Таким семьям, как правило, очень труд-

но выйти из семейных кризисов, поэтому им необходима помощь психолога или других социальных служб.

Асоциальные семьи – это семьи, где родители ведут аморальный, противоправный образ жизни и в которых жилищно-бытовые условия не отвечают элементарным санитарно-гигиеническим требованиям, а воспитанием детей, как правило, никто не занимается. Работа психолога с этими семьями обязательна и должна вестись в тесном контакте с правоохранительными органами и органами опеки и попечительства.

Известно, что в неблагополучных семьях может быть нарушена система внутрисемейных отношений (Мацковский, 1989). Так, в семьях группы риска могут быть нарушены детско-родительские отношения, а в асоциальной семье они могут отсутствовать и вовсе. В неблагополучных семьях имеют место нарушения в подсистеме супружеских отношений (ссоры из-за недопонимания одного супруга другим). Противоречия и вражда в подсистеме родительских отношений, борьба за любовь ребенка могут пагубно отразиться на психическом развитии детей.

В нашем исследовании для построения типологии семьи планируется использовать понятие «совместная жизнедеятельность». Совместная жизнедеятельность – любое взаимосвязанное функционирование людей в социальных группах разной численности, действующих, выполняющих свои функции, реализующие свои роли и назначения (Журавлев и др., 2001). Основной целью совместной жизнедеятельности в семье является обеспечение возможностей взаимного удовлетворения потребностей ее членов. Ранее совместная жизнедеятельность изучалась на примере трудовых коллективов и организаций. Были изучены такие феномены, как: ценностные ориентации, психологическая дистанция между людьми, межличностные конфликты и т. д. (Журавлев и др., 2001). В нашем исследовании к семье понятие «совместная жизнедеятельность» будет применено впервые. Представляется, что специфика совместной жизнедеятельности семьи позволит описать социально-психологическую феноменологию семьи, выделить существенные стороны существования семьи как сообщества.

Литература

- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учеб. пособие для вузов. М.: ИД «Nota Bene», 1998.

- Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001.
- Голод С. И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. Л.: Знание, 1990.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л., Шорохова Е. В. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Социум–Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Зуев К. Б. Психология семьи в современной России: некоторые тенденции (вместо предисловия) // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014. С. 7–9.
- Зуев К. Б., Швецова М. Н. Всероссийская научная конференция «Семья, брак и родительство в современной России» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 125–126.
- Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 417–437.
- Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 50–70.
- Ковалева Ю. В. Семья как объект исследования психологических основ регуляции поведения // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014. С. 97–102.
- Лукьянченко Н. В. Проблема места и роли семьи в социальных контекстах жизнедеятельности личности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 4. С. 162–165.
- Максимова Н. Е., Александров И. О. Компоненты психологического взаимодействия и возможность их операционализации // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 161–164.
- Мацковский М. С. Социология семьи: проблемы методологии и методики. М., 1989.
- Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.

- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
- Соловьев Н. Я.* Брак и семья сегодня. Вильнюс: Минтис, 1977.
- Черников А. В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2002.

Междисциплинарный подход к типологии семьи*

Ю. В. Ковалева (Москва)

julkov@inbox.ru

Обсуждаются основные проблемы при изучении характеристик семьи как целостности, обосновывается актуальность различения семьи как объекта и предмета психологического исследования. На основе концепции развивающего психологического взаимодействия Я.А. Пономарева предлагается подход к изучению семьи и построению ее типологии.

Ключевые слова: социальная общность, семья, родство, целостность, атрибут предмета исследования, типология.

Организация, закономерности формирования и функционирования социальных общностей, способы их идентификации и изучения являются фундаментальными вопросами для таких наук, как социология, экономика, психология, в частности социальная психология. В контексте социальной психологии одной из проблем является соотношение индивида и социума, индивидуального и социального. Постановка проблемы при этом зависит как от изученности вопроса и от степени рефлексии нерешенных моментов, так и от парадигмальной позиции, с которой проводится анализ. Особую остроту анализ взаимоотношений социальных структур и деятельности индивидов приобрел в экономических науках и социологии (Ходжсон, 2008; Гофман, 2005).

В последнее время исследования в области психологии семьи и семейных отношений получили широкое распространение. Актуальность работ в этой области определяется практической значимостью изучения семьи: рост числа разводов, проблемы ста-

* Работа выполнена в соответствии с государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2015-0001.

бильности молодой семьи, либерализация семейных отношений, проблемы семьи в переходе экономики к рыночным отношениям. Предмет исследования при этом является довольно размытым: это, как правило, совокупность психологических характеристик – межличностное восприятие супругов, удовлетворенность браком, конфликтность, которые соотносятся с отдельными демографическими, социологическими или другими характеристиками (Левкович, 2004, 2008, 2009, 2010). Трудно перечислить все феномены семейной жизни, затронутые в таких работах, но можно выделить наиболее распространенные направления – это психология детско-родительских отношений и психология супружества (Семья, брак и родительство..., 2014). Социально-психологические исследования семьи раскрывают основные феномены семьи как малой социальной группы – специфику совместимости и срабатываемости супругов (Обозов, 2000), групповую динамику и лидерство (Крюкова, 2011), образ жизни семьи (Преснякова-Осипова, 2013), социально-психологическую адаптацию семьи (Чурсина, 2014), семью как ценность и семейные ценности (Володина, 2014; Ешев и др., 2014; Мустафаева, 2015; и др.) и многих других.

Необходимо отметить современную тенденцию поиска системообразующих факторов, формирующих семью как целостность и приписывания, таким образом, семье собственных, отдельных, самостоятельных характеристик. Этот момент является существенной проблемой, возможно, ключевой и смыкается с упомянутыми выше методологическими вопросами отношений индивид/социум (общество). Представляется, что поиск таких характеристик оправдан, поскольку социальная общность, представленная как сумма индивидов и через их свойства, становится эпифеноменом (Гофман, 2005), т. е. термином, но не реальностью. Например, в работах, в которых изучаются такие конструкты, как жизнеспособность, жизнестойкость, семейный копинг, вывод о целостных характеристиках семьи делается по индивидуальным характеристикам членов семьи (Куфтяк, 2011; Махнач, 2012; Махнач, Постылякова, 2013; Постылякова, 2015).

Потребность в изучении семьи как социальной общности возникла в наших исследованиях конструкта «совместная регуляция поведения» индивидов, объединенных в группу. Мы предположили, что он также отражал семейный способ организации поведения в актуальных жизненных ситуациях – рассматривались различные этапы жизненного цикла семьи, объектом исследования были супруги без детей, а также супруги, ожидающие первого и второго ребенка (Ковалева, 2012, 2013). Этот конструкт выражался в струк-

туре согласования индивидуальных регуляторных характеристик супругов. Можно сказать, что предмет этого более раннего исследования – конструкт «совместная регуляция поведения», который, как подразумевалось, имел отношение к семье как целостности, вступил в противоречие с объектом исследования, в качестве которого выступали супружеские пары, и собственно способом операционализации – индивидуальными характеристиками супругов. Несмотря на попытки связать конструкт с такими понятиями, как коллективный субъект (Журавлев, 2002) и семейная система (Эйдемиллер и др., 2006), в используемом нами подходе семья также раскрывалась через соотношение индивидуальных характеристик, в частности через анализ корреляционных связей между регуляторными переменными супругов. Подразумевалось, что то или иное согласование этих переменных характеризует семью в целом. Задача имела бы более качественное решение, если этому согласованию был бы поставлен в соответствие тот или иной способ семейной организации, тип семьи, в то время как в работе в качестве параметра сравнения выступал этап ее жизненного цикла, а семейная организация, по сути, рассматривалась как межиндивидуальная. В приписывании семье качеств коллективного субъекта или системы содержалось намерение считать семью целостностью, обладающей собственными свойствами, отличными от свойств ее членов. Однако для их изучения не была проведена необходимая операционализация основных понятий.

Таким образом, для изучения интересующих нас характеристик невозможно игнорировать необходимость проведения социологического и социально-психологического анализа изучаемого феномена. Психологические свойства семьи могут быть раскрыты при сопоставлении их с характеристиками сообщества, которые можно изучать в сопоставлении с индивидуальными, так и общегрупповыми феноменами.

Задачей нашего исследования является изучение социальной общности на примере семьи. Для социально-психологического исследования такого объекта, как семья, представляется необходимым выполнить основные этапы планирования исследования: определить теоретические основания, объект, предмет и методические приемы работы. Однако формулировка психологического предмета изучения может быть проведена только после описания сущностных, неотъемлемых характеристик семьи как социальной общности. Такая постановка вопроса представляется актуальной, поскольку, несмотря на очевидность *семьи* как социального феномена, *семья* как понятие не определено, его содержание должно быть уточнено и раскрыто.

Похожие проблемы стоят и перед другими научными дисциплинами, например, в социологии ведется многолетняя дискуссия по определению понятия «семейные группы», выделяемого по разным основаниям (Солодников, 2011). Представляется, что при разработке данной проблематики недооценивается высокая вариабельность семьи как социальной общности, одновременного существования различных ее типов, отражающих разные способы реализации ее сущностных свойств. Таким образом, на первом этапе исследования семья как социальная общность должна стать предметом изучения.

Одним из общепсихологических решений данной проблемы вступает концепция развивающего психологического взаимодействия Я. А. Пономарева (Пономарев, 1983). Опираясь на представление о целостности и неразделимости компонентов взаимодействия, на его развивающий характер, а также в соответствии с системными и эволюционными представлениями, предлагается следующее более конкретное решение, позволяющее ближе подойти к исследованию социальной общности.

Для решения данного вопроса нами планируется использование рабочего понятия *институционализированная предметная область (ИПО)* (Максимова, Александров, 2013). Предметная область – это «совокупность реальных или абстрактных объектов (сущностей), связей и отношений между этими объектами, а также процедур преобразования этих объектов при решении задач, возникающих в предметной области» (Александров, 2006, с. 176). *Институционализация* предметной области означает, что объекты и правила, по которым осуществляется взаимодействие между ними или с ними, тем или иным образом (конвенционально, юридически, кодифицированно, имплицитно, недоступным рефлексии способом, негласно) закреплены за определенным институтом, что придает им особый смысл или значение. Примером этому может служить такой реальный объект, как дом, который может находиться в собственности у семьи, и понятие дома, которое для семьи имеет конкретную смысловую нагрузку и эмоциональное значение. Понятие дома сопряжено с общими и индивидуальными ценностями, с ним также связано определенное поведение, различающееся для членов семьи, их близких людей или посторонних, случайных посетителей.

ИПО подразумевает наличие сообщества, которое является носителем норм и правил, ценностей, ролей, статусов, а также других институциональных признаков и которое можно называть *институционализированное сообщество*. Термин институционализация в нашем понимании не связан с классическим, принятым в социо-

логии, понятием института (государство, право и пр.). Речь идет именно о специфике перечисленных параметров, закрепленных за тем или иным видом сообщества, согласии, явном или неявном, кодифицированном или нет, относительно этого закрепления. Термин институционализация подчеркивает эволюционный характер сообщества, потому что для закрепления за сообществом специфических установлений необходимо время, в которое происходит его развитие и дифференциация от других предшествующих форм. Это характерно как для сообщества в целом в исторической ретроспективе, так и для каждого союза мужчины и женщины, которому суждено или нет стать семьей. Так, например, описаны процессы институционализации молодой семьи, под которыми понимается процесс становления системы формальных и неформальных правил как основы социальных практик молодой семьи (Ростовская, 2013).

ИПО – широкое понятие, пути его операционализации лежат в различных областях знания, психология является одной из таких областей. ИПО понятие, предложенное для операционализации положений концепции развивающего психологического взаимодействия Я. А. Пономарева, для конкретизации его компонентов.

Первым компонентом взаимодействия, условным «полюсом субъекта» может быть только социальная общность, поскольку рассмотрение отдельного индивида вступает в противоречии с основными эволюционными законами, в соответствии с которыми единицей эволюционного развития является популяция, а значит, развитие индивида возможно только в сообществе. Это, в частности, соотносится с представлениями Я. А. Пономарева о неразделимости психологического и социального. Условный «полюс объекта» взаимодействия представляет собой предметная область, специфичная для этого сообщества, к ней относятся те объекты и артефакты, без которых существование данной социальной общности невозможно.

В соответствии с подходом Я. А. Пономарева, в понятии ИПО заложена неразделимость этих двух полюсов, невозможность их отдельного существования без угрозы потери специфики каждого из них. Важно, что именно так можно показать онтологию семьи как сообщества, поскольку только во взаимодействии со своей предметной областью сообщество может развиваться (основное свойство взаимодействия), а развитие является одним из оснований для приписывания статуса существования. Неотделимость одного от другого не дает возможности дать изолированные определения, фиксирующие только свойства сообщества или только свойства предметной среды. При этом понятие ИПО открывает возможности формулировки неиндивидуального предмета и конкретизацию объекта исследования.

На первом этапе *институционализируемая предметная область* «семья» становится предметом нашего исследования. Таким образом, разделяется «семья как феномен» и «семья как гипотетическая конструкция» (ИПО Семья). Опираясь на понятие *ИПО*, мы делаем предположение, что существует такой вид сообщества, и он принципиально отличается от других вариантов жизнедеятельности человека.

Атрибуты такого предмета исследования планируется описать впервые. Это предполагается сделать на основе анализа литературы из разных дисциплин знания, с выделением существенных, неотъемлемых свойств семьи, рассматриваемых в социологии, экономике, праве, культурологии, лингвистике. Использование понятия *ИПО* позволит увидеть эти атрибуты не только в свойствах сообщества, но и в свойствах предметной области, без которых сущность сообщества не может быть раскрыта. Например, в уже приведенном примере понятие «дом» отражает его как сам объект, дом как строение, так и семью. Дом как строение приобретает конкретную структуру и предметное содержание, сопровождающиеся правилами и нормами, носителями которых становятся члены семьи. Для дополнительного разъяснения этого момента и аргументации здесь можно привести цитату из Я. А. Пономарева: «Объектом [взаимодействия] могут быть те свойства предметов, явлений, которые вовлекаются в продуктивное сигнальное взаимодействие; *их содержание* (выделено мною. – Ю. К.) как объекта оказывается зависимым от особенностей способа взаимодействия субъекта с ними» (Пономарев, 1983, с. 172).

Таким образом, поиск атрибутов *ИПО Семьи* должен направлен на выделение в предметной среде ее особых свойств, через содержание, в которых раскрывается специфика семьи как сообщества. Также должны быть описаны правила входа в *ИПО* – ритуалы, сопровождающие этот процесс, в том числе имеющие смысл инициация или социально сложившиеся как таинства. Например, для семьи это может быть сговор (сватовство, помолвка, знакомство семей). Признаки переходов – смены статусов (различные новообразования), а также правила выхода из *ИПО* (в соответствии с социальными канонами – ссоры, разъезд, развод, раздел имущества, «раздел» детей). Важно, описав данные феномены, выделить в них психологическое содержание.

Если мы предполагаем, что *ИПО Семья* может быть приписан статус существования, т. е. показана его онтология, то в описании атрибутов должны быть отражены такие признаки онтологического статуса, как целостность, взаимодействие/развитие, де-

терминация, активность. Представляется важным подчеркнуть, что использование понятия *ИПО* позволит удовлетворить этим условиям, поскольку благодаря ему в описание атрибутов изначально закладываются дополнительные ограничения – должны быть учтены и специфика субъектного полюса (то, что это сообщество, а не индивиды или их сумма), и его неразрывность с объектным полюсом.

Полученным атрибутам на следующих этапах работы можно поставить в соответствие переменные – свойства объекта исследования, в отношении которого могут быть применены измерительные процедуры.

В качестве объекта исследования должны выступать носители предмета исследования – супружеские пары, состоящие в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) и, поэтому, являющиеся потенциальными носителями предмета исследования и относящиеся к тому или иному варианту *ИПО Семья* или типу семьи. Исследовательские гипотезы на данном этапе исследования могут быть сформулированы как предположения о выраженности и совместимости свойств объекта, соответствующих атрибутам предмета исследования. Собственно, это и есть гипотеза о существовании различных вариантов, типов семейной организации. Типология *ИПО Семья* станет результатом исследования.

После разработки типологии семьи планируется переход к следующему этапу исследования, на котором семья, чей онтологический статус был показан, становится объектом исследования. В качестве участников исследования выступают также супружеские пары, находящиеся в браке, однако при этом уже известно, к какому типу семьи они относятся. В таком случае согласование индивидуальных психологических характеристик супругов, в том числе регуляторных, или характеристик их взаимодействия (например, показанные в работе Н. Н. Обозова) будет сопоставлено с типом семейной организации, конкретным типом семьи. Таким образом, на втором этапе предметом исследования выступают психологические характеристики семьи как сообщества.

На первом этапе работы может быть представлен краткий обзор по одному из возможных атрибутов *ИПО Семья*. Мы считаем, что одним из таких атрибутов являются *отношения родства*, существующие между ее членами. Родство можно признать неотъемлемым свойством семьи, поскольку только в семье человек приобретает родственные позиции, статусы и роли, которых нет в других сообществах. Родство определяется как отношения между людьми, основанное на происхождении от общего предка или в результате за-

ключения брака (негенетическое родство), таким образом, родство бывает «по крови» и «по свойству». Родство приобретает в обязательном порядке не только между людьми, вступающими в брак, но и между их родственниками. Родство является более ранним явлением по сравнению с семьей, которая дифференцировалась из родовых отношений (ЭСБЭ, 1900; Энгельс, 1986). Родство можно считать атрибутом целостности семьи, поскольку оно удовлетворяет формальным критериям системности – адаптивности (полезный результат как системообразующий фактор), взаимосодействию, активности и наличию цели, а также общности происхождения. Эти критерии сформулированы на основе определения системы, данного П. К. Анохиным (1978). Родство задает правила отношений, определяет права и обязанности, а также рамки возможных взаимодействий, актуализирует модели поведения, усвоенные человеком и сформированные поколениями до него. Родство определяет близость и дистанцию между членами семьи, сплачивает членов семьи при разногласиях для достижения совместных целей. Без этих отношений невозможно существование семьи и ее развитие. Такие ключевые моменты на жизненном пути человека, как собственное рождение, вступление в брак, рождение детей, жизненный финал, перестраивают систему родства одновременно для всех членов рода (семьи), с которыми он связан. Отношения родства имеют историю развития и принимают различные формы в соответствии с этапами развития родов и семей.

Родство изучается во многих дисциплинах, в частности, широкое распространение получили лингвистические исследования терминов родства. Термины родства – языковые формы, фиксирующие позицию члена семьи. Вопросы развития терминологии родства, ее связи с социальной организацией семьи и семейно-брачными отношениями считаются в лингвистике классическими (Трубачев, 1959). Термины родства анализируются как наиболее древний слой лексики, связанный с развитием семьи и ее форм. Классическим и уникальным в своем роде является труд Э. Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов», в своем оригинальном французском названии точно отражающим предмет изучения – институциональную терминологию «*Vocabulaire des institutions indo-européennes*» (Бенвенист, 1995). Предмет анализа автора – «социально осознанные понятия, закрепленные в специальных словах...», «...отражающих явления социальной жизни» (там же, с. 5). Таким образом, под институтом автор также подразумевает не только классические институты, но и «менее заметные институты, которые обнаруживаются в производстве, повседневной жизни, соци-

альных связях...» (там же, с. 27). В индоевропейских языках термины родства присутствуют во всех языках и являются наиболее стабильно и надежно установленными и демонстрируют большое число межъязыковых соответствий.

Системы родства по материнской линии (матрилинейное родство) и агнатное (по отцу) подразумевают разные термины и разные смыслы по отношению к одним и тем же родственникам. Примером здесь является слово *сын*, который при матрилинейном родстве имеет значение *отпрыск* (*sunus*, лат.), поскольку большее значение в такой системе родства приобретает *племянник* (*nepos*, лат.), так как родство устанавливается между дядей, братом матери, и племянником, т. е. *со-племянником*. В системе родства по отцовской линии, когда значение приобретает наследование собственности, *сын* приобретает значение *грудной* (*filius*, лат.), т. е. *выкормленный грудью*, что отличает его от племянника.

Термины родства не являются симметричными. В патриархальной семье родственники со стороны мужа имеют более дифференцированные обозначения, чем родственники со стороны жены. Это связано с тем, что традиционно жена входила в семью мужа и получала свой статус в сложной семейной иерархии расширенной семьи, в то время как мужу для редкого общения с родственниками жены было достаточно общего обозначения «свойственник» (Бенвенист, 1995).

Динамика употребления тех или иных терминов может свидетельствовать об изменении социальных причин, ведущих к необходимости распознавания и дифференциации тех или иных родственных связей, и, соответственно, маркировать более глубокие институциональные изменения. Так, в русском языке существует 162 термина родства, из них устаревшими являются только 36. На выборке в возрастном диапазоне от 17 до 35 лет показано, что на 50 известных терминов кровного родства приходится 40 неизвестных, на 23 известных терминов свойства 14 малоизвестных и на 9 известных терминов узаконенного родства 2 малоизвестных. Таким образом, неизвестных терминов оказывается почти в 2 раза больше, чем устаревших (Аверкова, 2015). Эти данные могут свидетельствовать о темпах нуклеаризации семьи и снижения роли и значения родственных связей в жизни современного человека.

Сравнительный анализ терминов кровного родства и свойства в русском и украинском языках, с одной стороны, и английском, немецком, голландском и французском, с другой, показывает более разветвленную систему родства и дифференцированных семантических признаков терминов в славянских языках, по сравнению

с западноевропейскими языками (Близнюк, 2006). Кроме этого, «в лингвистике система терминов родства, помимо своей основной функции денотации социальных ролей, представляет собой систему коннотаций, связанных с определенными словами». Например, положительные и отрицательные эмоциональные эффекты таких слов, как отец/мать и отчим/мачеха (Близнюк, 2006, с. 10). Упомянутый выше термин племянник (*nepos*, *лат.*) всегда имеет аффективную коннотацию, в зависимости от системы родства. В разных системах родства дяди по-разному взаимодействуют с племянниками (Бенвенист, 1995).

Прямое определение социальных ролей, а также аффективная составляющая в индоевропейских языках отражена в морфологическом составе слов. Так, в древнегреческом супруга *δαμαρ* (*damar*) обозначается словом, произошедшим от глагола (*dem*) – строить, и имеет отношение к дому как к зданию, постройке (*δομος*), но не социальной общности (*domus*, *лат.*). В латинском и греческом языках эти слова имеют только внешнее сходство. *Damar* – та, которая приводит дом в порядок. Если же необходимо подчеркнуть аффективную сторону отношений, супругу называю *ακοιτις* (*akoitis*) с эпитетом *φιλε* (*phile*) – возлюбленная супруга. Возлюбленной супруга становится в силу договора между ее отцом, который отдает ее в жены, и мужем. Договор между мужчинами, их обязательства, по обычаю, сопровождаются установлением особых отношений (*philotes*) – взаимным приятием, дружбой, доверием, которые переносятся на супругу (Бенвенист, 1995).

Представляется возможным использовать данные лингвистических работ для описания одного из атрибутов ИПО *Семья*, такого как родство. Краткий обзор, приведенный выше, позволяет заключить, что этот атрибут имеет отношение к типологии ИПО *Семья*, поскольку результаты исследований говорят в пользу вариабельности смыслового и поведенческого содержания различных родственных позиций и отношений.

Таким образом, предстоит выделить конкретные свойства объекта исследования – супружеских пар, в терминах конкретных переменных, которые можно поставить в соответствие атрибуту предмета исследования – родству. Такие переменные должны соотноситься в том числе с содержанием ИПО *Семья* (ролями, ценностями, правилами, нормами) и могут выступать как представления о ролях и нормативных отношениях между членами семьи, правах и обязанностях членов семьи, семейной иерархии, правилах взаимодействий (способах коммуникации, ограничениях, возможностях).

Литература

- Аверкова О. В.* Степень употребляемости некоторых терминов системы русского языка носителями современного русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10 (365). С. 7–10.
- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. Избранные труды. М.: Наука, 1978.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Издат. группа «Прогресс»–«Универс», 1995.
- Близнюк О. В.* Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
- Володина Л. О.* Развитие ценностей семейного воспитания как научно-педагогическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 131–134.
- Гофман А. Б.* Существует ли общество. От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социс. 2005. № 1. С. 18–25.
- Ешев М. А., Шаповаленко А. Н.* Семья и семейные ценности курдов республики Адыгея // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 23–28.
- Дружинин В. Н.* Психология семьи СПб.: Питер, 2006.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–82.
- Зуев К. Б.* Психология семьи в современной России: некоторые тенденции (вместо предисловия) // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014. С. 7–9.
- Ковалева Ю. В.* Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 417–437.
- Ковалева Ю. В.* Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 50–70.
- Крюкова Т. Л.* Лидерство и социальная власть как факторы групповой динамики семьи // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Педагогика. Психология.

- Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2011. Т. 17. №4. С. 193–198.
- Куфтяк Е. В.* Психология семейного совладания: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011.
- Левкович В. П.* Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. Т. 6. №3. С. 126–137.
- Левкович В. П.* Взаимоотношения супругов в семьях предпринимателей // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №5. С. 24–31.
- Левкович В. П.* Роль родительской семьи во взаимоотношениях молодых супругов // Психологический журнал. 2008. Т. 29. №3. С. 41–47.
- Левкович В. П.* Особенности добрачного периода жизни супругов как одна из причин стабилизации и дестабилизации молодой семьи // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С. 82–85.
- Левкович В. П.* Добрачная беременность как один из факторов дестабилизации семьи // Психологический журнал. 2011. Т. 32. №2. С. 109–115.
- Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. №5. С. 3–22.
- Максимова Н. Е., Александров И. О.* Компоненты психологического взаимодействия и возможность их операционализации // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 161–164.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №6. С. 84–98.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В.* Модель жизнеспособности семьи // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 438–460.
- Мустафаева Д. Ш.* Семья как источник общечеловеческих и национально-этнических ценностей в воспитании и развитии личности // Мир науки, культуры, образования. 2015. №2 (51). С. 96–98.
- Обозов Н. Н.* Совместимость и срабатываемость людей. СПб.: Облик, 2000.
- Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Постылякова Ю. В.* Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач,

- А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 457–475.
- Преснякова-Осипов И. В.* Образ и качество жизни семьи // *Власть*. 2013. № 5. С. 152–155.
- Ростовская Т. К.* Развитие института молодой семьи в современном обществе // *Государственный советник*. 2013. № 2. С. 46–52.
- Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014.
- Солодовников В. В.* Семья и семейные группы: к уточнению понятий и перспектив исследования // *Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования*. 2011. № 1 (10). С. 43–56.
- Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // *Вопросы экономики*. 2008. № 8. С. 45–60.
- Чурсина В. Н.* Современная модель российской семьи: особенности социально-психологической адаптации // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2014. Т. 21. № 6. С. 300–307.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXIXа. СПб., 1900. С. 31.

Семья как открытая система

Е. А. Кукуев (Тюмень)

eakukuev@gmail.com

Предпринята попытка анализа открытости семьи как ее ведущей характеристики. В статье обсуждается, что семья обладает свойством открытости при следующих условиях: это свойство является ее ценностно-смысловым образованием, структура семьи позволяет реализовать ее открытость, возможно выделение количественно/качественных изменений, т. е. осознание «нового» в человеке, в семье. Обосновываются виды открытости семьи: когнитивная, коммуникативная, гибкая.

Ключевые слова: семья, система, открытость, закрытость, самоорганизация, гибкость, жесткость.

Становление современной науки, соответствующей постнеклассическому уровню познания (Степин, 2009), предполагает актуализацию системного подхода. Начатый Л. фон Берталанфи анализ мира как системы, но не механистической, а «организмической», привел к вхождению «системного взгляда» не только в отдельные науки (физика, химия, биология, психология, педагогика, социология и т. д.), но и образование междисциплинарных направлений, например, в виде синергетики.

В отечественной психологии данный подход оформился в работах Б. Г. Ананьева, П. К. Анохина, Б. Ф. Ломова, В. Е. Ключко. Так, например, в Томской научной школе В. Е. Ключко (2005) развивается направление системной антропологической психологии, позиционирующей человека как целостную, открытую, самоорганизующуюся систему.

Системный подход в рамках психологии семьи также уже имеет достаточный период становления, что отражено в работах А. Я. Вар-

га, С. Минухина, В. Сатир, А. В. Черникова и других. При этом можно отметить, что применение системного подхода к психологии семьи находится на начальном этапе. Многие из постулируемых положений имеют дискуссионный характер и требуют теоретического обоснования и экспериментальной проверки.

Так, вслед за А. В. Черниковым под понятием системы будем понимать «комплекс объектов, а также взаимоотношения между объектами и их атрибутами (определениями). Объекты являются составными частями системы, атрибуты – это свойства частей, а отношения связывают систему воедино» (Черников, 2001, с. 12).

В этом отношении отметим, что каждый объект рассматривается как система, одновременно являясь элементом более общей системы. Таким образом, человек является не просто частью семьи, он сам является системой (причем многомерной), в свою очередь, взаимодействуя с семьей как с системой. И определяющим в данном случае является характеристика взаимности. Когда человека интересует не только факт того, что может дать ему семья (среда, система), но и где он может адекватно реализовать свои усилия (потребности, способности), т. е. формирование полноценной субъект-субъектной связи. Как указывает В. Е. Ключко: «Обмен преобразует не только человека, становящегося другим с каждой порцией внешнего, которую он принял в себя, но и внешнее, которое, благодаря взаимодействию, „выходит из себя“ и становится субъективным основанием дальнейшего развития системы» (Ключко, 2005, с. 17).

Для человека семья может позиционироваться как компонент усложнения в процессе самоорганизации и становления. В процессе становления человек не просто выходит на уровень поиска референтной группы, но и создания такой группы, в рамках которой он может еще реализовать то, что не в состоянии сделать без нее. Семья, таким образом, может выступать как способ трансцендентности человека. Когда он выходит за пределы себя и в Другом человеке находит некое продолжение себя и возможность качественно измениться.

Основные свойства системы нашли отражение и в системной психологии семьи, проявляясь в таких параметрах, как: целостность, самоорганизация, открытость. Свойство открытости происходит из теории систем, в которой априори биологические и социальные системы рассматриваются как открытые. Открытость, как значимое свойство функционирования системы, характеризует возможность системы обмениваться энергией, веществом, информацией с внешней средой. В описании характеристик семьи понятие открытости встречается часто. Более того, системный подход наделяет семью (как систему) свойством открытости.

Так, признанный классик в семейной терапии В. Сатир (1992) так определяет открытую систему: «та, в которой части взаимосвязаны, подвижны, восприимчивы друг к другу и позволяют информации проходить внутри нее или выйти за ее пределы». При этом она отмечает (в отношении анализа семьи), что в закрытой системе люди не могут процветать. В лучшем случае они могут только существовать, но людям нужно значительно больше. Чаще всего (С. Минухин, А. В. Черников и др.) свойство открытости соотносят со структурными характеристиками семья. Важным в этом отношении является вывод М. Л. Калужского: «любая система в естественном состоянии настолько закрыта для внешнего воздействия, насколько ее структура не соответствует меняющимся условиям окружающей среды» (Калужский, 2001, с. 58). То есть Человек, Семья как системы осуществляют прогрессивное развитие настолько, насколько они открыты. В частности, интересное сравнение приводят И. Р. Пригожин и И. Стенгерс: «Сравним, например, кристалл и город. Кристалл – структура равновесная, которая может сохраняться и в вакууме, но если мы изолируем город, то он умрет потому, что его структура зависит от его функционирования. Функция и структура неразделимы в том, что структура выражает взаимодействия города с окружающей средой» (Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 59). Обратим внимание на слова И. Пригожина, И. Стенгерс: «Структура зависит от его функционирования», – т. е. структура системы уже задает параметры, потенциальные возможности ее функционирования. Также напомним мысль Л. Бергаланфи (1969) о том, что необходимым условием устойчивости органических систем является постоянное обновление их элементов. Что может обеспечить «постоянное обновление их элементов»? С нашей точки зрения – открытость системы.

Открытость есть свойство, обеспечивающее взаимодействие, и вне этого невозможно осознать сопряженность Человека и Семьи. Без данного понимания мы можем не найти ответа на вопрос: кто или что важнее: человек для семьи или семья для человека? В системном подходе обнаруживается свойство эмерджентности как появление у системы свойств, не присущих элементам системы; принципиальная несводимость свойства системы к сумме свойств составляющих ее компонентов (неаддитивность). То есть, нет необходимости говорить о доминантности или значимости кого-либо из этой диады, необходимо анализировать новую систему «Человек – Семья», или систему «Человек в данной Семье», «Семья в данном Человеке».

За основу анализа такого взаимодействия возьмем «принцип ограничения взаимодействий» (Клочко, 2005). Основу этого прин-

ципа составляет понимание соответствия взаимодействующих явлений как причины, приводящей их во взаимодействие, в котором порождается новая (системная) реальность, определяющая дальнейшее закономерное усложнение всей системной организации (Клочко, 2005, с. 3).

Актуализация открытости позволяет нам говорить о том, что Семья влияет на Человека в той же степени, в которой он оказывает влияние на нее. Таким образом, открытость Семьи как системы обеспечивает полноценное становления Человека, при проявлении открытости которого происходит формирование Семьи, что приводит к системному эффекту самоорганизации и дальнейшему усложнению.

Открытость семьи определим следующим образом: открытость – свойство семьи как системы, характеризующее степень организации взаимоотношений и взаимодействия как внутри системы, так и с внешним миром. Данное определение позволяет подходить к понятиям «открытая/закрытая» семья не как к бинарной системе, а как к характеристике степени выраженности этого свойства. В словах А. В. Черникова: «Однако обмен материалами, энергией или информацией с окружающей средой в социальных системах может быть более обширным или менее обширным, в связи с чем можно говорить об относительно открытых или относительно закрытых системах» (Черников, 2001, с. 10) мы находим этому подтверждение.

Проведенный на данном этапе исследования теоретический анализ позволяет нам сформулировать следующее.

Открытость как свойство системы (Кукуев, 2014):

1. Формируется при соответствующем целевом назначении.
2. Обеспечивается структурой, позволяющей реализацию данного свойства.
3. Проявляется в постоянном обновлении элементов.

Другими словами семья обладает (формирует, проявляет, позиционирует и т. п.) свойством открытости, если оно является ее ценностно-смысловым образованием, если структура семьи позволяет реализовать ее открытость. И если возможно выделение количественно/качественных изменений, т. е. осознание «нового» в человеке, в семье.

Анализ работ семейных психологов в части, касающейся понимания и характеристик «открытых/закрытых семей», показывает их одномерность. Открытость связывается с коммуникативным компонентом, т. е. насколько хорошо и полноценно происходит процесс приема/передачи информации. Но и в психологии общения данный процесс не исчерпывается только коммуникативной

стороной (Андреева, 1996), а включает также перцептивную и интерактивную стороны.

Анализ свойства открытости позволяет выделить следующее:

1. Когнитивная открытость – направленность на познание. Открытая семья – это семья познающая. Чтобы развиваться, семья должна осваивать себя, окружающий мир, себя в окружающем мире и т. д., что обеспечивается когнитивным аспектом.
2. Коммуникативная открытость – открытость взаимоотношениям и взаимодействиями. Данный вид определяет степень открытости во взаимоотношениях как внутри семьи, так и вне ее.
3. Флексиби́льная открытость – как открытость изменениям. Обновление элементов всегда приводит к изменениям, таким образом, важно понимание, как система реагирует на эти изменения и готова ли изменяться сама, начиная с адаптационного процесса и восходя к самоорганизации. Если семейная система позиционируется как закрытая, то любое новшество будет восприниматься с опаской как возможное нарушение спокойствия. То есть данная закрытость, по психологическому содержанию, близка к понятию ригидности (Кукуев, 2014).

Обозначенное направление исследования открытости как свойства системы, в виде которой рассматривается семья, позволяет охарактеризовать его не только с информационной стороны процесса приема/передачи, но и включив характеристики целеполагания, структуры и динамики изменений. Определение в открытости, помимо коммуникативной, когнитивной и флексиби́льной стороны, позволяет начать эмпирическую проверку обозначенных фактов. Что, в целом, позволит вывести системную теорию семьи на новый уровень понимания и усложнения.

Литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2010.
- Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Калужский М. Л. Общая теория систем: Учеб. пособие. Омск: Изд-во Омского гос. тех. ун-та, 2001.
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005.

- Кукуев Е. А.* К вопросу об открытости педагога как субъекта современного образования Письма в Эмиссия. Оффлайн // The Emissia. Offline Letters: Электронный научный журнал. Март 2013, ART 1971. СПб., 2013. URL: <http://www.emissia.org/offline/2013/1971.htm> (дата обращения: 15.10.2015).
- Пригожин И. Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Сатир В.* Как строить себя и свою семью. М.: Педагогика-Пресс, 1992.
- Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z00000249/index.shtml> (дата обращения: 15.10.2015).
- Черников А. В.* Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

Раздел IV

СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Психологические особенности супругов, состоящих в биэтническом браке

З. И. Айгумова (Москва)

zagrata@mail.ru

В статье представлены обобщенные данные исследований биэтнических браков, показаны роли интрапсихических и интерпсихических факторов в мотивации выбора супруга. Обсуждаются вопросы социально-психологической адаптации супругов к иноэтнической культуре.

Ключевые слова: семья, биэтнический брак, интрапсихические и интерпсихические факторы, мотивация, выбор, социально-психологическая адаптация, удовлетворенность

В современной культуре стало возможным самостоятельно выбирать супруга из другого этноса за пределами России и вступать с ним в брак, и для этого не существует преград со стороны общества, государства, закона, морали. Хотя надо иметь в виду, что местные обычаи, традиционные представления, и религиозные пристрастия выступают все же против биэтнических браков. По приблизительным подсчетам, число людей, рожденных в биэтнических браках, составляет более миллиарда, что, в свою очередь, больше, чем людей какого-либо этноса на Земле (Андреева, 2008).

Количество биэтнических браков растет практически на всех континентах нашего мира. В африканских странах, таких как ЮАР, Кения, Уганда, Танзания, Зимбабве и др., зарегистрировано множество браков между африканскими женщинами и индийскими мужчинами, такие союзы объясняются активной коммерческой деятельностью индийцев (Jotawa, 2008). В 2005 г. в Австралии биэтнические браки составляли около 20% от числа всех зарегистрированных браков (Family Formation, 2006).

В Японии один из двадцати браков является биэтническим, при этом 80% таких браков составили японские мужчины и иностранные женщины (преимущественно из Китая, Филиппин, Кореи, Таиланда, Индии и Бразилии) и только 20% – японских женщин, зарегистрировавших свои отношения с супругами из других стран (Корея, Америка, Китай, Британия, Бразилия) (Fu, Neaton, 2000).

В то время когда биэтнические браки были редкостью, общественное осуждение таких союзов было достаточно высоким. Как только число биэтнических (в частности, межрасовых) браков в США и Европе выросло до устойчивого, равномерного уровня, так и общественное восприятие этих браков стало более благоприятным (Wopassi et al., 1978). Британский институт социальных и экономических исследований утверждает, что в настоящее время один из десяти детей в Великобритании живет в биэтнической семье (Intercultural and interracial marriages, 2007). В США растет число биэтнических браков, где супруги являются не только представителями разных этносов, но и рас (Crester, Leon, 1982).

В Москве количество биэтнических браков между русскими и другими этносами (украинцы, белорусы, армяне, татары, грузины, азербайджанцы и т. д.) в 1980 г. составляло 16,82%, а в 2005 г. процент заключенных биэтнических браков увеличился до 37% (Курбатова, 2005).

Следует заметить, что каждая сложившаяся биэтническая семья создает условия для формирования таких новых семей, в биэтнические браки чаще вступают те, кто уже имел опыт родственного общения с людьми другого этноса (Бокова, 2007).

Наши исследования строятся на идее, что семья является продуктом исторического и общественного развития, отражая во внутрисемейных отношениях отношения общественные. Личность развивается вместе с развитием сознания и самосознания, которые определяются обобщением того способа жизни и тех рефлексий на окружение, уровня которого достигла личность в процессе своей жизни. Также мы разделяем идеи о единстве психики с возможно достаточно существенными внешними различиями, т. е. базовые психологические процессы являются общими для человеческих существ, но на их проявления влияет культура.

Нами были исследованы различные аспекты биэтнических семей. В данной статье остановимся на интрапсихических и интерпсихических факторах мотивации выбора супруга в биэтнических семьях (на материале изучения русско-европейских семей) и социально-психологической адаптации супругов к инокультурной среде (на материале исследования русско-турецких семей).

Интрапсихические и интерпсихические факторы мотивации выбора супруга в биэтнических семьях (на материале изучения русско-европейских семей). Выбор супруга/ги в биэтнических семьях является сложно детерминированным актом принятия решения, мотивационной базой которого всегда является совокупность интер- и интрапсихических факторов.

В исследовании приняли участие 120 испытуемых, из которых: 20 – моноэтнических русских брачных пар; 20 биэтнических брачных пар между представителями русской и западноевропейской культуры (объединенные по религиозному признаку – католическому вероисповеданию: Англия, Уэльс, Ирландия, Франция, Бельгия, Испания, Италия, Португалия), проживающие на территории Российской Федерации, в которых женщины являются представителями российской культуры; 20 биэтнических брачных пар между представителями русской и западноевропейской культуры, проживающие на территории западноевропейских стран, в которых женщины являются представителями российской культуры (Айгумова, Поляк, 2012).

В своем исследовании опираемся на идеи Б. Мурстейна о ведущей роли фактора гомогенности (ценностной и этно-религиозной) в процессе выбора супруга, понимании этнической идентичности как структуры, включающей в себе когнитивный (характеризует содержательное наполнение этнической идентичности, объединяет знания и представления о этнической принадлежности, основные критерии этнической идентификации, а также этнодифференцирующие признаки, которые лежат в основе этнического отождествления и уподобления) и аффективный (переживание человеком тождественности с этнической общностью, удовлетворенность собственной этнической принадлежностью, оценку ее значимости, желание принадлежать этнической группе, а также комплекс этнических чувств) компоненты.

Из этих идей следует, что совершение брачного выбора мотивируется и детерминируется множеством интер- и интрапсихических факторов. Так, представители моноэтнических браков, выполняя требование гомогамности брачного выбора, могут руководствоваться как критерием социального одобрения этнически гомогенного брачного партнера (интрапсихический фактор), так и наличием высоких показателей этнической идентичности, обладанием характерными для их культуры ценностными ориентациями (интерпсихический фактор). Соответственно, полагаем, что у представителей биэтнических браков должны выявляться более низкие показатели этнической идентичности по сравнению с представителями моно-

этнических браков, а также ценностные ориентации, отличающиеся от ценностных ориентаций представителей моноэтнических браков в случае выявления высоких показателей интернальности локус-контроля.

В первом исследовании были использованы методики: Шкала оценки ценностных ориентаций М. Рокича; «Шкала И-Э» (Дж. Роттер), позволившая выделить индивидуальные характеристики интернальности и экстернальности локуса контроля; методика Дж. Финни, направленная на выявление уровня идентификации с этнической общностью супруга. Статистический анализ был проведен с использованием критерия Колмогорова – Смирнова; параметрического t-критерий Стьюдента; ковариационного анализа.

Результаты исследования позволяют отметить, что с повышением значений показателей этнической идентичности возрастает уровень соответствия ценностных ориентаций личности ценностным ориентациям ее этнической группы и вероятность вступления личности в моноэтнический брак, а также растет роль интерпсихических факторов в мотивации этого выбора.

С понижением значений показателей этнической идентичности личности, снижается уровень соответствия ее ценностных ориентаций ценностным ориентациям ее группы и повышается вероятность ее вступления в биэтнический брак. Причем с повышением значимости интрапсихических факторов (и понижением значимости средовых факторов) в мотивации данного выбора повышается вероятность смены места жительства на родную страну супруга.

Таким образом, проведенное исследование позволяет предположить, что увеличение роли индивидуалистических ценностей в структуре культурных ценностных ориентаций приводит к повышению роли интрапсихических и снижению роли интерпсихических факторов в мотивации выбора супруга. Это объясняет снижение влияния фактора в целом негативной социальной оценки биэтнических семей на принятие решения о вступление в такой брак.

Кроме того, снижение влияния социальных ценностей привело к появлению у представителей этноса ценностных ориентаций, отличных от исторически характерных для данной культуры. Это ведет к возникновению более высокого уровня ценностно-ориентационной комплиментарности между представителями различных этносов, чем между представителями одного этноса. Такая картина способствует заключению биэтнических браков.

Супруги из биэтнических семей в той или иной степени сталкиваются с трудностями при взаимодействии друг с другом. Случающиеся столкновения часто противоречащих друг другу картин мира,

различных систем ценностей, ранее не соприкасавшихся или мало соприкасавшихся, привели к сопряжению их на уровне индивидуального сознания, психологической адаптации к иной системе смыслов и ценностей. Проникновение в другую культуру связано с приобретением определенных качеств, свойственных представителям этой культуры. Помимо поверхностных внешних изменений, происходят качественные изменения в психике человека, связанные с эффектом погружения в иную культуру и давлением инородной среды на него.

Второе исследование было посвящено социально-психологической адаптации русских женщин, состоящих в браке с турецкими мужчинами. Под *социально-психологической адаптацией* личности в новой социокультурной среде понимаем сложный и многомерный процесс взаимодействия представителей разных культур, в результате которого происходит формирование новой позитивной социальной идентичности, адекватной изменившимся социокультурным условиям; процесс развития личностного потенциала индивида по мере его активного включения в различные виды деятельности (и, прежде всего, профессиональную деятельность), систему межличностных отношений, социокультурную и социально-политическую жизнь общества, нахождение условий для реализации потребностей в самоуважении и самоактуализации личности.

Изменение социокультурного окружения требует от личности установления новых социальных связей, нахождения своего места в новых для нее условиях, встраивания себя в систему уже сложившихся социокультурных отношений. Данное требование ставит перед индивидом задачу выбора и реализации соответствующей адаптационной стратегии. Успешность адаптации личности в биэтническом браке будет зависеть от многих факторов, среди которых мы выделяем и удовлетворенность браком.

Во втором исследовании использовались следующие методики: тест «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Л. В. Янковский), определяющий уровень и тип адаптации; тест «Экспресс-диагностика межэтнической аккультурации Д. Бэрри», позволяющий выявить аккультурационную стратегию; тест-опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко, выявляющий уровень субъективной удовлетворенности браком.

В исследовании приняли участие русские женщины, состоящие в браке с турецкими мужчинами. Выборка составила 75 чел.: 25 респондентов проживают с супругами в России, 25 – в Турции, 25 чел. – контрольная группа – женщины из русских моноэтнических семей. Все испытуемые имеют, как минимум, одно высшее образование

либо продолжают обучение. Все респонденты проживают в городе. Возраст респондентов: от 20 до 44 лет.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы относительно особенностей социально-психологической адаптации женщин к иной культурной среде в русско-турецком браке:

- женщины из русско-турецких семей более открыты к принятию чужой этнической культуры и в гораздо меньшей степени предпочитают отвержение чужой культуры, чем женщины из русских моноэтнических семей;
- в русско-турецких семейных парах существует взаимосвязь между удовлетворенностью браком и успешностью адаптации к иной культурной среде: высокому уровню адаптации соответствует высокая удовлетворенность браком;
- самая высокая удовлетворенность браком отмечается у женщин, выбравших стратегии интеграции и ассимиляции – стратегии активного взаимодействия и восприятия турецкой культуры;
- характерной особенностью адаптации в русско-турецких браках является то, что женщины, выбирающие стратегию ассимиляции, т. е. отказа от своей этничности, чаще всего оказываются полностью удовлетворены своей семейной жизнью и хорошо адаптированы;
- совместное проживание с семьей мужа негативно сказывается как на адаптации, так и на семейных отношениях в биэтническом браке.

Литература

- Айгумова З. И., Поляк А.* Роль интерпсихических и интрапсихических факторов в мотивации выбора супруга в биэтнических семьях // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 4. № 1. С. 185–193.
- Айгумова З. И., Заварзаева Е. С.* Социально-психологическая адаптация супругов из русско-турецких семей // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 4. № 1. С. 194–199.
- Андреева Т. В.* Психология современной семьи: Монография. СПб.: Речь, 2005.
- Бокова Т. Л.* Основные тенденции развития межнациональной семьи в российском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 7. С. 103–106.
- Курбатова О. Л.* В 2050 году в столице не останется русских // Комсомольская правда. 2003. 20 января. С. 24–25.

- Маховская О. И.* Межкультурные браки и модели семейных отношений // Межэтнические браки. Информационно-аналитический бюллетень. М.: АСИ, 2003. № 32. С. 19.
- Vonacsi G. A., Moon H. F., Ratliff B. W.* Intercultural marriage: The Korean-American experience // *Social Caseworker*. 1978. № 59. P. 221–226.
- Crester G., Leon J.* Intermarriage in the United States // *Marriage and Family Review*. 1982. V. 5. № 1. P. 3–11.
- Intercultural and interracial marriages. 2007. URL: <http://www.statistics.gov.uk>.
- Family Formation: Cultural diversity in marriages. 2006. URL: <http://www.abs.gov.au>.
- Jotawa: Afro-Asians in East Africa. 2008. URL: <http://www.colorq.org>.
- Fu X., Heaton T. B.* Status exchange in intermarriage among Hawaiians, Japanese, Filipinos and Caucasians in Hawaii: 1983–1994 // *Journal of Comparative Family Studies*. 2000. V. 31. P. 45–60.

Биографическая память рода в традициях и символах (на примере древнеримских аристократических семей республиканского периода)

М. В. Городилина (Москва)
marina.gorodilina@yandex.ru

Биографическая память рода, являясь основополагающей ценностью общества Древнего Рима, передавалась посредством традиций, обрядов, историй, материальных объектов и артефактов, через которые каждый член семьи мог приобщиться к значимым компонентам идентичности рода. Запечатленные в символах знаменательные события, достижения, заслуги и добродетели семьи демонстрировались обществу во время общественных мероприятий, процессий, игр и зрелищ, прославляя род и его историю. Биографическая память семьи, ее история, являлись регулятором социальных отношений и положения семьи в обществе.

Ключевые слова: биографическая память, род, идентичность, семейные символы, традиции, обряды, образ семьи.

Цель данной статьи – раскрыть на примере древнеримских аристократических семей способы передачи биографической памяти рода и трансляции семейных идентификационных символов в обществе республиканского периода Древнего Рима посредством культурно-исторического анализа. Рассматриваются основные материальные, знаково-символические и обрядовые воплощения значимых для семьи биографических событий и явлений.

Предметы и символы аккумулируют значимые характеристики, факты о семье, о ее истории, о членах семьи и служат для сохранения и передачи информации из поколения в поколение. Многие из них отражают культурно-исторические социально значимые для общества феномены. В процессе сохранения и передачи, дан-

ные предметы обрастают мифами, легендами, которые обладают яркими запоминающимися образами.

Изучая римские аристократические семьи, Г. Фарней (Farney, 1999) отмечает, что многие из этих семей использовали символы с целью продемонстрировать некоторые аспекты своей семейной идентичности. Иногда эти символы заключались в простых объектах – образе животного (которое «передавало» свои качества семье), религиозном предмете, украшении, которые каким-либо образом касались истории семьи, известных ее членов или особых семейных добродетелей и заслуг. В некотором смысле, эти символы были похожи на фамильные гербы и геральдические эмблемы, которые были разработаны гораздо позднее в Европе. Такие объекты могли указывать на доблестную военную родовую традицию, на репутацию семьи, ведущей строгий, аскетический образ жизни, или, к примеру, на особые отношения семьи с определенными божествами.

Начиная с конца II в. до н. э. данные символы стали фиксироваться на римских монетах. Среди изображений встречались легендарные сцены, которые связывались с толкованием имени магистрата, олицетворением событий, прославивших магистрата или понятий, характеризующих его (Свобода, Благополучие, Доблесть, Согласие и т. д.), изображением богов и богинь, покровительствующих магистратам, архитектурными и скульптурными памятниками, прославляющих членов определенных родов. Нередко в виде символов изображали сцены из военной жизни, военные походы, победы, трофеи, вооружение и т. д. (Казаманова, 1969, с. 68–69).

Важно понимать, что перечисленное выше имеет отношение к значимой части семейной идентичности в Древнем Риме, а именно к возведению своего рода к какому-либо легендарному предку. Каждая семья чтит память о прославившем их род предке, сохраняя и передавая рассказ о нем и его достижениях из поколения в поколение устно, письменно, в виде изображений, картин, символов и т. д. Таким образом, изображения на монетах закрепляли символически память о предке семьи, а монеты, переходя из рук в руки, служили прославляющими семью в обществе предметами.

Г. Фарней (Farney, 1999) утверждает, что символической функцией наделен также и уникальный или необычный стиль одежды и внешней репрезентации семьи, который способствовал внешней идентичности членов семьи, клана. Так, в стремлении иметь максимально отличительные черты от других семей учитывались малейшие детали, в том числе даже прически, как, например, кудрявые волосы у римского патрицианского рода *Quintii* или длинные волосы патрицианского рода *Claudii*. Все это делало свой вклад в уникаль-

ный образ семьи, который сообщал окружающим о статусе и репутации клана. Все элементы внешней атрибутики и репрезентации семьи являлись идентифицирующими факторами при определении клана семьи, как окружающими людьми, так и самими членами семьи, так как они стремились максимально выразительно продемонстрировать свою принадлежность к семье через характерные для семьи символы и атрибуты, внешний вид.

Имели значение также и почести, которые были оказаны семье другими людьми или государством. Цель таких символов и символических действий – в выделении индивидуальности каждой отдельной римской семьи и демонстрация ее причастности к законной, значимой части правящего класса государства.

Таковыми почестями являлись:

- почетные места на похоронах, места захоронения (места в рамках города – для избранных членов общества; отвергнутого, провинившегося члена семьи могли хоронить отдельно от семьи), статуи, знаки и символы, обрамляющие гробницы;
- привилегии в организации игр, зрелищ; это не только являлось большой честью, но и прославляло организаторов среди людей. Среди внешней атрибутики мероприятия превалировали символы и знаки рода семьи-организаторов.

Данные почести являлись частью публичных действий, призванных демонстрировать высокий статус традиционной аристократии. Как и семейные символы, такого рода почести были физическими проявлениями семейной принадлежности, событий и образов, которые зрители могли ассоциировать с определенной римской семьей.

Семьи благородных кровей, которые получали такие особые зрелищные почести, обычно происходили из самой высокой аристократии Рима, часто патрицианской. Некоторые плебейские семьи, такие как *Fabricii*, *Maenii* и *Aelii*, были среди первых жалованных плебейских семей, которые удостоились такой чести на рубеже 4–3 в. до н. э. Некоторые семьи получали такие почести по праву родового наследования. Но большинство получало данную почесть из-за выдающегося члена семьи, иногда за его великие военные достижения (*Scipio Africanus*, *Valerius Maximus*, *Maenius*, *Fabricius* и даже *Aelius*), а иногда за действия, которые повлияли на развитие римских игр и зрелищ (*Maenius* и, возможно, *Aelius Catus*). Таким образом, особая честь, которой награждались аристократические семьи, являлась определенным символом римской семьи, который происходил от их выдающегося, часто древнего, предка.

Римское гражданское общество поддерживало историческую память посредством обрядов и праздников, исторической топографии, памятных мест, историописанием, гентильно-генеалогической мемориальной практикой (похоронные процессии, памятники и надгробия).

В память об усопших предках в аристократических семьях хранились восковые маски, снятые в день смерти их члена. Эти маски, с надписью имени родственника, его должности, подвигов и добродетелей, надевали на себя люди на похоронах. Они облачались в официальную одежду предка, соответственно его статусу и должности, и сопровождали похоронную процессию, и чем больше было в семье таких предков, тем роскошнее выглядели похороны. Кроме того, рядом шли люди, несшие портреты знаменитейших членов рода, а также картины, изображающие военные подвиги, которыми прославился умерший, его победы, завоеванные города и земли (Сергеенко, 1964).

Перед тем как нести умершего на место сожжения или погребения, вся процессия заворачивала на форум, где вокруг умершего рассаживались «предки», а сын или ближайший родственник произносил похвальную речь, в которой освещал не только заслуги умершего, но и все успехи и дела его предков, начиная с самого старшего. Перечислялись, с одной стороны, его должности и деяния, посредством которых оценивалось достоинство умершего, а с другой стороны – его доблестные дела, подвиги, которые он совершил в качестве магистрата, командующего войсками и сенатора (мудрость, рассудительность, храбрость, отвага). Эти и другие гражданские и военные добродетели соответствовали доблестям символически присутствовавших предков, и являлись отражением нормативного идеала гражданина Римской республики (Дементьева, Суриков, 2010).

Позже, в память умершего, на поминки, несколько раз в год (в день его рождения и смерти, в «праздник роз», в «день фиалки» и др.) семья не только раздавала народу города пищу или деньги, но и устраивала игры, подчас гладиаторские. На могиле совершались обряды и церемонии с участием широкого круга друзей семьи. «Диалог» с умершим продолжался символически через надпись на статуе, обращенной к проходящему, например: «Да вознаградят вас боги, друзья, и да пребудут они милостивы к вам, странники, за то, что вы не проходите мимо Виктора Публика Фабиана, не обращая на него внимания. Идите и возвращайтесь здоровыми и невредимыми. А вы, украшающие меня венками и бросающие здесь цветы, да живите долгие годы» (Сергеенко, 1964, с. 219–220).

В стремлении «соединиться» с родственником существовала даже традиция ловить «последний вздох» умирающего через прощальный поцелуй: считалось, что душа умершего вылетает в этом последнем вздохе.

Семейная идентичность часто выражалась в форме закрепления родового «прозвища» (cognomen). Так, истоки «прозвища» могли идти от царских, жреческих корней рода или быть связанным с определенным видом деятельности, территориальным происхождением. Существовали имена, передающиеся из поколения в поколение, имеющие определенные признаки, значимые для семьи. Личное имя преступника могло быть навсегда исключено из того рода, к которому он принадлежал. Так, в роду Манлиев не употреблялось имя Марк, а в роду Клавдиев – имя Луций (Федорова, 1982).

Подобные традиции существовали в разных культурах на протяжении тысячелетий и выражались по-своему. Символизм в отношении идентификационных признаков семьи пронизывает все уровни быта: начиная с внешнего, «физического» образа семьи и его членов и заканчивая символическими действиями, несущими определенные значения.

Общество Древнего Рима поддерживало стремление семей чтить память предков и заключалось это в обширном богатстве существующих в то время традиций и практик. Особо значимым являлся культ «легендарного предка», благодаря которому прославился род. Кроме того, правящий класс государства способствовал продвижению аристократических семей за счет оказания им особых почестей на играх, зрелищах, похоронах. Чем больше в семье было прославившихся предков, тем пышнее организовывались различные процессии и мероприятия, что играло также большую роль в прославлении рода и его истории.

Каждая аристократическая семья стремилась подчеркнуть индивидуальность семьи и рода всеми возможными способами, в том числе и за счет внешних проявлений. Уникальность одежды, причесок, личных предметов и прочих деталей убранства создавала определенный образ семьи и рода. По данным деталям, знакам и символам, аккумулирующим исторические особенности рода, граждане Рима могли понять, к какому роду относится аристократ.

Память о значимых событиях, подвигах, заслугах, особые добродетели, культивировавшиеся в семье из поколения в поколение, сохранялись в материальных предметах наследия рода: памятниках, картинах, изображениях на монетах, и прочих предметах. Вокруг этих родовых артефактов возникали выразительные истории и впечатляющие рассказы, благодаря которым каждый член

семьи мог приобщиться к значимым компонентам идентичности семьи.

Таким образом, сохранению биографической памяти семьи и рода способствуют не только внутренние традиции, коммуникации, предметы и объекты материального наследия, но и связь с обществом: возможность «разделить» знание об истории семьи, завоевать определенный статус в обществе, а также задача поддерживать уникальный образ семьи в глазах окружающих.

Литература

- Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
- Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Сергеенко Е. М. Жизнь древнего Рима. М.–Л.: Наука, 1964.
- Сушков И. Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Farney G. D. Aristocratic Family Identity in the Roman Republic: A dis. ... Doctor of Philosophy in Latin. Bryn Mawr, Pennsylvania, USA, 1999.

Нормативный конфликт различных моделей семьи в условиях эмиграции

О. И. Маховская (Москва)

olyam@inbox.ru

В статье отражен многолетний опыт сравнительного анализа опыта решения семейных конфликтов в межкультурных семьях эмигрантов. Выделяются несколько моделей семьи в зависимости от распределения власти и ответственности, а также доминирующей в семье религиозной традиции. В исследовании использованы три группы методов: анализ культурных артефактов, глубокое интервью с российскими эмигрантами; оригинальная методика «Модель семьи». Описана феноменология семейных конфликтов с точки зрения российских по происхождению подростков из межкультурных семей в эмиграции.

Ключевые слова: модель семьи, идентичность, нормативный конфликт, социализация, подростки, метод «Модель семьи».

Феномен современной постсоветской эмиграции в западные страны только начинает изучаться. Такая возможность появилась благодаря открытию границ и началу научных экспедиций. Количество эмигрантов в США из стран бывшего СССР по экспертным оценкам составляет около 3 млн. человек. Особый поток – женская, брачная по своим мотивам и рыночная по своей идеологии, эмиграция. Она поддерживается и стимулируется многочисленными брачными интернет-агентствами. Создаваемые благодаря этому процессу семьи, супруги ориентируются на разные модели семьи (Makhovskaya, 2002). Мы считаем, что эмиграция – это «естественный социальный эксперимент», в рамках которого человек попадает в ситуацию конфликта привычных для него норм поведения и норм новой страны проживания. Это приводит к обострению вопроса об этнической

идентичности. Чувство исторической справедливости требует напомнить, что эта проблема всегда была в центре российской гуманитарной традиции (Маховская, Марченко, 2015).

Самая трудная часть сравнительных исследований – это создание промежуточных концептов, которые отражали бы специфику конкретных изменяющихся социальных контекстов. В поиске промежуточных концептов мы остановились на понятии «сценарий». Культурно заданные сценарии структурируют отношения подростков с окружением и содержат строгие предписания для их социализации. Они влияют на формирование идентичности.

Гипотеза

Модели семьи в Америке и России существенно различаются. Это создает неизбежные трудности культурной и психологической адаптации российских эмигрантов.

Эмиграция опасна тем, что личность теряет привычные способы и источники эмоциональной поддержки. Она может угрожать актуальному «Я» человека, приводить к его «стиранию», «угасанию». Анализ феноменологии эмиграции показывает, что основным механизмом личностного развития подростков оказывается постоянное насыщение положительного образа «Я». Есть такие возрастные периоды, или типы личности, или обстоятельства, при которых отсутствие достаточного эмоционального насыщения «Я» в ежедневной жизни приводит к угасанию «Я». Апатия, деморализация, депрессия – известные последствия вынужденной эмиграции, которые объясняются эмоциональным истощением, потерей мотивации (Маховская, 2013).

В нашем исследовании мы опирались на классические отечественные психологические (П. П. Блонский, П. И. Зинченко, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн) и культурологические работы (В. Б. Шкловский, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман).

В отечественной культурно-исторической традиции сценарии могут быть отнесены к культурным орудиям (Л. С. Выготский). Ю. М. Лотман указал, что не только слово помогает овладеть человеку своим поведением, но и сценарии, сюжеты (Лотман, 1970). «Сценарий» – понятие, связывающее между собой «личность» и «культуру». В нем фиксируется идентичность личности. Сценарии являются орудием формирования эмоциональной сферы субъекта. Контраст, несовместимость сценариев взаимодействия создают проблемы для «естественной», спонтанной жизни представителей одной культуры в условиях другой, вызывают эмоциональную напряженность

и провоцируют кризис идентичности у эмигрантов. Поиск и анализ таких «конфликтных точек» необходим для гармонизации условий адаптации, образования и воспитания детей в эмиграции. *Сценарии – это те культурные орудия, в которых фиксируется идентичность человека*, ощущение и представление о своих возможностях, месте в мире и конкретных ситуациях. Идентичность, представление и переживание участником события своей роли и места во взаимодействии, является основной детерминантой восприятия и интерпретации событий. И, напротив, по тому, как участник взаимодействия оценивает событие, можно судить о его идентичности.

Самый глубокий, предельный уровень идентичности отражается (фиксируется) в ее модальности. Этническая идентичность придает форму всей жизни человека, и на наш взгляд, является не подструктурой, а одной из модальностей «Я», базового эмоционального статуса индивида. Модальность традиционно рассматривали как одну из сторон амбивалентных эмоций (положительную или отрицательную), но это еще и способ оформления самого глубокого уровня идентичности. Какова бы ни была сила амбивалентности эмоции, конфликт всегда разрешается в сторону определенной модальности. Модальность идентичности сохраняется, если происходит систематическое насыщение идентичности положительными эмоциями, подтверждающими и поощряющими ее со стороны окружения.

В структуре идентичности мы выделяем следующие три уровня: *социальный* (культурно заданные и социально подтвержденные сценарии – когнитивный уровень), *индивидуальный* (отвечает за выбор событий и людей, соотнося их с социально желательными нормативами или вырабатывая свои собственные критерии отбора – волевой, субъектный уровень) и *ситуативный* (перцептивный), в котором накапливаются знания о мире и людях, а также признаки подтверждения – неподтверждения идентичности. Формирование субъектного уровня происходит в подростковом возрасте, связано с эмансипацией от родителей и поиском новых групповых авторитетов. Человек может делегировать группе право определять идентичность, регулировать и ограничивать свое поведение. В противном случае субъект проявляет свою собственную активность и пытается выбрать или строить идентичность сам (Абульханова, 1991; Брушлинский, 2000).

Такое строение идентичности позволяет понять и процесс развития культурного шока у эмигрантов. Он начинается с нарастающего сенсорного дискомфорта (еда кажется невкусной, люди некрасивыми, цвета неестественными). На когнитивном уровне индивид сталкивается с конфликтом образов ситуаций («А у нас так не делают»).

Наконец, на глубинном уровне возникает отчуждение, давление на «Я», которое воспринимается как отказ окружения принимать человека таким, каков он есть. Культурный шок – шок глубокого эмоционального отказа, отвержения со стороны окружения.

Методика проведения исследований

В исследовании сценариев адаптации российских эмигрантов в США нами были использованы три группы методов: (1) анализ культурных артефактов (электронная переписка, эмигрантская пресса, психологические и социологические исследования по проблемам современной российской эмиграции в США, консультации со специалистами); (2) глубокое интервью с российскими эмигрантами; (3) оригинальная авторская методика «Модель семьи».

На первом этапе привлекалось несколько сотен источников прямой или косвенной информации – неструктурированные интервью (очные, по телефону, по сети – на многочисленных эмигрантских сайтах и сайтах брачных агентств, специализирующихся на русскоязычном ассортименте), документы (инструкции для педагогов и социальных работников), специальная литература о педагогических проблемах в США, публикации в американской и эмигрантской прессе, а также данные включенного наблюдения. Автор неоднократно бывал в школах и дома в семьях эмигрантов в качестве исследователя и единственного психолога в эмигрантском анклав в Сиэтле в 2002–2003 гг. Сбор информации проходил по принципу «снежного кома», когда сведения предыдущего источника уточнялись и верифицировались на следующем этапе. В течение 8 месяцев пребывания в США и включенного наблюдения нами ежедневно анализировалось 5–7 источников данных, т. е. за это время было собрано более 4 тыс. свидетельств о типичных сценариях социализации детей в эмиграции.

После первого этапа сбора данных нами были сформулированы вопросы полуструктурированного интервью.

Оригинальная методика «Модель семьи» была разработана нами на основании многолетнего опыта анализа структуры отечественной модели семьи. В основу методики были положены два критерия – распределение власти и ответственности в семье, что позволяет выделить 5 культурно заданных моделей семьи. В. Н. Дружинин считал, что в основании различных моделей семьи лежат религиозные традиции описания святого семейства: протестантская, православная, католическая. В. Н. Дружинин нормальной семьей вслед за М. Мид называл семью «по католическому типу». В ней власть и ответствен-

ность распределены между мужем и женой, но основную ответственность за семью несет муж, как социально более принимаемый и физически более сильный. Семья построена по детоцентристскому типу (Дружинин, 2006).

Отечественная, православная модель семьи – смесь православия и язычества. Безусловная власть в такой семье принадлежит отцу, а ответственность – матери, при этом отношения между отцом и матерью напоминают психологическую, а то и физическую схватку. Дети эмоционально ближе к матери. Зарубежные исследователи также указывали на противостояние и одновременно равное значение фигур отца и матери в советской (Barett, 1996), православной семье (Bronfenbrenner, 1970). Полноправными членами семьи могут быть другие родственники, знакомые, друзья. Как вариант современной российской семьи мы выделяем модель семьи с подчиненным, лишенным власти отцом, отцом – «подкаблучником». Такая семья сформировалась, на наш взгляд, как следствие войны и атмосферы гиперопеки по отношению к мальчикам в послевоенное время. Аномальная модель такой семьи выживала в советские времена именно за счет развитой системы внешкольного воспитания и образования. Эта система разрушилась в период перестройки. Груз ответственности стал непосильным для наших женщин, и это спровоцировало, с одной стороны, массовые разводы и женскую эмиграцию, с другой, нарастающую армию социальных сирот (Makhovskaya, 2000).

Американская модель семьи обозначается как протестантская; для нее характерна балансировка власти и ответственности то в пользу отца, то в пользу матери. Ребенок растет как потенциально равноправный взрослый (Дружинин, 2006).

Как вариант протестантской модели семьи я рассматриваю семью беженцев по религиозным причинам из Западной Украины – баптистов, евангелистов, пятидесятников. Отец и мать отвечают за воспитание детей, в равной мере, деля ответственность за дела семьи, но ни одно важное решение (будь то крупная покупка или перевод ребенка в другую школу) не решается без участия пастора. Пастор обладает огромной властью в религиозной общине, лишая семью всякой самостоятельности и инициативы.

В авторской методике «Модель семьи» набор рисунков различных моделей семьи без их культурно-религиозных коннотаций предлагается детям для идентификации модели их собственной семьи. В отличие от известной проективной методики «Рисунок семьи», наша методика ограничивает и направляет выбор детей, помогая им сосредоточиться на значимых для исследования характерис-

тиках, которые точно описывают различия в культурно-заданных моделях семьи.

В исследовании принимало участие 32 подростка, которые проживали на территории США не менее 2 лет: 15 девушек и 17 юношей; из них 10 – из смешанных семей, 22 – из монокультурных. У 9 подростков матери находились в состоянии развода (7 были ранее замужем за американцами, 2 оставили своих мужей-соотечественников после эмиграции). В инструкции к выполнению методики подростки должны были оценить свою семью, в которой они живут в настоящее время.

Задавались сопутствующие вопросы: «Кто в семье главный?», «Кто является основным добытчиком в семье?», «Кто распределяет финансы?», «Обсуждаются ли совместно семейные решения?», «Кто проводит больше времени с детьми?», «Помогает ли кто-либо из членов семьи в обучении?», «Как распределяются обязанности?», «Сколько времени проводят с вами родители на выходные?».

Обсуждение результатов

Методика «Модель семьи» позволяет оценить разницу семейных контекстов, в которых оказываются дети из России. Объективно это два типа: монокультурные семьи, когда родители – русские по происхождению, и мультикультурные, чаще всего, когда мать вышла замуж за американца. И в том, и другом случае мы ожидали изменения, «мутации» культурно-специфической модели семьи под влиянием давления новых культурных норм или в процессе поиска компромисса между разными культурно-заданными моделями семьи.

Результаты идентификации типа отношений в семье показывают, что подростки из монокультурных семей в основном «узнают» в православной модели семьи «свою» семью, что подтверждает валидность методики (см. табл. 1). При этом большей чуткостью и точностью в оценках отличались девушки. Юноши давали большее число отклонений от выбираемой ими модели: считали, что в «нашей семье все распределено поровну», но указывали на католическую или протестантскую модель семьи как «свою». По-видимому, отношения действительно в семье по ощущениям подростков поменялись из-за давления внешней нормы паритетности в семье. Другое, психологическое объяснение отмеченного феномена, состоит в том, что мальчики идентифицируются с отцами и не готовы признавать норму авторитарного поведения отцов в семье, отрицательно воспринимаемую в американском обществе и обычно оспариваемую в эмигрантских семьях. Дополнительные вопросы в таких случаях:

«А кто готовит и стирает в семье?», «Кто больше зарабатывает?» Простодушный ответ «Мама, конечно!» помогает оценить модель семьи более реалистично. В качестве аргумента можно услышать: «Авторитет отца – это традиция», «Мама всегда говорит, что отец главный!» То есть для юношей авторитет отцов в монокультурных браках может являться символическим, а вовсе не основываться на отцовском участии в семейных делах, или хотя бы на их заработках.

Девушки более чутко реагируют на мужскую доминантность в семье, отцовский авторитаризм и подчиненное положение матерей, и видят в этом несправедливом устройстве одну из причин «плохих отношений между родителями». «Он (отец) хочет командовать, но ведь мама должна и работать, и успевать по дому. Ей и так тяжело!», «С отцом отношения хуже, потому что он считает, что он всегда прав», «Первые два года отец отказывался учить язык, не хотел выполнять простую работу, и практически не выходил из квартиры. Все легло на маму. Она его опередила. Своими придирками он только мешает нам жить».

Сложность идентификации и для исследователя и для подростка составляют межкультурные семьи, в которых сталкиваются разные культурные модели семьи (см. таблицу 2). Подростки из межкультурных семей использовали не весь предлагаемый им набор семейных моделей. Наиболее популярной среди юношей снова оказалась православная модель семьи с доминантным отцом, а среди девушек – католическая модель.

Расхождение между идеальной и реальной семьей в оценке семей подростками позволяет ответить на вопрос о сбалансированности власти и ответственности в семьях. Если подросток оценивает

Таблица 1
Идентификация типа отношений в семье подростками

Вариант семьи	Дети монокультурных браков		Дети межкультурных браков	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
1 Православная с авторитарным отцом	7	5	3	–
2 Православная с субдоминантным отцом	–	1	–	–
3 Католическая (нормальная)	3	1	1	5
4. Протестантская (американская)	3	1	–	1
5 Протестантская (сектантская)	–	1	–	–
6 Другая	–	–	–	–

Таблица 2
Соотношение совпадений и несовпадений
в восприятии идеальной и реальной семей

Соотношение совпадений/ несовпадений	Дети монокультурных браков		Дети межкультурных браков	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Совпадение	8	6	1	2
Несовпадение	5	3	3	4
Итого	13	9	4	6

свою семью как православную с доминантным отцом, а хотел, чтобы отношения в семье строились по католическому типу, это прямое указание на то, что власть отца в семье оценивается как чрезмерная и он хотел бы снизить статус отца в семье.

Чем меньше устойчивость семьи, тем больше расхождений между реальной и идеальной семьей демонстрирует подросток. Если конфликтность в семье высокая, а удовлетворенность низкая, идеальная семья должна быть «другой». Особенность межкультурных браков состоит в том, что девушки идентифицируют себя с родными матерями, а юноши – с отчимами. С другой стороны, именно американские отчимы являются носителями статуса, и должны вызывать у подростков более высокие оценки по сравнению с матерями. Но авторитет в семье для подростков из СНГ определяется эмоциональной близостью к родителю. Такие отношения чаще всего складываются с матерью.

Дети межкультурных браков демонстрируют большую степень рассогласования между идеальной и реальной семьями, что, на наш взгляд, и выдает их неудовлетворенность новой семьей. Отношения между юношами и американскими отчимами в межкультурных семьях чаще всего конкурентны. Юноши склонны считать, что отчиму делегируется слишком много власти. Подростки жалуются на давление в семье со стороны родителей: «Они вмешиваются в мои дела, не доверяют мне. Особенно отчим достает. Какое он имеет право?»

У девушек наблюдается, скорее, идентификация с матерью, и они хотели бы, чтобы маме предоставлялось больше свободы и власти.

Рассогласование между идеальной семьей и ожиданий от семьи с отчимом является причиной персонализации в отчине-американце всех неприятностей, он рассматривался как основная причина неудовлетворенности новой семьей и новой страной. «Американцы – хорошие, матери просто не повезло с мужем!»

Дети-эмигранты из монокультурных и межкультурных семей испытывают трудности в выборе идеалов. Юноши предпочитают модели с мужским доминированием, девушки – модели равенства, протестантскую модель, более прогрессивную, по сравнению с семьей с субдоминантной и зависимой женщиной. Таким образом, девушки проявляют большую готовность к мимикрии к норме страны их нового проживания, а юноши проявляют ригидность и фактически являются единственными носителями нормы семей по православному типу. Большинство из них, как показывают эмигрантские истории, обречены на то, чтобы в более зрелом возрасте искать «настоящую женщину», привезти жен из России.

По мере гармонизации позиций в парах, дети оказываются эмоционально ближе к матери, т. е. начинает формироваться не детоцентристская семья по католическому типу, а иерархическая модель семьи – (отец) → (мать) → (дети). Дети могут вытесняться из семейного круга, как «дисгармоничный» член семьи. Женщинам трудно соблюдать эмоциональный баланс в условиях неопределенности культурных норм; нуждаясь в поддержке, они сближаются с мужьями, иногда перекрывая детям пути к психологической близости с отчимами. Между матерями и детьми может возникать конкурентность по отношению к новому супругу и отчиму, часто единственному эмоциональному спонсору в эмиграции. Интересно, что в интервью с подростками российские матери практически никогда не подвергались критике. Мать – или героиня, или жертва в рассказах подростков. Мы уже писали раньше, что в нашей культуре есть своего рода табу на критическую оценку женщины-матери (Маховская, 2013). И эта норма противоречит возможности широкого и публичного обсуждения семейных проблем, обычной для протестантской, американской культуры.

Российская жена чаще всего попадает в неестественную для себя ситуацию финансовой, социальной и психологической зависимости от мужа. Зона ее ответственности, максимально широкая в случае отечественной модели семьи, сужается, а скрытая власть начинает пресекаться. Кроме того, привычные способы эмоциональной поддержки невозможны из-за удаленности подруг и родственников. Для того чтобы новая идентичность подростков и их матерей закрепилась, она должна получить и получать впоследствии достаточное количество положительных подкреплений и эмоциональную поддержку. Образ «Я» матери, жены и ее детей должен насыщаться положительными эмоциями.

Литература

- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Наука, 1991.
- Брушлинский А. В. Андеграунд диамата // Проблема субъекта психологической науке / Ред. А. В. Брушлинский, В. Н. Дружинин, М. И. Воловикова. М.: Академический проект, 2000.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2006.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы историко-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970.
- Маховская О. И. Коммуникативный опыт личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Barett M. English children's acquisition of a European identity / G. Breakwell, E. Lyons (Eds) // Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Social Change. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1996.
- Bronfenbrenner U. Two worlds of Childhood: U. S. and U. S. S. R. N. Y.: Russell Sage Foundation, 1970.
- Makhovskaya O. I. From Moscow to Seattle via Paris: Looking for a New Immigration Policy for Russians // Newsletter, REECAS. May, 2002.

Взаимосвязь агрессивности подростка с родительским отношением

М. Н. Швецова (Москва), М. Р. Мирзаханова (Махачкала)

m.shvetsova@yandex.ru, scarsblack@mail.ru

В статье обсуждаются результаты исследования взаимосвязи представления подростка о родительском отношении и проявляемой им агрессии в поведении, проведенного в городах Москва и Махачкала. Исследование показало, что представления о родительском отношении имеют региональную специфику;

Ключевые слова: *подростки, агрессивность, враждебность, представления о родительском отношении.*

Агрессивное поведение, жестокость и насилие, особенно в подростковой среде – это темы, активно обсуждаемые в обществе, в средствах массовой информации, среди специалистов, работающих с детьми (педагогов, психологов, социальных работников). Подростковый возраст, охватывающий согласно периодизации развития детей от 10 до 15–16 лет описывается как кризисный, сложный, возраст в котором происходит перестройка основных, ранее сформированных психологических структур, когда возникают основы осознано-сознательного поведения, определяется общая направленность в становлении социальных установок и нравственных представлений. Л. И. Божович отмечает, что «характерной чертой подростков... всегда считалось стремление их к самоутверждению, причем в качестве проявлений, типичных для подростков, указывались: чувство исключительности, желание быть „особенным“, не похожим на других, сознательное пренебрежение какими-либо ограничениями, конфликты с окружающими, в особенности, со взрослыми». В подростковом возрасте быть агрессивным часто означает «казаться или быть сильным» (Божович, 1995).

Обсуждая причины возникновения агрессивного поведения у подростков, стоит, на наш взгляд, обратить внимание на две основные тенденции. Первая – это описание причины возникновения агрессивного поведения как проявление преимущественно биологического механизма, нейрофизиологических медиаторов и функционального состояния глубинных структур мозга. Вторая – это динамическая теория агрессивного поведения подростков, когда главным механизмом агрессивного поведения признается негармоничное индивидуально-личностное развитие, особенно в кризисный период развития.

Безусловно, жестокость, агрессивность, повышенная тревожность, проявляются у подростков обычно в процессе ситуативного общения, происходящего в компаниях и группировках. Но складывающаяся у подростка система отношений в большинстве случаев является замещающей при дефиците социально-значимых отношений с родителями

Л. М. Семенюк отмечает, что постоянное игнорирование взрослыми особенностей личностного становления подростка, у которого развивается потребность в самостоятельности и самореализации, избавлении от опеки и попечительства, приводит к конфликту с ним. Подросток желает не только поддержки и внимания, но и доверия взрослых, понимания его проблем и забот. Он пытается играть некоторую социальную роль и не только среди друзей, но и среди родителей. У них устоялась позиция: он ребенок и должен слушаться, что только препятствует формированию социальной активности подростка. В результате между родителем и подростком растет так называемый психологический барьер, желая преодолеть который, некоторые подростки прибегают и к агрессии (Семенюк, 1996).

Таким образом, из-за неудовлетворенности своим положением в семье агрессивность подростка формируется как форма протеста против непонимания его взрослыми, что проявляется в соответствующем агрессивном и/или враждебном поведении.

Становление и формирование агрессивного поведения у детей и подростков – крайне сложный и длительный процесс, в котором участвуют многие факторы. Агрессивное поведение, в первую очередь, определяется влиянием семейной системы, сверстников, а также средствами массовой информации. Дети и подростки всегда учатся агрессивному поведению как в результате прямых подкреплений, так и в ходе наблюдения за агрессивными действиями других, пытаясь остановить проявление негативных отношений между детьми. Родители часто ненамеренно поощряют агрессивное подростковое поведение, от которого и хотят все время избавиться. Они исполь-

зуют крайние суровые наказания и не контролируют времяпровождение подростков, часто обнаруживают, что их невнимательность, враждебность, агрессивность и непослушание.

В психолого-педагогической литературе обсуждается вопрос, не имеющий однозначного ответа, о мере влияния на подростков родителей и сверстников. (Кон, 1980). Эмансипация от взрослых и значение для подростка общества сверстников возрастает. Основная закономерность состоит в том, что чем хуже отношения подростка с родителями, тем чаще он будет общаться со сверстниками, тем выше его зависимость от сверстников и, соответственно, эмансипированнее будет его отношения со взрослыми. Семья – это первая компания, которую покидает подросток.

Значимость родителей и сверстников сравнительно неодинакова в различных сферах деятельности подростка. Самая сильная и стабильная ориентация на сверстников наблюдается в проведении досуга, развлечениях, свободном общении. В сложных жизненных ситуациях подросток с большим вниманием прислушивается к советам родителей, прежде всего, матери и отца. Иначе говоря, следует говорить о качественных сдвигах во влиянии родителей, обусловленных усложнением деятельности и дифференциацией отношений подростков. Существует система взаимосвязей и динамики внутрисемейных отношений в зависимости от контекста конкретных жизненных ситуаций.

В нашем исследовании мы попытались рассмотреть характер взаимосвязи представления о родительском отношении подростков, проживающих в Москве и Махачкале (Дагестан), с проявляемым уровнем агрессивности в поведении.

Для этого были использованы следующие методики: Опросник Басса–Дарки, опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (*ADOR*, – подростки о родителях) Е. Шафер; анкетирование. Была проведена статистическая обработка данных.

Исследования были проведены в ГБОУ СОШ г. Москвы № 1955 и МОУ СОШ № 40 г. Махачкалы. Общее количество респондентов – 116 чел. в возрасте 14–15 лет (из них в Москве 58 подростков, в Махачкале – 58 подростков).

Эмпирическое исследование подростков проходило в два этапа. На первом этапе было проведено психодиагностическое обследование уровня агрессивности подростков.

Согласно данным, полученным по методике Басса – Дарки, среди подростков г. Москвы низкий уровень агрессивности имеют 21% испытуемых, средний уровень агрессивности – 46% испытуемых, высокий уровень агрессивности – 33% испытуемых. У подростков,

проживающих в Махачкале: низкий уровень агрессивности имеют 26% испытуемых, средний уровень агрессивности – 67% испытуемых, высокий уровень агрессивности – 7% испытуемых. Интересными оказались результаты по шкале «Враждебность». Подростки-москвичи: низкий уровень враждебности имеют 16% испытуемых, средний уровень враждебности – 43% испытуемых, высокий уровень враждебности – 41% испытуемых. Подростки из Махачкалы: низкий уровень враждебности имеют лишь 3% испытуемых, средний уровень враждебности – 26% испытуемых и высокий уровень враждебности – 71% испытуемых.

Московские подростки продемонстрировали более высокий уровень агрессивности, при этом низкий уровень враждебности; в Махачкале ситуация оказалась иной – высокая враждебность, при средней агрессивности.

Далее подростки были разделены на группы с высоким и низким уровнем агрессивности: две группы в г. Москве (А и В) и две группы в г. Махачкале (С и D). На втором этапе было проведено обследование выделенных групп подростков и по другим методикам.

Выводы относительно представления о родительском отношении сводились к следующему: практически все подростки из Махачкалы считают своих родителей невраждебными по отношению к ним, среди подростков, проживающих в Москве, низкий уровень враждебности определен только у родителей подростков с низким уровнем агрессивности. Подростки из Москвы с высоким уровнем агрессивности считают своих родителей враждебными по отношению к ним.

Мы отмечаем, что подростки из Москвы, отнесенные к группе «А», в большинстве случаев оценивают воспитательное поведение своих родителей как непоследовательное и негармоничное, в отличие от подростков группы «В», которые считают родителей достаточно последовательными в осуществлении воспитательных принципов. Также подростки группы «А» (с выраженной агрессивностью), в отличие от подростков группы «В» (слабой степенью выраженности агрессии), считают своих родителей директивными и враждебными по отношению к ним, не выражающими какой-либо позитивный интерес в отношении своих детей.

Опрос подростков из Махачкалы показал следующее: подростки, отнесенные к группе «С» (высокая агрессивность), в отличие от группы «D» (низкий уровень агрессивности), оценивают поведение родителей как недостаточно последовательное и недостаточно гармоничное. Однако эти дети считают своих родителей крайне директивными, автономными, непоследовательными в воспита-

нии, но при этом с низким уровнем враждебности и позитивным интересом к ним.

По нашим результатам анкетирования подростков с целью определения степени идентификации детей со своими родителями, мы пришли к следующим выводам.

На вопрос «На кого из своих родителей вы хотели бы быть похожи» были получены следующие ответы: подростки группы «А» не хотят быть ни на кого похожими (54% ответов), похожими на мать хотят быть 19% подростков, на обоих родителей 19%, похожими на отца хотят быть 8% подростков.

Подростки группы «В» больше всего хотят быть похожими на обоих родителей – 66% ответов, на отца хотят быть похожими 19% подростков, на мать – лишь 15% опрошенных.

Подростки группы «С» в большинстве случаев хотят быть похожими на обоих родителей: 84% ответов, на отца и мать по 9% ответов.

Подростки группы «D» хотят быть похожими на обоих родителей – 100% ответов.

Нам представляется абсолютно логичным наблюдаемый разброс в оценках роли отца в первых двух группах и его агрессивного поведения, что часто приводит к формированию негативного и даже враждебного к нему отношения. Столь же логичным является возрастание авторитета матери как единственно оставшегося в семье «доброе» человека. Наиболее драматичным свидетельством отгороженности от родителей становится преобладающее количество детей группы «А» не желающих рассматривать в качестве образца кого-либо из родителей (54%). Результаты по группам «С» и «D» свидетельствуют о заметном внутрисемейном единстве опрошенных.

Другой показатель уровня близости отношений ребенка со своими родителями – обращенность к матери или отцу за советом и помощью. При этом взаимодействие родителей с детьми строится на основе добровольного признания последними права родителя на роль старшего друга, советчика в трудные моменты жизни. Подростки, отнесенные к группе «А», в качестве основного советчика выбирают друга (80% ответов) или вообще ни с кем не советуются (12%). Мать в качестве советчика выбирают 8% подростков группы «А», остальные категории в ответах детей не были представлены. Дети из группы «В» приоритетными советчиками выбирают мать (62%) и друга (19%). Отца в качестве советчика выбирают 19% подростков группы «В». Подростки группы «С» в советчики выбирают мать (59%), брата или сестру – (23%), друга (18%). Отца как основного советчика в данной группе не выбрал никто. Подростки группы

«D» в качестве основного советчика выбирают мать и отца (по 40%), а также друзей (20%).

Анализируя ответы на вопрос «Кто может повлиять на достижение успеха?», подростки группы «А» реже оценивают влияние родителей на достижение успеха (19%), чем подростки группы «В» (66%), группы «С» (59%), группы «D» (55%). Однако подростки группы «А», выбирают ответ «только сам человек» (в 54%), в группе «В» соответствующих ответов лишь 15%, в группе «С» таких ответов 34%, в группе «D» – 30%.

Так же подростки группы «А» и группы «В» склонны рассматривать друзей в качестве тех, кто поможет им добиться успехов в жизни: их упомянули в этом качестве 27% и 19% опрошенных соответственно, в группе «С» и группе «D» такие ответы представлены незначительно.

Помощь учителей в достижении успеха подростки несколько недооценивают. Следовательно, подростки, проживающие в Москве, выше ценят дружеские отношения и находят их более значимыми для достижения успехов в дальнейшей жизни. А подростки из Махачкалы, ориентируются на семью как на основу успеха.

Подростки с высоким уровнем интегрального показателя агрессивности в большей степени склонны использовать физическую силу против другого лица; проявлять агрессию, опосредованно направленную на другое лицо. Они склонны к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость); выражая их через крик, визг, проклятия, угрозы, по сравнению со сверстниками, которые имеют низкие интегральные показатели агрессивности.

Подавляющее большинство подростков с высоким уровнем агрессивности оценивают воспитательное поведение своих родителей как непоследовательное и негармоничное, в отличие от подростков с низким и средним уровнем агрессивности. Последние считают родителей достаточно последовательными в осуществлении воспитательных принципов. Также подростки-москвичи с выраженной агрессивностью в отличие от подростков со слабой агрессивностью считают своих родителей директивными и враждебными по отношению к ним, не выражающими позитивного интереса к ним. Подростки из Махачкалы считают своих родителей директивными, автономными, непоследовательными в воспитании, но при этом с низким уровнем враждебности и позитивным интересом к ним.

Подростки из Москвы, склонные к агрессивному поведению, имеют крайне низкий уровень идентификации себя с родителями, что является одним из критериев неэффективного семейного вос-

питания. Подростки из Махачкалы имеют высокий уровень идентификации себя с родителями.

Таким образом, представления о родительском отношении большинства подростков с высоким уровнем агрессивности крайне неблагоприятные, что, в свою очередь, негативно влияет на личностные и поведенческие особенности подростка, в том числе и на проявление агрессивности.

Литература

- Божович Л. И.* Особенности самосознания у подростков // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 98–107.
- Зимелева З. А.* Агрессивное поведение подростков и личность родителей // Психологическая наука и образование. 2001. № 4. С. 22–27.
- Зуев К. Б.* Воспитательные тактики матери и их связь с психологическими характеристиками подростков в полных и неполных семьях // Современные исследования социальных проблем: Электронный научный журнал. 2013. № 3 (23). URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/320131/pdf_25 (дата обращения: 20.10.2015).
- Кон И. С.* Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980.
- Можгинский Ю. Б.* Агрессивность детей и подростков: Распознавание, лечение, профилактика. М.: Когито-Центр, 2006.
- Ольшанская Е. В.* Подростковая агрессия как фактор социальной адаптации. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Семенюк Л. М.* Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Шнедер Л. Б.* Девиантное поведение детей и подростков. М.: Академический проект–Трикта, 2005.

Раздел V

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СЕМЬИ**

Роль семьи в профессиональном самоопределении лиц трудных профессий с разным уровнем жизнеспособности

С. В. Котовская (Няндомы)

s.marunyak74@mail.ru

В работе анализируются особенности профессионального выбора лицами с различным уровнем жизнеспособности, дается субъективная оценка качества жизни, оценивается роль семейных традиций и значение референтного окружения в профессиональном самоопределении личности.

Ключевые слова: жизнеспособность, трудные профессии, выбор профессии, профессиональное самоопределение, роль семьи, референтное окружение.

Сегодня проблема жизнеспособности является одним из приоритетных направлений в отечественной и западной психологии (Лактионова, 2010; Махнач, 2010, 2014; Werner, 1982; Cicchetti, Rogosch, 1997; Masten, 2009). Изучение использования преимущественно внутренних ресурсов человека для совладания с неблагоприятными ситуациями началось с 1970-х годов западными авторами, получив название резильянс (resilience – фр., сопротивление, устойчивость) (Garmezy, Streitman, 1974).

В отечественной психологии особое внимание уделялось вопросам стрессогенных жизненных событий и их влиянию на работоспособность и профессиональную деятельность человека (Дикая, Махнач, 1996), информационного стресса у специалистов «субъект-объектного» типа (Бодров, 2000), классифицируемых как экстремальные (Магомед-Эминов, 1998; Маклаков, 2007), трудные (Блинова, 2011; Либин, 1998; Суркова, 2011; и др.).

Начиная с 2003 г. в нашей стране был предложен наиболее подходящий русскоязычный научный термин – «жизнеспособность», отражающий содержание понятия «resilience» (Махнач, 2012).

Дефиниция жизнеспособности, пройдя поэтапный путь своего развития (Маруняк, 2012; Махнач, Лактионова, 2013), постепенно сформировалось в надтеоретическое метапонятие (Махнач, 2014) как универсальная индивидуальная способность человека сохранять здоровье, управлять эмоциональной, когнитивной, мотивационно-волевой сферами в контексте конкретных культурно-средовых условий, отражающуюся на качестве жизни индивида (Александрова, 2004; Леонтьев, Рассказова, 2006; Лактионова, 2007; Махнач, 2013, 2014; Рыльская, 2011; Сотниченко, 2009).

М. Р. Гинзбург, Ю. П. Поваренков, Н. С. Пряжников и др. проводят исследования, направленные на изучение роли семьи в профессиональном самоопределении личности (Ваганова, Трусковская, 2014). Эти исследования послужили теоретическим основанием данного исследования.

Цель работы: определить роль семьи в профессиональном самоопределении и субъективной оценке качества жизни лиц с различным уровнем жизнеспособности.

На протяжении 2006–2010 гг. было обследовано 764 испытуемых мужского пола различных профессиональных групп, повседневная деятельность которых на содержательном уровне включала экстремальный компонент: военнослужащие в авиации ($n=24$), гражданские диспетчеры ($n=15$) – 5,11% от общей выборки; средний возраст – $41,00 \pm 8,75$; военнослужащие (9,95% от общей выборки; $n=76$; средний возраст – $32,30 \pm 8,22$); военные моряки-надводники (12,05% от общей выборки; $n=92$; средний возраст – $21,86 \pm 5,60$); военные моряки-подводники (9,16% от общей выборки; $n=70$; средний возраст $29,31 \pm 5,93$); врачи скорой помощи (2,09% от общей выборки; $n=16$; средний возраст – $46,14 \pm 9,16$); комбатанты (2,62% от общей выборки; $n=20$; средний возраст – $36,85 \pm 2,35$); летчики транспортной ($n=9$) и истребительной авиации наземного ($n=65$) и палубного ($n=20$) базирования (12,30% от общей выборки; $n=94$; средний возраст – $32,98 \pm 6,01$); рыбаки тралового флота (3,40% от общей выборки; $n=26$; средний возраст – $41,24 \pm 12,31$); пожарные г. Архангельска ($n=160$) и г. Северодвинска ($n=92$) (32,98% от общей выборки; $n=252$; средний возраст – $31,05 \pm 7,52$); специалисты, занимающиеся утилизацией отработанного ядерного топлива (10,34% от общей выборки; $n=79$; средний возраст – $29,14 \pm 6,39$).

Методы исследования: тест эмоционального выгорания В. В. Бойко (Райгородский, 1998); методика «S-тест» для оценки способности к оперированию пространственными образами и темпа мыслительных операций (Мосягин, 2009), цветовой тест М. Люшера по 9

(математическая обработка теста проведена по: И. Цыганок, 2007), авторская социально-психологическая анкета, позволяющая определить роль семьи в профессиональном самоопределении, отношение к профессии близкого окружения, наличие конфликтов, удовлетворенность выполняемыми функциональными обязанностями, причины выбора профессии и др.

Обследованные были распределены по уровню жизнеспособности на 2 группы:

- 1 группа – лица с высоким уровнем жизнеспособности ($n=397$; средний возраст – $29,62 \pm 7,77$), которая включала: 42,3% пожарных Архангельской области, 13,6% моряков-надводников, 9,9% военных летчиков, 9,1% моряков-подводников; 8,3% военнослужащих, 6,5% специалистов по утилизации радиоактивных веществ, 4,3% диспетчеров, 3,0% комбатантов, 2,5% рыбаков тралового флота и 0,5% врачей;
- 2 группа – лица с низким уровнем жизнеспособности ($n=55$; средний возраст – $32,11 \pm 9,40$), была составляла из: 36,4% представителей, занимающихся утилизацией радиоактивных веществ, по 12,7% моряков-надводников и летчиков, 10,9% пожарных, 9,2% моряков-подводников, 5,5% диспетчеров, врачей, военнослужащих и 1,8% рыбаков тралового флота.

Исходя из дефиниции жизнеспособности критериями включения в группу с высоким уровнем жизнеспособности являлись: высокая способность к оперированию пространственными образами, высокий темп мыслительных операций; отсутствие эмоционального выгорания и сформированных (формирующихся) стадий стресса; отсутствие стрессового состояния; высокая работоспособность; субъективное восприятие профессиональной нагрузки как обычной.

Критериями включения в группу с низким уровнем жизнеспособности являлись: низкая способность к оперированию пространственными образами, низкий темп мыслительных операций; наличие эмоционального выгорания и сформированных стадий стресса; стрессовое состояние; низкая работоспособность; субъективное восприятие профессиональной нагрузки как экстремальной.

Обработка результатов проведена с использованием стандартных методов статистики с помощью программ Exel 1997 для Microsoft Office; SSPS 11.5. Результаты анализировались по медиане (Md), 25-го (Q_1) и 75-го (Q_3) перцентилей. Статистически значимыми различия признавались при $p \leq 0,05$. Для более точного анализа полученных результатов данные представлены в процентах. Соответствие рас-

пределений нормальному рассматривалось по Z – критерию Колмогорова–Смирнова для одной выборки, а также по критерию Шапиро–Уилка. Выявление различий между группами с номинальными или порядковыми шкалами совершалось с использованием χ^2 – квадрата Пирсона (Наследов, 2008).

В профессиональном соотношении высокий уровень жизнеспособности сформирован у 66,7% пожарных, 60,0% комбатантов, 58,7% моряков-надводников, 51,4% моряков-подводников, 43,4% военнослужащих и 41,5% летчиков в целом (в том числе 100% летчиков истребительной авиации палубного базирования). Данную особенность можно объяснить тем, что с этими профессиональными группами проводилась постоянная медицинская, психологическая диагностика и сопровождение, способствующие выработыванию умения восстанавливаться, формированию более высокого уровня жизнеспособности в экстремальных условиях. Низкий уровень жизнеспособности установлен у каждого 4 специалиста по утилизации радиоактивных веществ (25,3%) и приблизительно у каждого 5 врача скорой помощи (18,8%).

Изучая важность для выбранной профессии заработной платы, семейных традиций, льгот, предоставляемых на работе, условий работы, отношений в коллективе, статуса профессии и ценности самой профессии, статистически достоверно ($p \leq 0,05$) респонденты 1 и 2 группы различались по значимости для них отношений в коллективе и статуса профессии (см. таблицу 1).

Выбор профессии как семейной традиции наиболее важен для лиц с высоким уровнем жизнеспособности. Представители всех групп оценивали выбранную профессию и заработную плату как наиболее существенную составляющую при профессиональном самоопределении, с большей долей у представителей 2 группы. Для лиц с высоким уровнем жизнеспособности статистически более значимы отношения в коллективе, а для респондентов с низким уровнем жизнестойкости более ценен статус профессии и льготы.

Лица с высоким уровнем жизнеспособности в 52,8% случаев женаты (36,2% – не женаты; 10,0% – разведены). Из них положительно к профессии мужа относились 57,9% жен (10,0% – нейтрально; 1,8% – отрицательно; 29,2% – затруднились ответить), 80,8% родителей (13,3% – нейтрально; 1,5% – отрицательно; 4,4% – затруднились ответить), 76,0% друзей (15,5% – нейтрально; 1,5% – отрицательно и 7,0% – затруднились ответить) (см. таблицу 2).

Условиями работы полностью удовлетворены 53,9% респондентов с высоким уровнем жизнеспособности (40,6% – частично; 1,8% –

Таблица 1
Распределение причин выбираемой профессии по значимости (в %)

Значимость	Группа	1 место	2 место	3 место	4 место	5 место	6 место	7 место
Оклад	1	28,5	24,8	17,0	10,4	10,4	6,3	2,6
	2	37,0	26,1	13,0	8,7	4,3	8,7	2,2
Традиции	1	25,6	12,2	7,8	7,8	6,7	14,8	24,9
	2	17,4	10,9	6,5	13,0	2,2	19,6	30,4
Льготы	1	3,0	15,2	9,6	9,3	10,0	23,3	29,3
	2	2,2	13,0	10,9	13,0	13,0	26,1	21,7
Условия работы	1	16,7	14,4	21,1	21,5	12,2	11,9	2,2
	2	13,0	17,4	26,1	23,9	8,7	8,7	2,2
Отношения в коллективе *	1	10,0	21,1	22,2	21,9	15,2	7,0	2,2
	2	6,5	15,2	13,0	19,6	32,6	10,9	2,2
Статус *	1	6,3	8,5	9,3	12,6	23,3	24,1	0,4
	2	10,9	13,0	15,2	17,4	17,4	15,2	10,9
Профессия	1	20,7	15,9	10,7	13,3	17,8	11,9	9,6
	2	28,3	10,9	13,0	4,3	10,9	17,4	15,2

Примечание: * – статистически значимые отличия ($p \leq 0,05$), по данным χ^2 квадрата Пирсона для 1 и 2 группы.

Таблица 2

Субъективная оценка социальных параметров, Md (Q_1-Q_3)

Шкалы	Высокий уровень жизнеспособности	Низкий уровень жизнеспособности
	1 группа	2 группа
Уровень жизни	3,00 (2,00–3,00)	3,00 (3,00–4,00) *
Удовлетворенность отношениями	2,00 (1,00–2,00)	2,00 (1,00–3,00) *
Конфликты среди сослуживцев, коллег	1,00 (1,00–2,00)	2,00 (1,00–2,00) *
Удовлетворенность оплатой труда	2,00 (2,00–2,00)	2,00 (2,00–3,00) *
Удовлетворенность работой	1,00 (1,00–2,00)	2,00 (1,00–3,00) *
Удовлетворенность бытом	2,00 (1,00–2,00)	2,00 (2,00–3,00) *
Отношение родителей	1,00 (1,00–1,00)	1,00 (1,00–2,00) *
Отношение друзей	1,00 (1,00–2,00)	1,00 (1,00–2,00) *

Примечание: * – статистически значимые отличия ($p \leq 0,05$), по данным U-критерия Манна-Уитни и χ^2 квадрата Пирсона (для номинальных шкал) для 1 и 2 группы.

не удовлетворены; 3,7% затруднились ответить), 44,6% обследованных уверены в большей части своих коллег (26,9% – уверенность в меньшей части; 13,7 – уверенных полностью; 6,3% – не уверены; 8,5% – затруднились ответить). Опрошенные частично удовлетворены оплатой труда в 62,4% (22,5% – полностью удовлетворены; 9,6% – не удовлетворены; 5,6% – затруднились ответить), условиями быта в 48,0% (30,3% – полностью удовлетворены; 19,6% – не удовлетворены и 2,2% – затруднились ответить). Скорее удовлетворены, чем нет, 44,6% опрошенных отношениями в коллективе (44,4% – вполне удовлетворены; 1,5% – полностью не удовлетворены). На вопрос о наличии конфликтов между начальником и подчиненными в 48,7% случаев респонденты отвечали отрицательно (31,7% – конфликты есть; 19,6% – затруднились ответить). Конфликты среди сослуживцев, коллег в 57,2% отрицались (26,2% – конфликты есть; 16,6% – затруднились ответить).

Представители группы с низким уровнем жизнеспособности в 55,3% случаев женаты (14,9% – разведены; 27,7% – не женаты). Жены положительно относились к выполняемой работе в 48,9% (по 12,8% – нейтрально и отрицательно; 25,5% – затруднились ответить), родители в 55,3% (31,8% – нейтрально; 8,5% – отрицательно; 4,3% – затруднились ответить), друзья в 55,3% (27,7% – нейтраль-

но; 12,8% – отрицательно; 4,3% – затруднялись ответить). Уверены в большей части своих коллег 42,6% (25,5% уверены в меньшей части; 14,9% – уверены полностью; 6,4% – не уверены; 10,6% – затруднялись ответить), скорее, удовлетворены, чем нет, отношениями в коллективе 39,1% (28,3% – вполне удовлетворены; 26,1% – скорее не удовлетворены; 2,2% – полностью не удовлетворены и 4,3% – затруднялись ответить). На вопрос о наличии конфликтов между начальником и подчиненными 51,1% опрошенных отвечали положительно (36,2% – конфликтов нет; 12,8% – затруднялись ответить), в 46,8% опрошенных указывали на наличие конфликтов среди сослуживцев, коллег (34,0% – конфликтов нет; 19,1% – затруднялись ответить). Частично удовлетворены оплатой труда 63,9% (19,1% – не удовлетворены; 10,6% – удовлетворены; 6,4% – затруднялись ответить), работой 34,0% (31,9% – не удовлетворены; 29,8% – удовлетворены полностью; 4,3% – затруднялись ответить), бытовыми условиями 46,8% (29,8% не удовлетворены; 19,1% – удовлетворены полностью; 4,3 – затруднялись ответить).

Из анализа полученных данных следует, что обследуемые с высоким уровнем жизнеспособности статистически значимо оценивали выше уровень жизни, более удовлетворены отношениями в коллективе, своей работой, бытом и оплатой труда, имели меньше конфликтов с сослуживцами, их референтное окружение чаще оценивали профессию респондентов положительно. Представители данной группы подходили к выбору профессии более рационально, основываясь на традициях семьи, что позволяло ознакомиться с «внутренней» составляющей выбранного вида деятельности, с опорой и поддержкой со стороны жены, родителей и друзей. Представители группы с низким уровнем жизнеспособности имели «внешние» представления об особенностях профессиональной деятельности, что отражалось на собственном субъективном ощущении удовлетворенности и поддерживалось референтным окружением.

Вывод

Роль семьи в профессиональном самоопределении личности неоспоримо велика. Траектория профессиональной судьбы закладывается еще в родительской семье в виде традиций, преемственности и продолжает формировать субъективную оценку качества жизни в последующем становлении профессионала с высоким уровнем жизнеспособности, опираясь на поддержку уже собственной семьи и референтного окружения.

Литература

- Александрова А. А.* Концепция жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. 2004. № 2. С. 82–90.
- Блинова В. Л.* Особенности жизнестойкости и копинг-поведения личности при разных типах готовности к саморазвитию // Вестник ТГПУ. 2011. № 4 (26). С. 378–382.
- Бодров В. А.* Роль личностных особенностей в развитии психологического стресса // Психические состояния. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2000. С. 135–157.
- Ваганова А. Р., Трусковская А. И.* Роль семьи в профессиональном самоопределении студентов-психологов // Психология социального развития. 2014. № 2. С. 152–155.
- Дикая Л. Г., Махнач А. В.* Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психологический журнал. 1996. № 3. Т. 17. С. 137–148.
- Лактионова А. И.* Сравнительная характеристика факторов, влияющих на жизнеспособность подростков // Тенденции развития психологической науки. Тезисы Юбилейной научной конференции / под. ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. Ч. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 257–259.
- Лактионова А. И.* Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 39–47.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М: Смысл, 2006.
- Либин А. В., Либина А. В.* Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладание со сложными ситуациями? // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. М.: Эксмо, 1998. С. 190–204.
- Магомед-Эминов М. Ш.* Трансформация личности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 1998.
- Маклаков А. Г.* Психология и педагогика. Военная психология: Учебник для вузов / Под ред. А. Г. Маклакова. СПб.: Питер, 2007.
- Маруняк С. В.* Обучение ментальному резильянсу как составляющей части культуры безопасности личности // Известия РАО. 2012. № 2. С. 1183–1190.
- Маруняк С. В., Щукина Е. Г., Мосягин И. Г., Бойко И. М.* Социально-психологические особенности ментального резильянса, как самоорганизующейся системы, у лиц экстремальных профессий // Мир психологии. 2012. № 1. С. 268–278.

- Махнач А. В.* Жизнеспособность: смена парадигмы исследования // Психология совладающего поведения: Материалы II-ой Международной научно-практической конференции. Кострома, 23–25 сентября 2010 г. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапо- ровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. С. 54–56.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В.* Социальная модель как парадигма исследований жизнеспособности человека // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 46–53.
- Махнач А. В.* Социокультурный экологический подход в исследова- нии жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гу- манитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (43). С. 67–75.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Личностные и поведенческие харак- теристики подростков как фактор их жизнеспособности и со- циальной адаптации // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 69–84.
- Мосягин И. Г.* Психофизиология адаптации военно-морских специа- листов. Архангельск: Изд-во СГМУ, 2009.
- Наследов А. Д.* Математические методы психологического исследо- вания. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2005.
- Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика. Самара: Бахрах, 1998.
- Рыльская Е. А.* К вопросу о психологической жизнеспособности че- ловека // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 3. С. 9–38.
- Рыльская Е. А.* Психологическая структура жизнеспособности че- ловека: синергетический аспект // Известия Российского госу- дарственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 72–83.
- Сотниченко Д. М.* Жизнестойкость как психологический феномен. Его значение в современных условиях жизни в армии // Вест- ник ТГПУ. 2009. № 8. С. 104–107.
- Суркова Е. Г.* Теоретическая парадигма процесса совладания с труд- ными жизненными ситуациями // Знание, понимание, умение. 2011. № 2. С. 222–227.
- Теория личности в западноевропейской и американской психологии: Хрестоматия / Ред. и сост. Р. Я. Райгородский. М., 1996.
- Цыганок И.* Цветовая психодиагностика. Модификация полного клинического теста М. Люшера: Метод. руководство. СПб.: Речь, 2007.

- Cicchetti D., Rogosch F.A.* The role of self-organization in the promotion of resilience in maltreated children // *Development and Psychopathology*. 1997. V. 9 (4). P. 799–817.
- Garmezy N., Streitman S.* Children at risk: The search for the antecedents of schizophrenia. P. 1. Conceptual models and research methods // *Schizophrenia Bulletin*. 1974. № 8. P. 14–90.
- Masten A. S.* Ordinary Magic: Lessons from research on resilience in human development // *Education Canada*. 2009. V. 49 (3). P. 28–32.
- Werner E. E.* *Vulnerable but invincible: a longitudinal study of resilient children and youth*. N. Y.: McGraw-Hill, 1982.

Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка-сироту*

А. И. Лактионова (Москва)

apan@inbox.ru

В статье поднимаются проблемы интеграции подростка-сироты в замещающую семью. Показано, что трудности подросткового возраста и личностные особенности воспитанников интернатных учреждений делают этот процесс тяжелым и противоречивым. Для того чтобы реализовать сложную задачу интеграции подростка, замещающая семья должна обладать такой характеристикой, как жизнеспособность. Изучение жизнеспособности замещающей семьи предполагает рассмотрение факторов риска и защитных факторов, влияющих на функционирование семьи в рамках четырех контекстов: социум, культура, индивидуальная жизнеспособность членов семьи и семейные ресурсы.

Ключевые слова: *подросток-сирота, замещающая семья, жизнеспособность замещающей семьи, жизнеспособность подростка-сироты, семейные ресурсы.*

На успешность размещения подростка-сироты в семье влияют личностные особенности его и замещающих родителей, их психическое и физическое здоровье, а также характеристики замещающей семьи, ее полноценность (Зуев, 2015; Иовчук и др., 2008; Махнач и др., 2014; Прихожан, Толстых, 2007; Zhao et al., 2010). Интеграция подростка-сироты в замещающую семью, независимо от формы семейного устройства, порождает множество проблем. «Они обусловлены, с одной стороны, состоянием самой семейной системы, ее ресурсностью и готовностью к приему детей. С другой сторо-

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00737.

ны, ребенок со сформированными в условиях деструктивной семьи и сиротского учреждения моделью поведения и взаимодействия с окружающими, с нарушенным типом привязанности также вносит свои проблемы в становление и развитие замещающей семьи» (Прапорщикова, 2012, с. 116).

Подростковый возраст является очень сложным периодом развития ребенка, часто серьезно нарушающим стабильное существование семейной системы. Подросток находится в положении маргинальной личности и одновременно принадлежит двум культурам: он уже вышел из сообщества детей, но еще не является взрослым, и поэтому подростка можно отнести к маргинальной личности (Левин, 2000, с. 240). Типичными чертами поведения такой личности являются эмоциональная неустойчивость и чувствительность, застенчивость и агрессивность, эмоциональная напряженность и конфликтные отношения с окружающими, склонность к крайним суждениям и оценкам (Фельдштейн, 1996). Подросток вынужден решать множество проблем, связанных с социализацией и адаптацией, не имея при этом соответствующих механизмов для преодоления трудностей. К ведущим новообразованиям личности подросткового периода относят притязания на взрослость, рефлексивные процессы (Л. С. Выготский, И. В. Дубровина, И. С. Кон, М. Неймарк, Н. И. Шевандрин, Э. Эриксон и др.); специфические особенности когнитивной, эмоционально-волевой и поведенческой сферы; взаимосвязи между нарушениями поведения и особенностями самосознания (Э. Бернс, О. Б. Чеснокова, В. Н. Шашок, Е. В. Швецова и др.); проблемы в общении со взрослыми, сверстниками и родителями (Дж. Добсон, И. А. Новикова, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, О. Н. Усанова, С. Н. Шаховская и др.). Подростковый возраст относят к самым неустойчивым и изменчивым периодам жизни.

Подросток-сирота, совмещающий в себе проблемы подростковой и последствия интернатного воспитания, – серьезное испытание для замещающих родителей. Такие подростки демонстрируют задержки в социальном, когнитивном, эмоциональном развитии и языковых навыках, нарушение самоконтроля и межличностных отношений (Авдеева, Хаймовская, 2003; Лактионова, Махнач, 2015; Лангмейер, Матейчек, 1984; Мухина, 1981; Прихожан, Толстых, 1991, 2007; Проблема сиротства..., 2015). Эмпирические данные показывают существенные различия между детьми-сиротами из интернатных учреждений и проживающих в семьях. При этом большое значение играет возраст помещения ребенка в семью. Чем раньше это происходит, тем более эмоционально живым и адекватным он растет. В ряде исследований показано, что подростки-сироты из дет-

ских учреждений, по сравнению с детьми, воспитывающимися в семье, чаще имеют симптомы депрессии, проблемы в отношениях со сверстниками и поведении, правонарушения, у них отмечается посттравматический стресс (Cluver et al., 2007).

Помимо основных трудностей подросткового возраста в целом и личностных особенностей воспитанников интернатных учреждений, делающих взаимодействие с ними очень сложным, сам процесс интеграции подростка-сироты в замещающую семью является тяжелым и противоречивым.

Рассмотрим основные проблемы, которые требуют самого серьезного отношения замещающих родителей и специалистов служб сопровождения.

1. Сочетание трудностей подросткового возраста и личностных особенностей подростков-сирот.
2. Сироты, которые до подросткового возраста воспитывались в интернатных учреждениях, имеют очень серьезные личностные и поведенческие проблемы, что создает значительные трудности для замещающих родителей. При этом если у таких подростков все же был опыт проживания в семье, пусть даже и дисфункциональной, они являются гораздо менее нарушенными, чем их сверстники, не имеющие такого опыта. Так, с точки зрения Е. И. Николаевой и О. Г. Япаровой, подростков, с рождения воспитывающихся в интернатных условиях, вообще не стоит отдавать в замещающую семью. Не следует также размещать подростков в семьи, которые не воспитывали собственных детей, так как отсутствие родительских навыков не позволит им справиться с этой труднейшей задачей. Важно, чтобы замещающие родители были готовы к неудачам, это позволит им избежать разочарования, когда они будут сталкиваться с тем, что их воспитанник неуспешен (Николаева, Япарова, 2013).
3. Наше исследование показало, что неуверенность в себе является одной из основных причин низкой социальной адаптации и жизнеспособности подростков-сирот (Лактионова, Махнач, 2015). Взаимоотношения со сверстниками, детдомовское «мы» подкрепляет их самооценку. В условиях интернатных учреждений они привыкли опираться друг на друга, получать помощь и поддержку у своих сверстников. В исследовании Р. Страйкер (Stryker, 2000) показано, что они не обращаются за помощью к взрослым. Перевод подростка из интернатного учреждения в семью фактически лишает его этой поддержки, что, как следствие, сказывается на его самооценке.

4. Какой бы неблагоприятной ни была обстановка в интернате, она понятна и предсказуема для подростка-сироты. Неопределенность его положения, т. к. подросток должен понять свой статус ребенка в семье, делает ситуацию абсолютно непредсказуемой. Мало того что подростковый возраст в норме характеризуется «кризисом идентичности» (Эриксон, 1996), подростку необходимо понять «кто он?», «чем отличается от других?», а в замещающей семье ему еще необходимо определить: «кто он в этой семье?». Кроме того, он не знает, как долго все это будет продолжаться, сколько его будут терпеть новые родители и вообще родители ли они ему. А весь предыдущий опыт не позволяет ему доверять взрослым. В результате, он провоцирует их, почти вынуждая отказаться от него. Но за этим стоит лишь проверка ситуации, а также подлинности и крепости новых отношений с замещающей семьей: «Вы меня действительно хотите, такого, какой я есть?». Нарушенное поведение подростка-сироты возникает из тяжелого и болезненного опыта его взаимоотношений с кровной семьей: жестокость и насилие, которому он подвергался, отказ от него выражается в возникающем напряжении между двумя страхами:

- страх перед разлукой и отторжением, с одной стороны;
- страх перед использованием и злоупотреблением, с другой стороны.

Фактически эти страхи «регулируют» дистанцию между подростком и замещающими родителями. Неопределенность ситуации, особенности самого подростка-сироты и его предыдущий жизненный опыт, недоверчивое и агрессивное отношение ко взрослым (Прихожан, Толстых, 2007) значительно затрудняют его адаптацию к жизни в замещающей семье.

5. Переход в новую школу, где подросток сталкивается с необходимостью утвердить себя, занять в классе определенное положение (не стать изгоем), обрести новых друзей. Все это осложняется тем, что подростковая среда является очень жесткой, а ему необходимо адаптироваться к непривычным условиям, что он делает неумело и плохо. Все предыдущее воспитание сделало его таким, сформировало определенную личность, характеристиками которой являются недоразвитие когнитивной и эмоциональной сферы, нарушения самоконтроля и межличностных отношений. В результате, он плохо понимает одноклассников и их реакции. Проблемой является и его стигматизация среди сверстников, он для них – «сирота», «чужой», а необходимые

социальные навыки, которые могли бы оказаться полезными при взаимодействии с ними, у него практически отсутствуют. Все это приводит к тому, что он может остаться в одиночестве среди одноклассников: не может позвонить уточнить домашнее задание, заболел – никто не звонит и не интересуется его состоянием. Или, что еще хуже, может превратиться в изгоя, тогда ему придется отстаивать свое положение в еще более сложной ситуации.

Таким образом, не только период адаптации в семье, но и в новой школе, другом детском коллективе делает жизнь подростка-сироты в этот период очень сложной.

6. Подростковость в норме – время, когда обостряются потребности в автономии, самоопределении и разделении с семьей. В ситуации передачи в замещающую семью подростку-сироте фактически приходится решать противоположные, несвойственные этому возрасту задачи – интеграции в семью.
7. Замещающие родители, основной мотивацией которых было сделать счастливым подростка, по сути, требуют от него послушания как проявления благодарности. Но подростку-сироте благодарным быть не за что. Во-первых, он не просил никого себя облагодетельствовать. Во-вторых, родные дети в семье получают даром то, за что он должен быть благодарным. В-третьих, как мы видим, его положение становится едва ли не более сложным, чем было до помещения в семью. В результате замещающие родители не получают того, ради чего они взяли на воспитание подростка-сироту, что формирует их отрицательное отношение к объекту их доброй воли, благого дела, т. е. к воспитаннику.
8. Его взаимоотношения с другими детьми, воспитывающимися в семье (кровными и приемными). Если он поступил в семью один, без родных братьев и сестер, ему необходимо найти общий язык с другими детьми. Если же его взяли вместе с его родными братьями или сестрами, возникает большая вероятность того, что они сформируют свой собственный альянс, который может помешать их интеграции в замещающую семью, еще больше осложнив адаптацию к новым условиям.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что, если при размещении в замещающую семью подростку приходится переходить в другую школу, а то и переезжать в другой город, он остается фактически без поддержки. Если он продолжает посещать ту же школу и вокруг него остаются друзья, к которым он привык, с которыми он может обсудить сложные ситуации – в этом случае последствия

размещения в замещающую семью переживались бы им легче. Если же повседневная жизнь подростка претерпевает слишком масштабные изменения: ему приходится жить в новом доме, с людьми, с которыми он не умеет общаться, в условиях, которые он плохо понимает, расставаться со старыми друзьями, переходить в новую школу, – его уверенность в себе и ощущение порядка в жизни теряются. Чем большим изменениям подвергается жизнь подростка, тем труднее ему приспособиться к новой ситуации. В этих условиях абсолютно необходимой является поддержка замещающих родителей и учителей, предполагающая понимание всей сложности его положения – очень тяжелый период адаптации для любого подростка, для сирот (с их спецификой) – особенно!

Современные исследования указывают единственно важную цель, на которую должны быть направлены действия как кровных, так и замещающих родителей, – способствовать росту саморегулируемого поведения. Замещающие родители могут добиться успеха в развитии у подростка такого поведения, постепенно увеличивая степень их участия в принятии семейных решений. Э. Маккоби (Maccoby, 1992) пришла к выводу, что лучше всего дети адаптированы в тех случаях, когда родители поощряют саморегулирование. Они привлекают детей к сотрудничеству и разделяют с ними ответственность (цит. по: Крайг, 2001). Это особенно важно для подростков-сирот, так как в сиротских учреждениях они такого опыта не имеют. Е. И. Николаева и О. Г. Япарова, перечисляя проблемы подростков, которых берут на воспитание, пишут, что такие подростки «настолько лишены практической смекалки и инициативы, что не способны справиться с домашними задачами, доступными дошкольнику... отсутствие самостоятельности и инициативы у таких детей тотально, поскольку никто им не позволял самостоятельно действовать» (Николаева, Япарова, 2013, с. 194–195). Знакомство с миром и сложными социальными ситуациями, в которых их сопровождают родители, фактически создает поддерживающие структуры, что в дальнейшем позволит ребятам адаптироваться к социуму. Социально компетентные замещающие родители объясняют подростку смысл того или иного события или ритуала и подсказывают им, какого поведения от них они ожидают. Взаимодействие с родителями позволяет подросткам упражнять и совершенствовать социальные навыки, которые затем окажутся полезными при взаимодействии со сверстниками (Крайг, 2001). Задача замещающих родителей – дать подросткам новые образцы поведения, привить им социально приемлемые формы выражения агрессии, научить их спокойному и уважительному реагированию на происходящие события и других людей. Хо-

рошие отношения подростка с замещающими родителями и сверстниками служат амортизаторами стресса, вызванного жизненными переменами. Знание о том, на что можно рассчитывать, понимание и поддержка семьи и сверстников, а также принятие традиций своей новой семьи и окружения помогают подросткам-сиротам справляться с многочисленными стрессами. Значение поддерживающих, а по сути – защитных отношений в этот период сложно переоценить. Доброжелательное отношение к подросткам со стороны замещающих родителей и сверстников оказывает огромное влияние на развитие чувства собственного достоинства и самоуважения, являясь источником постоянной поддержки, спокойной, взвешенной оценки их качеств, что в совокупности обеспечивает базисное чувство безопасности, снижает чувство тревоги, возникающее у них в новых и стрессовых ситуациях. Такие отношения и создают поддержку, способствующую росту саморегулируемого поведения. Большую роль при этом играет сбалансированный контроль в семье. Д. Баумринд (Baumrind, 1980) выделила три различных стиля контроля в семье: авторитарный, авторитетный и либеральный. Авторитетные родители соединяют высокую степень контроля над подростком с теплотой, принятием и поддержкой их растущей автономии. Дисциплинарные меры, основанные на авторитете родителей, являются наиболее эффективными для развития саморегуляции у подростка, так как, хотя такие родители и налагают определенные ограничения на поведение, они объясняют смысл и причины этих ограничений. Члены семей, в которых достигнуто оптимальное соотношение свободы и контроля, обычно очень привязаны друг к другу, отношения между ними стабильные и взаимодовлетворяющие. В ряде исследований (Buri, Louiselle et al., 1988; Dornbusch et al., 1987) показано, что дети, выросшие в семье с авторитетным стилем воспитания, являются жизнеспособными и лучше всего адаптированы в социуме. По сравнению с другими, они более уверены в себе, полностью себя контролируют и социально компетентны, со временем у них развивается высокая самооценка (Baumrind, 1980).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что авторитарные замещающие родители не подходят для подростков-сирот, поскольку не могут способствовать развитию у них саморегулируемого поведения. В конфликтных ситуациях они будут бороться с подростком, а не за него, что только усилит конфликт, доведя его до кризиса. Подростку-сироте нужно, чтобы родители были на его стороне, рядом с ним, понимали и сочувствовали ему. Это возможно только при сбалансированном контроле авторитетных замещающих родителей.

Для того чтобы реализовать все вышеперечисленные задачи, замещающая семья должна обладать такой характеристикой, как жизнеспособность. Концепция жизнеспособности семьи рассматривает каждого ее члена как потенциальный ресурс для семьи в целом, который увеличивает жизнеспособность семьи как функциональной единицы (Walsh, 2003). А. В. Махнач и Ю. В. Постылякова в определении жизнеспособности семьи выделяют ее функционально-динамический принцип, при котором жизнеспособность семьи рассматривается как ее способность к управлению семейными функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на ее ресурсах, внешних и внутренних защитных факторах (Махнач, Постылякова, 2012). Неблагополучная семья «изнашивает» жизнеспособность как отдельных членов семьи, так и всей семьи в целом и предрасполагает человека к хроническому стрессу, к снижению способности совладания с ним, а семью лишать устойчивости (Rodgers, 1998).

Подход к изучению жизнеспособности замещающей семьи в русле теории экологических систем У. Бронфенбреннера (Bronfenbrenner, 1979) предполагает рассмотрение факторов риска и защитных факторов, влияющих на функционирование семьи в рамках четырех контекстов: социум, культура, индивидуальная характеристики каждого члена семьи и семейные ресурсы.

При рассмотрении социального контекста следует, в первую очередь, учитывать уровень социальной адаптации семьи и ее членов. Для того чтобы замещающие родители могли развивать в подростке необходимые ему качества, воспитывать в нем жизнеспособность и социально адаптировать его, они должны сами обладать этими личностными характеристиками и быть социально адаптированными. Как показали исследования, способность родителей к психологической адаптации является решающей для психологического развития и социальной адаптации ребенка (Егорова и др., 2004, с. 423). Важно также понимать, какую социальную поддержку получает или имеет возможность в случае необходимости получить семья. Социальная поддержка включает в себя внешнюю и внутреннюю составляющие: члены семьи, друзья, соседи, коллеги, церковь, общественные группы, к помощи которых семьи могут прибегать при необходимости (Boss, 1987; Balswick, Balswick, 1999; и др.). Так, комплексная программа помощи замещающей семье может быть представлена следующим образом: правовая, медико-социальная и психолого-педагогическая помощь, включающая индивидуальную и групповую психотерапию, семейное психологическое консультирование, социальный патронаж, организация дополнитель-

ных занятий с ребенком по месту учебы и на дому и т. д. Дж. Райкус, Р. Хьюз показывают, что все разнообразие моделей организации социальной работы с семьями и с детьми можно представить в виде континуума, в пределах которого эти модели ранжируются по объему и интенсивности вмешательства в жизнь семьи. На одном конце континуума расположены модели комплексного интенсивного воздействия по месту жительства, когда социальные работники активно вовлечены в повседневную жизнь семьи. На другом – модели с наименьшей степенью интенсивности и вмешательства, в рамках которых обязанности социального работника сводятся к оказанию семье помощи в оценке ее потребностей и направлению ее членов в организации, деятельность, которых направлена на удовлетворение этих потребностей. Остальные формы работы с семьей, такие как консультирование, обучение и просвещение, помощь в ведении домашнего хозяйства и организация групп взаимопомощи, лежат посередине континуума (Райкус, Хьюз, 2009). Для того чтобы такая программа могла быть реализована по месту жительства замещающей семьи, необходимо наличие служб и должный уровень подготовленности всех сотрудников. Поэтому отдавать подростка-сироту в семью, которая проживает в отдаленных районах, где такая помощь не может быть оказана, по меньшей мере, нецелесообразно. Исключения могут составлять сообщества, живущие по общинному принципу, в случае если община принимает идею воспитания в замещающих семьях.

При рассмотрении культурного контекста очень важно учитывать национальную принадлежность ребенка и замещающих родителей. Речь при этом не идет о том, что ребенок должен обязательно воспитываться родителями его национальности, но при оценке потенциальных замещающих родителей следует культурно-этнический контекст обязательно учитывать. Не следует истолковывать все отличия как «отклонения от нормы», рассматривая их через призму этноцентризма. Различия в структуре, организации, ценностях и приспособительных способностях семьи в отсутствии культурных знаний могут представляться проявлением дисфункции, в то время как ценные сильные стороны могут оставаться незамеченными (Райкус, Хьюз, 2009). В исследовании С. Басов и ее коллег, проведенном на выборке 83 взрослых американцев корейского происхождения, усыновленных в США в детстве, было показано, что все параметры психологического благополучия (личностный рост, самопринятие, положительные отношения с другими людьми) оказались связанными с переживаниями уже взрослых людей своей культурной идентичности. Эта важная переменная влияет, по их мнению, на оцен-

ку личностного роста и полностью опосредуется силой этнической идентичности. Авторы делают вывод о том, что для избегания негативных последствий замещающим родителям, воспитывающим ребенка-сироту другой культуры, необходимо с самых первых контактов подчеркивать его национальную идентичность, с тем чтобы он имел достаточно точное представление о том, кто он по своей культуре, где его корни, кто ему может рассказать о его родине и т. д. Исследования показывают, что это способствует созданию более теплых отношений между замещающими родителями и их воспитанниками (Basow и др., 2008). С нашей точки зрения, не следует размещать подростка-сироту в семью иной культуры в том случае, если она придерживается жестких стандартов и традиций (в том числе и религиозных). Это может быть серьезной помехой для возможности подростка адаптироваться к требованиям замещающих родителей. К культурному контексту также следует отнести отношение к замещающей семье в том сообществе, в котором проживает семья. Насколько принята в нем сама идея существования таких семей? Одобряется это сообществом или нет – все это также будет влиять на уровень жизнеспособности замещающей семьи.

Под жизнеспособностью членов семьи мы понимаем их способность к управлению собственными ресурсами, которая обеспечивает высокий предел личностной психической адаптации. С нашей точки зрения, жизнеспособность – это метасистемное понятие, объединяющее все компоненты регуляции и регулирующие факторы социальной среды на разных уровнях организации психики (индивидуальный, личностный, субъектный) (Лактионова, 2013а). Ю. В. Постылякова, определяя индивидуальные психологические ресурсы, относит к ним физиологические, когнитивные, личностные, социально-психологические (например, принятие себя и других, уверенность в себе, умение распознавать потенциально стрессовые ситуации и контролировать уровень стресса и др.) качества и свойства человека (в основном им осознаваемые), обладающие возможностью к накоплению/расходу, развитию и видоизменению. К этим ресурсам человек обращается в моменты стресса и сложных жизненных ситуаций с целью совладания с ними (Постылякова, 2010). Ресурсный подход является очень перспективным, так как он позволяет перенести акцент с изучения проблем преодоления трудных, стрессовых ситуаций на вопросы, связанные с личностным развитием, с самореализацией человека (Дикая, 2012). К необходимым психическим ресурсам замещающих родителей следует, на наш взгляд, отнести развитую саморегуляцию и спокойную уверенность в своих силах, помогающую им сохранять терпеливость и последо-

вательность в отношениях с подростком. Необходимы интеллект (как минимум средний) и эмпатия, обеспечивающие понимание особенностей ребенка-сироты и адекватные ожидания от него. Конечно, все эти личностные качества желательны для замещающих родителей вообще, но для тех из них, кто берет на воспитание подростка, они важны вдвойне! Подростки-сироты отличаются несформированными навыками эмоциональной регуляции и когнитивного контроля, они не умеют и не знают, как преодолевать конфликтные ситуации. Недоверие к взрослым и агрессивное отношение к ним еще более затрудняют их возможности выхода из конфликтных ситуаций. Поэтому замещающим родителям необходимо обладать такими характеристиками, как толерантность и рефлексивность, которые позволят понимать и принимать подростка при всей его сложности, осознавать причины происходящего в отношениях с подростком, анализировать себя и своего воспитанника. Для замещающих родителей очень важно осознавать, какие стимулы приводят к нежелательным реакциям у подростка. Наличие гибкости и приспособляемости в отношениях с подростком позволит им вовремя заменить их более приемлемыми.

Мы провели исследование на выборке кандидатов в замещающие родители, в котором изучалась роль таких личностных и семейных ресурсов, как: жизнестойкость, семейная поддержка, физическое здоровье членов семьи, навыки решения проблем в семье, семейные роли и правила, эмоциональная связь в семье, финансовая свобода семьи, семейная коммуникация и навыки управления семейными ресурсами, а также их взаимосвязь со степенью выраженности психопатологической симптоматики. Исследование показало, что для прогноза успешного помещения ребенка в семью наиболее значимыми ресурсами являются: индивидуальная жизнестойкость замещающих родителей, эффективная семейная коммуникация, развитые навыки решения проблем в семье, управление имеющимися ресурсами, а также реалистичное восприятие материальных возможностей семьи. Было также выявлено, что ресурс жизнестойкости и семейные ресурсы дополняют друг друга, способствуют повышению ресурсности семьи и каждого члена семьи. Наше исследование также выявило, что для компенсации отдельных психопатологических симптомов специфичными оказываются различные виды индивидуальных и семейных ресурсов, но при этом обязательным является сочетание семейных и индивидуальных ресурсов. Высокая ресурсность замещающей семьи снижает проявления психопатологической симптоматики, облегчает взаимодействие членов семьи друг с другом, с приемным ребенком,

способствуя их взаимной адаптации (Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015).

Важно также, чтобы у замещающих родителей было сформировано представление о ресурсности и жизнеспособности самого подростка-сироты. Необходимо, чтобы они исходили, в первую очередь, не из его дефицитарности (в поведении, здоровье, развитии), а могли опираться на сильные качества своего воспитанника. Понятие жизнеспособности в этом случае обеспечивает необходимый формат преодоления неблагоприятных жизненных событий. Так, в одном из исследований в Шотландии была сделана попытка понять, насколько широко могут быть использованы понятия «ресурсы» и «жизнеспособность» социальными работниками в качестве основания для планирования работы с приемным ребенком и замещающей семьей. Социальные работники проводили полуструктурированное интервью для оценки значимости изучаемых понятий приемными родителями. Авторы анализировали данные, полученные до и после исследования; ими было показано, что замещающие родители были знакомы с понятиями ресурсности и жизнеспособности ребенка, а проведенное обучение позволило расширить их представление об этих феноменах. Обучение способствовало разработке более структурированного подхода к оценке этого качества в ребенке и планированию некоторых действий семьи, направленных на развитие его жизнеспособности. Родители отмечали, что такой подход в обучении расширил их знания о ребенке, а также о наиболее важных областях его развития. (Daniel, 2006). В связи с этим психологу, работавшему с подростком в школе или интернатном учреждении, необходимо передать замещающей семье данные о ресурсности подростка-сироты, о таких качествах его личности, которые могут свидетельствовать о наличии в нем жизнеспособности. Психолог должен вместе с замещающими родителями проанализировать условия, в которых могут проявиться или даже проявились (на конкретных примерах) те или иные успешные механизмы совладания, первые признаки хорошего понимания им своих сильных сторон. Очень важно, чтобы перед началом работы по сопровождению замещающей семьи психолог уже обладал достаточно полной картиной о жизнеспособности каждого члена семьи и семьи как целого. Эти данные должны быть получены в ходе проведения интервью с семьей, психологической диагностики, работы с супружеской парой при обучении в школе приемных родителей, а также в ходе психологического обследования подростка-сироты. Затем, на основании этих данных, разрабатывается план сопровождения семьи. Каждый случай общения с семьей и анализ сложностей, возникших на пер-

вых этапах существования замещающей семьи должен, по нашему убеждению, проходить под знаком обращения семьи к ее жизнеспособности. Участие психолого-педагогического сопровождения при этом является значимым внешним ресурсом. Так, практика показывает, что отсутствие необходимой помощи часто является непреодолимым препятствием, и может привести к отказу от дальнейшего воспитания подростка и возврату его в сиротское учреждение. Причем, самостоятельное обращение замещающих родителей за психологической помощью на этапе, когда взаимоотношения с подростком или в семье зашли в тупик и являются кризисными, в большинстве случаев не приводит к благополучному исходу. Подход к семье с точки зрения жизнеспособности дает возможность психологам с одной стороны организовать работу по сопровождению, обращаясь к сильным сторонам семьи в целом и отдельных ее членов, а с другой стороны развивать у них недостающие качества. Следует учитывать, что отсутствующие индивидуальные и семейные ресурсы возможно целенаправленно формировать. Так, например, жизнестойкость, можно развивать в течение всей жизни. Поскольку жизнестойкость – это система убеждений человека, включающая в себя установки включенности, контроля и принятия риска (Maddi, 1998), оказывая целенаправленное влияние на изменение этих установок, можно повышать жизнестойкость замещающих родителей. Наши исследования доказали необходимость формирования у подростков-сирот таких качеств, как положительное отношение к себе и к другим и внутренний локус контроля, поскольку именно эти личностные характеристики связаны с их жизнеспособностью и социальной адаптацией (Лактионова, Махнач, 2015). Исходя из этого, огромное значение приобретают установки замещающих родителей, которые способствуют повышению открытости и интересу к другим людям и миру, способности к любви, к кооперации и надежности. Неумение членов семьи решать проблемы, распознавать и выбирать наиболее удачные способы их разрешения может быть скорректировано в процессе совместного обучения и обсуждения проблемных ситуаций. Психологу необходимо понимать, какими эффективными приемами решения проблемных ситуаций семья уже располагает, обращаться к их успешному опыту, позволяя тем самым осознанно его воспроизводить. При этом следует обращать внимание на ситуации, в которых именно сплоченность семьи, совместные усилия всех ее членов приводили к желаемому результату, выделяя при этом роль и сильные стороны каждого. Это одновременно позволит усилить такой компонент индивидуальной жизнестойкости, как контроль, близкий к внутреннему локусу контроля. Наши исследе-

дования показали, что внутренний локус контроля связан с положительной самооценкой и с позитивным отношением к другим людям; в противном случае внешний локус контроля начинает играть защитную роль, снижая эмоциональный дискомфорт (Лактионова, 2013б, 2014; Махнач, Лактионова, 2013). Следовательно, если психолог ставит себе задачу формирования или усиления интернальности замещающих родителей, ему следует начинать с повышения их уверенности в себе и самооценки. Для этого он должен хорошо знать индивидуальные ресурсы каждого члена семьи (изученные в результате тестирования и собеседования на этапе отбора) и понимать, как и в каких обстоятельствах они эффективно работают, анализируя это совместно с каждым из них. Психологу важно также обучить замещающих родителей понимать особенности существующих в семье коммуникаций. Это позволит им не только укрепить отношения внутри семьи, но и расширить их социальные контакты.

Выводы

1. Помимо основных трудностей подросткового возраста в целом и личностных особенностей воспитанников интернатных учреждений, тяжелым и противоречивым является сам процесс интеграции подростка-сироты в замещающую семью.
2. Основная цель, на которую должны быть направлены действия замещающих родителей, – способствовать росту саморегулируемого поведения у подростка.
3. Для того чтобы реализовать сложную задачу интеграции подростка, замещающая семья должна обладать такой характеристикой, как жизнеспособность.
4. Жизнеспособность семьи рассматривается как ее способность к управлению семейными функциями, процессами (совладания, восстановления и пр.), базирующимися на ее ресурсах, внешних и внутренних защитных факторах.
5. Подход к изучению жизнеспособности замещающей семьи предполагает рассмотрение факторов риска и защитных факторов, влияющих на функционирование семьи в рамках четырех контекстов: социум, культура, индивидуальная характеристики каждого члена семьи и семейные ресурсы.
6. Для того чтобы замещающие родители могли развивать в подростке необходимые ему качества, воспитывать в нем жизнеспособность и социально адаптировать его, они должны сами обладать этими личностными характеристиками и быть социально адаптированными. Это важно, потому, что способность

- родителей к психологической адаптации является решающей для психологического развития и социальной адаптации ребенка.
7. Главную роль для эффективной замещающей семьи играет их представление о ресурсности и жизнеспособности ребенка. Необходимо, чтобы семья исходила, в первую очередь, не из его дефицитарности (в поведении, здоровье, развитии), а опиралась на сильные качества своего воспитанника. Жизнеспособность семьи и ребенка в этом случае обеспечивает необходимый формат преодоления неблагоприятных жизненных событий.
 8. Подход к семье с точки зрения жизнеспособности дает возможность психологам, с одной стороны, организовать более эффективную работу по сопровождению, обращаясь к сильным сторонам семьи в целом и отдельных ее членов, а с другой стороны, развивать у них недостающие качества.

Литература

- Авдеева Н. Н., Хаймовская Н. А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М., 2003.
- Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
- Дикая Л. Г. Социальная психология труда на новом этапе развития: методолого-теоретические основания и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 5–23.
- Егорова М. С., Зырянова Н. М., Паршикова О. В., Пьянкова С. Д., Чертова Ю. Д. Генотип. Среда. Развитие. М.: ОГИ, 2004.
- Зуев К. Б. Стабильность семьи: определение понятия и перспективы исследований // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015. № 3. С. 34–39.
- Иовчук Н. М., Северный А. А., Морозова Н. Б. Детская социальная психиатрия для непсихиатров. СПб.: Питер, 2008.
- Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2001.
- Лактионова А. И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности как метаспособности // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013а. С. 109–127.
- Лактионова А. И. Жизнеспособность как ресурс социальной адаптации у подростков // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013б. С. 232–253.

- Лактионова А. И.* Формирование жизнеспособности подростков // Психология человека и общества: научно-практические исследования / Ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 224–247.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 193–223.
- Лангмейер Й., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Медицинское изд-во «Авиценум», 1984.
- Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Личностные и поведенческие характеристики подростков как фактор их жизнеспособности и социальной адаптации // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 69–84.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108–122.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В.* Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
- Мухина В. С.* Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М.: Педагогика, 1981.
- Николаева Е. И., Япарова О. Г.* Ребенок свой и чужой. Ребенок в родной и приемной семье: проблемы и их решение. М.: ООО «Элпис», 2013.
- Постылякова Ю. В.* Ресурсный потенциал субъекта профессиональной деятельности // Социальная психология труда: теория и практика. Т. 1 / Ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 226–243.

- Прапорщикова В. Л.* Новый этап формирования института «замещающей семьи» в России: социально-педагогический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 114–117.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психология сиротства. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2007.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Развитие личности в условиях психической депривации // Формирование личности в онтогенезе. М.: Просвещение, 1991.
- Райкус Дж., Хьюз Р.* Социально-психологическая помощь семьям и детям групп риска: практическое пособие. В 4 т. 2-е изд. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2010.
- Фельдштейн Д. И.* Психология развивающейся личности. М.–Воронеж, 1996.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Balswick J. O., Balswick J. K.* The family: A Christian perspective of the contemporary home. Grand Rapids: Baker Books, 2nd ed., 1999.
- Basow S., Lilley E., Bookwala J., McGillicuddy-DeLisi A.* Identity development and psychological well-being in Korean-born adoptees in the U. S. // American Journal of Orthopsychiatry. 2008. V. 78 (4). P. 473–480.
- Baumrind D.* New direction in socialization research // American Psychologist. 1980. V. 35. P. 639–650.
- Boss P.* Family Stress // Handbook of marriage and the family / M. Sussman, S. Steinmetz (Eds). N. Y.: Plenum, 1987. P. 695–723.
- Bronfenbrenner U.* The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1979.
- Buri J. R., Louiselle P. A., Misukanis T. M., Mueller R. A.* Effects of parental authoritarianism and authoritativeness on self-esteem // Personality and Social Psychology Bulletin. 1988. V. 14. P. 271–282.
- Cluver L., Gardner F., Operario D.* Poverty and psychological health among AIDS-orphaned children in Cape Town, South Africa // AIDS Care. 2009. Vol. 21 (6). P. 732–741.
- Daniel B.* Operationalizing the concept of resilience in child neglect: case study research // Child: Care, Health and Development. 2006. V. 32. № 3. P. 303–309.
- Dornbusch S. M., Ritter P. L., Leiderman P. H., Roberts D. F., Fraleigh M. J.* The relation of parenting style to adolescent school performance // Child Development. 1987. V. 58. P. 1244–1257.
- Maddi S.* Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health / H. S. Friedman (Ed.). San Diego (CA): Academic Press, 1998. P. 323–335.

- Rodgers A. Y.* Multiple sources of stress and parenting behavior // *Children and Youth Services Review*. 1998. V. 20. N° 6. P. 525–546.
- Stryker R.* Ethnographic solutions to the problems of Russian adoptees // *Anthropology of East Europe Review*. 2000. V. 18. N° 2. P. 79–84.
- Walsh F.* A family resilience framework // *Family Process*. 2003. V. 42. P. 1–18.
- Zhao G., Zhao Q., Li X., Fang X., Zhao J., Zhang L.* Family-based care and psychological problems of AIDS orphans: Does it matter who was the care-giver? // *Psychology, Health & Medicine*. 2010. V. 15 (3). P. 326–335.

Жизнеспособность как условие эффективного приемного родительства

Т. Ю. Лотарева (Москва)

lotaya@mail.ru

На современном этапе в сфере сиротства сформирован социальный запрос на появление эффективных приемных семей. Однако культурно-социальные условия в обществе содержат факторы, выступающие источниками стресса для приемных родителей, в связи с чем актуально исследование феномена жизнеспособности приемных родителей. Традиция изучения жизнеспособности человека направляет психологическую науку по пути выявления факторов поддержания и развития жизнеспособности людей, посвящающих свою жизнь воспитанию детей-сирот.

Ключевые слова: *жизнеспособность человека, приемные родители, дети-сироты, привязанность.*

На современном этапе социальная политика в сфере сиротства направлена на развитие форм семейного жизнеустройства. Отмечается, что проживание и воспитание в условиях семьи в большей степени отвечает интересам ребенка.

В психологической науке развивается идея о значении привязанности для развития ребенка (Бриш, 2014). Э. Мاستен подчеркивает значение опыта надежной привязанности в развитии жизнеспособного человека и его способность в дальнейшем обеспечивать стабильные доброжелательные отношения с членами своей семьи и со своим социальным окружением (Masten, 2007). А в более ранних работах автор утверждает, что важной составляющей развития жизнеспособного ребенка является родительская эффективность (Masten, 2001, p. 230). Иными словами, существует социальный запрос на эффективные семьи, которым делегируется задача воспитания и развития детей-сирот.

Ранее нами была предпринята попытка анализа социально-культурных факторов разных экологических уровней, влияющих на приемную семью (Лотарева, 2014б). Опыт сопровождения замещающих семей в ЦССВ «Наш дом» показал, что на макросистемном уровне семья сталкивается с проблемой низкого статуса приемной семьи в обществе, с настороженным отношением людей к детям-сиротам, с социальными мифами о детях-сиротах – об их генетике и опасностях кровных семей. А также с осуждающим отношением общества к решению приемных родителей воспитывать детей «за деньги». На экосистемном уровне приемные семьи сталкиваются с последствиями несогласованности межведомственного взаимодействия, несовершенством законодательной базы, недостаточной или искаженной информационной поддержкой. На мезосистемном уровне приемные родители зачастую имеют дело с решением вопроса о статусе ребенка и порядке его общения с кровными родственниками. Микросистемный уровень связан с вопросами развития отношений привязанности к ребенку, а также решением задач воспитания и развития подопечного. Зачастую приемные родители вынуждены искать ресурсы для преодоления собственных переживаний и кризисных состояний.

Таким образом, с одной стороны, перед приемными родителями стоят задачи, связанные с реализацией эффективной семейной заботы о ребенке (детях), на них лежит ответственность за жизнь и здоровье детей. С другой стороны, на приемных родителей оказывают влияние многочисленные стрессогенные факторы социальной среды. Данная ситуация бросает вызов жизнеспособности приемных родителей.

Феномен жизнеспособности приемных родителей еще не изучен на российской выборке приемных родителей. Само понятие «жизнеспособность человека» в отечественной психологии появилось совсем недавно (Махнач, 2012б), определяется оно как «способность человека к управлению собственными ресурсами, обеспечивающими высокий предел личностной психической адаптации в контексте развития личности, а также социальной и профессиональной самореализации человека в условиях социальных, культурных норм и средовых условий» (Лактионова, 2013, с. 115).

Деятельность приемных родителей можно рассматривать как профессиональную (Алдашева, Махнач, 2010). В исследованиях жизнеспособности представителей социальных профессий принимается во внимание тот факт, что профессионалы, работающие с социальными клиентами и детьми-сиротами, не избавлены от большинства факторов риска современности. В то же время к социальным компе-

тенциям, знаниям и стрессоустойчивости профессионалов данной группы предъявляются высокие требования. Жизнеспособность понимается как основной ресурс социальных работников (Grant, Kinman, 2012), определяются факторы, способствующие поддержанию и развитию жизнеспособности работников, осуществляющих заботу о социальных клиентах (Collins, 2008; Morrison, 2007).

Исследование феномена жизнеспособности профессионалов социальной сферы в России и за рубежом имеет ряд отличий. В работах западных ученых изучение жизнеспособности реализуется в рамках экологического подхода, активно разрабатываются методы поддержания и развития жизнеспособности профессионалов. В отечественной психологии тема жизнеспособности профессионалов является новой, но существует традиция изучения адаптационных процессов (Крылова, Дикая, 2007), феномена эмоционального выгорания (В. В. Бойко, К. Маслач и др.) и параметров жизнестойкости (Зеленова и др., 2011). В рамках данных исследований осуществляются попытки описания механизмов совладания людей в условиях стресса, решается задача интеграции исследуемых феноменов в систему научных знаний.

Тем не менее, в рамках различных подходов исследователи жизнеспособности человека склонны выделять факторы, которые имеют значения для поддержания и развития жизнеспособности человека в условиях стресса. К. Самсон, изучая людей, преодолевающих последствия войны и болезней, выявила три источника поддержки: личностный, семейный и социальный. Она выделила несколько элементов, которые защищают человека от формирования «адаптивно девиантного поведения». Это такие личностные элементы, как: самооценка, надежда/оптимизм, автономия, способность совладания со стрессом, коммуникабельность, способность жить с опорой на широкий диапазон эмоций, позитивный опыт решения проблем. Также К. Самсон определила те элементы, которые негативно влияют на развивающуюся жизнеспособность, так как могут привести к таким рискам, как депрессия, суицидальные мысли, аддикции, анорексия и т. д. Это такие элементы, как: тяжесть травмы, внезапность агрессивной интервенции, определенное психическое состояние в момент травмы, отсутствие или квазиотсутствие социальной сети (Samson, 2015). С. Коллинз убедительно показал, что значимым ресурсом поддержания жизнеспособности выступает оптимизм (Collins, 2008), который заключается в умении профессионалов компенсировать негативные переживания позитивными, когда фрустрации, тревоги и страхи переживаются с «вкраплением» положительных эмоций. Вместе с тем Коллинз, обращаясь к иссле-

дованиям М. Селигмана (Seligman, 1991) о гибкости в применении оптимизма как психологической стратегии, подчеркивает, что оптимизм неуместен там, где речь идет о страданиях людей, перегруженных социальной работой, ограниченных низкими доходами, плохим организационными ресурсами и структурными угнетениями (Collins, 2008). В противовес точке зрения о том, что оптимизм зависит от внешних факторов С. Гахляйтнер с соавторами причисляет оптимизм к характеристике, которая близка к личностной, и акцентирует внимание на том, что этот ресурс невозможно развить или каким-то образом обучиться быть оптимистичным (Gachleitner et al., 2013). Значение оптимизма социальных работников также показано в лонгитюдном исследовании Дж. Кирк и С. Кеске (1995), которые изучали взаимодействие между работниками и клиентами (людьми с выраженными психическими нарушениями). Этот лонгитюд показал, что оптимистично настроенные сотрудники более эффективны в работе со случаями, чем «реалисты», и имеют значительно более высокую удовлетворенность своей работой, и, вдобавок ко всему, имеют меньше шансов покинуть рабочее место (цит по: Collins, 2008, p. 265).

Помимо факторов личностного уровня и средовых условий, по нашему мнению, необходимо особое внимание уделять факторам, имеющим отношение к системе интерперсональных отношений приемных родителей. Представления о межличностных отношениях уходят корнями в теорию привязанности (Дж. Боулби, К. Бриш), согласно которой отношения надежной привязанности в детстве служат фактором интериоризации чувства безопасности, которое, в свою очередь, создает возможность для реализации задач развития. Опыт безопасных и надежных отношений впоследствии переносится в повседневную жизнь (Gachleitner, 2013). По этой причине система привязанности, несомненно, обеспечивает индивида способностями совладания с трудностями и выступает значимым фактором жизнеспособности (Masten, 2001). Исследования М. Ляйтер и его коллег показали, что между стилем сложившейся привязанности у врачей и их качеством социальных отношений есть связь. Было показано, что избегающий тип привязанности отрицательно коррелирует с такими коммуникативными компонентами, как вежливость, психологическая безопасность, доверие, а тревожный тип привязанности врача связан с такими проявлениями, как бескультурье, истощение и цинизм (Leiter et al., 2015). Можно заметить, что опыт ненадежной привязанности профессионала создает предпосылки для небезопасного отношения с людьми и детьми.

Таким образом, потребность общества в эффективной замещающей семейной заботе актуализирует необходимость обращения к феномену жизнеспособности приемных родителей. Учитывая специфику деятельности приемных родителей в современных культурно-социальных условиях особое значение имеет обращение к уровню интерперсональных отношений, который содержит факторы жизнеспособности приемных родителей и имеет прямое отношение к вопросу создания благоприятных условий для развития детей-сирот.

Литература

- Алдашева А. А., Махнач А. В.* Социально-психологические предпосылки изучения профессии «приемный родитель» // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 2. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 232–251.
- Бриш К.* Теория привязанности и воспитание счастливых людей. М.: Теревинф, 2014.
- Зеленова М. Е., Барабанова В. В., Кабаева В. М.* Уровень жизнестойкости, Я-концепция и профессиональное здоровье учителей // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 40–53.
- Крылова Г. Ю., Дикая Л. Г.* Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 483–505.
- Лактионова А. И.* Жизнеспособность как ресурс социальной адаптации у подростков // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 232–253.
- Лотарева Т. Ю.* Особенности психологического сопровождения замещающих семей // Приемная семья. 2014а. № 2. С. 38–40.
- Лотарева Т. Ю.* Жизнеспособность и ресурсность замещающей семьи // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. Н. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М., 2014б. С. 119–122.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012а. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В.* Проблема измерения жизнеспособности человека // Ломовские чтения. Развитие психологии в системе комплекс-

- ного человекознания. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 449–452.
- Collins S.* Statutory social workers: stress, job satisfaction, coping, social support and individual differences // *British Journal of Social Work*. 2008. V. 38. P. 1173–1193.
- Grant L., Kinman G.* Enhancing wellbeing in social work students: building resilience in the next generation // *Social Work Education: The International Journal*. 2012. V. 31. № 5. P. 605–621.
- Kinman G., Grant L.* Exploring stress resilience in trainee social workers: The role of emotional and social competencies // *British Journal of Social Work*. 2011. V. 41. P. 261–275.
- Masten A. S.* Ordinary magic: Resilience processes in development // *American Psychologist*. 2001. V. 56. P. 227–38.
- Masten A. S., Obradovic J.* Disaster preparation and recovery: lessons from research on resilience in human development // *Ecology and Society*. 2007. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss1/art9/> (дата обращения 12.10.2015).
- Morrison T.* Emotional intelligence, emotion and social work: context, characteristics complications and contribution // *British Journal of Social Work*. 2007. V. 37. P. 245–263.
- Samson C.* Notes de lecture – La résilience. URL: http://www.hommes-et-faits.com/Livres/Cs_Resilience.htm. (дата обращения 12.10.2015).
- Gahleitner S. B., Katz-Bernstein N., Pröll-List U.* Das Konzept des «Safe Place» // *Theorie und Praxis der Kinder- und Jugendlichenpsychotherapie. E-Journal für biopsychosoziale Dialoge in Psychotherapie, Supervision und Beratung*. 2013. № 2. S. 165–185.

Психопатологическая симптоматика и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители*

А. В. Махнач (Москва)

amak@inbox.ru

Обсуждается необходимость сбора и анализа информации о распространенности психических и соматических заболеваний у замещающих родителей, воспитывающих сирот. Показывается, что чем выше показатели ресурсов, тем меньше выражены психопатологические симптомы. Представлены результаты исследования на двух выборках: кандидаты в замещающие родители и опытные замещающие родители. Используются методики: Тест семейных ресурсов, Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R), Шкала социальной желательности Марлоу–Крауна. Показано, что для прогноза успешного помещения ребенка в семью наиболее значимыми ресурсами являются: индивидуальная жизнестойкость замещающих родителей, эффективная семейная коммуникация, развитые навыки решения проблем в семье, управление ресурсами, реалистичное восприятие материальных возможностей семьи.

Ключевые слова: семейные ресурсы, психопатологическая симптоматика, кандидаты в замещающие родители, опытные замещающие родители, дети-сироты, замещающие семьи, жизнеспособность.

Известно, что предиктором, единодушно оцениваемым специалистами как негативный для приема ребенка-сироты в семью, являются нарушения психического здоровья потенциальных замещающих родителей. При очевидности этого положения вопрос о том, какие именно нарушения являются несомненным противопоказанием

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00737.

для создания замещающей семьи, остается сложным и плохо изученным. Оценка психопатологии – важный элемент системы психологической оценки кандидатов в замещающие родители. Вместе с тем, например, в США в настоящее время практически отсутствует координация между системой охраны психического здоровья взрослых и системой социального обеспечения детей и защиты детства, что, прежде всего, отражается на решении проблем психического здоровья замещающих родителей и приемных детей (Hemphill, 2009). На это обращается внимание специалистов в США, усилия которых направлены на то, чтобы профессионально провести диагностику психопатологических черт личности и поведения кандидатов в замещающие родители, заранее, исключая возможное пагубное влияние этих особенностей личности кандидата на приемного ребенка.

Данные о характере и распространенности психических нарушений среди приемных родителей специально не собираются, а оценка психического здоровья приемных родителей обычно происходит лишь после того, как они попадают в поле зрения социальных служб в связи с теми или иными запросами суда, полиции, школы (Nicholson et al., 2007). В США относительно приемных родителей, находящихся в зоне внимания Служб защиты детей (Child protective services, CPS), в 2009 г. были получены следующие данные: 35% приемных родителей злоупотребляют психоактивными веществами или имеют те или иные психические нарушения (Staudt, Cherry, 2009). В лонгитюдном исследовании замещающих родителей психологами Службы защиты детей, у 40% была диагностирована выраженная депрессия, а 9% употребляли психоактивные вещества в каком-то временном отрезке в течение последних трех лет (Burns et al., 2010). В нашей стране психологические методы для диагностики психопатологии и в целях отбора «матерей» в первую в России детскую деревню SOS были использованы Н. Н. Толстых. В частности, по методике MMPI была проведена психологическая оценка как сильных, так и слабых сторон личности, включая варианты психопатологических синдромов у кандидатов для работы в качестве «матери» в детской деревне. Хотя данная методика и не позволяет поставить нозологический психиатрический диагноз, но по особенностям синдромологической картины были отклонены часть претенденток на эту работу, поскольку вероятность выхода за границы психической нормы была велика (Толстых, 2011). В России в ряде исследований психологических особенностей кандидатов в замещающие родители сообщается о выраженности у них тех или иных психопатологических черт. К сожалению, как правило, информация об этом собирается только на этапе отбора, и в известной нам литературе нет данных

о распространенности психических и соматических заболеваний среди замещающих родителей, воспитывающих сирот. И в этом кроется ряд возможных негативных последствий, как для приемных детей, так и для замещающих семей в целом. В частности, отсутствием мониторинга здоровья замещающих родителей можно объяснить возврат детей в интернатные учреждения, так как, например, развивающаяся депрессия, вовремя не диагностируемая приведет к эмоциональным проявлениям: подавленному настроению, отчаянию, тревоге, чувству внутреннего напряжения, раздражительности, недовольству собой и окружающими, снижению уверенности в себе как в родителе и другим симптомам. На поведенческом уровне депрессия может проявиться в пассивности, снижении целенаправленной деятельности, также не позволяющим оставаться внимательным и заботливым родителем.

Несомненно, для большинства людей решение взять на воспитание сироту является серьезным стрессогенным жизненным событием, которое может спровоцировать проявление психических или соматических симптомов и/или усилить их неблагоприятную динамику. Поэтому так важны медицинская и психологическая диагностика супругов вначале, перед обучением в школе приемных родителей, а позже – необходим мониторинг психического и физического состояния родителей после появления сироты в семье. Важный аспект успешного помещения сироты в замещающую семью – регулярный анализ психологического здоровья каждой семьи, сбор обобщенных научных данных, статистики в этой области в целом. На сегодня с уверенностью можно констатировать факт отсутствия профессионально собираемой и анализируемой статистики о психических и/или соматических заболеваниях замещающих родителей. Такая ситуация с информацией о психических заболеваниях в специфической по какому-то признаку группе, популяционных выборках достаточно типична для нашего общества. В связи с высокой ценой и значимостью для сироты замещающей семьи и ее психологического, и физического здоровья по группам кандидатов в замещающие родители (в зависимости от формы семейного жизнеустройства сироты) должна собираться статистика компетентными специалистами в медицинских и социальных учреждениях:

- по нарушениям в области защиты прав детей-сирот в замещающих семьях – с максимально точным определением видов, форм, степени нарушения;
- по заболеваниям, поведенческим нарушениям у приемных детей в динамике (с разработанными критериями «улучшение / ухудшение») после помещения их в семью;

- по заболеваниям у замещающих родителей (отдельно по супругам, по нозологиям и пр.), появившихся (проявившихся) после появления сироты в семью.

Негативная и позитивная динамика психического, психосоматического и физического здоровья замещающих родителей является одним из наиболее важных маркеров изменений в семье, которые не могут не проявляться в поведении, показателях здоровья сироты, принятого на воспитание в семью. В этом случае руководствуясь «интересами третьей стороны», специалист органов опеки и попечительства в сотрудничестве с врачом также может осуществлять регулярный сбор информации о динамике здоровья замещающих родителей после появления приемного ребенка в семье и быть тем первым специалистом, который заметит негативную динамику в ней. Появление в профессиональном дискурсе сиротства информации о показателях динамики и общей статистики, собираемых на постоянной основе, предвосхитят многие проблемы, разворачивающиеся в замещающей семье. Несомненно, идея сбора и анализа информации о замещающих родителях сейчас представляет собой слишком широкое поле, требующее уточнения с профессиональной (врачей общей практики, психиатров, психологов) и законодательной сторон. По нашему мнению, должны появиться методические разработки для специалистов, работающих с замещающими родителями, приемным ребенком, в которых будет представлен алгоритм сбора информации по группам родителей, по возможным эмоциональным, поведенческим нарушениям в функционировании семьи, по нозологиям и т. п. Эти разработки могут стать основанием для профилактических мероприятий особенно в тех случаях, где возможно прекращение опеки над сиротой, там, где профессиональная помощь замещающей семье еще возможна. Поэтому должны быть определены достаточно четкие признаки, по которым психосоматические обострения состояния здоровья родителей и / или детей, поведенческие или психоэмоциональные нарушения могут признаваться в установленном порядке основанием для соответствующих действий, уполномоченных для этого специалистов.

В связи с этим интересное наблюдение было сделано в одном из исследований приемных родителей (Budd et al., 2001). По заказу суда по семейным вопросам округа Кук, штата Иллинойс (США) на примере случайной выборки, состоящей из 190 приемных родителей, были проанализированы оценки психического здоровья. Обнаружилось, что во всех заключениях специалистов недостатки приемных родителей подчеркивались чаще, чем их сильные сторо-

ны. По этой причине в нашем исследовании мы обращаем внимание также на сильные стороны кандидатов в замещающие родители – на их ресурсы, и, прежде всего, семейные.

Наши экспериментальные данные, приведенные ниже, отчасти также восполняют недостаток информации о распространенности психопатологических симптомов среди кандидатов в замещающие родители, которые сравниваются с опытными замещающими родителями. В предлагаемой подходе (см.: Махнач, Прихожан, Толстых, 2013) используются две группы параметров, подлежащих оценке.

Первая группа – это параметры, фиксирующие различные противопоказания для выполнения функций замещающего родителя. К ним относятся разного рода психопатологии, агрессивность, жестокость и т. п. Противопоказания могут касаться как отдельных членов, так и потенциальной замещающей семьи в целом.

Вторая группа параметров фиксирует те положительные характеристики кандидатов и/или семьи, которые можно расценивать как дополнительные аргументы в пользу вынесения позитивного решения.

В связи с вышеизложенным определим гипотезы нашего исследования.

Гипотезы исследования

- Для определения опытности замещающего родителя и связанного с этим прогноза успешного помещения ребенка в семью важно понимание ресурсности семьи, отдельных ее членов и их выявление. Оценка рисков для семьи необходима, но недостаточна.
- Семейные ресурсы членов семьи реципрокно связаны с психопатологической симптоматикой (риски) у замещающих родителей: чем выше показатели ресурсов, тем меньше выражены психопатологические симптомы.

Методы

Для исследования семейных ресурсов кандидатов в замещающие родители использовались: **Тест семейных ресурсов**, ТСП А. В. Махнача, Ю. В. Постыляковой (Махнач и др., 2013), предназначенный для оценки восьми семейных ресурсов, и **Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R)** (Тарабрина и др., 2007) для определения общего уровня и характера психопатологической симптоматики.

Выборка

На первом этапе анализа данных в группы респондентов были отобраны только те, у кого показатель по Шкале социальной желательности Марлоу–Крауна был в пределах нормы. Из общей выборки кандидатов в замещающие родители ($n=700$), обследованной в 2013 г., была отобрана группа семейных пар (группа 1) по ряду признаков: возрасту, полу, брачному статусу, отсутствию в семье детей. Эта группа ($n=22$) представляла собой **кандидатов в замещающие родители** из 16 регионов России, средний возраст респондентов в группе – $42,59+3,00$ года. Число респондентов в группе 1 было определено тем, что группа сравнения, названная нами **группой опытных замещающих родителей**, также состояла из 22 чел. (11 семейных пар), прошедших психологическую оценку (по тестам, интервью). **Опытные замещающие родители** (группа 2) были отобраны в ходе реализации пилотного проекта по имущественной поддержке семей, принявших на воспитание по договорам о приемной семье детей старшего возраста и/или детей-инвалидов. Замещающие родители этой группы воспитывают родных (среднее количество – 2) и приемных детей (среднее количество на семью – 3); средний возраст в группе – $44,18+6,4$ года. В результате материалы для анализа по обеим группам были составлены из данных психологической диагностики 22 чел. в каждой.

Результаты

После статистической обработки (U-критерий Манна–Уитни, T-тест для независимых переменных, корреляционный анализ по Спирмену) были проанализированы данные обеих групп по двум тестам. Получены статистически достоверные различия по большинству показателей теста SCL-90-R и Теста семейных ресурсов (см. таблицу 1). Все показатели общего уровня и характера психопатологической симптоматики статистически достоверно ниже в группе опытных замещающих родителей в сравнении с данными группы кандидатов. Высокие значения индекса PSDI (от 1,9 балла и выше) свидетельствует о наличии фактора риска в семьях кандидатов: этот показатель равен 1,3 балла, что в пределах средних значений по выборкам здоровых людей, но близок к значению этого показателя в группе пожарных (Тарабрина и др., 2007). «Общий индекс тяжести» GSI в группе опытных замещающих родителей – 0,18 баллов, что значительно ниже нормативных (0,5–0,7). Эти данные – в пределах нормы и свидетельствуют о хорошем состоянии здоровья группы. Все остальные значения показателей по обеим группам ни-

Таблица 1

Данные по SCL-90-R, Тесту семейных ресурсов в 2 группах:
 группа 1 – кандидаты в замещающие родители,
 группа 2 – опытные замещающие родители
 (Т-тест для независимых переменных)

	Показатели	Группа	Среднее	Стандартное отклонение	Станд. ошибка среднего	Достоверность различий
I	SOM	1	0,42	0,30	0,064	0,007**
		2	0,19	0,24	0,051	
	O-C	1	0,61	0,36	0,078	0,002**
		2	0,29	0,28	0,059	
	INT	1	0,59	0,36	0,076	0,001**
		2	0,24	0,27	0,057	
	DEP	1	0,40	0,26	0,055	0,001**
		2	0,16	0,20	0,044	
	ANX	1	0,37	0,31	0,067	0,007**
		2	0,14	0,21	0,044	
	HOS	1	0,42	0,29	0,063	0,093
		2	0,27	0,27	0,058	
	PHOB	1	0,20	0,22	0,047	0,017**
		2	0,06	0,14	0,031	
	PAR	1	0,36	0,35	0,075	0,140
		2	0,21	0,32	0,067	
	PSY	1	0,17	0,21	0,044	0,090
		2	0,08	0,13	0,028	
	ADD	1	1,72	2,23	0,476	0,105
		2	0,78	1,42	0,302	
GSI	1	0,41	0,23	0,049	0,001**	
	2	0,18	0,19	0,042		
PST	1	30,41	17,50	3,73	0,003**	
	2	14,32	15,76	3,36		
PSDI	1	1,28	0,24	0,052	0,005**	
	2	1,00	0,35	0,075		

Продолжение таблицы 1

	Показатели	Группа	Среднее	Стандартное отклонение	Станд. ошибка среднего	Достоверность различий
II	Поддержка	1	28,86	3,99	0,85	0,054*
		2	30,73	1,86	0,39	
	Физическое здоровье	1	22,73	5,18	1,11	0,001**
		2	27,59	3,95	0,84	
	Решение проблем	1	25,82	5,00	1,28	0,032**
		2	28,86	2,36	0,50	
	Роли и правила	1	27,14	4,69	1,00	0,204
		2	28,73	3,38	0,72	
	Эмоциональные связи	1	27,50	3,86	0,82	0,031*
		2	29,59	2,09	0,45	
	Финансовая свобода	1	24,82	4,73	1,01	0,001**
		2	29,18	3,26	0,69	
	Коммуникация	1	26,59	5,23	1,12	0,005**
		2	30,14	1,94	0,41	
	Управление ресурсами	1	23,77	5,32	1,13	0,000**
		2	28,86	2,80	0,59	

Примечание: I – тест SCL-90-R; II– Тест семейных ресурсов. * – $p=0,05$; ** – $p=0,01$.

же показателей по отечественным выборкам здоровых респондентов (Тарабрина и др., 2007). Интересные данные получены в обеих группах по семейным ресурсам: в группе 2 показатель «Физическое здоровье» выше, чем в группе 1 – кандидатов в замещающие родители, причем возраст опытных родителей выше, чем у кандидатов.

Также мы отмечаем статистически значимые различия по многим показателям психопатологии и ресурсов в сравниваемых группах (см. таблицу 2). Несмотря на то, что по показателю «NOS» – враждебности нет значимых различий между группами, высокое значение суммы рангов в обеих группах относительно других показателей также указывает на то, что при отборе кандидатов или опытных родителей необходимо обращать на данные по этой шкале. Группа опытных замещающих родителей по методике SCL-90-R демонстрирует не просто лучшие показатели психического здоровья, чем группа

Таблица 2
Показатели U-критерия Манна–Уитни для группы 1
(кандидаты в замещающие родители) и группы 2
(опытные замещающие родители)

	Показатели	Группа	Значение ранга	Сумма рангов	Достоверность различий
I	SOM	1	28,43	625,50	0,002**
		2	16,57	364,50	
	O-C	1	28,45	626,00	0,002**
		2	16,55	364,00	
	INT	1	28,80	633,50	0,001**
		2	16,20	356,50	
	DEP	1	28,64	630,00	0,001**
		2	16,36	360,00	
	ANX	1	27,86	613,00	0,004**
		2	17,14	377,00	
	HOS	1	25,70	565,50	0,094
		2	19,30	424,50	
	PHOB	1	26,95	593,00	0,010**
		2	18,05	397,00	
	PAR	1	25,93	570,50	0,066
		2	19,07	419,50	
	PSY	1	24,73	544,00	0,208
		2	20,27	446,00	
	ADD	1	25,68	565,00	0,097
		2	19,32	425,00	
GSI	1	28,66	630,50	0,001**	
	2	16,34	359,50		
PST	1	28,61	629,50	0,002**	
	2	16,39	360,50		
PSDI	1	28,61	629,50	0,001**	
	2	16,39	360,50		

Продолжение таблицы 2

	Показатели	Группа	Значение ранга	Сумма рангов	Достоверность различий
II	Поддержка	1	18,57	408,50	0,035*
		2	26,43	581,50	
	Физическое здоровье	1	16,66	366,50	0,002**
		2	28,34	623,50	
	Решение проблем	1	18,64	410,00	0,044*
		2	26,36	580,00	
	Роли и правила	1	20,59	453,00	0,319
		2	24,41	537,00	
	Эмоциональные связи	1	18,48	406,50	0,036*
		2	26,52	583,50	
	Финансовая свобода	1	15,77	347,00	0,000**
		2	29,23	643,00	
	Коммуникация	1	17,48	384,50	0,008**
		2	27,52	605,50	
	Управление ресурсами	1	16,14	355,00	0,001**
		2	28,86	635,00	

Примечание: I – тест SCL-90-R; II– Тест семейных ресурсов. * – $p=0,05$; ** – $p=0,01$.

кандидатов (хотя и в последней они высоки), но показатели, по ряду симптомов свидетельствующие о более высоком уровне психического здоровья, чем у пожарных – мужчин, прошедших специальный и очень тщательный отбор (см.: Тарабрина и др., 2007).

Говоря о семейных ресурсах, прежде всего, обращаем внимание на сумму рангов (статистически достоверные различия) по следующим ресурсам: физическое здоровье, финансовая свобода, коммуникация и управление ресурсами. В группе опытных замещающих родителей они наиболее выражены, и, наоборот, эти же ресурсы менее всего выражены в группе кандидатов (см. таблицу 2).

Анализируя корреляционные связи в сравниваемых группах, также наблюдаем отчетливые отличия. В частности, в группе кандидатов в замещающие родители количество корреляций значительно меньше (см. таблицу 3), по сравнению с корреляциями между показателями психопатологии и ресурсов (таблица 4) в группе опытных

Таблица 3
Корреляционные связи между показателями Теста семейных ресурсов и SCL-90
в группе кандидатов в замещающие родители

Шкалы SCL-90	Ресурсы					
	Поддержка	Решение проблем	Роли и правила	Эмоциональные связи	Финансовая свобода	Коммуникация
HOS	-0,48*	-0,50*	-0,46*		-0,59**	-0,69**
INT				-0,45*		
PHOB		-0,43*				
DEP						-0,48*
PST						-0,45*
PSDI					-0,67**	

Примечание: * – $p=0,05$; ** – $p=0,001$.

Таблица 4
Корреляционные связи между показателями Теста семейных ресурсов и SCL-90
в группе опытных замещающих родителей

Шкалы SCL-90-R	Ресурсы									
	Поддержка	Физическое здоровье	Решение проблем	Роли и правила	Эмоциональные связи	Финансовая свобода	Коммуникация	Управление ресурсами		
SOM		-0,64**	-0,43*	-0,57**	-0,42*		-0,50*	-0,52*		
O-C	-0,65**	-0,50*	-0,71**	-0,46*			-0,71**	-0,64**		
DEP		-0,55**								
ANX		-0,46*					-0,48*	-0,70**		
HOS	-0,62**		-0,53**	-0,81**			-0,54**	-0,58**		
PHOB		-0,47*		-0,42*			-0,43*	-0,55**		
PSY	-0,50*	-0,51*	-0,50*	-0,49*		-0,44*	-0,58**	-0,63**		
ADD	-0,45*	-0,55**	-0,45*			-0,49*	-0,52*			
GSI	-0,58**	-0,59**	-0,63**	-0,50*			-0,65**	-0,62**		
PST	-0,46*	-0,62**	-0,61**	-0,42*			-0,59**	-0,56**		
PSDI										

*Примечани. * – p=0,05; ** – p=0,001.*

замещающих родителей. В этой группе все показатели ресурсов отрицательно связаны с показателями психопатологии. Причем наибольшее количество корреляций имеют показатели ресурсов физического здоровья, коммуникации и управления ресурсами.

Полученные данные свидетельствуют о том, что опытные родители более объективно оценивают свои ресурсы, видят взаимосвязь их наличия / отсутствия с некоторыми признаками психопатологии. Например, наибольшее число корреляций имеет шкала психотизма, указывающая на избегающий, межличностно изолированный, шизоидный стиль жизни, что в условиях работы по воспитанию сироты, имевшего в его жизни достаточно предательства со стороны взрослых, избегания и пр., является явным противопоказанием для исполнения функций профессионала. В группе кандидатов эта шкала не имеет статистически значимых корреляций ни с одним из показателей ресурсов, что также доказывает наше понимание важности профессионального отбора по признакам наличия психопатологических симптомов.

Другой показатель теста SCL-90-R «Общий индекс тяжести» (GSI), являющийся комбинацией информации о количестве симптомов и интенсивности переживаемого дистресса, имеет также наибольшее количество корреляционных связей с показателями ресурсов в группе опытных замещающих родителей. Этот факт указывает на понимание ими необходимого самоконтроля за стрессом посредством, в частности, использования ресурсов поддержки, точного распределения ролей и соблюдения правил, налаженной коммуникации, распределения ресурсов. В группе кандидатов такой связи не обнаружено. Хорошим сигналом для обеих групп является наличие отрицательных корреляций ряда ресурсов со шкалой NOS (враждебность), в сумме рангов этот показатель наиболее выражен в обеих группах. Мы обращаем на это внимание, так как для данной области жизнедеятельности противопоказанием является любое проявление этой черты в адрес другого – в нашем случае – ребенка-сироты. По этой причине отрицательные корреляции с показателями ресурсов «Поддержка», «Решение проблем», «Роли и правила», «Финансовая свобода» и «Коммуникация» (в группе кандидатов) и плюс к ним – с показателем «Управление ресурсами» (в группе опытных замещающих родителей), позволяют нам надеяться, что в рассматриваемых группах враждебность будет контролироваться (не проявляться, избегаться).

Факт отсутствия указанных ресурсов в любой из групп должен являться сигналом для службы сопровождения о необходимой работе, направленной на купирование этой психопатологической черты.

Интересно, что кандидаты связывают враждебность с финансовой свободой, т. е. аффективное состояние, агрессия, раздражительность, гнев и негодование связываются с наличием денег: чем больше последнего в семье, тем меньше проявление негативных эмоций враждебности и ниже индекс наличного симптоматического дистресса (PSDI). У опытных такой зависимости не наблюдается: говорит ли это о том, что финансовая свобода не связана с эмоциями? Интерес также представляет большое количество отрицательных корреляций показателя «Физическое здоровье» как семейного ресурса с показателями психопатологии у опытных замещающих родителей, и их отсутствие у кандидатов. Эти данные позволяют нам увидеть в группе опытных замещающих родителей роль и место физического здоровья при выполнении функций профессионального воспитателя и неадекватность в обращении к собственным силам – в том числе физического здоровья у кандидатов. В этом также видно различие в понимании выполнения профессионалами своих функций в сравнении с непрофессионалами.

Ранее уже говорилось о важности семейных и личностных ресурсов, являющихся предикторами успешного функционирования замещающей семьи (Алдашева, Иноземцева, 2014; Лотарева, 2014; Махнач, Алдашева, 2012; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Проблема сиротства..., 2015; Зуев, 2015). В рамках ресурсного подхода, по мнению ряда отечественных и зарубежных ученых выявляются ресурсы семьи, представляющие собой взаимодополняющее сочетание личностных качеств ее членов, их умений и навыков, возможностей внешней среды. Ресурсный подход позволяет перенести акцент с изучения проблем преодоления трудных, стрессовых ситуаций на вопросы, связанные с личностным развитием, с самореализацией человека (Дикая, 2012), что необходимо учитывать в работе с замещающей семьей. Ресурсы обладают рядом существенных характеристик, которые оказываются важны в дальнейшем сопровождении замещающих семей. К ним относят: а) способность ресурсов не только к расходованию, но и к накоплению, развитию, формированию; б) доступность ресурсов; в) осознаваемость ресурсов (Постылякова, 2015). Последняя характеристика важна еще и потому, что процесс совладания с трудными жизненными ситуациями активно осуществляется семьей только тогда, когда этот процесс осознаваем. В этом случае семья лучше оценивает свои сильные и слабые стороны, понимая, чего ей не хватает, чтобы справиться с проблемой. Семье важно понимать, какие ресурсы ей доступны, а какие нет, чем их можно заменить, а также целенаправленно формировать и развивать недостающие.

Выявленные в результате диагностики семейные ресурсы дают возможность психологам организовать работу по сопровождению, обращаясь к сильным сторонам семьи в целом и отдельных ее членов. Следует учитывать, что отсутствующие семейные и индивидуальные ресурсы возможно целенаправленно формировать.

Литература

- Алдашева А. А., Иноземцева В. Е.* Опыт психологической подготовки к деятельности замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 194–212.
- Дикая Л. Г.* Социальная психология труда на новом этапе развития: методолого-теоретические основания и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 5–23.
- Зуев К. Б.* Стабильность семьи: определение понятия и перспективы исследований // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015. № 3. С. 34–39.
- Лактионова А. И.* Формирование жизнеспособности подростков // Психология человека и общества: научно-практические исследования / Ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 224–247.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 193–223.
- Лотарева Т. Ю.* Жизнеспособность и ресурсность замещающей семьи // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. Н. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М., 2014. С. 119–122.
- Махнач А. В., Алдашева А. А.* Компоненты и признаки новой социологической профессии «приемный родитель» // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 457–479.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных

- ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166–193.
- Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В.* Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 108–122.
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Постылякова Ю. В.* Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 459–477.
- Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчан З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Толстых Н. Н.* Какая нужна Мать в Детской деревне // Анализ опыта организации сопровождения замещающих семей на примере Детских деревень-SOS: Научно-методический сборник. М.: Спутник+, 2011. С. 36–45.
- Budd K. S., Poindexter L. M., Felix E. D., Naik-Polan A. T.* Clinical assessment of parents in child protection cases: An empirical analysis // *Law and Human Behavior*. 2001. V. 25 (1). P. 93–108.
- Burns B. J., Mustillo S. A., Farmer E. M. Z., Kolko D. J., McCrae J., Libby A. M., Webb M.* Caregiver depression, mental health service use and child outcomes // *Child welfare and child well-being: New perspectives from the National survey of child and adolescent well-being* / M. B. Webb, K. Dowd, B. J. Harden, J. Landsverk, M. F. Testa (Eds). N. Y.: Oxford University Press, 2010. P. 351–379.
- Hemphill C.* Recommendations and solutions // *Child Welfare Watch*. 2009. V. 17. URL: <http://www.newschool.edu/milano/nycaffairs/documents/CWW-vol17.pdf> (дата обращения: 15.06.14).
- Nicholson J., Hinden B. R., Biebel K., Henry A. D., Katz-Leavy J.* A qualitative study of programs for serious mental illness and their children: Building practice-based evidence // *Journal of Behavioral Health Services and Research*. 2007. V. 10 (3). P. 51–65.
- Staudt M., Cherry D.* Mental health and substance use problems of parents involved with child welfare: are services offered and provided? // *Psychiatric Services*. 2009. V. 60. P. 56–60.

Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом*

А. А. Нестерова (Ставрополь)

anesterova77@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с факторами жизнеспособности семьи, в которой воспитывается ребенок с расстройствами аутистического спектра. Обсуждаются стрессовые факторы, влияющие на семью, а также выделяются защитные факторы в структуре личности родителей и в структуре всей семейной системы, обеспечивающие высокий уровень адаптивности семьи.

Ключевые слова: *расстройства аутистического спектра, жизнеспособность семьи, совладающее поведение, адаптация родителей, ребенок с аутизмом, позитивная социализация.*

Симптоматика расстройств аутистического спектра (РАС) чрезвычайно многообразна и проявляется при различных уровнях интеллектуального и речевого развития, начиная с раннего детства и сохраняясь на протяжении всей жизни человека (Лебединский, 1985; Морозов, 2012; Никольская, Баенская, Либлинг, 2007).

Дефицит возможностей социального взаимодействия и коммуникации у детей с РАС определяют особенности их общения внутри семьи: с родителями, прародителями, сиблингами, другими родственниками. Родителям детей с аутизмом сложнее, чем родителям нейротипичных детей, включиться в игру с ребенком, организовать совместную непринужденную деятельность, потому что есть

* Статья подготовлена в рамках госзадания в сфере научно-методической деятельности (проект № 3398 «Разработка модели сопровождения позитивной социализации детей с расстройствами аутистического спектра и сложными дефектами»), Министерство образования и науки РФ.

определенные ограничения, связанные с симптоматикой аутизма. Воспитание ребенка с РАС, сопровождение его в социальном развитии требует от семьи больших эмоциональных и энергетических затрат. Для того чтобы родители чувствовали себя компетентными и включенными в социализацию своего ребенка, необходимы, как минимум, три условия: 1) поддержка специалистов, педагогов и позитивный отклик от самих детей; 2) компетентность и осведомленность родителей в вопросе воспитания ребенка с РАС; 3) наличие свободного времени, дающего возможность реализовать свои интересы, не связанные с воспитанием ребенка; возможность черпать жизненные силы из других источников. К сожалению, вероятность того, что дети с РАС, имея дефицитарность в развитии коммуникативных навыков, смогут подкреплять родительскую включенность, активность, очень мала, так как эти дети не всегда способны инициировать контакт либо дать родителям адекватную ситуации обратную связь.

Родители детей с ограниченными возможностями здоровья затрачивают гораздо больше усилий в обучении и воспитании своего ребенка: много времени, моральных и материальных ресурсов тратится на ежедневное сопровождение ребенка, на присмотр за ним, его лечение и развитие, на оплату помощи и услуг разных специалистов. Учитывая множество проблем, связанных с уходом за ребенком с аутизмом, трудно недооценить весь масштаб влияющих на семью стресс-факторов. Этот стресс усиливается тревогой по поводу нестабильности состояния ребенка; низким уровнем понимания и толерантности по отношению к поведенческим особенностям ребенка с РАС со стороны окружения семьи; низким уровнем социальной поддержки со стороны других родителей, а порой даже и со стороны родных и близких.

Зарубежными исследователями выявлены у родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом, высокий уровень депрессии, тревожности, соматических жалоб, финансовых проблем (Higgins et al., 2005).

Исследователь П. Фонг утверждает, что среди групп родителей, воспитывающих детей с различными отклонениями в развитии, родители детей, страдающих аутизмом, более восприимчивы к отрицательным результатам. В первую очередь, это происходит вследствие постоянного давления длительно воздействующих негативных психосоциальных и средовых факторов (Fong, 1991). В ситуации отчаяния и борьбы с трудно преодолимыми проблемами, связанными с коммуникацией ребенка, в связи с крушением надежд на быстрые изменения и прогресс в развитии ребенка, родители детей с РАС общаются не только о более высоком уровне испытываемого стресса,

но и об отсутствии достаточного количества ресурсов для конструктивного совладающего поведения (Dunn et al., 2001).

Но если мы, как исследователи и помогающие семье специалисты, сосредоточимся только на рисках, дефицитах и проблемах, которые ежедневно преодолевают семьи детей с РАС, если мы не будем находить возможности для анализа позитивного опыта и ресурса таких семей, то вряд ли мы вообще сможем помочь данной категории семей, признавая и свою беспомощность в социализации ребенка с РАС и подкрепляя тем самым безнадежность и отчаяние борющихся за интересы своих детей родителей. Около двадцати лет назад А. Антоновский, автор теории салютогенеза («развитие здоровья»), писал, что если мы свои исследовательские вопросы будем формулировать в негативном ключе и спрашивать своих пациентов (клиентов) только о бедах и патологиях, то вряд ли мы достигнем успеха в решении их жизненных проблем и наметим пути выхода из отчаяния и болезни (Antonovsky, 1998).

На сегодняшний день исследования нарушений благополучия и преобладания деструктивных видов копинга у родителей, воспитывающих детей с РАС, преобладают в России за рубежом. Однако сконцентрируемся на меньшей по численности, но очень важной плеяде работ, посвященных жизнеспособности, жизнестойкости и конструктивному совладанию семьи в процессе воспитания особого ребенка.

Так, Т. Стэнтон и Х. Бессер (1998), проведя качественный анализ содержания бесед с родителями детей, имеющих ментальные нарушения, выявили, что воспитание особого ребенка может привести в развитие семейной системы к следующим позитивным моментам: 1) укреплению супружеского союза и взаимоподдержке; 2) увеличению уровня родительской включенности в процесс развития ребенка; 3) расширению социальной сети, вовлеченной в развитие ребенка, 4) духовному обогащению, изменению системы ценностей; 5) сплочению семьи, сближению ее членов; 6) повышению толерантности; 7) личностному росту; 8) качественному улучшению круга общения; 9) встречам с замечательными людьми: специалистами и профессионалами (Stainton, Besser, 1998). Другие авторы подчеркивают, что родители, воспринимающие стрессовые ситуации, связанные с заболеванием ребенка, как преодолимые, способны активно влиять на изменение ситуации, использовать более конструктивный копинг, в сравнении с родителями, которые считают, что нарушение в развитии ребенка – это безнадежная и неподвластная их силам ситуация (Baxter et al., 2000). Родители, опирающиеся на внутренние и внешние ресурсы, умеющие искать

и находить социальную поддержку, прибегающие к проблемно-ориентированным копинг-стратегиям, чувствуют себя гораздо более здоровыми и счастливыми. В противоположность этому, родители, которые постоянно полагаются на избегающее поведение, увеличивают свою уязвимость к появлению соматических болезней, нарушению эмоционального благополучия. «Избегающие», изолирующие себя от других людей родители отказываются от социальной поддержки, тем самым усиливая обособленность семьи от внешнего социального окружения, пренебрегая возможностями внешней помощи (Sloper, 1999).

Среди наиболее конструктивных стратегий совладания родителей детей с РАС выделяют: когнитивные стратегии переоценки ситуации, использование активного проблемно-ориентированного копинга, расширение доступа к внутренним и внешним ресурсам (открытость новому опыту); готовность искать социальную поддержку (Abidin, 1992).

В исследованиях, посвященных вопросам психологии семьи, в течение последних лет также наблюдается переход от теорий патогенеза и дефицитарности к моделям позитивного функционирования, благополучия и жизнеспособности. Так, были введены понятия «семейная жизнестойкость», «устойчивость», «жизнеспособность», «семейные ресурсы». Например, Г. МакКуббин и М. МакКуббин, рассматривая жизнеспособность семьи, определяют ее как «свойства и характеристики семьи, которые помогают семьям не разрушаться перед лицом перемен и проявлять адаптивность перед лицом кризисной ситуации» (McCubbin, McCubbin, 1988, p. 247). Д. Хоули и Л. ДиХан в своей концепции предлагают рассматривать жизнеспособность семьи не как набор факторов, а как процесс. По их мнению, важно рассмотреть всю траекторию преодоления трудной жизненной ситуации семьей: как она адаптируется к этой ситуации, как выходит из кризиса и как развивается в дальнейшем (Hawley, DeHaan, 1996).

Адаптация семьи включает в себя ряд этапов и состоит из множества компонентов: 1) стрессовые факторы и изменения, которые подрывают или ограничивают способность семьи к адаптации; 2) ресурсы, подразделяющиеся на психологические, внутрисемейные, социальные, на которые семья опирается в процессе адаптации; 3) представления членов семьи о стрессе и методах его преодоления (возможности активации необходимых ресурсов для адаптации); 4) поддержка, в том числе внутрисемейная и внешняя, которая способствует адаптации; 5) закономерности функционирования семейной системы, которые необходимо дополнить, изменить, пе-

решить в процессе адаптации к трудностям (McCubbin, Thompson, McCubbin, 1996).

А. В. Махнач и Ю. В. Постылякова с целью диагностики семейных ресурсов совладания со стрессом разработали и апробировали «Тест семейных ресурсов». Он включает следующие шкалы-факторы: 1) семейная поддержка; 2) физическое здоровье; 3) решение проблем; 4) семейные роли и правила; 5) эмоциональная связь в семье; 6) финансовая свобода; 7) семейная коммуникация; 8) управление семейными ресурсами (цит. по: Махнач, Прихожан, Толстых, 2013, с. 146–147). Ф. Уолш разработала модель процесса семейной жизнеспособности и выделила характеристики семьи, которые могут уменьшить стресс и уязвимость в кризисных ситуациях. Эта модель включает в себя систему семейных убеждений и верований; систему внешних и внутренних ресурсов семьи; взаимосвязи и совместное решение проблем (Walsh, 2003).

Проанализированные нами зарубежные исследования, посвященные факторам жизнеспособности семьи, ее адаптационному потенциалу, помогли определить основные *предикторы жизнеспособности семьи*, в которой растет ребенок с РАС. К ним можно отнести следующие условия:

1. Поддержка сиблингами ребенка с РАС очень позитивно влияет на адаптацию всей семейной системы (Howlin, Rutter, 1987).
2. Социально-экономический статус семьи играет важнейшую роль в адаптации семьи ребенка с РАС: гораздо лучше адаптируются семьи со средним достатком и достатком выше среднего. Это может быть обусловлено увеличением возможности таких семей лечить и развивать ребенка, прибегая к помощи различных специалистов, обеспечивая семье профессиональную поддержку (Greef, van der Walt, 2010).
3. Социальная поддержка также связана с жизнеспособностью семьи и позитивным результатом в социализации ребенка с РАС (Rivers, Stoneman, 2003).
4. Сплоченность, гибкость семьи и открытое общение между ее членами помогает лучше адаптироваться семье к ребенку с аутизмом (Bristol, 1984).
5. Семьи с внутренним локусом контроля демонстрируют более высокий уровень благополучия, нежели семьи, которые воспринимают свою жизнь исключительно как следствие внешних влияний (Henderson, Vandenberg, 1992).
6. Здоровые детско-родительские отношения и конструктивные родительские позиции приводят также к положительным результатам в функционировании всей семейной системы. Кон-

структивные стили воспитания ребенка предотвращают появления нездорового симбиоза между ребенком и родителем, предупреждают формирование «выученной беспомощности» ребенка с аутизмом (Rodrigue et al., 1993).

7. Принятие диагноза ребенка также помогает семье быстрее адаптироваться к ситуации воспитания ребенка с особыми потребностями (Powers, 2000).
8. Активный поиск информации о возможной помощи ребенку с РАС – еще одна конструктивная стратегия, связанная с жизнеспособностью семьи. Поиск информации позволяет родителям действовать, принимать конкретные решения и делать шаги с целью наиболее эффективной социализации ребенка с аутизмом (Rodrigue et al., 1993). Эта стратегия помогает родителям самостоятельно оказывать экстренную помощь ребенку в регуляции его эмоциональных состояний, позволяет купировать нежелательные формы поведения без привлечения специалистов, которых может не оказаться в какой-либо момент рядом.
9. Совместные праздники и совместное проведение досуга также коррелирует с высокими показателями жизнеспособности семьи. Важно, чтобы семья получала удовольствие от совместного времяпровождения. Также исследователями было отмечено, что у каждого члена семьи должна быть возможность какое-то время посвятить себе, в отрыве от постоянных забот о ребенке, при этом не испытывая невротической вины и тревог за ребенка, который находится в это время под присмотром другого заботливого члена семьи или специалиста (Powers, 2000).

Проведенное нами исследование на выборке матерей, имеющих детей с РАС, выявило в структуре их жизнеспособности более низкие показатели позитивных когнитивных установок и гибкости, эмоционального контроля и саморегуляции, адаптивных совладающих стратегий поведения, но при этом позволило отметить более высокие показатели их способности к самомотивации и достижениям. Примечательно, что в структуре жизнеспособности у матерей детей с РАС показатель самоуважения выше, чем у матерей, имеющих нейротипичных детей (Нестерова, Ковалевская, 2015). Этот факт позволяет говорить о том, что матери детей с РАС понимают, что для того, чтобы справиться с трудной жизненной ситуацией, они должны опираться на собственную ценность и внутренние ресурсы.

В заключение стоит отметить, что нам еще только предстоит изучить все многообразие факторов, влияющих на жизнеспособность семей ребенка с аутизмом, а также переменных, определяющих жизнеспособность каждого из родителей. Мы убеждены в пер-

спективности именно такого рода исследований, ориентированных на выявление ресурсов и потенциалов семьи, а также отдельной личности, потому что именно эти силы позволяют не сломиться человеку и семейной системе в целом в противостоянии тяжелым нарушениям в развитии ребенка. Нашу убежденность подкрепляют существующие данные о том, что огромное количество авторитетных во всем мире общественных организаций, фондов помощи людям с РАС организованы именно родителями детей с аутизмом. Ими же разработаны многие инновационные, перспективные технологии обучения и развития социальных навыков детей с особенностями в развитии. Эти родители часто являются инициаторами внедрения новых эффективных практик инклюзии детей с ОВЗ. И в России, и за рубежом родители детей с аутизмом представляют собой очень активную жизнеспособную группу людей, имеющую мощные ресурсы для решения проблем социализации и обучения своих детей, достигающую в своей активности заметных результатов. Перспектива дальнейших исследований видится в углублении знаний о природе развития внешних ресурсов и внутренних потенциалов конструктивного типа семейной и родительской активности в вопросах обеспечения позитивной социализации ребенка с аутизмом.

Литература

- Лебединский В. В.* Нарушения психического развития у детей: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Морозов С. А.* Аутизм – 2012: достижения науки и перспективы практики // Сибирский вестник специального образования. 2012. № 2 (6). С. 70–78.
- Нестерова А. А., Ковалевская Н. А.* Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2015. № 3.
- Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М.* Аутичный ребенок. Пути помощи. Изд. 8-е. М.: Теревинф, 2014.
- Abidin R.* The determinants of parenting behavior // Journal of Clinical Child Psychology. 1992. V. 21 (4). P. 407–412.
- Antonovsky A.* The sense of coherence: An historical and future perspective / H. I. McCubbin, E. A. Thompson, A. I. Thompson, J. E. Fromer

- (Eds) // *Stress, coping and health in families: Sense of Coherence and resiliency*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998. P. 3–20.
- Baxter C., Cummings R., Yiolitis L.* Parental stress attributed to family members with and without disability: A longitudinal study // *Journal of Intellectual & Developmental Disability*. 2000. V. 25 (2). P. 105–119.
- Bristol M. M.* Family resources and successful adaptation to autistic children / E. Schopler, G. B. Mesibov (Eds) // *The effects of autism on the family*. N. Y.: Plenum, 1984. P. 289–310.
- Dunn M. E., Burbine T., Bowers C. A., Tantleff-Dunn S.* Moderators of stress in parents of children with autism // *Community Mental Health Journal*. 2001. V. 37 (1). P. 39–52.
- Fong P.* Cognitive appraisals in high and low stress mothers of adolescents with autism // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1991. V. 59. P. 471–474.
- Greef A. P., van der Walt K.* Resilience in families with an Autistic child. *Education and Training in Autism and Developmental Disabilities*. 2010. V. 45 (3). P. 347–355.
- Hawley D. R., DeHaan L.* Toward a definition of family resilience: Integrating life-span and family perspectives // *Family Process*. 1996. V. 35. P. 283–298.
- Henderson D., Vandenberg B.* Factors influencing adjustment in the families of autistic children // *Psychological Reports* 1992. V. 71. P. 167–171.
- Higgins D. J., Bailey S. R., Pearce J. C.* Factors associated with functioning style and coping strategies of families with a child with autism spectrum disorder // *Sage Publications and the National Autism Society*. 2005. V. 9 (2). P. 125–137.
- Howlin P., Rutter M.* *Treatment of autistic children*. N. Y.: John Wiley & Sons, 1987.
- McCubbin H. I., Thompson A. I., McCubbin M. A.* *Family assessment: resiliency, coping and adaptation – Inventories for research and practice*. Madison, WI: University of Wisconsin System, 1996.
- McCubbin H. L., McCubbin M. A.* Typologies of resilient families: Emerging roles of social class and ethnicity // *Family Relations*. 1988. V. 37. P. 247–254.
- Sloper P.* Models of service support for parents of disabled children. What do we know? What do we need to know? // *Child: Care, Health and Development*. 1999. V. 25 (2). P. 85–99.
- Powers M. D.* *Children with autism: a parents' guide*. Bethesda: Woodbine House, 2000.
- Rivers J. W., Stoneman Z.* Sibling relationships when a child has autism: marital stress and support coping // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2003. V. 33. P. 383–394.

- Rodrigue J. R., Geffken G. R., Morgan S. B.* Perceived competence and behavioral adjustment of siblings of children with autism // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 1993. V. 23. P. 665–674.
- Stainton T., Besser H.* The positive impact of children with an intellectual disability on the family // *Journal of Intellectual & Developmental Disability*. 1998. V. 23 (1). P. 57–70.
- Walsh F.* *Normal family processes: growing diversity and complexity* (3rd ed.). N. Y.: Guilford Press, 2003.

Раздел VI

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ ДИАГНОСТИКИ СЕМЬИ И ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Посттравматический стресс, вызванный разводом родителей

Т. Д. Азарных (Воронеж)

azarnykh_t@mail.ru

Установлено что каждый шестой молодой человек (N=2164) независимо от пола пережил стресс, вызванный разводом родителей. В 5% случаев у девушек и 6,3% у юношей развод родителей является причиной посттравматического стресса (ПТС). Длительный ПТС, вызванный разводом родителей, случившемся в подростковом возрасте респондентов, протекает по типу, характерному для взрослых. Это проявляется в наличии специфичных для ПТС показателей по тестам MS, IES-R, MAS, BDI, психопатологическим симптомам по тесту SCL-90-R, алкогольном и суицидальном поведении, а также сопровождается личностными изменениями, выявляемыми профилем СМИЛ.

Ключевые слова: развод родителей, ПТС, юношеский возраст, пол.

Посттравматический стресс (ПТС) и его крайняя форма в виде посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) возникают после стресса, связанного с переживанием страха в срок от одного до шести месяцев и имеют определенный комплекс симптомов (Тарабрина, 2008). Наиболее частой причиной ПТС в подростковом возрасте (до 20 лет) является плохое обращение в детстве – насилие и пренебрежение (Nooner et al., 2012). Однако некоторые специалисты развод родителей также отнят к психотравме, способной вызвать ПТСР (Elklit, 2002). Эпидемиологическое международное исследование (21 страна, 51945 взрослых) показало, что развод родителей является психотравмирующим фактором: а) в возрасте 12–19 лет и б) в странах со средним и низким уровнем доходов (Kessler et al., 2010). В последнее время установлено, что траектория течения ПТСР

также связана с уровнем доходов семьи (Nikulina et al., 2011) и страной проживания респондентов (Atwoli et al., 2015).

Целью исследования являлось изучение выраженности показателей ПТС у юношей и девушек, переживших развод родителей. В качестве гипотезы служило предположение о том, что ПТС, вызванный разводом родителей, по картине течения не отличаются от ПТС взрослых.

Определялись следующие показатели: уровни 1) ПТС по двум специфичным для него шкалам: а) Миссисипская шкала, гражданский вариант (MS) (Т. М. Keane) и б) шкала оценки влияния травматических событий (IES-R) с субшкалами вторжение (IN), избегание (AV), физиологическая реактивность (AR) (М. J. Horowitz); 2) депрессии (BDI) с субшкалами аффективно-когнитивная (A-C) и соматическая (P-S) (А. Beck); 3) Опросника оценки выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R) с девятью шкалами: соматизации (SOM), обсессивно – компульсивного расстройства (O-C), межличностной сензитивности (INT), депрессии (DEP) и дополнительной шкалы для ее дифференциальной диагностики (ADD), тревожности (ANX), враждебности (HOS), фобической тревожности (PHOB), паранойяльных симптомов (PAR), психотизма (PSY) и тремя индексами PST, GSI, PSDI, первый из которых представляет собой сумму выраженности всех симптомов, второй – уровень тяжести дистресса, третий – симптоматического дистресса (L. Derogatis); 4) стрессорной нагрузки (LEQ). Все тесты адаптированы на российской выборке (Тарабрина и др., 2007). Выявлялись также суицидальные идеации (СИ) по наличию положительных ответов на вопрос о суициде в трех тестах MS, BDI и SCL-90-R и последующей беседе. Кроме того, определялись личностные особенности и выраженность личностных характеристик по дополнительным шкалам опросника СМИЛ, а также уровень тревожности по шкале Тейлор (J. Taylor, MAS) и шкале оценки алкоголизма AL (Собчик, 2001).

В исследовании, проводившемся в 2003–2011 гг., на начальном этапе приняло участие 2194 студента воронежских государственных вузов очной формы обучения в возрасте 18–20 лет (1595 девушек и 599 юношей). Окончательно в группу с ПТС, вызванным разводом родителей (ПТС-развод), вошли 24 девушки и 9 юношей, в контрольную – 549 девушек и 286 юношей. Во всех случаях после стресса, приведшего к ПТС, прошло не менее полугода.

Все данные представлены в виде среднего (M) и стандартного отклонения (SD), однако при определении достоверности разницы между группами использовались как параметрические, так и непараметрические критерии (t-критерий Стьюдента и U-критерий

Манна–Уитни соответственно) в зависимости от распределения данных в выборке (по критерию Колмогорова – Смирнова). Кроме того, проводился анализ таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2 -Пирсона (с поправкой на непрерывность). При статистической обработке данных использовалась программа SPSS (версия 13).

Установлено (на выборке в 2194 человека), что 17,8% девушек и 16,4% юношей т. е. каждый шестой, независимо от пола, отмечает наличие в своей жизни такого стресса, как развод родителей: без статистически значимой разницы между полами – критерий Пирсона $\chi^2=0,536$, $p=0,464$. Отмечается «перекос» выборки в сторону женщин. Средний возраст (M) на момент этого стресса приходится у девушек на 9,5 лет ($SD=5,79$), юношей – 9,6 ($SD=5,34$). Этот стресс является причиной ПТС в 6,3% у юношей и 5% у девушек (от группы ПТС), без статистически значимой разницы между полами ($\chi^2=0,125$, $p=0,723$). Среднее время (M) переживания в группе ПТС-развод составляет у девушек 5,1 года ($SD=4,13$), юношей – 4,3 ($SD=4,09$); сами стрессы произошли в подростковом возрасте: у девушек в возрасте (M) 13,5 лет ($SD=4,2$), юношей – 14,5 ($SD=4,4$).

В группе ПТС-развод, по сравнению с контрольной, независимо от пола, выше выраженность как специфичной для ПТС MS, так и показателей коморбидной депрессии BDI и обеих ее субшкал – аффективно-когнитивной, соматической, всех девяти шкал, шкалы ADD и всех трех индексов (SCL-90-R), а также тревожности MAS (таблица 1).

При этом между суммарным индексом PST и каждым из показателей шкал, а также шкалой ADD существует высокая корреляционная зависимость: все коэффициенты корреляций (Спирмена) находятся в интервале от 0,714 до 0,914 у девушек и от 0,745 до 0,996 у юношей ($p=0,000$ во всех случаях). Это значит, что в группе ПТС-развод выше уровень не отдельно взятых симптомокомплексов в различной комбинации, а одновременно всех: тревожности (дрожь, паника и ожидание негативных вариантов развития событий), фобической тревожности (страхи), депрессии (сниженное настроение, отсутствие энергии, сил и удовольствия от жизни), обсессивности – компульсивности (переживание мыслей, импульсов, действий как непрерывных, непреодолимых и чуждых Я), соматизации (телесные боли и недомогания), межличностной сензитивности (чрезвычайная чувствительность и негативные ожидания в любых коммуникациях), враждебности (агрессия, раздражительность, гнев, негодование), паранойяльности (подозрительность, страх потери независимости), психотизма (одиночество, ощущение, что с телом и рассудком не все в порядке), а также нарушений сна и пищевого поведения.

Таблица 1

Выраженность показателей в группах ПТС, вызванных разводом родителей, в группах: ПТС-развод и контрольной (КГ) с учетом фактора пола

Показатели	Девушки						Юноши					
	ПТС-развод			КГ			ПТС-развод			КГ		
	M	SD		M	SD	P	M	SD		M	SD	P
MS	98,0	24,01	2605	75,5	11,89	0,000	98,3	24,16	73,3	11,22	6,284	0,000
IN	16,2	9,55	-	-	-	-	11,4	7,42	-	-	-	-
AV	22,9	6,75	-	-	-	-	18,1	6,85	-	-	-	-
AR	16,0	9,24	-	-	-	-	10,9	5,33	-	-	-	-
IES-R	55,1	21,92	-	-	-	-	40,4	18,12	-	-	-	-
SOM	0,94	0,673	3595,5	0,48	0,391	0,000	0,88	0,812	0,32	0,293	689	0,017
O-C	1,12	0,639	3238,5	0,58	0,43	0,000	1,47	1,068	0,48	0,429	515,5	0,002
INT	1,37	0,741	3110,5	0,72	0,529	0,000	1,44	0,834	0,49	0,42	394	0,000
DEPR	1,26	0,809	2848	0,53	0,436	0,000	1,26	0,702	0,33	0,324	263,5	0,000
ANX	1,18	0,794	2793	0,45	0,426	0,000	1,06	0,844	0,23	0,278	494,5	0,001
HOS	1,16	0,806	3320	0,48	0,422	0,000	1,17	0,87	0,33	0,371	432	0,001
PHOB	0,58	0,51	3528,5	0,2	0,277	0,000	0,65	0,596	0,12	0,185	521,5	0,001
PAR	1,16	0,745	2824	0,48	0,438	0,000	1,56	1,146	0,43	0,425	497	0,001

Показатели	Девушки						Юноши					
	ПТС-развод		КГ		Достоверность разницы между группами		ПТС-развод		КГ		Достоверность разницы между группами	
	M	SD	M	SD	U, t	p	M	SD	M	SD	U, t	p
PSY	0,8	0,646	0,28	0,331	3070	0,000	0,79	0,862	0,18	0,243	728,5	0,021
ADD	0,99	0,847	0,39	0,396	3513	0,000	1,08	0,892	0,29	0,31	550	0,003
PST	53,5	20,55	30,8	17,01	2627,5	0,000	52,0	26,08	22,5	15,41	434,5	0,001
PSDI	1,67	0,501	1,3	0,305	3492,5	0,000	1,73	0,5	1,21	0,314	424	0,001
GSI	0,92	0,539	0,47	0,319	2970	0,000	1,13	0,791	0,32	0,249	400	0,000
A-C	8,4	6,61	3,7	3,52	3469,5	0,000	7,9	5,53	3,1	3,09	541	0,003
S-P	4,9	3,88	2,1	2,13	3331	0,000	5,6	2,65	1,3	1,9	197,5	0,000
BDI	13,3	9,87	5,7	5,09	3298	0,000	13,4	7,38	4,4	4,36	282	0,000
KC	5,0	3,17	3,0	2,0	3928	0,001	5,4	2,51	3,1	2,15	566,5	0,004
ОБС	15,3	10,64	6,9	5,74	2647	0,000	19,1	11,2	6,0	4,89	251,5	0,000
ИТ	3,2	0,97	2,2	0,91	3040	0,000	3,4	0,9	1,9	0,77	242	0,000
N	24	-	549	-	-	-	9	-	286	-	-	-
MAS	23,3	6,65	18,0	6,84	3365	0,001	23,3	7,13	13,2	6,03	311	0,001
N	22	-	537	-	-	-	8	-	267	-	-	-

Установленная «спаянность» показателей шкал отмечается и другими исследователями ПТСР (Тарабрина, 2008), что свидетельствует о сходстве со взрослыми в картине течения юношеских ПТС.

Уровень IES-R в группе ПТС-развод также свидетельствует о наличии выраженного ПТС. Уровень депрессии BDI в группе ПТС-развод независимо от пола характеризуется как умеренно выраженный (Тарабрина и др., 2007).

В группе ПТС-развод выше также и стрессовая нагрузка, определяемая как по количеству стрессов КС, так и по их общему баллу ОБС и индексу травматизации ИТ. Это значит, что в группе ПТС-развод выше количество пережитых стрессов и они являются более актуализированными, т. е. менее проработанными личностью и интегрированными в жизненный опыт. Выраженность индекса травматизации (больше 3 баллов) независимо от пола также свидетельствует о наличии ПТС (Тарабрина и др., 2007). В группе ПТС-развод выше частота встречаемости определенных видов стрессов по сравнению с контрольной группой (номера стрессов указаны по опроснику LEQ): у девушек попытки сексуального насилия (№ 32) в 3,4 раза (16,7% и 4,9%, $\chi^2=4,119$, $p=0,042$), нападение без оружия, с причинением травмы (№ 34) – в 4,3 раза (12,5% и 2,9%, $\chi^2=3,940$, $p=0,047$), получение серьезного повреждения (№ 9) – в 4,8 раза (16,7% и 3,5%, $\chi^2=7,263$, $p=0,007$), наличие в истории жизни серьезной экономической нужды (№ 23) – в 5,8 раза (16,7% и 2,9%, $\chi^2=10,778$, $p=0,001$), попытки ограбления (проникновение в дом в присутствии респондента) (№ 2) – в 3,6 раза (16,7% и 4,6%, $\chi^2=4,727$, $p=0,030$). Это значит, что в группе ПТС-развод выше частота встречаемости тяжелых стрессов, связанных с насилием, экономической нуждой, телесными повреждениями. Между тем установлено, что наличие в истории жизни стрессов, связанных с насилием, увеличивает тяжесть течения ПТС как у подростков (Copeland et al., 2007), так и у взрослых (Widom, 1999).

У юношей выше частота встречаемости в 4 раза двух видов стрессов – опасного для жизни заболевания (№ 16) (33,3% и 7,7%, $\chi^2=4,460$, $p=0,035$) и эмоционального пренебрежения (№ 25) (33,3% и 8,4%, $\chi^2=3,873$, $p=0,049$). Между тем показано, что тяжелые соматические заболевания в подростковом возрасте утяжеляют течение ПТС (Nooner et al., 2012). Кроме того, эмоциональное пренебрежение зарубежными специалистами рассматривается как вариант плохого обращения с ребенком, и если оно не вызывает ПТС, то утяжеляет его течение (Widom, 1999).

Таким образом, при более высокой вообще стрессовой нагрузке в группе ПТС-развод в ней выше частота встречаемости тех стрес-

сов, для которых показана связь с тяжестью течения ПТС. Поэтому снижение стрессовой нагрузки, связанной с насилием и пренебрежением, будет «работать» на превенцию тяжести ПТС.

ПТС-развод сопровождается также личностными изменениями, выявляемыми СМИЛ. Независимо от пола в этой группе выше выраженность шести клинических шкал пессимистичности 2, импульсивности 4, ригидности 6, тревожности 7, индивидуалистичности 8, социальной интроверсии 0, а также оценочной достоверности F и ниже другой – коррекции K (см. таблицу 2).

Кроме того, у девушек выше также выраженность шкал невротического сверхконтроля 1, эмоциональной лабильности 3, а у юношей – оптимистичности 9. Профиль у девушек в контрольной группе имеет вид 5498F2, при этом все шкалы не выходят за границу в 62 балла, т. е. он является нормативным для данной возрастной группы.

В группе ПТС-развод профиль имеет вид 8'42F7653910, является акцентуированным по трем первым шкалам, выраженность акцентуации по ведущей шкале индивидуалистичности 8 свидетельствует о временах нарушающейся социальной адаптации. Такой профиль свидетельствует о наличии эмоциональной нестабильности, субъективности восприятия, связанной с переживанием ПТС, отгороженности от других, наличии внутреннего конфликта (двойной пик на шкалах противоположного регистра пессимистичности 2 и импульсивности 4), при наличии которого велика вероятность появления проблем с соматическим здоровьем (Собчик, 2003).

У юношей профиль в контрольной группе имеет вид 9842F375, при этом все шкалы не выходят за границу в 62 балла, т. е. он является нормативным, несмотря на присутствие в числе ведущих шкалы 8. В группе ПТС-развод профиль имеет вид 87F294'60315, является сильно акцентуированным по пяти клиническим шкалам. Он свидетельствует об эмоциональной напряженности или личностной дезинтеграции (шкала F), субъективности восприятия, отгороженности от других, ощущении своей «инакости», наличии внутреннего конфликта, а также выраженных колебаниях настроения по типу циклотимии, закрепленной на уровне личностных особенностей. Таким образом, несмотря на сопряженные с полом различия в профиле СМИЛ, общим является наличие внутреннего конфликта. Такие профили являются опасными в плане появления кроме соматических заболеваний также алкогольного и суицидального поведения (Собчик, 2003).

Действительно, в группе ПТС-развод, по сравнению с контрольной, выше выраженность шкалы алкоголизма AL как у де-

Таблица 2

Значения показателей шкал СМИЛ в группах: ПТС-развод и контрольной (КГ) с учетом фактора пола

Шкалы СМЛ	Девушки						Юноши											
	ПТС-развод			КГ			Достоверность разницы между группами			ПТС-развод			КГ			Достоверность разницы между группами		
	M	SD		M	SD		U, t	p		M	SD		M	SD		U, t	p	
Лжи (L)	43,5	6,77	44,0	5,95	5384,5	0,474			42,5	5,53	46,0	6,55	723,5	0,115				
Достоверности (F)	64,7	8,75	58,2	7,44	3216	0,000			71,6	12,39	59,9	8,00	454,5	0,005				
Коррекции (K)	49,1	6,86	52,7	7,06	4125	0,016			46,8	7,13	55,2	6,53	430,5	0,004				
Невротического сверхконтроля (1)	59,1	11,01	52,7	8,31	3778,5	0,004			59,0	8,90	55,0	8,80	785,5	0,200				
Пессимистичности (2)	67,0	13,87	56,2	9,85	3091	0,000			71,4	9,38	60,5	11,48	465,5	0,006				
Эмоциональной лабильности (3)	61,2	11,02	54,3	8,66	3804	0,005			59,5	10,89	56,8	8,73	832,5	0,287				
Импulsiveивности (4)	68,3	12,17	61,3	10,38	3857	0,006			70,9	11,67	61,4	10,15	2,602	0,010				
Мужественности-женственности (5)	62,8	8,43	62,2	8,37	5666	0,745			57,8	4,40	55,5	9,04	0,697	0,486				
Ригидности (6)	63,1	12,4	55,3	10,49	3710,5	0,003			65,8	14,23	53,5	9,09	515,5	0,012				
Тревожности (7)	63,3	11,04	55,1	8,44	3265,5	0,000			71,8	11,66	56,8	9,98	334,5	0,001				
Индивидуальности (8)	70,8	13,61	58,7	8,97	2787,5	0,000			79,0	13,61	61,8	11,22	331	0,001				
Оптимистичности (9)	60,9	11,54	60,6	10,7	5728,5	0,81			71,1	8,20	63,4	9,67	559	0,021				
Социальной интроверсии (0)	58,6	8,85	52,7	8,18	3684,5	0,003			60,4	5,85	51,2	7,97	371,5	0,002				
N	22	-	537	-	-	-	-	-	8	-	267	-	-	-	-	-	-	

вушек ($M=48,2$, $SD=8,08$ и $M=40,7$, $SD=9,16$, $t=3,799$, $p=0,000$), так и у юношей ($M=55,1$, $SD=9,46$ и $M=46,8$, $SD=8,34$, $U=466$, $p=0,023$).

В группе ПТС-развод группе независимо от пола выше и частота встречаемости СИ. У девушек, по сравнению с контрольной группой, она выше в 2,8 раза (45,8% и 16,2%, $\chi^2=12,025$, $p=0,001$), у юношей – в 4,5 раза (44,4% и 9,8%, $\chi^2=7,548$, $p=0,006$). Это значит, что ПТС, вызванные разводом родителей, являются суицидоопасными: независимо от пола каждый второй молодой человек думает о самоубийстве.

Выводы

1. Каждый шестой молодой человек в возрасте до 19 лет пережил такой стресс, как развод родителей, средний возраст на момент стресса составляет 9,5 лет.
2. В 5% случаев у девушек и 6,3% у юношей этот стресс является причиной ПТС.
3. Длительно текущие ПТС, вызванные разводом родителей, несмотря на подростковый возраст их получения, протекают по типу, характерному для взрослых. Это проявляется в наличии высокого уровня специфичных для ПТС MS, IES-R, а также коморбидных тревожности MAS, депрессии BDI, психопатологической симптоматики (SCL-90-R).
4. Длительно текущие ПТС сопровождаются также личностными изменениями, выявляемыми СМИЛ. Профили СМИЛ в группе ПТС, вызванного разводом родителей, независимо от пола свидетельствуют о временах нарушающейся социальной адаптации и выражающейся в субъективности восприятия, отгороженности от других, наличии внутреннего конфликта, эмоциональной нестабильности у девушек и эмоциональной напряженности у юношей.
5. Независимо от пола ПТС, вызванный разводом родителей, сопровождается увеличением выраженности алкогольного и суицидального поведения. Каждый второй молодой человек независимо от пола думает о самоубийстве. При этом наличие высокой шкалы импульсивности 4 увеличивает риск совершения импульсивных суицидов, т. е. совершаемых без предварительной подготовки.
6. Предотвращением тяжести ПТС является снижение стрессовой нагрузки, в первую очередь связанной с насилием и пренебрежением.

Литература

- Собчик Л. Н.* Компьютерная программа к психодиагностическому тесту СМИЛ (вариант 3). Лицензия 05324. М.: Институт практической психологии, 2001.
- Собчик Л. Н.* СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2003.
- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса: интегративный подход: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2008.
- Тарабрина Н. В., Азарков В. А., Быховец Ю. В.* и др. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Atwoli L., Stein D. J., Koenen K. C., McLaughlin K. A.* Epidemiology of posttraumatic stress disorder: prevalence, correlates and consequences // *Current Opinion in Psychiatry*. 2015. V. 28. P. 307–311.
- Copeland W. E., Keeler G., Angold A., Costello E. J.* Traumatic events and posttraumatic stress in childhood // *Archives of General Psychiatry*. 2007. V. 64. P. 577–584.
- Elklit A.* Victimization and PTSD in a Danish national youth probability sample // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2002. V. 41. № 2. P. 174–181.
- Kessler R. C., McLaughlin K. A., Green J. G.* et. al. Childhood adversities and adult psychopathology in the WHO World Mental Health Surveys // *The British Journal of Psychiatry*. 2010. V. 197. P. 378–385.
- Nikulina V., Widom C. S., Czaja S.* The role of childhood neglect and childhood poverty in predicting mental health, academic achievement and crime in adulthood // *American Journal of Community Psychology*. 2011. V. 48. P. 309–321.
- Nooner K. B., Linares L. O., Batinjane J., Kramer R. A., Silva R., Cloitre M.* Factors related to posttraumatic stress disorder in adolescence // *Trauma, Violence & Abuse*. 2012. V. 13 (3). С. 153–166.
- Widom C. S.* Posttraumatic stress disorder in abused and neglected children grown up // *American Journal of Psychiatry*. 1999. V. 156. P. 1223–1229.

Взаимосвязь характеристик темперамента в диаде «родитель–ребенок»

А. С. Алексеева, А. В. Гизуллина (Екатеринбург)

nurochka_k@mail.ru gizullina@ya.ru

Работа посвящена исследованию проявлений основных черт темперамента внутри семьи. Изучаются взаимосвязи между признаками темперамента детей и родителей (35 семей; 93 чел.). Обнаружено, что количество совпадающих и близких типов темперамента у родителей и детей значимо выше, чем альтернативных. Получено, что сильнее связаны отдельные признаки темперамента, а не тип темперамента в целом.

Ключевые слова: темперамент, нейротизм, экстраверсия, внутрисемейные отношения, гипертимность, дистимность, циклотимность, импульсивность, конформность.

Одним из основополагающих вопросов современной психологии является детерминанты формирования индивидуальности человека. Интерес к ним связан с очевидностью существования психологических различий между людьми – различий по глубине, интенсивности, устойчивости эмоций, эмоциональной впечатлительности, темпу, энергичности действий и по другим динамическим индивидуально устойчивым особенностям психической жизни, поведения и деятельности, которые традиционно относятся к темпераменту (Русалов, 2003). Содержательный и понятийный аспекты темперамента и сегодня остаются во многом спорной и нерешенной проблемой. Отсутствует, например, единая точка зрения на те свойства, которые следует включать в темперамент (Абульханова, 1983). Неоднозначно понимается роль среды и воспитания в формировании темперамента, его место в структуре индивидуальности, специфика его собственной роли в регуляции деятельности и др. Нет дока-

зательств общесемейных влияний на формирование темперамента в семье (Равич-Щербо, Марютина, Григоренко, 2007).

В нашем исследовании предпринята попытка определить вклад внутрисемейных факторов в развитие индивидуально-типологических свойств темперамента и исследовать внутрисемейные проявления темперамента, предполагая, что существует связь между темпераментами родителей и детей, при этом темперамент родителей оказывает существенное влияние на компонентный состав темперамента детей (Ковалева, 2014).

Выборка и методы исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие 35 семей (93 чел.): 19 семей, в которых тестирование прошли оба родителя и 16 семей, в которых тестирование прошел хотя бы один родитель. В выборку вошли дети в возрасте 10 лет (18 девочек, 17 мальчиков), находящиеся по уровню развития в пределах нормы, не имеющие длительного опыта разлучения с семьей. Возраст детей был определен тем, что на данном этапе развития ребенка его функциональное состояние, а также основные психофизиологические и психоэмоциональные характеристики стабилизируются (Дубровинская, Фарбер, Безруких, 2000). Все дети посещали 5 класс общеобразовательной школы г. Екатеринбурга. В работе использовались характеристический опросник Г. Шмишека, детский и взрослый опросник Г. Ю. Айзенка и тест ЧХТ (черты характера и темперамента) (Крылов, Маничев, 2003). Математическая обработка данных включала корреляционный и дисперсионный анализ, угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

Анализ полученных результатов позволил выявить количество совпадающих, смежных и альтернативных типов темперамента у родителей и детей (см. таблицу 1).

Анализируя полученные данные, можно отметить, что число совпадений по исследуемым признакам темперамента у детей с матерью значительно, т. е. примерно в два раза, превышает совпадения с отцом. Это, возможно, свидетельствует о том, что форма проявления темперамента ребенка и его характеристики связаны преимущественно с темпераментом матери, а не отца (совпадений по темпераменту с матерью 25,7%, с отцом – 8,5%; совпадений по экстраверсии с матерью 40%, с отцом – 17%; совпадений по нейротизму с мате-

Таблица 1
Типы темперамента детей и родителей (в %)

Тип темперамент	Мать	Отец	Оба родителя
совпадающий	25,7*	8,5*	5,7
Смежный по нейротизму	40*	17*	8,5
Смежный по экстраверсии	40*	17*	14,2
альтернативный	24*	66*	31

Примечания: * – различия мать–отец достоверны; $\varphi > \varphi_{кр}$; $p < 0,05$.

рю 40%, с отцом – 17%). Также становится понятно, что в системе родитель–ребенок сильнее проецируются отдельные признаки темперамента, а не темперамент целиком (нейротизм – 65,7%, экстраверсия – 71,4%, темперамент – 40%), однако общая сумма совпадающих и близких значений темперамента довольно велика (40% совпадений и 31% близких).

Наличие и характер связей между отдельными признаками темперамента в диаде «родитель–ребенок» представлены в таблице 2.

Анализ коэффициентов корреляций внутрипарных корреляций в диаде «родитель–ребенок» выявил группу шкал, по которым наблюдается внутрипарное сходство между членами семьи. К этой группе относятся шкалы: нейротизм, тревожность, конформность. Так же определилась группа шкал с обратной связью. К этой группе относятся шкалы: гипертимности, дистимности, эмоциональной лабильности, экстраверсии и импульсивности. Ряд исследуемых параметров имеет различное направление связей в системах ребенок–мать и ребенок–отец. К ним относятся коммуникативная негативность и коммуникативная позитивность, циклотимность. В диаде «ребенок–мать» наблюдается положительная связь по шкале нейротизма, отрицательные значения корреляций таких характеристик темперамента, как экстраверсия и характерологических свойств: дистимность, импульсивность. Отрицательная корреляция между данными показателями, возможно, связана с действием компенсаторных механизмов у матери. Диада «отец–ребенок» показала высокие значения по таким шкалам, как коммуникативная позитивность и конформность. Также наблюдается наличие отрицательной связи между такими характеристиками темперамента, как коммуникативная негативность и чертами характера (гипертимность, циклотимность). Отрицательная корреляция между данными признаками объясняется действием компенсаторных механизмов отца.

Таблица 2
Корреляции психологических показателей в семейных диадах

	Комму- никатив- ная нега- тивность	Комму- никатив- ная пози- тивность	Нейро- тизм	импуль- сив- ность	цикло- тим- ность	тревож- ность	Эмоцио- нальная лабиль- ность	Экстра- версия	гипер- тим- ность	дистим- ность	конформ- ность
Ребенок- мать			0,41	-0,38			-0,56	-0,58		-0,34	
Ребенок- отец	-0,65	0,54			-0,64				-0,40		0,62
Мать-отец	0,61	-0,36			0,86	0,66					0,77

Примечание: $r > r_{кр}$, $p < 0,05$.

Внутри родительской пары также наблюдается взаимосвязь между исследуемыми характеристиками темперамента. В паре положительно связаны между собой тревожность, коммуникативная негативность, циклотимность и конформность, отрицательно-коммуникативная позитивность. Такие взаимосвязи могут характеризовать процессы сохранения стабильной семьи. Наличие многочисленных прямых и обратных связей в диаде «родитель–ребенок» подтверждает механизм преемственности этих черт внутри семьи. Высокие значения коэффициентов корреляций по показателям нейротизма, экстраверсии, а также другим характеристикам темперамента позволяют предположить, что существует возможность успешного предсказания этих характеристик у детей на основании их выраженности у родителей.

Проведенный однофакторный дисперсионный анализ (Лупандин, 2002) позволяет сравнить силу влияния внутрисемейных факторов формирования темперамента на его основополагающие характеристики, такие как экстраверсия – интроверсия и нейротизм (см. таблицу 3).

Согласно полученным данным, экстраверсия и нейротизм обоих родителей достоверно влияют на формирование подобных характеристик темперамента ребенка. Однако если в случае нейротизма вклад матери практически равнозначен вкладу отца, то в случае экстраверсии материнское влияние значительно превышает отцовское.

Таким образом, можно сделать вывод, что характеристики темпераментов в диада «родитель–ребенок» достоверно взаимосвязаны. Количество совпадающих и близких типов темперамента у родителей и детей значимо выше, чем альтернативных. При этом сильнее оказываются связаны отдельные признаки темперамента, а не тип темперамента в целом. Семья вносит значимый вклад в процесс формирования темперамента, при этом большее влияние на характеристики темперамента ребенка оказывают темперамент матери, а не отца.

Таблица 3

Показатели характеристик темперамента родителей и детей

	Экстраверсия матери	Экстраверсия отца	Нейротизм матери	Нейротизм отца
Экстраверсия ребенка	90,9	9,84		
Нейротизм ребенка			31,4	30,5

Примечание: $F > F_{кр}$, $p < 0,05$.

Литература

- Абульханова К. А.* О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 14–29.
- Дубровинская Н. В., Фарбер Д. А., Безруких М. М.* Психофизиология ребенка: Психофизиологические основы детской валеологии. М.: Владос, 2000.
- Ковалева Ю. В.* Семья как объект исследования психологических основ регуляции поведения // Семья, брак и родительство в современной России / Под ред. Т. В. Пушкаревой, М. Н. Швецово́й, К. Б. Зуева. М.: Когито-Центр, 2014. С. 97–101.
- Лупандин В. И.* Математические методы в психологии. 3-е изд. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
- Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии* / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. М.: Питер, 2003.
- Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. А.* Психогенетика // Новости науки и техники. Сер. Медицина. Психиатрия. М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 2007. № 2. С. 28.
- Русалов В. М.* Темперамент и характер человека: поиск природных предпосылок // Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Сборник трудов. М., 2002. С. 391–400.

Отношения «отчим–ребенок жены» в семьях повторного брака

Т. Е. Аргентова, В. В. Колотилина (Кемерово)
argentovat@gmail.com, vikolotilina@yandex.ru

Статья посвящена проблеме взаимоотношений отчима с ребенком (детьми) жены в повторнобрачных семьях. В статье представлена авторская типология семей повторного брака, приведены результаты исследования взаимоотношений в системе «родитель – ребенок» в повторнобрачных семьях разного типа. Делается вывод о том, что 1) отсутствие негативного опыта переживания отчимом развода и оставленных детей улучшает отношение отчима к ребенку супруги; 2) рождение общих детей придает целостность семье и улучшает отношение отчима к ребенку супруги.

Ключевые слова: повторный брак, типология повторного брака, родительское отношение, когнитивный компонент родительского отношения, эмоциональный компонент родительского отношения, поведенческий компонент родительского отношения.

В современном российском обществе становится все более популярным повторный брак, который создается людьми, ранее состоявшими в брачных отношениях и имеющими детей. Согласно статистическим данным, основная масса разводов и повторных браков в России приходится на возраст до 40 лет – возраст наибольшей любовной, сексуальной и детородной активности. В исторической ретроспективе преобладали повторные браки вдов и вдовцов. В настоящее время повторный брак чаще бывает у людей, переживших развод.

В российской действительности после развода дети, как правило, остаются с матерью и семья повторного брака чаще всего образуется женщиной с ребенком (детьми) и мужчиной, находящимся в разводе или неженатым. Ключевым моментом в повторнобрачной

семье становится установление отношений отчима с детьми жены от предыдущего брака. Эти отношения подчас становятся дестабилизирующим фактором для вновь созданной семьи. Полноценное включение супруга в процесс воспитания ребенка жены при сохранении для ребенка роли родного (биологического) отца становится, по мнению О. А. Карабановой (Карабанова, 2005), одной из наиболее сложных проблем новой семьи.

Роль отчима – одна из самых сложных для мужчин, и период ее освоения проходит сложнее, чем у женщин. Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое можно обозначить как «вынужденное родительство» для мужчины. Действительно, часть мужчин-отчимов воспринимают ребенка жены как «помеху в супружеской жизни», ведь они полюбили женщину, а не ее ребенка. Так, по данным ряда опросов, до 40% мужчин из семей повторного брака согласны с утверждением: «Если бы у жены не было ребенка, брак был бы более благополучным».

Сложности в отношениях отчима с ребенком жены также связаны, с одной стороны, с желанием женщины, чтобы новый муж буквально с первых дней семейной жизни относился к ее ребенку как к своему родному, чтобы он сразу взял всю ответственность за его воспитание на себя. А с другой стороны, жена может относиться к воспитательным действиям мужа чрезвычайно ревниво и придирчиво, особенно если речь идет о наказании ее ребенка, вставать на его защиту. Мужчины очень по-разному переживают это и выстраивают отношения с женой и пасынком (падчерицей).

Работ, посвященных анализу отцовского отношения, а тем более в повторном браке, совсем немного в отечественной психологии (Т. В. Андреева, Т. Ф. Велента, Т. А. Зинкевич-Куземкина, О. А. Карабанова, Н. И. Олифинович, В. М. Целуйко, Л. Б. Шнейдер). Потребность в научных знаниях о сущности, особенностях детско-родительских отношений в повторнобрачной семье и их последствиях для жизни ребенка возникает также у представителей различных сфер деятельности, работающих с детьми: воспитателей, педагогов, психологов, врачей.

Противоречивость мнений как отечественных, так и зарубежных авторов по поводу родительско-детских отношений в повторном браке указывает на сложность этих отношений. Родительско-детские отношения в повторнобрачной семье характеризуются множеством противоречий. Пределы такой семьи расплывчаты, отношения ребенка с биологическим и новым отцом сложны. Часто при этом высока вероятность неудач при возникновении конкуренции отчима с родным отцом ребенка.

Наша практика консультативной работы с семьями повторного брака позволила выделить 4 типа семей повторного брака, исходя из следующих основных критериев: 1) наличие/отсутствие детей у отчима от предшествующих браков; 2) наличие/отсутствие общих детей в новой семье.

Тип 1. Брак, в котором неродной родитель (отчим), не имеющий ребенка (детей) от предыдущих браков, вступает в брак с женщиной, имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, *при этом совместных детей у них нет.*

Тип 2. Брак, в котором неродной родитель (отчим), имеющий ребенка (детей) от предыдущих браков, вступает в брак с женщиной, имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, *при этом совместных детей у них нет.*

Тип 3. Брак, в котором неродной родитель (отчим), имеющий ребенка (детей) от предыдущих браков, вступает в брак с женщиной, имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, *и у них есть совместные дети, рожденные в новом (повторном) браке.*

Тип 4. Брак, в котором неродной родитель (отчим), не имеющий ребенка (детей) от предыдущих браков, вступает в брак с женщиной, имеющей ребенка (детей) от предыдущего брака, *и у них есть совместные дети, рожденные в повторном браке.*

Целью нашего исследования было сравнение особенностей взаимоотношений «отчим–ребенок (дети)» в семьях повторного брака разных типов.

В основу исследования была положена гипотеза о существовании взаимосвязи благополучия взаимоотношений в диадах «отчим – ребенок жены» с наличием у отчима детей от предыдущих браков и совместных детей в новом браке.

В исследовании были использованы следующие методы и методики:

- Психобиографическая анкета «Мой новый брак» Т. Е. Аргентовой (Аргентова, 1998) применялась для получения информации об истории создания семьи повторного брака.
- «Родительское сочинение» О. А. Карабановой (Карабанова, 2005). С помощью этой проективной методики диагностировались когнитивный и ценностно-смысловой компоненты родительно-детских отношений.
- Методика «Анализ семейных взаимоотношений» – (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкиса (Эйдемиллер, Юстицкис, 2009). Методика применялась для выявления уровня развития поведенческого компонента отношений в диаде «отчим–ребенок (дети)».

- Опросник «Доминирующий компонент родительской любви» Е. В. Милюковой (Милюкова, 2005) применялся для исследования характера родительской любви отчимов.
- Проективный тест «Рисунок семьи» А. Л. Венгера (Венгер, 2003) использовался для изучения видения ребенком семейной ситуации и взаимоотношений в семье.

Данные, полученные в ходе исследования, обрабатывались в программном пакете Statistica, версия 5.5. Сравнение выборочных средних показателей осуществлялось при помощи непараметрического критерия Манна–Уитни.

Исследование осуществлялось в Муниципальном учреждении «Центр социальной помощи семье и детям» г. Кемерово. Выборку составили отчимы ($n=64$) и дети обоего пола, воспитывающиеся в семьях повторного брака. Средний возраст родителей – 36 лет. Средний стаж семейной жизни супругов в повторном браке составил 5 лет. Большинство семей повторного брака двухдетные (68,2%), 23% семей имеют одного ребенка, 8,9% воспитывают троих детей. Большинство детей (56,5%) относятся к группе школьного возраста. Все семьи проживают на территории Сибирского региона (Кемеровская, Новосибирская области, Алтайский край).

Результаты исследования по методике «Доминирующий компонент родительской любви (ДРЛ)» Е. В. Милюковой следующие:

Согласно полученным данным, уровень безусловной родительской любви достоверно выше ($U_{\text{эмп}} = 88,5$) в семьях 1-го типа, в которых отчим, не имеющий детей от предыдущего брака, создает семью и воспитывает в ней ребенка супруги, нежели в семьях 2-го типа, где у отчима уже есть ребенок (или дети) от предыдущего брака. В обоих случаях в этих семьях еще нет совместных детей.

Достоверные различия выявлены также по параметру «Безусловная любовь» в семьях повторного брака 2-го и 3-го типов ($U_{\text{эмп}} = 132,0$), в которых у неродного родителя есть дети от предыдущих браков, но в семьях 3-го типа уже есть общий ребенок, рожденный в новой семье. Результаты говорят о том, появление общего ребенка в повторнобрачной семье повышает общий уровень безусловной любви родителя к ребенку супруги, способствует формированию чувства родительской любви.

Также были выявлены достоверные различия по параметру «Безусловная любовь» в семьях повторных браков 3-го и 4-го типов, где у супругов есть общие дети ($U_{\text{эмп}} = 332,0$), но в 3-м типе семей у отчима есть дети от предыдущих браков, а в 4-м типе семей у отчима ранее не было браков и детей. Уровень безусловной любви в семьях

повторного брака 4-го типа оказался выше, чем в семьях повторного брака 3-го типа.

Исследование когнитивного компонента родительского отношения, содержащего представления о ребенке у отчимов из семей повторных браков разных типов, осуществлялось с помощью методики «Родительское сочинение» О. А. Карабановой (Карабанова, 2005). Представления о ребенке супруги у отчимов из семей 2-го типа отличаются от представлений отчимов из семей 1-го типа полной неосведомленностью о формально-биографических сведениях ребенка супруги, категоричностью в вопросах, касающихся выполнения требований родителя.

Отчимы 2-го типа семей описывают пасынков как непослушных, упрямых, не выполняющих их требования и т. п. Среди характеристик в сочинениях упоминаются такие, как «не убирает игрушки, пока не напомнишь», «если я не проконтролирую, ничего не сделает», «не заправляет кровать» и т. д.

Выявлены также отличия в представлениях отчимов о ребенке супруги в повторнобрачных семьях 3-го и 4-го типов, где у супругов есть общие дети, но в 3-ем типе семей у отчима есть ребенок (дети) от предыдущих браков. Ребенок жены для отчима из семей 3-го типа характеризуется как внешне непривлекательный: «безвкусно одет», «сутулится», а общение ребенка с родными в семьях 4-го типа характеризуется чаще положительнее, чем в семьях 3-го типа.

Согласно полученным данным, отсутствие ребенка у отчима от предыдущего брака сильно меняет его отношение к ребенку супруги, вероятно, улучшает восприятие ребенка супруги.

Поведенческий компонент родительского отношения, проявляющийся в действиях, реакциях и поступках родителя, в формах и способах взаимодействия с ребенком, изучался нами с помощью методики АСВ Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса (Эйдемиллер, Юстицкис, 2009). Результаты исследования говорят об ухудшении отношения к неродному ребенку в связи с появлением у супругов в новом браке совместных детей. Ребенок от предыдущего брака может ощущать себя помехой в жизни неродного родителя, при этом отчим устанавливает в отношениях с ним большую дистанцию.

Результаты исследования говорят также и о том, что для родителей в семьях повторного брака 3го типа при взаимодействии с детьми супруги от предыдущего брака и рождении совместного ребенка в новом браке характерно сочетание чрезмерных требований к неродному ребенку с минимальностью санкций по отношению к его поведению. Подобное отношение присуще таким типам воспитания, как «повышенная моральная ответственность» и «эмоциональное

отвержение». Этот тип воспитания характеризуется сосуществованием в родительском отношении высоких требований к ребенку с пониженным вниманием к его потребностям.

Мы видим также, что в семьях повторного брака 4-го типа, в которых неродной родитель приходит в семью, где у жены уже есть ребенок от предыдущего брака, которого он усыновляет, и также рождается совместный ребенок, отчим показывает более высокие статистически значимые показатели по шкалам, характеризующим внимание к ребенку супруги, но также потворствованием максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка супруги. Воспитательные воздействия в семьях повторного брака 2-го типа характеризуются чрезмерными требованиями к неродному ребенку, эмоциональным отвержением с пониженным вниманием к его потребностям.

Исследование было бы неполным без изучения отношения к неродному родителю со стороны пасынков (падчериц). Исследование отношения детей к отчиму осуществлялось нами с помощью методики «Рисунок семьи» (Венгер, 2003). Результаты исследования говорят о том, что:

- ребенок в семьях 1-го типа по сравнению с ребенком из семьи 2-го типа изображает фигуру неродного родителя, т. е. включает его в число членов семьи, а последней фигурой рисует родного отца и при этом чаще изображает себя, держащимся за руку и родного отца, и неродного родителя;
- дети из семьи 2-го типа в сравнении с детьми из семей 3-го типа показывают более хорошие отношения с неродным родителем: они изображают себя и мать в числе самых первых членов семьи;
- у детей из 4-го типа семей в отличие от детей из семей 3-го типа значимо лучше складываются отношения с неродным родителем: совместный ребенок реже рисует себя последним, значимо реже его фигура меньше всех, и он реже исключается из состава семьи. Также реже встречается пространственное разделение с неродным родителем предметами или людьми;
- в 3-м типе семей, по сравнению с 4-ым, дети значимо чаще в число членов семьи добавляют на рисунке домашнее животное, что говорит о возможном недостатке общения в этих семьях, недостаточном удовлетворении у ребенка потребности в эмоциональном тепле неродными или обоими родителями.

Таким образом:

1. Результаты исследования подтверждают выдвинутые нами гипотезы о том, что 1) отсутствие опыта переживания развода от-

- чимом и отсутствие у него детей от предыдущих браков улучшает его отношение к ребенку супруги; 2) рождение общих детей придает целостность семье, улучшает отношение отчима к ребенку супруги.
2. Существуют различия в родительско-детских отношениях в зависимости от типа повторнобрачной семьи.
 3. Особого внимания психологов требуют повторнобрачные семьи 2-го типа, образованные отчимами, имевшими в прошлом негативный опыт переживания распада предыдущего брака и ребенка (детей) в том браке, оставленных с матерью ребенка.
 4. Относительно лучшим вариантом отношения отчима к ребенку (детям) является повторнобрачная семья 1-го типа, где у него не было в прошлом браков и оставленных детей и они воспитывают ребенка жены от предыдущего брака.
 5. Отсутствие негативного опыта переживания развода, вероятно, улучшает процесс восприятия отчимом ребенка супруги, сохраняет позитивные представления о браке. При этом неженатые прежде и не имеющие детей мужчины, показывают большую готовность участвовать в воспитании ребенка. Мужчины, имеющие от прошлого брака родных детей, оставленных с бывшей женой, более сдержанны, не торопятся брать на себя воспитательную функцию. Очевидно, мужчинам с неудачным семейным прошлым труднее принять чужого ребенка, часто при этом ребенок жены представляет для отчима скорее помеху благополучной супружеской жизни, нежели фактор, улучшающий ее.

Литература

- Абульханова К. А. Проблема соотношения личности, индивидуальности, субъекта // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, М. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 17–36.
- Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство М.: Владос-Пресс, 2003.
- Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005.
- Махнач А. В. Опыт представления и обсуждения концептов на супервизиях семейных консультантов // Психологический журнал 2002. Т. 23. № 2. С. 100–109.
- Милюкова Е. В. Формирование психологических компонентов родительской любви: Дис. ... канд. психол. наук. Курган, 2005.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи СПб.: Питер, 2009.

Генетические и средовые вклады в особенности внутрисемейных отношений близнецов-подростков*

Ф. И. Барский, Г. М. Васин, М. М. Лобаскова, Е. Д. Гиндина,
С. Б. Малых (Москва)
philipp.barsky@gmail.com

Цель исследования заключалась в выявлении факторов генетической и средовой изменчивости в индивидуальных различиях внутрисемейных отношений у близнецов-подростков. Выборку исследования составили 207 пар моно- и дизиготных близнецов. Для изучения особенностей внутрисемейных отношений и семейной среды использовался Опросник дифференциального опыта сибсов (SIDE). Данные обрабатывались с помощью структурного моделирования. Основным вкладом в изменчивость дифференциальных оценок сибсовых отношений вносит индивидуальная среда, однако для двух показателей («Жизненные события», «Делинквентность сверстников») существует возможность влияния генетических факторов.

Ключевые слова: близнецы, генотип, среда, Опросник дифференциального опыта сибсов (SIDE), отношения сибсов.

Отношения между сибсами в семье находятся в фокусе психологии развития уже более века, если считать началом исследований работы, выполненные в русле психоанализа. С тех пор появилась обширная литература на тему влияния сибсов и отношений между ними на развитие ребенка (см., напр.: Brody, 1998; Jenkins, Dunn, 2009), а также о динамике сибсовых отношений в течение всей жизни человека (Cicirelli, 1995). Установлено, что сибсовые отношения влияют на когнитивное и эмоциональное развитие, а их проблемы ассоциированы с возникновением эмоциональных и поведенческих проблем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-31248 мол_а.

в детском и подростковом возрастах (Brody, 2004). Большой вклад в исследование отношений сибсов за последние тридцать лет внесли работы по психогенетике (Reiss et al., 2000; McGuire, Palaniappan, Larribas, 2015). Прежде всего, своим развитием эта область обязана близнецовому методу: объектом большинства исследований в количественной психогенетике выступают монозиготные (МЗ) и дизиготные (ДЗ) близнецы (Малых, 2004; Сергиенко и др., 2002).

В течение последних десятилетий в психогенетике развивается представление о генотип-средовых корреляциях (Plomin, DeFries, Loehlin, 1977) и генотип-средовом взаимодействии, объединяемых сегодня термином «генно-средовое со-действие» (Barsky, Gaisina, 2016). Ход развития большинства психологических и психофизиологических фенотипов, согласно современным представлениям, не имеет четкой линейной траектории, которая бы формировалась аддитивно, путем сложения генетических и средовых влияний. Напротив, повсеместны проявления генно-средового со-действия, в случае которого релевантная признаку среда отбирается и подбирается под генетические особенности индивида, отражает их и формируется в согласии с ними, а соответствующие, в свою очередь, генетические факторы включаются и выключаются под влиянием средовых воздействий (Knafo, Jaffe, 2013). Таким образом, генетическому влиянию оказываются в определенной степени подвержены также признаки, которые ранее считались в психологии «средовыми», включая детско-родительские отношения, некоторые типы жизненных событий, особенности супружества, а также некоторые аспекты взаимоотношений сибсов. В то же время, согласно результатам психогенетических исследований, область взаимоотношений сибсов относится к сферам, испытывающим значительное средовое воздействие (Daniels, Plomin, 1985; Reiss et al., 2000; McGuire, Palaniappan, Larribas, 2015).

Собственно психогенетических исследований качества взаимоотношений сибсов пока очень немного (McGuire, Palaniappan, Larribas, 2015). В среднем, генетические вклады в измерения отношений сибсов, по результатам близнецовых исследований и исследований приемных детей, относительно невелики или незначимы.

Нашумевшие исследования Р. Пломина и Д. Дэниэлс (Daniels, Plomin, 1987), выдвинувших тезис о том, что основная масса средовых влияний работает на создание *различий* между детьми, воспитывающимися в одной семье (т. е. относится к «индивидуальной среде» – *nonshared environment*), привели к возросшему интересу к различиям между психологическими особенностями сибсов – в особенности близнецов. В целях более точно зафиксировать различия

опыта сибсов были разработаны специальные методики. Опросник различающейся среды сибсов (Sibling Inventory of Differential Experience, SIDE; Daniels, Plomin, 1985) применялась в серии психогенетических исследований на близнецах подросткового, юношеского (Daniels, Plomin, 1985; Pike et al., 2000) и зрелых (Baker, Daniels, 1990; Vernon et al., 1997) возрастов, позволив оценить вклады генетических и средовых факторов в изменчивость сибсовых отношений.

Целью нашего исследования стало выявление генетических и средовых вкладов в изменчивость дифференциальных (выставляемых относительно друг друга) оценок отношений и опыта в парах МЗ и ДЗ близнецов. Подростковый возраст с психометрической точки зрения является наиболее подходящим для этого, поскольку нам необходимо оценить восприятие взаимоотношений в паре, опрашивая об этом самих детей, а детские самоотчеты обретают относительную валидность начиная с возраста 10–11 лет.

Методика

Выборку исследования составили 207 пар МЗ и ДЗ близнецов в возрасте от 10 до 17 лет ($M=14$, $SD=2$) из гг. Ижевск, Москва и Санкт-Петербург; 62% близнецов женского пола, 38% – мужского; МЗ близнецовых пар 79, ДЗ близнецовых пар 128.

Для исследования восприятия отношений в парах близнецов использовалась методика «Опросник различающейся среды сибсов» Д. Дэниэлс и Р. Пломина, охватывающая такие сферы, как отношения близнецов с родителями, межличностные отношения в паре и отношения со сверстниками. Опросник, переведенный нами с английского, содержит 12 шкал, вопросы которых составлены так, что испытуемый должен охарактеризовать одновременно самого себя и своего близнеца (оценка выставляется сибсами на шкале Лайкерта (значения от 1 до 5) относительно друг друга, например: «Мать больше ругает меня / нас обоих одинаково / моего брата»): 1) Антагонизм сибсов; 2) Заботливость сибсов; 3) Ревность сибсов; 4) Близость сибсов; 5) Близость отца; 6) Контроль со стороны отца; 7) Близость матери; 8) Контроль со стороны матери; 9) Отношение сверстников к учебе; 10) Делинквентность сверстников; 11) Популярность среди сверстников и 12) Жизненные события.

Статистический анализ данных (анализ надежности шкал, регрессия) проводился с помощью среды статистического моделирования «R» (R Development Core Team, 2008). *Количественный генетический анализ* данных осуществлялся с использованием анализа корреляций и методов структурного моделирования (model-fitting).

В нашем исследовании использовалась программа OpenMX (Voker et al., 2011), исполняемая как приложение в среде «R» и разработанная ее авторами специально для проверки моделей в области психогенетики.

Генетический анализ осуществлялся нами для всех шкал опросника SIDE для модели ACE, включающей в себя аддитивные генетические факторы (A), вклад общей/межсемейной среды (C) и вклад индивидуальной/внутрисемейной среды, включающий в себя также ошибку измерения (E). Далее проверялось, можно ли использовать для описания данных упрощенные модели AE (аддитивные генетические факторы и индивидуальная среда), CE (общая среда и индивидуальная среда) и E (только индивидуальная среда). Модель, учитывающая влияние неаддитивных генетических факторов (ADE), не проверялась – при фактическом отсутствии таких близнецовых корреляций, разница между которыми для МЗ и ДЗ заметно выше, чем вдвое.

Результаты

Психометрическое исследование опросника SIDE. Внутренняя согласованность шкал оценивалась нами с помощью коэффициента Альфа Кронбаха. Средние значения показателя Альфа для большинства шкал составили от 0,5 до 0,6, что можно считать допустимым, за исключением шкал «Заботливость sibсов» (0,4), «Ревность sibсов» (0,3), «Близость sibсов» (0,2) и «Близость отца» (0,4). Данные по этим шкалам следует интерпретировать с осторожностью, а шкалы «Ревность sibсов» и «Близость sibсов» признать неудовлетворительными для анализа.

Генетический анализ особенностей восприятия отношений в парах. Полная модель ACE подошла к шкалам «Антагонизм sibсов» (A=0,0, C=0,32, E=0,68), «Заботливость sibсов» (A=0,18, C=0,12, E=0,70), «Ревность sibсов» (A=0,24, C=0,22, E=0,54), «Близость матери» (A=0,21, C=0,0, E=0,79), «Контроль со стороны отца» (A=0,0, C=0,20, E=0,80), «Делинквентность сверстников» (A=0,49, C=0,08, E=0,43), «Популярность со стороны сверстников» (A=0,15, C=0,28, E=0,56), «Жизненные события» (A=0,50, C=0, E=0,50). Срезовая модель CE подошла к шкале «Близость sibсов» (C=0,35, E=0,65). Модель E, где единственным компонентом является индивидуальная средовая изменчивость (E), включающая ошибку измерения, подошла к шкалам Близость матери и Контроль со стороны отца. По шкалам «Контроль со стороны матери», «Близость отца» и «Отношение сверстников к учебе» модель ACE не подошла достаточно хорошо

к данным. Согласно оценкам параметров моделей, статистически значимые вклады генетических факторов получены для шкал «Жизненные события» и «Делинквентность сверстников». Вклад общей среды оказался значимым для шкалы «Близость sibсов».

Обсуждение результатов

Опросник SIDE создавался как методика для исследования индивидуальной среды, поэтому неудивительно, что основным компонентом, объясняющим изменчивость ее шкал, оказалась индивидуальная средовая изменчивость – результат воздействия любых негенетических факторов, увеличивающих различия между sibсами. Данный паттерн характерен для всех исследований, проводившихся с помощью SIDE (Daniels, Plomin, 1985; Vernon et al., 1997), за исключением работы Э. Пайк и коллег (Pike et al., 2000). Тем не менее, как и в ранее опубликованных работах, следует признать вероятность того, что генетические факторы оказывают влияние на ряд дифференциальных характеристик среды и взаимоотношений sibсов: это жизненные события и делинквентность сверстников. Последнее соответствует результатам исследования Л. Бэйкер и Д. Дэниэлс (Baker, Daniels, 1990) на выборке людей зрелого и пожилого возрастов, а также результатам Л. Ивза и Р. Карбонно (Eaves, Carbonneau, 1998). В исследовании Э. Пайк и коллег небольшие генетические вклады были зафиксированы для всех шкал SIDE, однако прямо сопоставление их с результатами нашей работы затруднительно в силу различий в способах оценки генетических и средовых влияний. Во всех известных нам работах наиболее высокие вклады генетических факторов получены для шкал, связанных со спецификой отношений со сверстниками (Vernon et al., 1997; Eaves, Carbonneau, 1998; Pike et al., 2000).

Выводы

Согласно результатам проведенного нами исследования, внутрипарные отношения sibсов и дифференциальные оценки средового опыта в семье у близнецов-подростков испытывают преимущественно средовое влияние. Однако как минимум два социально значимых параметра sibсовой среды и опыта – «Жизненные события» и «Делинквентность сверстников», возможно, складываются под влиянием процессов генотип-средовой корреляции. Полученные нами результаты отчасти согласуются с данными предшествующих зарубежных исследований, однако для выверенных выводов необходима репликация исследования на увеличенной выборке.

Литература

- Малых С. Б. Психогенетика: теория, методология, эксперимент. М.: Эпидавр, 2004.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Дозорцева А. В., Рязанова Т. Б. Близнецы от рождения до трех лет. М.: Когито-Центр, 2002.
- Barsky P., Gaysina D. Gene-environment interplay and individual differences in psychological traits / Y. Kovas, S. Malykh, D. Gaysina (Eds) // Behavioral Genetics for Education. Palgrave Macmillan, 2016 (in press).
- Boker S., Neale M., Maes H., Wilde M., Spiegel M., Brick T., Spies J., Estabrook R., Kenny S., Bates T., Mehta P., Fox J. OpenMx: An Open Source Extended Structural Equation Modeling Framework // Psychometrika. 2011. V. 76. № 2. P. 306–317.
- Brody G. H. Sibling relationship quality: Its causes and consequences. // Annual Review of Psychology. 1998. V. 49. P. 1–24.
- Brody G. H. Siblings' direct and indirect contributions to child development // Current Directions in Psychological Science. 2004. V. 13. P. 124–126.
- Cicirelli V. G. Sibling relationships across the life span. New York: Plenum Press, 1995.
- Daniels D., Plomin R. Differential experience of siblings in the same family // Developmental Psychology. 1985. V. 21. P. 747–760.
- Jenkins J., Dunn J. Siblings within families: levels of analysis and patterns of influence // New Directions for Child and Adolescent Development. 2009. V. 126. P. 79–93.
- Knafo A., Jaffe S. R. Gene-environment correlation in developmental psychology // Development and Psychopathology. 2013. V. 25. P. 1–6.
- McGuire S., Palaniappan M., Larribas T. The Sibling Relationship as a Source of Shared Environment / B. N. Horwitz, J. M. Neiderhiser (Eds) // Gene-Environment Interplay in Interpersonal Relationships across the Lifespan. Thousand Oaks: Sage Publications, 2015. P. 83–96.
- Pike A., Manke B., Reiss D., Plomin R. A Genetic Analysis of Differential Experiences of Adolescent Siblings Across Three Years // Social Development. 2000. V. 9. № 1. P. 96–114.
- Plomin R., Daniels D. Why are children in the same family so different from one another? // Behavioral and Brain Sciences. 1987. V. 10. P. 1–16.
- Plomin R., DeFries J. C., Loehlin J. C. Genotype-environment interaction and correlation in the analysis of human behavior // Psychological Bulletin. 1977. V. 84. P. 309–322.
- R Development Core Team R: A language and environment for statistical computing // R Foundation for Statistical Computing. Vienna, 2008. URL: <http://www.R-project.org>.

Reiss D., Neiderhiser J. M., Hetherington E. M., Plomin R. The relationship code: Deciphering genetic and social influences on adolescent development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Vernon P. A., Jang K. L., Harris J. A., McCarthy J. M. Environmental Predictors of Personality Differences. A Twin and Sibling Study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 72. № 1. P. 177–183.

Привлекательность детских лиц: взаимодействие матери и ребенка*

Г. А. Виленская, Е. А. Никитина (Москва)

vga2001@mail.ru

Исследуется вопрос взаимосвязи привлекательности ребенка и ее влияния на взаимодействие матери с ним, Показано влияние привлекательности на оценку учителями успешности детей. представлены данные о том, что матери уделяют больше времени и более охотно взаимодействуют с более привлекательными детьми. Обнаружено, что влияние привлекательности опосредуется воздействием таких характеристик, как пол ребенка и наличие/отсутствие у матери медицинских проблем во время беременности.

Ключевые слова: привлекательность, взаимодействие мать – ребенок, пол, биологические факторы.

Внешность человека играет заметную роль в формировании его самооценки и в том, как его оценивают окружающие. Более привлекательным людям приписываются более позитивные личностные качества (сообразительность, успешность, общительность, компетентность, доминантность и др.) (Eagly et al., 1991; Feingold, 1992), их предпочитают избиратели на выборах (Efrain, Patterson, 1974), с них взыскиваются вдвое меньше суммы штрафов в ходе судебных процессов (Kulka, Kessler, 1978). В исследованиях К. Дион (Dion, 1974a, b) выявлен галоэффект привлекательности и при взаимодействии взрослых с младшими школьниками, и детей 3 и 6 лет с их сверстниками. Педагоги воспринимают учащихся с привлекательной внешностью как более умных (Clifford, Walster, 1973).

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО РФ №0159-2015-0006.

Дж. Ланглуа провела исследование материнского поведения женщин с первых дней после родов и до достижения детьми 3 месяцев. В исследовании приняли участие 144 чел. Были использованы как результаты заполнения мамами опросника, так и экспертные оценки видеозаписей взаимодействия. Было выявлено, что матери более привлекательных детей проводили с ними больше времени, были более эмоционально на них направлены и отмечали менее высокую степень вторжения детей в свою жизнь, чем матери менее привлекательных детей (Langlois et al., 1995). Вместе с тем крайне мало данных о том, какое влияние оказывает внешность на развитие самого человека. Те немногие работы, которые имеются по этой теме, посвящены в основном проблемам стигматизации и проявления депрессивной симптоматики детей (Masnari et al., 2012) и подростков (Feraenza et al., 2010) с особенностями внешности. Было показано, что дети и молодые люди с привлекательной внешностью несколько более уравновешены, общительны и лучше ведут себя в обществе (Feingold, 1992; Goldman, Lewis, 1977).

Мы предполагаем, что различия в отношении матерей к более и/или менее привлекательным детям могут наблюдаться очень рано и моделировать как особенности взаимодействия матери с ребенком, так и психологические характеристики ребенка.

Имеющиеся у нас видеозаписи проводившегося в лаборатории психологии развития ИП РАН лонгитюдного исследования детей в возрасте от 4 до 36 месяцев дают нам уникальную возможность сопоставить особенности поведения и взаимодействия матерей и младенцев разной привлекательности лиц с оценками когнитивного, психомоторного, эмоционального развития детей.

Для проверки нашей гипотезы мы изучали видеофрагменты, демонстрирующие взаимодействие ребенка с матерью при выполнении ребенком заданий из теста развития младенцев Бейли (Bayley Scales..., 1993).

Выборка включала 51 ребенка (20 девочек, 31 мальчик), в возрасте 4, 8, 12, 18, 24, 30 и 36 месяцев. Распределение по возрастам представлено в таблице 1.

В каждом из проанализированных фрагментов видеозаписей ребенок выполнял задания теста Бейли в присутствии его матери.

Таблица 1
Возрастной состав выборки детей

Возраст (мес.)	4	8	12	18	24	30	36
Кол-во детей	7	16	10	7	8	1	2

Продолжительность фрагмента была 10 мин. Каждый фрагмент оценивался экспертом по 5-балльной шкале, где 5 баллов – наибольшая выраженность признака, 1 балл – наименьшая.

Для оценки взаимодействия ребенка с матерью были выделены следующие *параметры поведения матери*:

- вербальные контакты с ребенком, релевантные задаче;
- вербальные контакты с ребенком, нерелевантные задаче;
- невербальные контакты с ребенком, релевантные задаче;
- невербальные контакты с ребенком, нерелевантные задаче;
- положительные эмоции;
- отрицательные эмоции;
- физический контакт с ребенком;
- подъем интонации при обращении к ребенку;
- директивность высказываний;
- количество обращений ребенка к матери;
- количество ответов матери на обращение ребенка.

Также оценивались следующие *параметры ребенка*:

- привлекательность (по 5-балльной шкале);
- MDI (индекс психического развития) (по результатам BSID-2);
- PDI (индекс психомоторного развития) (по результатам BSID-2);
- ориентация на задание/вовлеченность в задание;
- эмоциональная регуляция;
- качество моторики;
- общая оценка поведения (4 последних – из шкалы оценки поведения теста Бейли).

Кроме того, мы включили в анализ некоторые биологические факторы, такие как вес ребенка при рождении, его гестационный возраст, наличие у матери проблем медицинского характера во время беременности, способ родов (естественные, со стимуляцией, кесарево сечение), продолжительность родов. По шкале Апгар оценка всех детей была более 8 баллов, поэтому мы не использовали ее в качестве переменной.

В целом по выборке мы не нашли влияния привлекательности на характеристики поведения матери. Обнаружилась только умеренная корреляция с гестационным возрастом ($r=0,34$; $p=0,026$). Возможно, дети, родившиеся более зрелыми, воспринимаются матерями как более привлекательные, отвечающие их критериям «хорошего ребенка». Однако никаких значимых связей поведения матери с привлекательностью обнаружено не было.

При изучении влияния каких-либо биологических характеристик ребенка на взаимодействие матери с ним были исследованы

возможные различия между мальчиками и девочками во взаимодействии матери и ребенка. Для контроля влияния фактора различного возраста ребенка на взаимодействие с матерью, мы разделили нашу выборку на две: дети в возрасте до 18 месяцев и дети старше 18 месяцев.

Взаимодействие матери и ребенка оказалось связано с возрастом только для девочек. В группе старших девочек были отмечены следующие взаимосвязи: подъем тона ($r=-0,88$, $p=0,017$), обращение ребенка к матери ($r=-0,90$, $p=0,013$), реакция матери на обращение ребенка ($r=-0,92$, $p=0,008$). В группе младших девочек – вербальные контакты с ребенком, релевантные ($r=0,62$, $p=0,009$), и нерелевантные задачи ($r=-0,51$, $p=0,042$), невербальные контакты, нерелевантные задачи ($r=-0,49$, $p=0,05$), директивность ($r=0,74$, $p=0,0008$).

Связь привлекательности и гестационного возраста была получена только в группе девочек младше 18 мес. ($r=0,61$, $p=0,026$). В этой подгруппе гестационный возраст был связан с массой тела при рождении ($r=0,71$, $p=0,01$), которая, в свою очередь, была связана с реакцией матери на обращение ребенка ($r=0,64$, $p=0,02$) и характеристиками поведения ребенка: ориентацией/вовлеченностью ($r=0,65$, $p=0,05$), моторным качеством ($r=0,61$, $p=0,03$), общей оценкой поведения ($r=0,65$, $p=0,02$). Таким образом, мы можем предположить, что гестационный возраст и вес ребенка при рождении опосредуют влияние привлекательности на поведение матери, в частности на частоту ее ответов на обращения ребенка.

Наиболее существенное различие между мальчиками и девочками связано с обращениями ребенка к матери и ее ответами на обращения ребенка. У младших девочек ответы матери не коррелируют с обращениями ребенка ($r=0,47$, $p=0,057$), в отличие от мальчиков ($r=0,59$, $p=0,0003$).

Интересно, что у девочек ответы матери коррелируют с положительными эмоциями ($r=0,54$, $p=0,002$), а у мальчиков – с отрицательными эмоциями ($r=0,49$, $p=0,005$). Матери мальчиков общаются с детьми более интенсивно, но менее удовлетворены этими контактами. По видимому, это происходит потому, что мальчики в среднем демонстрируют более активное поведение и более трудный темперамент, чем девочки (Еремеева, Хризман, 2001; Сергиенко и др., 2010).

Следующей биологической характеристикой для анализа было определено отсутствие/наличие проблем во время беременности. Особенности беременности и родов наиболее сильно влияют на характер взаимодействия с младшими девочками. Подгруппы матерей по признаку отсутствия/наличия проблем во время бере-

менности, к сожалению, были неравны по количеству мальчиков и девочек. В подгруппе матерей без проблем во время беременности было 11 девочек и 5 мальчиков, а в подгруппе с проблемами – 5 девочек и 16 мальчиков. В группе матерей с проблемами во время беременности матери были более активны в невербальных релевантных контактах ($U=97,00$; $p=0,029$) и чаще отвечали на обращения ребенка ($U=89,00$; $p=0,015$). В этой группе матери оказались более внимательны и к своему состоянию (отмечали наличие осложнений во время беременности) и к поведению ребенка. Данные связи, скорее всего, отражают попытки матерей организовать поведение ребенка (и окружающую среду) для более успешного решения ими задачи. Однако никаких взаимосвязей между поведением матери или особенностями ребенка и привлекательности в этой группе обнаружено не было.

Вместе с тем такие связи были найдены в группе матерей, беременность которых протекала без проблем медицинского характера. В этой группе привлекательность была связана с нерелевантными невербальными контактами ($r=-0,73$, $p=0,001$) и MDI ($r=0,53$, $p=0,03$). Отчасти это согласуется с литературными данными (Zebrowitz et al., 2002; Kanazawa, 2011), в которых подтверждена корреляция между привлекательностью и интеллектом, измеренными разными методиками в нескольких возрастах. Вполне возможно, что успешные в выполнении задач теста Бейли и, следовательно, имеющие более высокий MDI дети не нуждаются в какой-либо дополнительной активности матери. Матери, в свою очередь, чувствуют себя более спокойно и уверенно, когда ребенок правильно выполняет задания. Таким образом, соотношение между нерелевантной активностью матери и привлекательностью опосредуется MDI. В то же время MDI может быть выше у более привлекательных детей из-за «предвзятости экспериментатора», когда более привлекательные люди оцениваются как более интеллектуальные, в частности, более привлекательные дети, как ожидается, будут умнее (Clifford, Walster, 1973).

Также в этой группе мы обнаружили отрицательную связь между нерелевантными вербальными обращениями матери и выполнением теста ребенком – MDI ($r=-0,49$, $p=0,05$), а также всеми характеристиками поведения: ориентация/вовлеченность ($r=-0,78$, $p=0,002$); качество моторики ($r=-0,60$, $p=0,01$); эмоциональная регуляция ($r=-0,72$, $p=0,007$); общая оценка поведения ($r=-0,70$, $p=0,002$).

По видимому, эти данные следует объяснить так:

- а) мать слишком беспокойна, и ее поведение мешает деятельности ребенка, ухудшая его результат;

- б) мать видит, что ребенок не может выполнить задачу, но не знает, как ему помочь, и, обеспечивая физический и эмоциональный комфорт, она не может оказать познавательную и организационную (регулятивную) поддержку.

Таким образом, основная гипотеза о влиянии привлекательности ребенка на характер взаимодействия между матерью и ребенком не подтвердилась. Такая связь была найдена лишь в некоторых группах детей: девочек 1-го года жизни и детей матерей, беременность которых протекала без медицинских осложнений. Следует отметить, что в этой группе девочки также преобладали. Связь привлекательности и особенностей поведения матери и ребенка опосредуется другими биологическими характеристиками ребенка и матери – весом при рождении, гестационным возрастом, а также наличием/отсутствием осложнений при беременности. В то же время поведение матерей в большей степени связано с такой характеристикой, как пол, а не с привлекательностью ребенка. Различия в отношении родителей к детям в зависимости от пола детей неоднократно подтверждались в различных исследованиях (Кириленко, 2015; Поскребышева, 2013), однако преимущественно на группах подростков. Наши данные показывают, что такие различия можно наблюдать уже в первые годы жизни.

Проведенное исследование позволило предположить, что привлекательность ребенка вносит вклад в качество взаимодействия матери и ребенка, но вклад других биологических характеристик, таких как пол ребенка и проблемы матери во время беременности, является более значимыми. Взаимодействие матери и ребенка, уже начиная с самого раннего возраста, должно рассматриваться с учетом этих биологических особенностей.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М.: Наука, 1987. С. 137–145.
- Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т. 6. №5. С. 3–18.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Мальчики и девочки – два разных мира. Нейропсихологи – учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. СПб.: Тускарова, 2001.
- Кириленко И. Н. Детско-родительские отношения: гендерный и этнический модуль: Монография. М.: Кредо, 2015.

- Поскребышева Н. Н.* Гендерные особенности детско-родительских отношений современных подростков // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. 2013. № 8 (28).
- Русалов В. М.* О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека // *Вопросы психологии*. 1985. № 1. С. 19–32.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Bayley Scales of Infant Development*. 1993.
- Clifford M., Walster E.* The effect of physical attractiveness on teacher expectations // *Sociology of Education*. 1973. V. 46. P. 248–258.
- Dion K. K.* Children's physical attractiveness and sex as determinants of adult punitiveness // *Developmental Psychology*. 1974. V. 10. P. 772–778.
- Dion K. K., Berscheid E.* Physical attractiveness and peer perception among children // *Sociometry*. 1974. V. 37. P. 1–12.
- Eagly A. H., Ashmore R. D., Makhijani M. G., Longo L. C.* What is beautiful is good, but...: A meta-analytic review of research on the physical attractiveness stereotype // *Psychological Bulletin*. 1991. V. 110. P. 109–128.
- Efrain M. G., Patterson E. W. J.* Voters vote beautiful: The effect of physical appearance on a national debate // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1974. V. 6. P. 352–356.
- Feingold A.* Good-looking people are not what we think // *Psychological Bulletin*. 1992. V. 111 (2). P. 304–341.
- Ferrageno K. B., Kvalemb I. L., Rumsey N., Borgeb A.* Adolescents with and without a facial difference: the role of friendships and social acceptance in perceptions of appearance and emotional resilience // *Body Image*. 2010. V. 7. P. 271–279.
- Kanazawa G.* Intelligence and Physical Attractiveness // *Intelligence*. 2011. V. 39. P. 7–14.
- Kulka R. A., Kessler J. R.* Is justice really blind? The effect of litigant physical attractiveness on juridical judgment // *Journal of Applied Social Psychology*. 1978. V. 4. P. 336–381.
- Langlois J., Ritter R., Sawin D.* Infant attractiveness predicts maternal behaviors and attitudes // *Developmental Psychology*. 1995. V. 31. P. 464–472.
- Zebrowitz L. A., Hall J. A., Murphy N. A., Rhodes G.* Looking smart and looking good: Facial cues to intelligence and their origins // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. V. 28. P. 238–249.

Различия в характеристиках взаимодействия отца и сиблингов*

Ф. В. Дериш, Е. Н. Красильникова (Пермь)

derish@pspu.ru, ekaterina_n_e@mail.ru

Исследование посвящено проблеме внутрисемейных отношений отца и детей в двухдетных семьях. Была использована методика измерения параметров детско-родительских отношений И. М. Марковской (вариант для родителей и для детей). В исследовании приняли участие 50 отцов из полных семей, имеющих двух детей в возрасте от 8 до 15 лет. Полученные результаты говорят о том, что младшие дети оценивают характеристики своего отношения с отцом выше, чем сами отцы, а взаимодействие отца со старшим сиблингом характеризуется большей схожестью в оценках. Вероятно, это связано с тем, что старший ребенок-подросток в состоянии более адекватно оценивает отношение отца к себе.

Ключевые слова: семья, отцовство, сиблинги, детско-родительские отношения.

При изучении особенностей внутрисемейных взаимоотношений роль отца рассматривают с двух позиций или подходов. Так, традиционный подход, ограничиваясь рассмотрением биологической роли отца, отмечал его обособленность от ребенка, поскольку контакты с ребенком были временными и как бы отстраненными по сравнению с материнскими. В рамках традиционной отцовской роли поведение мужчины характеризуется наблюдательной позицией (Витакер, 1999) и отсутствием физического контакта с ребенком (Овчарова, Демчук, 2006), однако участие отца в процессах рождения и воспитания ребенка оказывает существенное воздействие и на супругов, и на малыша, привнося новое в их взаимоотношения.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-3601332.

В то же время представители системного подхода рассматривают семью как целостную самоорганизующуюся систему, реализующую функции, обеспечивающие полное удовлетворение потребностей членов семьи, характеризующуюся внешними и внутренними границами и иерархической структурой отношений, и предполагают, что исключение какого-либо элемента приведет к негативным последствиям для всей семейной системы (Варга, 2001).

В целом достаточно большое внимание уделяется изучению специфики взаимоотношений матери и детей в связи с размером семьи, порядком рождения, степенью влияния на формирование и вариативность личностных характеристик (Варга, 2001), причем исследования тех же параметров у отцов имеет незаслуженно меньшее количество (Архиреева, 2012).

В исследованиях семьи одной из важных проблем является взаимосвязь детско-родительских отношений в сиблинговых семьях (Корниенко и др., 2011; Красильникова, Дериш, 2014). Одно из направлений изучения данной проблемы связано с изучением того, насколько сходными и различающимися являются эти отношения. Предполагается, что различающееся родительское отношение оказывает влияние на характер сиблинговых отношений (Козлова, Алексеева, 2013).

Итак, целью настоящего исследования является изучение различий в отношении отцов к старшему и младшему сиблингу.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 50 отцов из полных семей, имеющих двух детей: старшего ребенка в возрасте 14–16 лет, младшего – 8–10 лет. Разница в возрасте между сиблингами не превышает пяти лет.

Для исследования параметров взаимодействия детей и родителей использовался опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской (ВРР). Методика заполнялась старшим и младшим сиблингами в отношении отца (вариант для детей), а также отцом в отношении старшего и младшего сиблингов (вариант для родителей).

Результаты

Рассмотрим различия в показателях взаимодействия между оценками отцов и детей. Для начала остановимся на различиях между отцом и младшим ребенком. Значимые различия получены по оцен-

кам следующих параметров взаимодействия: «нетребовательность–требовательность», «эмоциональная дистанция–близость», «тревожность за ребенка», «непоследовательность–последовательность», «воспитательная конфронтация в семье» (см. таблицу 1).

По большинству показателей взаимодействия средние значения детей превышают значения отцов. Младший ребенок считает, что отец предъявляет к нему больше требований, много ожидает от него, нежели оценивает сам отец. При этом отношения с отцом ребенок воспринимает как близкие и доверительные, считает, что отец беспокоится за него и желает оградить от неприятностей жизни. Отец оценивает собственную последовательность в воспитательных действиях выше, чем ребенок. В то время как ребенок определяет уровень конфликтности, конфронтации членов семьи выше, чем отец.

Далее рассмотрим различия в показателях взаимодействия между отцом и старшим ребенком. Оценки отличаются по следующим показателям: «отвержение–принятие», «отсутствие сотрудничества–сотрудничество», «авторитетность родителя» (см. таблицу 1).

Отцы в большей степени, нежели дети, принимают личностные особенности и поведенческие проявления ребенка, демонстрируют партнерство в отношениях и являются авторитетом для ребенка. Дети считают, что отцы недостаточно их принимают, не определяют их равноправными членами семьи, имеющими собственное мнение. Также подростки оценивают силу влияния отца, степень значимости его мнения, поступков, действий меньше, чем сами отцы.

Рассматривая особенности детей в зависимости от возраста, стоит учитывать характерные особенности и новообразования данного возрастного периода. Формирование чувства взрослости усиливает желание подростка быть равноправным членом семьи, к мнению которого прислушиваются и учитывают его. Ребенок желает быть включенным во взаимодействие с родителями на основе принципов партнерства. Самооценка подростка характеризуется неустойчивостью, соответственно чувство отверженности, непонимания со стороны окружающих, в частности родителей, является неотъемлемой частью его существования. Ведущей деятельностью подростка является интимно-личностное общение со сверстниками, следовательно, авторитет родителей снижается и их мнение теряет свою прежнюю значимость.

Выводы

Подводя итог проведенного исследования, можно утверждать следующее: младший ребенок считает требования и ожидания отца

Таблица 1
Средние значения оценок отцов и детей по показателям взаимодействия друг с другом

Параметры отношений (ВРР)	Отношение отца к младшему сыблингу	Восприятие младшим сыблингом отношения отца	Отношение отца к старшему сыблингу	Восприятие старшим сыблингом отношения отца
Нетребовательность–требовательность	14,28*	15,30*	15,04	15,40
Мягкость–строгость	14,96	14,07	15,07	14,84
Автономность–контроль	14,89	15,06	15,15	14,95
Эмоциональная дистанция–близость	13,63*	15,34*	14,45	15,10
Отвержение–принятие	16,31	15,96	17,75*	15,56*
Отсутствие сотрудничества–сотрудничество	14,09	14,25	15,52*	14,27*
Тревожность за ребенка	12,16*	14,15*	13,82	14,21
Непоследовательность–последовательность	18,67*	16,10*	16,45	15,70
Воспитательная конфронтация в семье	12,55*	14,63*	16,87*	15,22*
Удовлетворенность отношениями с ребенком/с родителем	15,90	15,94	15,67	15,28

Примечание: Звездочкой отмечены значимые различия.

завышенными, отец беспокоится за него и желает оградить от неприятностей жизни. В то же время отец определяет себя как более последовательного в собственных воспитательных действиях. Кроме того, младший ребенок определяет уровень конфликтности и конфронтации в семье выше, чем отец. Младшие дети оценивают характеристики своего отношения с отцом выше, чем сами отцы. Взаимодействие отца со старшим sibлингом характеризуется большей схожестью в оценках. Вероятно, это связано с тем, что старший ребенок-подросток в состоянии более адекватно оценивает отношение отца к себе.

Литература

- Архиреева Т. В.* Личностные детерминанты отношения отца к ребенку // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 52–61.
- Варга А. Я.* Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001.
- Витакер К.* За пределами психики: терапевтическое путешествие К. Витакера. М.: Класс, 1999.
- Козлова И. Е., Алексеева О. С.* Личностные характеристики родителей и особенности родительно-детских отношений // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 11. URL: <http://psystudy.ru>.
- Корниенко Д. С., Баландина Л. Л., Харламова Т. М.* Интегральная индивидуальность и конфигурация семьи: Монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2011.
- Красильникова Е. Н., Дерюш Ф. В.* Взаимосвязи характеристик sibлинговых и детско-родительских отношений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Пермь. № 1. 2014. С. 47–56.
- Овчарова Р. В., Демчук Н. А.* Влияние структуры родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству // II Межрегиональная конференция «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики». Казань, 2006.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.

Негативный смысл ребенка как фактор дизрегуляции репродуктивного поведения: разработка методики диагностики*

Н. В. Кисельникова (Волкова) (Москва), К. В. Карпинский (Гродно)
nv_psy@mail.ru, karpkostia@tut.by

В статье обсуждается роль личностно-смысловых образований в регуляции репродуктивного поведения. Обсуждаются различные типы личностных смыслов и понятие жизненного смысла ребенка. Негативный смысл ребенка рассматривается как фактор дизрегуляции репродуктивного поведения, в частности, добровольного отказа от рождения детей и безответственного родительства в отношении рожденных детей. Описывается результат апробации пилотной версии опросника для исследования видов негативного жизненного смысла ребенка.

Ключевые слова: *жизненный смысл ребенка, репродуктивное поведение, смысловая регуляция репродуктивного поведения, диагностика.*

Теоретические и эмпирические исследования, проведенные в рамках смыслового подхода к личности, свидетельствуют о том, что сформированность и сохранность смысловой регуляции выступает важнейшим фактором продуктивности самых различных форм поведения и видов деятельности человека. Одной из форм активности, присущей человеку как биологическому индивиду наряду с другими живыми существами, является репродукция или воспроизводство потомства. В условиях человеческого бытия эта активность опосредуется специфическими средствами социокультурной и психической регуляции, превращаясь в особую форму поведения и сложный вид деятельности людей.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-26-01007; БРФ-ФИ-РГНФ, проект Г14Р-021.

Как и любая другая собственно человеческая активность, репродуктивное поведение обеспечивается личностно-смысловой регуляцией, внутренними инстанциями которой служат ценности, мотивы и прочие смысловые структуры личности. Функциональная незрелость, а также содержательные искажения и структурные дефекты этих личностных образований зачастую становится предпосылками дизрегуляции репродуктивного поведения. В качестве конкретных и весьма распространенных проявлений такой дизрегуляции можно привести, например, добровольный отказ от рождения детей и безответственное родительство в отношении рожденных детей (Снегирева, 2010).

Основным объектом, на который направлено репродуктивное поведение, включая и воспитательную деятельность родителя, является ребенок. Личностный смысл, которым наделяется ребенок, действует как важнейший психический регулятор репродуктивного поведения потенциального или состоявшегося родителя. Подчас негативный личностный смысл ребенка и детей вообще детерминирует вариативные отклонения и нарушения в репродуктивном поведении взрослого (половозрелого) человека.

На общепсихологическом уровне инвариантная структура смыслообразования включает следующие компоненты: 1) *источники смыслообразования* – устойчивые внутриличностные структуры мотивационной природы (потребности, ценности, мотивы, цели, задачи и т. д.), относительно которых определяется значимость всевозможных объектов и явлений мира; 2) *контекст смыслообразования* – совокупность внешних и внутренних условий, в которых происходит актуализация мотивационных структур, а также инициация и протекание различных форм внешней и внутренней произвольной активности, направленной на реализацию соответствующих внутренних потребностей человека (удовлетворение потребностей, осуществление ценностей, реализация мотивов, достижение целей, решение задач и т. д.); 3) *объект смыслообразования* – материальный или нематериальный объект, который объективно влияет на ход и исход реализации человеком его внутренних потребностей; 4) *результат смыслообразования* – личностный смысл объекта, производный от его места и роли в контексте практической реализации внутренних потребностей человека. Личностный смысл как продукт процесса смыслообразования обладает такими обязательными характеристиками, как *интенциональность* (личностный смысл – это всегда смысл для конкретного субъекта – носителя внутренних потребностей), *предметность* (личностный смысл – это всегда смысл конкретного объекта, вплетенного

в цепь практической реализации), *контекстуальность* (личный смысл – это смысл чего-то для кого-то в определенных обстоятельствах жизнедеятельности). Основопологающей характеристикой личного смысла является *индивидуальность* как следствие «столкновения» неповторимой личности со своеобразным объектом в уникальном жизненном контексте.

Индивидуальность выступает содержательной характеристикой личного смысла, которая «сопротивляется» попыткам его классификации и типологизации в психологической науке. Вместе с тем на уровне анализа формальных характеристик возможно выделение психологических типов и видов личного смысла. *Тип личностного смысла* – это уровневая характеристика, описывающая, на каком уровне, в каком контексте и из каких источников происходит образование смысла объекта (Карпинский, 2015). Исходя из представлений о психологической структуре жизнедеятельности и иерархическом строении смысловой сферы личности, различают два основных типа личного смысла – *«локальный»* и *«жизненный»*. Первый проистекает от мотивов, целей и задач отдельной деятельности и отражает значимость объекта исключительно для осуществления данной деятельности; второй произведен от смысла жизни и указывает на значимость объекта в контексте целостной жизнедеятельности личности.

Жизненный смысл ребенка отражает субъективное значение места и роли ребенка в контексте реализации личностью индивидуального смысла жизни. Могут быть определены следующие виды жизненного смысла ребенка: ребенок как смысл жизни; позитивный жизненный смысл ребенка; негативный жизненный смысл ребенка; конфликтный жизненный смысл ребенка; смысловое отчуждение ребенка. На основе жизненного смысла ребенка выстраивается целостная система психобиографической регуляции детородного решения. Эта система включает в свой состав такие структурно-функциональные звенья, как жизненные цели, планы и программы. Процесс и результат репродуктивного решения обусловлен формой и степенью включенности ребенка в жизненные цели, планы, программы, критерии жизненного успеха–неуспеха.

Жизненный смысл ребенка выступает важнейшим фактором в системе детерминант принятия решения о рождении ребенка. Такая система является многоуровневой и представлена факторами разной природы, к числу же психологических регуляторов детородных решений принадлежат: индивидуальные потребности, личностные диспозиции, усвоенные нормы и эталоны и т.д. Целостный охват разноуровневых факторов и механизмов регуляции репродуктивных решений возможен на основе предложенной Д. А. Леонтьевым

(Леонтьев, 2007) мультирегуляторной модели личности. Ведущий уровень регуляции репродуктивных решений является основанием для их психологической классификации.

В зависимости от ведущего уровня психологической регуляции могут быть выделены психологические типы репродуктивных решений личности: решения ситуативного типа, базирующиеся на психологических типах (гедонистические решения, выстроенные на логике удовольствия и рационально-практические решения, выстроенные на логике диспозиций, реагирования на стимул и социальные нормы), а также решения типа жизненного выбора, базирующиеся на логике жизненной необходимости. Психологически оптимальным является решение в режиме жизненного выбора, которое порождает у человека ответственность за ближайшие и отдаленные его последствия и влечет за собой «ответственное родительство». Такой тип решения порождается жизненным смыслом ребенка, являющимся производным от смысла жизни личности. Напротив, негативный жизненный смысл ребенка отражает восприятие ребенка как преграды для реализации других значимых смыслов и приводит к откладыванию, отказу от рождения детей либо к формированию неоптимального родительского отношения к ребенку.

Следует отметить, что русскоязычные диагностические инструменты для изучения негативного жизненного смысла ребенка отсутствуют, а в англоязычном варианте можно встретить лишь анкетные методы (Bernardi, Mynarska, 2010).

Коллективом российских и белорусских исследователей в настоящее время ведется разработка и апробация шкального опросника, включающего 40 утверждений. Пункты опросника отражают различные виды жизненных смыслов, в реализации которых ребенок может восприниматься потенциальным или реальным родителем как преграда (например: «Дети мешают родителям максимально проявить свои способности и реализовать себя», «Дети – маленькие эгоисты, для которых не важны мнения и интересы других людей», «Рождение ребенка представляет угрозу благополучным отношениям между его родителями» и др.). Опросник был апробирован на выборке из 400 респондентов детородного возраста – граждан РФ и Беларуси.

Конфирматорный факторный анализ выявил трехфакторную структуру, которая включает два фактора, отражающих ситуативный негативный смысл ребенка и один, проявляющийся вне контекста жизненных обстоятельств. К первым двум относится восприятие ребенка как препятствия гедонизму, возможностям получать удовольствия и развлекаться; восприятие ребенка как помехи благополучию и самореализации, раскрытию собственного потенциала.

Данные негативные смыслы ребенка могут не оказывать существенного регуляторного влияния на репродуктивное и родительское поведение человека, если специальным образом организованные жизненные условия позволяют сочетать родительство и реализацию соответствующих жизненных смыслов. Например, если возможность развлекаться или «делать» карьеру не исчезает за счет привлечения к уходу за ребенком третьих лиц (бабушек, нянь и т. п.). Третий выявленный фактор отражает генерализованный личностный смысл, восприятие ребенка как неприятного существа, приписывание ему негативной природы, наклонностей, отталкивающих биологических и психологических характеристик (дети эгоистичны, неразумны, неопрятны и т. п.). Данный негативный смысл ребенка, очевидно, напрямую связан с осознанным нежеланием заводить детей либо отвергающим родительским отношением.

На настоящем этапе исследования происходит проверка этой и других гипотез, отражающих регуляторную роль различных видов негативного смысла ребенка для детородного, родительского поведения, а также их взаимосвязь с показателями удовлетворенности жизнью и ее отдельных сфер, профилем ценностей и спецификой семейных отношений.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Карпинский К. В.* Новые методы субъектной психодиагностики: Монография / Под ред. П. Р. Галузо, С. А. Иванова, Т. В. Гижук. Гродно: ИЦ ГрГУ им. Я. Купалы, 2015.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.
- Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.
- Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014.
- Снегирева Т. В.* «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 99–109.
- Bernardi L., Mynarska M.* Surely yes, surely not, as soon as, maybe, at times, surely one day: understanding declared fertility intentions // Scientific report: typology of individual orientations and life course contingencies. 2010. V. 5. Deliverable 5.13, Grant Agreement: SSH-2007-3.1.2-217173, REPRO: Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective.

Согласованность родителей и детей в оценке параметров детско-родительского взаимодействия*

Д. С. Корниенко (Пермь)

corney@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования согласованности оценок параметров детско-родительского взаимодействия в семьях с двумя детьми. Данные о согласованности характеристик детско-родительского взаимодействия позволяют говорить о том, как каждый из членов семьи воспринимает отношения друг с другом и сделать вывод о специфике семейной среды для каждого ребенка. Обсуждаются результаты, полученные на выборке 50 семей, имеющих двух детей. Рассматриваются показатели сходства и различия в оценке параметров взаимодействия в семье. Подтверждается вывод о том, что отношения в семьях для каждого ребенка обладают своей спецификой.

Ключевые слова: *сублинги, родительское отношение, детско-родительское взаимодействие, согласованность.*

Исследования внутрисемейных отношений являются, с одной стороны, традиционными для психологии семьи, с другой, изменения, происходящие с семейной системой, ставят новые вопросы о роли и месте внутрисемейных отношений в развитии каждого члена семьи и в целом всей семейной системы.

Развитие детей в одной семье может оказываться разным, что приводит к тому, что индивидуальная среда начинает играть значительную роль в формировании психологических признаков детей и стиль воспитания, оставаясь в целом одним и тем же, начинает индивидуализироваться по отношению к каждому из детей.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-3601332.

Такие факты впервые были описаны Дж. Данн и Ш. Макгир (Dunn, McGuire, 1994; Plomin, Daniels, 1987). Современные исследования также показывают, что особенности семьи могут действовать разнонаправленно на детей. Так, в исследовании Г. А. Виленской было установлено, что монозиготные близнецы становятся менее схожими по характеристикам темперамента в строгой семье, а дизиготные больше различаются в любящих семьях. Это может объясняться тем, что в любящих семьях родители допускают больше свободы в проявлении индивидуальных различий в поведении (Виленская, 2012). Исследования различий в восприятии отношений родителей и детей друг к другу показывают, что матери, по сравнению с отцами, рассматриваются как оказывающие большую эмоциональную поддержку детям и соответственно получают от них больше поддержки (Buist et al., 2002; Sutor et al., 2011). Матери не только рассматриваются детьми как более терпимые и поддерживающие, одновременно с этим отцы воспринимаются как более критичные и, выражающие другие чувства, чем матери (Pillemer et al., 2012). Вместе с тем восприятие сиблингами отца, проявляющего предпочтение (фаворитизм) в отношении одного из детей, приводит к большему напряжению между сиблингами, чем аналогичная ситуация фаворитизма со стороны матери. Сходство стиля отношения матери и отца может вносить разный вклад в формирование личностных свойств детей, в частности, в контроль поведения детей. При этом различия формируются не только за счет различных родительских функций матери и отца, но и под влиянием ожиданий ребенка в отношении поведения родителей. Так, авторитарная гиперсоциализация со стороны матери может восприниматься негативно, поскольку подобных проявлений ребенок ожидает от отца (Ковалева, 2012).

В последующих исследованиях обращается внимание на то, как воспринимают дети отношение к ним со стороны родителей (Kowal et al., 2004). При этом несовпадение в оценках является достаточно частым. В отношении согласованности представлений детей об отношении к ним родителей было установлено, что сиблинги демонстрируют высокую согласованность в отношении эмоционального отношения матери и контролирующего поведения отца.

Можно утверждать, что отношения родителей формируются не только на основе собственно родительских характеристик, но и под влиянием того, как дети воспринимают эти отношения, наряду с социально-экономическими факторами, особенностями возраста детей и конфигурацией семьи. При этом детей можно рассматривать и как активных участников семейной системы, которые конструируют собственные средовые условия, по-разному воспри-

нимая отношения к ним родителей. Сходство членов семьи в оценках внутрисемейных отношений может приводить к снижению внутрисемейных конфликтов (см. напр., Doherty, 1981), а также влияет на академические достижения детей (Carlson et al., 1991). Различные представления, напротив, снижают как эффективность функционирования всей семейной системы, так и усиливают влияние различных стрессоров. Вместе с тем именно внутрисемейные характеристики могут рассматриваться как ресурс семьи, позволяющий справляться со стрессовыми условиями. Так, концепция жизнеспособности семьи предлагает относить к системным семейным ресурсам ролевую гибкость и ясность коммуникации, сплоченность и пластичность в выстраивании внутрисемейных правил (Махнач, Постылякова, 2012).

Несмотря на имеющиеся факты, остается открытым вопрос о том, насколько совпадают оценки параметров детско-родительского взаимодействия в одной семье. В большинстве работ преимущественно рассматриваются различия в оценках, тогда как степень согласованности оценок дает новую информацию и позволяет говорить о том, насколько дети разделяют предъявляемые по отношению к ним требования, а также указать на направления различий, что обозначает возможные проблемные «точки» во внутрисемейных отношениях. Таким образом, целью данного исследования стало не только изучение различий в оценке параметров детско-родительского взаимодействия, но и установление согласованности в этих оценках.

Организация исследования

Выборка. Участниками исследования являлись 50 полных семей, имеющих двух детей. Возраст родителей от 32 до 52 лет ($M=39,8$; $SD=3,8$). Возраст старшего ребенка 14–16 лет, а младшего – 8–10 лет. Разница в возрасте между сиблингами не превышает пяти лет.

Методики. Для исследования параметров взаимодействия детей и родителей использовался опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» И. М. Марковской. Методика заполнялась родителями в отношении каждого из детей, а также старшим и младшим сиблингами в отношении матери и отца.

Статистический анализ

Различия в парах родитель–ребенок определялись на основе сравнительного *t*-критерия для зависимых выборок. Согласованность оценок родителей и детей устанавливалась на основе метода интраклассовых корреляций.

Процент согласованности подсчитывался следующим образом. Первоначально подсчитывалась разность между каждой парой (ребенком и родителем), затем числовой ряд разностей рассматривался как шкала, в которой определялись среднее арифметическое и стандартное отклонение. На основе суммы/разности среднего и половины стандартного отклонения определялась группа наиболее согласованных пар. Далее подсчитывался процент согласованных пар относительно всех пар данного сочетания родитель–ребенок. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что процент согласованности может использоваться как самостоятельный показатель сходства, его информативность достаточно низка при отсутствии других статистик. Сходная логика анализа была представлена в работе А. К. Ковал (Kowal, 2006). Результаты обрабатывались в программе SPSS 20.

Результаты и их обсуждение

Первоначально было проведено сравнение параметров взаимодействия родителя и ребенка для следующих пар: отец–старший ребенок, отец–младший ребенок, мать–старший ребенок, мать–младший ребенок (см. таблицу 1). Значимые различия в оценках параметров взаимодействия родителя и ребенка для пары «отец–старший ребенок» были получены для характеристик: «нетребовательность–требовательность», «отвержение–принятие», «авторитетность родителя», а для пары «отец–старший ребенок» – это все характеристики взаимодействия, за исключением показателей «автономность–контроль» и «удовлетворенность отношениями с ребенком (с родителем)», по которым различия незначимы.

Для пары «мать–старший ребенок» значимые различия проявились по характеристикам: «нетребовательность–требовательность», «эмоциональная дистанция–близость», «отвержение–принятие», «отсутствие сотрудничества–сотрудничество», «авторитетность родителя» и «удовлетворенность отношениями с ребенком (с родителем)». При сравнении оценок матерей и младших детей в семье значимые различия проявились по таким характеристикам взаимодействия как: «автономность–контроль», «эмоциональная дистанция–близость», «отсутствие сотрудничества–сотрудничество», «тревожность за ребенка», «непоследовательность–последовательность», «воспитательная конфронтация» (см. таблицу 1).

Эти данные позволяют утверждать, что старший ребенок считает, что отец к нему предъявляет больше требований, меньше принимает и обладает меньшим авторитетом в его глазах. В отношении различий с материнскими представлениями картина та же, но в дополне-

Таблица 1
Различия в оценке параметров взаимодействия родителей и детей

Показатели	Отец		Мать	
	Старший ребенок	Младший ребенок	Старший ребенок	Младший ребенок
Нетребовательность–требовательность	-1,973*	-3,364***	-2,967**	-1,224
Мягкость–строгость	1,829	4,403***	1,284	0,687
Автономность–контроль	0,773	0,734	-1,458	-2,691**
Эмоциональная дистанция–близость	-1,560	-3,474**	-2,164*	-5,479***
Отвержение–принятие	8,016***	1,993*	6,178***	-0,333
Отсутствие сотрудничества–сотрудничество	1,009	-2,494**	2,125*	-1,985*
Несогласие–согласие (Тревожность за ребенка)	-1,414	-6,348***	-1,176	-10,337***
Непоследовательность–последовательность	0,301	6,788***	-0,117	7,100***
Авторитетность родителя (Воспитательная конфронтация)	4,665***	-3,018**	3,200**	-5,236***
Удовлетворенность отношениями с ребенком (с родителем)	-1,973	0,142	-2,382*	-0,948

Примечание: Различия значимы на уровне: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; значения t-критерия; в скобках указаны показатели детско-родительского взаимодействия по отношению к младшему ребенку.

ние к этому старший ребенок считает, что мать к нему достаточно близка, хотя меньше ориентирована на сотрудничество, при этом старший ребенок оценивает отношения с матерью как положительные. Старший ребенок-подросток расходится с родителями во мнении о тех свойствах, которые в большей степени характеризуют его социальную ситуацию, связанную с сепарацией от родителей. Он считает, что система отношений (требований и привязанностей) достаточна и он, в целом, удовлетворен этой ситуацией, в то время как оба родителя демонстрируют меньшую удовлетворенность отношениями с ним. Возможно, такое расхождение во взглядах и будет являться причиной конфликтов.

Младший ребенок полагает, что отец также предъявляет к нему больше требований и меньше принятия, но достаточно мягкий, а мать больше контролирует. Общее в различиях родительских оценок и оценок младшего ребенка в том, что ребенок более высоко оценивает родительское сотрудничество, согласие с ним и авторитет родителей, но меньше оценивает последовательность родителей в своих действиях. Наличие большего числа различий по характеристикам взаимодействия у обоих родителей и младшего ребенка может говорить о следующих возможных особенностях: 1) младший ребенок, в силу своего развития, не может объективно оценить отношение родителей и дает более высокие оценки; 2) совпадение различий в параметрах взаимодействия ребенка с отцом и матерью может объясняться тем, что ребенок не разделяет отношение родителей, а воспринимает его как целостное, за исключением отдельных свойств; 3) отношения с младшим ребенком находятся в большей динамике, чем со старшим, в связи с возрастными особенностями каждого ребенка и разными воспитательными стратегиями по отношению к ним.

Вторым этапом работы было установление степени согласованности оценок детей и родителей на основании внутриклассовых корреляций и процента согласованности оценок детей и родителей. Рассмотрим процент согласованности пар родитель – ребенок. Как видно из таблицы 2, процент согласованности варьирует от 24 до 56%, в среднем составляет 37,7%. Эти данные говорят о том, что согласованность представлений родителей и детей относительно взаимодействия друг с другом достаточно низкая и скорее можно ожидать разных представлений о детско-родительском взаимодействии. Это согласуется с полученными данными по различиям, прежде всего в отношении родителей и младшего ребенка. Как было показано выше, различий в параметрах взаимодействия со старшим ребенком не так много.

Таблица 2

Согласованность (в %) и интраклассовые корреляции (ИКК) показателей, оценивающих отношения между родителями, старшим и младшим ребенком

Показатели	Отец			Мать				
	Старший ребенок		Младший ребенок	Старший ребенок		Младший ребенок		
	%	ИКК	%	ИКК	%	ИКК		
Нетребовательность-требовательность	40	-0,39*	48	-0,17	40	-0,19	22	-0,23
Мягкость-строгость	36	0,16	44	0,36*	38	-0,05	38	0,35*
Автономность-контроль	26	0,13	36	-0,14	38	-0,16	38	0,04
Эмоциональная дистанция-близость	40	-0,07	34	-0,33	36	0,13	34	-0,25
Отвержение-принятие	50	-0,05	46	0,35*	48	-0,12	32	-0,73
Отсутствие сотрудничества-сотрудничество	46	-0,27	24	-0,36	42	0,32*	32	0,43*
Несогласие-согласие (Тревожность за ребенка)	30	0,53**	42	-0,07	48	0,18	30	0,07
Непоследовательность-последовательность	36	0,21	36	-0,02	24	-0,09	24	0,16
Авторитетность родителя (Воспитательная конфронтация)	56	0,09	32	-0,02	48	-0,52*	42	0,13
Удовлетворенность отношениями с ребенком (с родителем)	38	-0,01	32	0,07	48	-0,31*	34	-0,22
Средний процент согласованности	39,8		37,4		41		32,6	

Примечание: Корреляции значимы на уровне: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; ***; коэффициент г Спирмена.

Для уточнения степени согласованности были подсчитаны внутриклассовые корреляции. Для пары «отец–старший ребенок» обнаруживается отрицательная согласованность по показателю «нетребовательность–требовательность» и положительная – по показателю «несогласие–согласие». В данном случае есть противоречие в показателях, т. е., с одной стороны, отец и ребенок считают, что требовательность во взаимодействии различается, с другой, в целом они демонстрируют высокую степень согласия относительно поведения в жизненных ситуациях. «Мягкость–строгость» и «отвержение–принятие» демонстрируют согласованность у отца и младшего ребенка, что позволяет говорить о том, что в отношении этих характеристик отец и младший ребенок демонстрируют сходные оценки. Старший ребенок и мать обнаруживают значимые коэффициенты согласованности по показателям «отсутствие сотрудничества–сотрудничество» (положительная корреляция) и «авторитетность родителя» и «удовлетворенность отношениями с ребенком (с родителем)» (отрицательная корреляция). Максимальное расхождение в оценках параметров взаимодействия стоит ожидать в удовлетворенности отношениями матерью и старшим ребенком, а также в оценке значимости роли матери. Исходя из данных, можно констатировать, что восприятие и оценка взаимодействия старшего ребенка с матерью носит скорее противоположный характер, т. е. их оценки максимально расходятся.

Согласованность материнских оценок и младшего ребенка в параметрах взаимодействия проявляется в отношении показателей «мягкость–строгость» и «отсутствие сотрудничества–сотрудничество», что позволяет говорить о взаимно-однозначной оценке степени мягкости в отношениях и допустимой самостоятельности ребенка.

Выводы

В целом, оценки характеристик взаимодействия родителей и старшего ребенка имеют больше различий, чем младшего ребенка, в особенности по характеристикам социального взаимодействия, что отражает ситуацию отдаления подростка от родителей.

Родители менее удовлетворены отношениями со старшим ребенком, тогда как ребенка вполне устраивает сложившаяся ситуация. Это может быть еще одним свидетельством в пользу того, что старший ребенок автономизируется от родителей и его устраивает сложившаяся система отношений.

Младший ребенок выше оценивает родительское отношение по большинству характеристик, однако это приводит и к большему

числу различий между ним и родителями. Также обнаруживается значительное сходство в оценках младшим ребенком матери и отца что может объясняться тем, что младший ребенок не разделяет отношение родителей, а воспринимает его как целостное.

Наличие различий в оценках параметров взаимодействия с младшим и старшим ребенком со стороны родителей могут являться как следствием возрастных особенностей каждого ребенка, так и разными воспитательными стратегиями по отношению к ним.

Согласованность оценок родителей и детей обнаружена только по отдельным параметрам взаимодействия и подтверждает гипотезу о том, что отношения в одной семье для каждого ребенка обладают своей спецификой.

Литература

- Виленская Г. А.* Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–509.
- Ковалева Ю. В.* Роль семейной среды в становлении регуляции поведения // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 509–529.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В.* Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
- Buist K. L., Dekovic M., Meeus W., van Aken M. A.* Developmental patterns in adolescent attachment to mother, father and sibling // *Journal of Youth and Adolescence*. 2002. V. 31. № 3. P. 167–176.
- Carlson C. I., Cooper C. R., Spradling V. Y.* Developmental implications of shared versus distinct perceptions of the family in early adolescence // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1991. № 51. P. 13–32.
- Doherty W. J.* Cognitive processes in intimate conflict: I. Extending attribution theory // *American Journal of Family Therapy*. 1981. V. 9. № 1. P. 3–13.
- Dunn J., McGuier S.* Young children's nonshared experience: A summary of studies in Cambridge and Colorado / Eds E. M. Hetherington, D. Reiss, R. Plomin // *Separate Social Worlds of Siblings: The Impact of Non-shared Environment on Development*. New Jersey. 1994. P. 111–128.

- Kowal A. K., Krull J. L., Kramer L.* Shared understanding of parental differential treatment in families // *Social Development*. 2006. V. 15. № 2. P. 276–295.
- Kowal A., Krull J., Kramer L.* The perceived fairness of parental differential treatment: links with parent-child relationship quality // *Journal of Family Psychology*. 2004. V. 18. P. 658–665.
- Pillemer K., Munsch C. L., Fuller-Rowell T., Riffin C., Sutor J. J.* Ambivalence toward adult children: Differences between mothers and fathers // *Journal of Marriage and Family*. 2012. V. 74. P. 1101–1113.
- Plomin R., Daniels D.* Why are children in the same family so different from one another? // *Behavioral and Brain Sciences*. 1987. V. 10 (1). P. 1–60.
- Sutor J. J., Sechrist J., Gilligan M., Pillemer K.* Intergenerational relations in later-life families // *Handbook of sociology of aging* / R. A. Settersten, J. L. Angel (Eds). N. Y.: Springer, 2011. P. 161–178.

Родительская оценка в диагностике развития модели психического в детском возрасте*

Е. И. Лебедева (Москва)

evlebedeva@yandex.ru

Модель психического – широко развитое направление исследований за рубежом, но слабо разработанное в отечественной психологии. Обоснована необходимость оценки родителями развития у детей понимания ментального мира в повседневной жизни для наиболее полной картины понимания развития модели психического в онтогенезе. Представляется, что результаты родительской оценки понимания детьми ментального мира предсказывают выполнение детьми задач на понимание неверных мнений и обмана

Ключевые слова: модель психического, ментальный мир, дошкольный возраст, развитие модели психического, роль родительской оценки.

«Модель психического» является одним из наиболее перспективных подходов исследования развития социального познания в детском возрасте. И хотя само направление является достаточно новой областью психологии развития и от первой парадигмальной работы прошло немногим более 30 лет, но за эти тридцать лет от феномена, описанного в экспериментальных работах, исследователи подошли к созданию стандартизированного инструмента измерения, позволяющего выявить ограничения в понимании ментального мира у различных групп людей.

Модель психического развивается и усложняется в течение всей жизни, однако наиболее бурное формирование этой способности приходится на дошкольный возраст, что и обуславливает интерес

* Государственное задание ФАНО РФ №0159-2015-0006.

исследователей к этому возрастному периоду. Большинство исследований, выполненных в рамках подхода модели психического, указывают на трудности понимания ментального мира как собственного, так и других людей детьми до 4–5 лет (см.: Baron-Cohen, 2000).

Развитие модели психического рассматривается нами как основа социального понимания. Нами высказывалось предположение, подтвержденное в наших исследованиях, что модель психического является психологическим механизмом социализации ребенка и отражает его переход от базовых уровней развития индивидуальности к уровню агента социальных взаимодействий и, наконец, субъекта социальной жизни (Сергиенко, 2015; Сергиенко и др., 2009). Рассматривая модель психического как психологический механизм социализации ребенка, нужно отметить, что понимание им внутренних причин поведения других людей должно проявляться, в первую очередь, в естественных для него ситуациях социального взаимодействия.

Из более ранних исследований, выполненных в рамках подхода «модели психического», известно, что понимание ментального мира начинает развиваться задолго до того, как дети смогут решать тесты на понимание неверных мнений (как маркера становления модели психического). Результаты исследования Клементс и Пернера (Clements, Perner, 1994) показали, что трехлетние дети имеют имплицитное понимание неверных мнений, несмотря на то, что большинство из них не справляются со стандартными тестами на ложные убеждения, на что указывает направление движения их глаз к правильному ответу. В стандартной задаче на неожиданное перемещение, когда ребенку необходимо было понять, где персонаж будет искать свою вещь, если он не видел самого факта перемещения дети смотрели на то место, где он оставил свою вещь, а не на то, где вещь лежит в действительности, хотя и отвечали неправильно.

В нашем исследовании понимания неверных мнений и обмана в сказках и классических задачах детьми 4–6 лет также было показано, что вначале дети начинают понимать ложность убеждений другого в наиболее простых и знакомых им ситуациях (например, в сказках) и только потом это понимание становится устойчивым, что проявляется в решении стандартных задач на неверные мнения и в дальнейшем приводит к пониманию обмана (Лебедева, 2014; Лебедева, Попрыго, 2013). Эти результаты могут свидетельствовать о том, что модель психического развивается раньше, чем дети смогут решать классические задачи на понимание неверных мнений и обмана. Отсюда вытекает вопрос – как нам исследовать и оценить это ранее имплицитное знание?

В настоящий момент в лаборатории психологи развития Института психологии РАН под руководством Е. А. Сергиенко разрабатывается диагностический инструментарий, включающий в себя не только сборник лабораторных задач на понимание различных ментальных состояний (эмоций, намерений, неверных мнений и т. д.), но и родительскую оценку понимания различных феноменов модели психического, а также ретроспективную оценку родителями развития предикторов модели психического.

Большинство авторов в качестве предикторов развития модели психического в раннем детстве выделяют понимание интенций, желаний, эмоций, понимание источника знаний (например, понимание того, что необходимо наличие перцептивной информации для возникновения знания об объекте), различение кажущегося и реального, физического и ментального опыта, живого и неживого, понимание детьми визуальной перспективы (понимание того, что разные люди могут видеть одни и те же объекты по-разному). Большая часть задач, разработанная на оценку сформированности этих аспектов понимания ментального мира представляет собой лабораторные задачи, что существенно ограничивает оценку способностей детей, проявляемых в процессе естественной социализации. Представляется важным включить в разрабатываемый диагностический инструментарий ретроспективную оценку родителями развития таких предикторов модели психического, которые проявляются наиболее рано, начиная с младенческого возраста: это способность к подражанию (имитации), общее внимание, понимание предпочтений других людей, символическая игра.

Целью разработки опросника для родителей является не только ретроспективная оценка развития предикторов модели психического в младенчестве и раннем возрасте, но и оценка имплицитного понимания детьми внутреннего мира людей в повседневной жизни, в ситуациях социального взаимодействия. В связи с тем, что понимание отдельных аспектов ментального мира (понимание неверных мнений, причин эмоций, обмана) в раннем возрасте может быть имплицитным и может быть не отражено при решении классических задач на модель психического, нам представляется особенно важным включить в диагностическую батарею модели психического вопросы для родителей.

В настоящее время проводятся исследования по апробации разработанного теста: классических задач на понимание различных феноменов ментального мира дошкольниками (диссертационное исследование Н. Королевой под научным руководством Е. А. Сергиенко) и младшими школьниками (исследования взаимосвязи разви-

тия модели психического и саморегуляции совместно с Г. А. Виленской). Пилотажное исследование родительской оценки понимания детьми ментального мира, а также ретроспективной оценки развития предикторов модели психического запланировано в следующем году. Представляется, что именно родительская оценка понимания различных феноменов ментальности в естественных для детей ситуациях в повседневной жизни будет предсказывать выполнение лабораторных задач детьми на понимание неверных мнений и обмана в дальнейшем.

Несомненно, создание диагностического инструмента для оценки модели психического является важной теоретической и практической задачей, предполагающей значительные научные усилия.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Лебедева Е. И.* Понимание себя и других детьми 3–5 лет на примере понимания неверных мнений // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014. С. 116–119.
- Лебедева Е. И., Попрыго А. Ю.* Понимание обмана и неверных мнений в сказках детьми дошкольного возраста // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 292–294.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.
- Сергиенко Е. А.* Модель психического и социальное познание // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.10.2015).
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Baron-Cohen S.* Theory of mind and autism: A fifteen year review // Understanding other minds: Perspectives from developmental cognitive neuroscience (2nd ed.) / Eds S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, D. Cohen. N. Y.: Oxford University Press, 2000. P. 3–20.
- Clements W. A., Perner J.* Implicit understanding of belief // Cognitive Development. 1994. V. 9. P. 377–397.

Психическое состояние как характеристика родительства*

В. К. Солондаев, Е. В. Конева, Ю. В. Четвертаков (Ярославль)

solond@yandex.ru, ev-kon@yandex.ru, corvusrv@gmail.com

В статье обсуждаются данные о высоком энергетическом уровне фонового состояния родителей детей-пациентов, снижении энергетического уровня в субъективно негативных и амбивалентных ситуациях медицинской помощи, повышении энергетического уровня состояния в ситуации субъективно позитивной помощи. Данные, полученные на материале ситуаций взаимодействия родителей ребенка-пациента с врачом при обращении за педиатрической помощью, раскрывают психологические характеристики феномена родительства как одной из важнейших функций семьи.

Ключевые слова: психическое состояние, психология семьи, родительство, ребенок-пациент, педиатрическая помощь.

Обыденно-практическая ясность представлений о семье и родительстве оказывается обманчивой при попытке определить семью как предмет научного исследования. Предметом исследования, согласно современным философским представлениям, могут быть фрагменты и аспекты объективного мира, на которые направлено научное познание (Степин, Горохов, Розов, 1995).

Так, В. Н. Дружинин утверждает, что «семья возникает не после того, как в браке или вне его рожден ребенок, а тогда, когда муж и жена, мужчина и женщина, берут на себя ответственность за его жизнь, экономическое благосостояние и воспитание» (Дружинин, 2012, с. 11). Но имплицитное процитированным утверждением определение семьи рассогласуется с эмпирическими данными

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 15-06-10641.

К. Б. Зуева, согласно которым российская семья движется в сторону «супруго-центрированности», вместо «дето-центрированности» (Зуев, 2015а).

Возможный способ преодоления подобного рода сложностей видится нам в использовании различия исследовательских и коллекторских научных программ. В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов (1995) предлагают разделять научные программы, определяющие способы получения знаний, т. е. собственно исследовательскую деятельность (исследовательские) и научные программы отбора, организации и систематизации знаний (коллекторские). Методы решения научных задач задает исследовательская программа, а сами научные задачи – коллекторская. Авторами различия особо подчеркивается, что данные программы тесно связаны и не существуют друг без друга.

Различение коллекторских и исследовательских программ нивелирует описанное выше рассогласование. В рамках одной коллекторской программы – психологии семьи – возможны различные исследовательские программы. А говорить о рассогласовании корректно лишь в рамках одной исследовательской программы.

Предварительное определение семьи для эмпирических исследований необходимо, но действительно содержательное определение может появиться лишь как результат проведенных исследований. Во многих случаях исходно достаточно индуктивного определения семьи и рекурсивного определения ее функций. Например, К. Б. Зуев предлагает использовать характеристику стабильность семьи (Зуев, 2015б, с. 36). Стабильность сопоставляется с ценностными ориентациями, жизнеспособностью и др. По содержанию работы ясно, что речь идет об исследовательской программе («как исследовать семью в аспекте стабильности»), которую можно ошибочно принять за коллекторскую («что мы хотим знать о семье»).

Психология семьи (понимаемая как коллекторская программа) существенно выиграет в случае использования уже полученных данных. Медико-психологические и собственно медицинские исследования (самостоятельные коллекторские программы, объединяющие весьма разноплановые исследовательские) могут быть ценным источником эмпирического материала о семье. Так, наше исследование родителей ребенка-пациента (Солондаев, Конева, Четвертков, 2015) содержит информацию именно о семье, хотя выполнено в медико-психологическом контексте. Но и медико-психологические исследования выигрывают при использовании результатов коллекторских программ общей психологии, в частности психологии состояний (Прохоров, 1998, 2009, 2013). На протяжении нескольких

десятилетий психические состояния всестороннее исследуется также и зарубежными авторами (Dawood, Palaian, 2010; Deaton, 1985; Elwyn, Dehlendor, Epstein, 2014).

Целью нашей работы – изучение продуктивного взаимодействия психологии семьи, медицинской и общей психологии на эмпирическом материале психических состояний.

Выборка и методы исследования

Для исследования мы использовали методику «Рельеф психического состояния» (Прохоров, 1998). Испытуемые первой группы – родители детей оценивали собственное психическое состояние в фоне и в ситуациях амбулаторной педиатрической помощи. Использовались описания четырех ситуаций: «плохой» (неоптимальная организация), «хорошей» (демонстрация врачом внимания и доброжелательности по отношению к родителям ребенка во время приема) и двух «амбивалентных» (негативное взаимодействие педиатра с родителями ребенка при позитивном результате лечения; негативное взаимодействие педиатра с родителями при позитивном взаимодействии с ребенком). Испытуемые второй группы – родители детей, проходящих стационарное лечение – оценивали по той же методике собственное психическое состояние в фоне, на момент обследования и на момент начала заболевания ребенка.

Первую группу составили 83 женщины, имеющие детей в возрасте от 7 до 12 лет. Исследование проводилось в общеобразовательной школе Ярославля. Матери учащихся, согласившиеся принять участие в исследовании, по территориальному принципу не относились к участку одного педиатра, их дети на момент обследования по медицинским показаниям могли посещать школу. Вторую группу составили 68 матерей детей-пациентов, находящихся вместе с детьми, получающих стационарное лечение в пяти отделениях Ярославской областной детской клинической больницы (отделения неврологии, гематологии, эндокринологии, нефрологии, патологии новорожденных). Выравнивание обеих выборок по возрасту, образованию родителей, возрасту и заболеваниям детей не проводилось.

Статистическая обработка результатов проводилась в статистическом пакете R (R Core Team, 2015). Учитывая неоднородность и неизвестный характер распределения оценок (Солондаев, Конева, Четвертаков, 2015), статистическую оценку проводили «по нижней границе». Определялись наименьшие вероятные оценки каждого из четырех компонентов состояния, выделяемых А. О. Прохоровым: ПП – блок психических процессов; ФР – блок физиологических ре-

акций; Пер – переживание; Пов – поведение. Для оценки использовался статистический критерий Вилкоксона в модификации Манна–Уитни (функция wilcox.test).

Результаты исследования

По полученным результатам отмечаем, что оценки в большей мере характеризуют образы психических состояний. Не все оцениваемые состояния реально переживались испытуемыми на момент оценки.

Сравнение полученных нами нижних границ оценок параметров психических состояний с имеющимися данными (Прохоров, 1998, 2013) позволяет говорить о высоком энергетическом уровне фонового психического состояния родителей. Вероятнее всего, данная характеристика связана с психологической сущностью родительства – одной из важных функций семьи.

Приведем пример проявления «сверхэнергичности» состояния родителей, описанный М. В. Писаревой, исполняющей обязанности главного врача Ярославской областной детской клинической больницы. Мать одного из маленьких пациентов около 23 часов узнала, что ее ребенку 12 лет не спится (ребенок ответил на телефонный звонок матери). Самочувствие ребенка при этом было удовлетворительным. В течение часа мать приехала в больницу, чтобы лично уложить ребенка. Единственным неприятным для матери моментом в этой ситуации, послужившим потом основанием для обращения к администрации больницы, оказалась стая бродячих собак на пустыре, за границей территории лечебного учреждения. А сама экстренная ночная поездка в больницу с противоположного конца города даже не обсуждалась матерью как неудобство или результат «плохой» работы медиков.

Обнаруженный высокоэнергетический уровень фонового психического состояний родителей во многом объясняет их готовность к конфликтному взаимодействию с врачом. Конфликты родителей с медиками при обращении за педиатрической помощью не документируются по многим причинам, важнейшей из которых является необходимость фиксации согласия родителей на оказание объективно необходимой медицинской помощи. Поэтому сложно объективно оценить степень конфликтности во взаимодействии врач – родитель. Мы можем сослаться лишь на собственные клинические наблюдения и устные сообщения представителей администрации лечебных учреждений. Судя по этим источникам, уровень конфликтности весьма высок, что согласуется с нашими результатами в ранее проведенных исследованиях.

В целом наши результаты достаточно точно соответствуют данным А. О. Прохорова, полученными на других выборках. «Состояния высокой и низкой психической активности в большей степени, по сравнению с равновесными состояниями, обусловлены свойствами личности» (Прохоров, 2013, с. 121). А «состояние заинтересованности отличается высоким уровнем выраженности всех показателей состояния» (Прохоров, 2009, с. 76). «Личные смыслы в большей степени связаны с неравновесными состояниями высокого уровня психической активности... на возникновение неравновесных состояний влияют гедонистические и статусные смыслы» (Прохоров, 2009, с. 100).

Характеристики психических состояний разного энергетического уровня, описанные А. О. Прохоровым, позволяют отчасти объяснить психологические основания распространенных проявлений сверхтребовательности и перфекционизма родителей. А. О. Прохоровым установлено, что «субъекты, ценности которых связаны с ориентацией на достижения, характеризуются состояниями высокого энергетического уровня, субъекты же, у которых преобладают ценности экзистенциальные, характеризуются состояниями низкого энергетического уровня. Лица, характеризующиеся состояниями высокого энергетического уровня, среди ценностей-средств главными считают „непримиримость к недостаткам других“ и „твердую волю“, тогда как субъекты, характеризующиеся состояниями низкого энергетического уровня, к предпочитаемым ценностям-средствам относят „терпимость“ и „эффективность в делах“» (Прохоров, 2009, с. 153). Наши эмпирические данные о психических состояниях также согласуются с выявленным снижением энергетического уровня в «амбивалентных», «плохих» ситуациях и на момент начала заболевания, потребовавших стационарного лечения. «В момент возникновения критической отрицательно окрашенной ситуации 57% испытуемых испытали неравновесные состояния пониженной психической активности» (Прохоров, 2009, с. 306).

В ситуации «хорошей» медицинской помощи нами обнаружен некоторый подъем энергетического уровня психического состояния родителей, соответствующий данным, полученным на другой выборке: «...в период напряженной положительной ситуации 100% испытали неравновесные состояния повышенной психической активности» (Прохоров, 2009, с. 312).

Подводя итоги, вернемся к основной цели данной статьи. В медико-психологическом исследовании были получены данные: 1) о высоком энергетическом уровне фонового психического состояния родителей детей-пациентов; 2) о снижении энергетического уровня

психического состояния в субъективно негативных и амбивалентных ситуациях медицинской помощи; 3) о повышении энергетического уровня психического состояния в ситуации субъективно позитивной помощи.

Литература

- Айвазян С. А., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: Исследование зависимостей: Справочное издание. М.: Финансы и статистика, 1985.
- Дружинин В. Н. Психология семьи: 3-е изд. СПб.: Питер, 2012.
- Зуев К. Б. Обыденные представления россиян о типичной семье // Современное общество, образование и наука: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 16 ч. 2015а. С. 66–68.
- Зуев К. Б. Стабильность семьи: определение понятия и перспективы исследований // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015б. № 1 (3). С. 34–40.
- Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прохоров А. О. Образ психического состояния // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 108–122.
- Солондаев В. К., Конева Е. В., Четвертаков Ю. В. Возможности идентификации психического состояния родителей ребенка-пациента // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2015. № 3 (32). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.09.2015).
- Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995.
- Dawood O. T., Palaian S. Medication compliance among children // World Journal of Pediatrics. 2010. V. 6. № 3. P. 200–202.
- Deaton A. V. Adaptive noncompliance in pediatric asthma: The parent as expert // Journal of Pediatric Psychology. 1985. V. 10. № 1. P. 1–13.
- Elwyn G., Dehlendor C. F., Epstein R. Shared Decision making and motivational interviewing: Achieving patient-centered care across the spectrum of health care problems // The Annals of Family Medicine. 2014. V. 12 (3). P. 270–275.
- R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2015. URL: <http://www.r-project.org> (дата обращения 20.09.2015).

Раздел VII

**ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ**

Социальная модель взаимодействия семьи и школы в контексте реформы российского образования*

А. Д. Андреева (Москва)

alladamirovna@yandex.ru

Статья посвящена проблеме родительской ответственности в условиях современной социальной политики в России. Особое внимание уделено анализу отношений ответственности семьи и государства в сфере воспитания и образования, выступающих дифференцирующим признаком различных моделей взаимодействия семьи и школы. Показано, что социально-психологические стереотипы и патерналистские установки населения затрудняют переход от прежней модели «семья помогает школе» к модели «школа помогает семье», отражающей современные социально-экономические отношения семьи и государства.

Ключевые слова: *родительство, образование, ответственность, патернализм, реформа образования, социальная модель.*

Родительскую ответственность принято рассматривать в качестве одного из важнейших компонентов целостного социально-психологического феномена родительства (Овчарова, 2006). Принятие на себя роли родителя предполагает и принятие ответственности за судьбу ребенка, однако в разные исторические эпохи и у разных народов ответственность за воспитание и обучение детей необходимым умениям и навыкам не всегда возлагалась на родителей. В обществах, ориентированных на коллективные ценности, ответственность за детей нередко делегируется существующим в них социальным институтам. Общества, в которых приоритетны индивидуальные ценности, напротив, основной груз ответственности за воспитание потомства возлагают на семью.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00685.

Так, в первобытном обществе в роли воспитателей выступала община, весь родственный коллектив: мужчины обучали мальчиков искусству охоты и войны, а женщины воспитывали хранительниц домашнего очага. В более поздние времена, когда люди уже жили устойчивыми семьями, у многих европейских и азиатских народов возник обычай обязательной передачи детей на воспитание в другие семьи. Различия состояли лишь в том, всех ли детей или, например, только мальчиков и в каком возрасте родители должны были отдать в другие семьи. Современное российское общество пребывает в периоде смены всей системы ценностей и приоритетов, что находит отражение в глобальной перестройке социальной политики государства. Какое место в ней отведено семье и какова ее ответственность за воспитание и образование будущих граждан?

Несмотря на все разнообразие форм, условий и задач воспитания детей в разные исторические периоды, нельзя не заметить, что общество всегда создавало определенные социальные институты, занимающиеся воспитанием подрастающих поколений. По мере усложнения общественных связей и отношений, роста промышленности и городов неуклонно усиливалась и роль общественных институтов социализации, происходила их постепенная унификация, т. е. превращение в специально организованные учреждения, выполняющие строго определенную функцию – воспитание и обучение детей. На этом этапе своего становления как института социализации школа, учитель, по выражению И. С. Кона, как бы «присвоили» себе часть родительских функций, взяв на себя ответственность за образование детей.

История нашей страны показала, что такая позиция школы является более чем оправданной в низкообразованном обществе, когда родители не могут дать своим детям тех знаний, которые необходимы для успешной адаптации в усложняющемся мире и полноценного выполнения ими в будущем основных общественных задач. Советская школа с блеском справилась с возложенной на нее ответственностью, дав качественное образование детям, родители которых владели лишь азами грамоты и не смогли бы полноценно подготовить своих детей к жизни в новых условиях. Именно в этот период отечественная школа приняла на себя ответственность не только за обучение, но и за воспитание детей, создав социальную модель «родители помогают школе» учить и воспитывать детей. Государство, считая образование своей важной политической, экономической, идеологической задачей, брало на себя всю полноту ответственности за обучение подрастающего поколения, что давало ему право диктовать свои условия, требовать от детей и родите-

лей безоговорочного принятия и соблюдения существующих норм и правил.

Происходящее в стране реформирование образования предполагает переход к иной модели взаимодействия граждан и государства, основанной на принципе «школа помогает родителям». Теперь государство призывает семью активно участвовать в формировании образовательной среды своего ребенка, что закреплено в статье 44 Закона об образовании (2012).

Смена социальной модели школьного образования, воплощенная в новом Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС), обусловлена социально-экономическими приоритетами современного российского общества. Стремясь к оптимизации затрат на школьное обучение, государство отказывается от прежнего стандарта, ориентированного на продолжение образования в вузе, и предписывает школе сосредоточить свои усилия на подготовке детей к жизни в современном, быстро меняющемся мире. Иными словами, прежде школьники изучали основы научных знаний, расширявшиеся и углублявшиеся при переходе из класса в класс таким образом, чтобы к моменту окончания школы выпускник, если он того пожелает, был готов к обучению в вузе. Сегодня приоритет отдается знакомству учащихся с явлениями окружающего мира, важнейшими историческими и культурными фактами, формированию умения работать с информационными технологиями, пользоваться информацией, навыкам совместной работы, необходимым современному человеку. Школьное обучение больше не ориентируется на продолжение образования в вузе, поскольку государству не нужно такое количество людей с высшим образованием, которых оно не сможет обеспечить рабочими местами. Тем не менее, основное содержание ФГОС среднего образования по-прежнему является базой для продолжения образования в вузе, только подготовкой к этому теперь должна заниматься именно семья, желательно в течение всего периода школьного обучения ребенка.

Необходимо понимать, что образовательные услуги, оказываемые школой в рамках нового государственного образовательного стандарта, являются не коммерческими, а социальными, государственными, т. е. минимальными. Новый Закон об образовании РФ призывает родителей ребенка создавать для него индивидуальную образовательную среду, которая в наибольшей степени соответствовала бы его способностям, интересам, семейным возможностям и приоритетам, поддерживать и развивать необходимый уровень учебной мотивации. Со своей стороны, школа готова предоставить детям дополнительные образовательные бюджетные и коммерчес-

кие услуги. В новом Законе об образовании РФ дополнительное образование рассматривается как существенная часть основного общего образования, фактически завершающее основное общее образование современного ребенка. Таким образом, оказание дополнительных платных образовательных услуг в государственных образовательных учреждениях становится законодательной нормой.

Известно, что оказание дополнительных платных образовательных услуг в государственной школе – сугубо российское ноу-хау. В государственных школах Европы и США образование бесплатное, и брать с родителей деньги на какие-либо школьные нужды или дополнительные занятия категорически запрещено. Поскольку не все дети демонстрируют одинаковую тягу и способности к учению, их на разных ступенях школы распределяют по классам с различным уровнем сложности обучения. Критерием являются только академические успехи ребенка, и никакие другие обстоятельства – социальный статус родителей, их имущественное положение – не влияют на попадание ребенка в класс с высоким уровнем обучения. Таким образом, за рубежом государственная система образования регулирует собственные затраты: обучение детей по облегченной программе обходится дешевле, по более сложной – дороже.

Российская реформа образования пошла по иному пути оптимизации затрат, а именно гарантировала всем учащимся бесплатный образовательный минимум, переложив на плечи родителей заботу о более качественном обучении детей. Семья, оценив способности и интересы ребенка, его успеваемость, свои финансовые и организационные возможности, жизненные планы и перспективы, обучает ребенка с привлечением самых разных ресурсов: внеурочных занятий в школе, дополнительных платных занятий, кружков, репетиторов по отдельным учебным предметам, совместным досугом родителей с детьми.

Такое непривычное для нашей страны взаимодействие семьи и школы вызывает острую критическую реакцию населения, привыкшего к отеческой заботе государства об основных социальных нуждах. Исследования показывают, что сегодня модель «семья помогает школе» в значительной степени разрушена, в то время как новая модель – «школа помогает семье» – с трудом пробивает себе дорогу, несмотря на наличие законодательных и экономических предпосылок (Бонкало, 2011).

Существенным препятствием для реализации нового подхода являются социально-психологические стереотипы, мешающие выстраиванию партнерских отношений между этими двумя важнейшими социальными институтами. Так, по данным проведенного на-

ми изучения мотивационных основ семейных стратегий школьного образования (Andreeva, 2015), весьма распространенным остается убеждение, что государство должно быть заинтересовано в качественном образовании своих граждан, поскольку это повышает общий культурный уровень населения. Образование должно предоставляться бесплатно, потому что, во-первых, люди к этому привыкли, во-вторых, они платят государству налоги и имеют право на определенные социальные гарантии и, в-третьих, уровень жизни значительной части российских семей не позволяет им пользоваться всеми возможностями коммерческого образования.

Именно эта неоднородность социальных, культурных, экономических и образовательных ресурсов как самих семей, так и различных регионов России является еще одной причиной неприятия гражданами экономической сути проводимой реформы образования. Так, например, для жителей небольших городов и сел, удаленных от культурных центров, школа и учитель остаются, по сути дела, единственным источником как основных, так и дополнительных образовательных услуг. Конечно, телевидение и интернет несколько облегчают ситуацию, но они не в силах заменить ребенку непосредственного взаимодействия со взрослым, педагогом, что является важнейшим условием его психического развития и полноценного обучения. Консультации семей, проживающих в местах со слабо развитой культурной и образовательной инфраструктурой, показывают, что многие родители понимают необходимость расширения образовательной среды своих детей, но не видят реальной возможности сделать это. Главными культурными центрами в этих городах являются школы, библиотеки, дома культуры и небольшие местные музеи, поэтому и качество дополнительных образовательных услуг остается на привычном уровне, который может обеспечить школа, а его доступность существенно ограничена невысокими доходами населения. Мама семиклассницы из районного центра говорит о том, что «в Москве семья может позволить себе нескольких платных педагогов, а при средней зарплате в нашей области – только одного, по самому нужному или самому провальному предмету. Два платных урока – уже нереально!». По словам некоторых родителей, сегодня они чувствуют, что их детей «сознательно отсеивают еще на самых первых рубежах образования», ибо они «просто не смогут догнать детей обеспеченных родителей, которые все детство с репетиторами осваивали знания, умения и навыки в конкретных предметах, а не в абстрактных размышлениях, как им научиться учиться».

Замечая снижение привычного для себя объема и качества знаний своих детей, родители предъявляют претензии государству,

считая его незаинтересованным в высоком образовательном и культурном уровне населения. Сложившаяся в обществе традиция понимания образования как безусловной культурной ценности сегодня сталкивается с новым государственным подходом к образованию как услуге по подготовке детей к жизни в быстро меняющемся мире. Именно такое, «бюджетное», бесплатное образование вызывает тревогу у многих родителей, опасаящихся, что их дети не смогут в будущем конкурировать с теми, кому семьи предоставили возможность получить более качественное и разностороннее образование.

Несомненно, социальная ситуация современного родительства в России определяется появлением задач, которые не приходилось решать ранее, отсутствием четких ориентиров будущего развития общества, необходимостью поиска новых форм родительского поведения. Именно поэтому сегодня воспитание и обучение детей в российских семьях располагаются в континууме от откровенного патернализма до значительной автономии.

Социологические исследования показывают, что в России, как и в других постсоциалистических странах, очень высок запрос на патерналистскую социальную политику. Так, в опросах Института социологии РАН, проведенных в сравнительно благополучном 2011 г., был зафиксирован всплеск патерналистских ожиданий в социальной области. В частности, 64% респондентов считают, что государство должно нести ответственность за образование детей, 48% ожидают государственной помощи семье и детям (Горшков, 2010). Еще более впечатляющие показатели были получены в исследовании семьи как государственного проекта (Чернова, 2013). Выяснилось, что большинство родителей не готовы взять на себя всю полноту ответственности за благополучие детей: 85% респондентов считают, что государство слабо поддерживает семьи с детьми, 5,4% находят эту помощь вполне достаточной, и лишь 9,6% говорят о том, что родители не должны рассчитывать на помощь государства. Однако вся реализуемая сегодня в России социальная политика направлена на усиление индивидуальной и ослабление государственной ответственности в социальных вопросах, на либерализацию доходов и маркетизацию всех сфер жизнедеятельности общества, сокращение социального страхования и поддержку только особо нуждающихся групп населения (Кормщиков, 2014). Недостаточное понимание людьми происходящих в обществе перемен, нежелание властей внятно разъяснить приоритеты своей социальной политики приводят к росту недовольства и усилению патерналистских устремлений слабо защищенных групп населения, к которым, безусловно, относятся многие семьи с детьми.

Сегодня социологи говорят не столько о реформах, сколько об изменении архитектуры социальной и семейной политики государства, поскольку в результате технологического прогресса и особенностей развития российской экономики исчезла необходимость в огромных людских производственных ресурсах. Какую-то часть граждан, в первую очередь, женщин, оно стремится перенаправить в другие социально значимые сферы, например в семью. Если прежде государство активно поддерживало «работающую мать», то сегодня оно оказывает помощь только «матери». Предполагается, что значительные монетарные поддержки, такие как материнский капитал, повысят социальную привлекательность материнства, будут стимулировать женщин к рождению не только первого, но и последующих детей, решая тем самым демографическую проблему и делая материнство социально одобряемой сферой самореализации женщин.

Однако такая государственная поддержка входит в противоречие как со сложившимися в предшествующие десятилетия представлениями у женщин, их ориентацией на профессиональную самореализацию, независимость и самостоятельность, так и со значительной неустойчивостью современной семьи. Несовпадение реальных условий родительства с целями, на которые направлена материальная поддержка материнства и детства, провоцирует чувство «заброшенности» государством, формирует патерналистские ожидания, которым уже не суждено сбыться. Перестройка психологических установок и преодоление патерналистских стереотипов родительского поведения возможны лишь при условии осознания обществом подлинной сущности происходящих перемен, улучшения и стабилизации экономической ситуации в стране, реального повышения уровня жизни населения.

Противоположной крайней формой функционирования современной российской семьи является ее автономизация от государства. Это тоже своего рода следствие многолетнего доминирования государства над семьей, вылившееся в остро выраженное стремление самостоятельно решать все вопросы семейного устройства. Как правило, такие родители имеют собственные представления о приоритетах развития и воспитания, создают для своих детей «заповедные» условия социализации, жестко следуют собственным идеям и принципам, зачастую игнорируя интересы, склонности и потребности детей. Некоторые из них выбирают уединенную жизнь в сельской местности, ведение натурального хозяйства, «народную» медицину, домашнее обучение, не всегда адекватно оценивая собственный педагогический потенциал. Известно немало примеров, когда родители, декларирующие принятие на себя всей полноты ответствен-

ности за своих детей, реально были вынуждены снижать качество их и своей жизни, придерживаться иных критериев здоровья, благополучия, социализации, образования.

Современные исследования жизнеспособности семьи также показывают, что экономические и социальные перемены последних лет привели к росту вариативности способов организации семейной жизни и невозможности выделить единственно верные критерии «правильной» семьи (Махнач, Постылякова, 2012).

Семья является первым и самым главным институтом социализации ребенка, и именно эта функция семьи испытывает сегодня наибольшее давление проводимых в стране реформ. Современное российское общество все больше становится ориентированным на индивидуальные ценности. Предоставление равных для всех социальных возможностей перестало быть государственным приоритетом. Снижая поддержку социальных сфер, делая ее преимущественно адресной, государство апеллирует к большей активности и самостоятельности населения, принятию личной ответственности за себя и своих близких. Реформа образования в полной мере отражает новую модель взаимодействия государства и граждан, предлагая им самостоятельно дополнить единый минимальный образовательный стандарт в той мере, которую они сочтут возможной и необходимой для своих детей.

Литература

- Бонкало Т. И. Закономерности и механизмы социально-психологического патернализма (на примере патерналистских отношений школы и семьи): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. 2011.
- Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24–47.
- Кормициков Д. А. К какой модели социальной политики стремится Россия? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 439–444.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В. Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
- Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: Учеб. пособие. М., 2006.
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (26 декабря 2012 г.).

Чернова Ж. В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Andreeva A. D. The structure of parental motivation in forming the educational environment of the child // 5th International Conference on Science and Technology. 22–28 June 2015. London. SCIEURO. Berfforts Information Press Ltd, UK, 2015. С. 95–112.

Семейное воспитание: традиции и современность

Э. Л. Ванданова (Москва)

vandanova.e@firo.ru

В статье обсуждаются теоретические и практические вопросы, связанные с представлениями о семейном воспитании, его роли и особенностях, о значимости традиционного семейного воспитания и современных практик семейного воспитания в контексте вызовов современности.

Ключевые слова: семейное воспитание, стиль семейного воспитания, особенности семейного воспитания.

В настоящее время в обществе стали обсуждаться вопросы, которых не существовало 15–20 лет назад. К ним относятся вопросы о применении законов ювенальной юстиции, они в свою очередь, затрагивают вопросы соответствия этим законам традиционного воспитания (в части применения физических наказаний в семье) и опасениями перед возможными случаями нецелесообразной замены семьи на социальный патронат; о возможностях родительства в однополых браках; о цифровом разрыве между поколениями детей и родителей в ситуации, когда дети более компетентны в интернет ресурсах, чем их родители. Все вопросы указывают на появление изменений в сфере функционирования института семьи, затрагивающих семейное воспитание: изменение состава семьи, ее статуса, жизненного стереотипа. Возникает вопрос: насколько современные тенденции мирового развития, вызванные глобализацией, технократизацией, создают условия для появления изменений в функционировании института семьи и воспитания в них детей? Именно поэтому для специалистов разных областей знаний становится важным изучение явлений, происходящих в этой сфере человеческих отношений. На этом фоне особо актуально звучат

мысли французского демографа и психоаналитика Л. Демоза о том, что «центральной силой исторического изменения» является «не техника и экономика, а психогенные изменения в личности, происходящие вследствие взаимодействий сменяющих друг друга поколений родителей и детей» (Демоз, 2000). В этом ключе, несомненно, что детско-родительские отношения играют немаловажную роль в культурно-исторической ситуации и то, что эволюция типов взаимодействий между родителями и детьми – независимый источник развития. По мнению К. А. Абульхановой-Славской, говоря о стратегии семейной жизни, семья выступает в качестве хранительницы культурных традиций, ценностей и нравственности (Абульханова-Славская, 1991). Стратегией жизни семьи является сохранение культурных традиций, ценностей, нравственности. Поэтому так актуально изучение и современной практики семейного воспитания и традиционного семейного воспитания.

Концептуальные подходы к семейной жизни с позиции традиционного воспитания широко представлены в философских, социологических, педагогических и психологических категориях. Философские идеи о семейном воспитании содержатся в трактатах философов европейской традиции начиная с античности, эпохи Возрождения и восточной традиции – древнекитайских, даосских и конфуцианских, и индийских (Джуринский, 1998; Корнетов, 2006; Ло Юн, 2005). Если трактаты европейских философов широко известны, то философские трактаты Востока малоизвестны и еще ждут своих исследователей. Исключением является учение Конфуция, в котором отражены правила поведения в семье, на службе и в обществе. Согласно Конфуцию, в феодальном Китае семье отводилась важная роль: китайская нация называлась «Сто семейств» (Ван Янь Янь, 2007). Его идеи явились основой для ученых Китая, например, в подходе к семейному воспитанию в учении китайского философа и просветителя Янь Чжи Туя (531–595 гг.), объединившего существовавшие в Китае доктрины о семейном воспитании и обучении (Ло Юн, 2005). Изучение этого и других подходов позволит расширить представления о существовавших в тот исторический период дидактических аспектах воспитания и дополнит познания в области культурных традиций семейного воспитания. Необходимость изучения философских идей о воспитании в европейской и восточной традициях обусловлена тенденциями социального развития в современном глобализирующемся мире. В контексте транскультурной коммуникации этот процесс следует понимать как взаимопроникновение разных культур, в рамках которых могут существовать различные модели семейного воспитания.

В изучении вопросов современной практики семейного воспитания, педагогические и психологические идеи, как отмечает Й. Квортруп, являются «доминирующими парадигмами в изучении детства» (Черняк, 2003). В исследовании влияния семьи и стиля семейного воспитания на развитие ребенка можно выделить две тенденции: 1) особенности личности ребенка рассматриваются как результат влияния семьи; 2) ребенок сам определяет свое место в контексте семейных воздействий. Эти тенденции принято рассматривать в контексте трех составляющих родительского поведения: поведенческой, аффективной, когнитивной. (Карабанова, 2001).

С нашей точки зрения, важно прийти к пониманию того, что детско-родительское взаимодействие – это двусторонний процесс, в котором не только родители оказывают влияние на ребенка (родительско-детское взаимодействие), но и ребенок оказывает свое влияние на родителя. Взаимодействие с учетом социокультурных условий находит свое отражение в стиле семейного воспитания. В этой связи оправдано исследование разных аспектов стиля семейного воспитания: индивидуально-психологических особенностей родителя в воспитании; родительского поведения как отражения ребенка, индивидуальности ребенка; социокультурных особенностей семейного воспитания.

В статье представлены несколько видов воспитательного поведения, связанные со стилевыми особенностями воспитания младших школьников. Виды воспитательного поведения, выделенные нами с использованием методики «Анализ семейного воспитания» (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999), следующие:

- 1) особенности воспитания, которые можно определить как проявление адаптации родителей к новому социальному статусу ребенка;
- 2) особенности воспитания, указывающие на сверхзначимость ребенка для родителей, на исключительную роль ребенка, отводимую ему родителями;
- 3) особенности воспитания, для которых характерна значимость личностных отношений родителя с целью получения эмоциональной выгоды для себя;
- 4) особенности воспитания, в которых просматривается нежелание родителя адаптировать свое повеление к новому статусу ребенка, к новым изменившимся условиям;
- 5) особенности воспитания, которые определяются неумением адаптироваться к новому статусу ребенка;

- 6) особенности семейного воспитания, которые определяются неблагоприятием семейных отношений на фоне плохих жизненных условий;
- 7) особенности воспитания, которые опираются на личностные детские переживания родителей, проектируемые на воспитание.

В целом, воспитательное поведение родителей младших школьников строится на использовании психологических способов адаптации родителей к новому социальному статусу ребенка-школьника: адаптивные способы поведения, неадаптивные способы, плохо адаптивные. Они основываются, в свою очередь, на представлениях, которые включают: признание исключительной роли ребенка; значимость личных отношений и поиск собственной выгоды; значимость внешних условий, в том числе социально-экономических; переживание своего прошлого. А. А. Деркач, описывая качественные особенности феномена «стиль», отмечает, что разные стили представляют собой результат интегрирования более частных стилей по принципу вложенных друг в друга систем (Деркач, 2002). Учитывая тот факт, что стиль – это и практические способы действия, и приемы организации психической деятельности, и особенности реакции и психических процессов (Климов, 1969), мы вправе называть все перечисленные способы стилевыми особенностями. С этой точки зрения, стилевые особенности воспитания, отражающие проявления мотивационной сферы, определяют целевые и смысловые воспитательные установки. Стилевые особенности, определяющие действия и приемы организации воспитательной деятельности в условиях социальной ситуации развития ребенка, отражают операциональные установки.

Все сказанное выше позволяет выделять в семейном воспитании две разновидности стилевых особенностей. Существуют стилевые особенности семейного воспитания, относительно постоянные для воспитания ребенка в семье и отражающие предмет воспитания, а также стилевые особенности, являющиеся переменным компонентом в указанной структуре, которые определяются специфически меняющимися условиями семейного воспитания в связи с возрастной динамикой развития ребенка. В частности, для семейного воспитания младшего школьника это способы адаптации родителей к новому статусу ребенка. Существование разных стилевых особенностей в одной деятельности соответствует положению о том, что стиль представляет собой результат интегрирования более частных стилей по принципу вложенных систем.

Таким образом:

- стилевые особенности воспитания – это интегральные характеристики индивидуального стиля деятельности, отражающие его мотивационный и операциональный компоненты и обладающие соответствующими частными функциями;
- стилевые особенности семейного воспитания различаются по ряду критериев: по содержанию воспитательных установок – целевые, смысловые; по способам адаптации к специфике социальной ситуации развития ребенка: адаптация к индивидуально-психологическим особенностям ребенка, адаптация к возрастным особенностям ребенка, адаптация к социо-культурным особенностям ребенка;
- стилевые особенности семейного воспитания выполняют психологическую, психолого-педагогическую и социально-психологическую функции, позволяющие приспособляться к воспитанию как специфической деятельности с учетом возрастных, индивидуальных и социокультурных особенностей ребенка;
- стилевые особенности семейного воспитания образуют структуру семейного воспитания.

Знание о стилевых особенностях семейного воспитания позволяет расширить представления о стилях семейного воспитания и использовать в практике семейного консультирования по вопросам воспитания.

В современных условиях социокультурного развития возрастает необходимость недопущения упадка положительного опыта традиционного семейного воспитания и поддержка современных практик семейного воспитания. Поэтому нам видится, что ответами на современные вызовы в научном и практическом аспекте становятся следующие направления деятельности: 1) семейное воспитание в контексте стратегии жизни семьи и человека (описание существующих концепций семейного воспитания); 2) семейное воспитание в контексте существующих и устоявшихся стилей семейного воспитания; 3) помощь родителям и детям в построении благополучных отношений, создающих условие для развития человека.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Ван Янь Янь.* Традиции современного воспитания в Китае // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Вып. № 43–2. Т. 17. С. 54–57.

- Демоз Л.* Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000.
- Деркач А. А.* Типология стилей // Акмеология / Под. ред. А. А. Деркача. М.: РАГС, 2002.
- Джуринский А. Н.* История зарубежной педагогики. М.: Форум, 1998.
- Карабанова О. А.* Психология семейных отношений: Учеб. пособие. Самара: Изд-во СИОКПП, 2001.
- Корнетов Г. Б.* Очерки истории педагогической мысли и образования за рубежом с древнейших времен до начала XIX столетия. М.: АСОУ–Золотая буква, 2006.
- Ло Юн.* Развитие педагогической мысли о воспитании детей в Китае: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2005.
- Черняк Е. М.* Социология семьи. М.: Дашков и К., 2003.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999.

Теоретические обоснования биполярной и многофакторной моделей диагностики родительского отношения*

А. А. Голзицкая (Москва)

a_golzi@mail.ru

Статья посвящена проблеме диагностики черт родительского отношения и особенностям использования биполярной и многофакторной моделей для их диагностики.

Ключевые слова: *родительское отношение, методики диагностики, биполярная модель родительского отношения, многофакторная модель родительского отношения.*

Одним из особенностей исследований психологии родительства в последние десятилетия стало более глубокое контекстуальное понимание природы взаимодействия между родителями и детьми. Термин «родительское отношение» (РО) многокомпонентен: он понимается как целостная система разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых во взаимодействии с ним, особенностей восприятия и понимания характера ребенка, его поступков (Варга, 1986). О разном отношении родителей к ребенку свидетельствуют многочисленные исследования отечественных и зарубежных психологов (А. Я. Варга, Е. О. Смирнова, А. С. Спиваковская, S. Johnson, E. Skinner, T. Snyder и др.). Сложная структура родительского отношения подразумевает при его изучении использование разнообразных методик для выработки системного подхода к его рассмотрению.

Для изучения родительского отношения за рубежом используются многочисленные опросники и только за последние десятиле-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ, проект № 14-26-01007.

тия их было создано около сорока. Среди них тесты: PARI (Schaefer, 1959), IPI (Campbell, 1994), CSRFFI (Barber, Olsen, Shagel, 1994), PPM (Sessa et al., 2001), проективные методики, например FAT (Sotile, 1988).

В отечественной практике исследований родительского отношения на сегодняшний день используются три опросника: ОРО (Варга, Столин, 1989), АСВ (Эйдемиллер, Юстицкис, 1970), и модификации опросника PARI, выполненные Т. В. Нещерет (1980 г.) и Т. В. Архиревой (2006). Помимо этих опросников используются диагностическая беседа, интервью, метод наблюдения, самоотчеты родителей. Для исследования родительского отношения, детско-родительского и семейного взаимодействия также используются проективные методики, такие как: «Незаконченные предложения» (Saks, Levy, 1950; Леонтьев, 2010), «Фигуры» (Брутман и др., 2001), рисуночный тест «Я и мой ребенок» (Филиппова, 2002), «Родительское сочинение» (Бурменская, Захарова, Карабанова и др., 2002; Шведовская, 2005).

Прослеживая исторический контекст разработки методов изучения родительского отношения, стоит отметить, что в ранних работах исследователей было принято выделять две основные категории, характеризующие РО: первая из них представлена полюсами «любовь–враждебность» (или «принятие–отвержение»), а вторая – полюсами «ограничения–вседозволенность». Во второй категории понятие «ограничение» подразумевает под собой строгие родительские требования к послушанию ребенка, использование наказаний. Другой полюс категории – «вседозволенность» включает в себя попустительство, потакание капризам ребенка, недостаток дисциплины.

Систематизируя зарубежный опыт изучения РО, Э. Скиннер, С. Джонсон и Т. Снайдер (2005) пишут о том, что *основные свойства родительского отношения*, которые вычленились в ходе конструирования и применения целого ряда диагностических методик, можно описать тремя переменными: «тепло, сердечность–отвержение», «структурированность–хаос» и «автономная поддержка–принуждение». Эти переменные были вычленены в исследованиях родительского отношения к детям в возрасте от дошкольного до старшего подросткового, и изучались с помощью разных методов: опросников, интервью, рейтинговых шкал, наблюдения.

По сути, эти три главных переменных, вычлениаемых в исследованиях родительского отношения были предложены в качестве основных параметров для «Children’s Report of Parental Behavior Inventory» (CRPBI), разработанного E. Schaefer (Schaefer, 1965; Schludermann, Schludermann, 1970). Эта методика может быть названа «прародителем» многих биполярных опросников РО, используемых

в настоящее время психологами. Охарактеризуем основные из указанных переменных родительского отношения.

Теплота, сердечность и отвержение. Теплота (душевность, сердечность) – наиболее важная черта родительского отношения, упоминаемая, пожалуй, во всех моделях РО (Rohner, 1976, 1986; Skinner, Johnson, Snyder, 2005). Также часто обозначаемая как принятие, теплота подразумевает выражение привязанности, любви, уважения. Она включает в себя эмоциональную доступность, поддержку, заботу о ребенке. Выражение сердечности и участия особенно актуальны в ситуациях, когда ребенок нуждается в комфорте, но проявление этих характеристик можно проследить и в родительско-детском взаимодействии, фокусирующемся на обучении и выработке дисциплины.

Отвержение и враждебность представляют полюс, противоположный теплоте и принятию. Родительское поведение характеризуется отвержением в случае, если родители откровенно не принимают ребенка, не любят его. Выражение враждебности часто включает в себя неприязнь, грубость и раздражительность, открытое выражение негативных чувств, критику, неодобрение. Отвержение выражается в реакции на потребность ребенка в помощи и внимании, а также может быть инициировано самим родителем, вне зависимости от проявлений детского поведения.

Структурированность – хаос. Когда этот параметр впервые появился в литературе, посвященной родительству, в рамках дискуссии о дисциплине и контроле, к структурированности было отнесено обозначение четких ожиданий в сочетании с последовательным установлением ограничений для детского поведения. Часто структурированность обозначается также как строгий контроль, и эта черта присуща *авторитетному родительству* (Baumrind, 1967, 1971).

Помимо перечисленных свойств, *структурированность* также подразумевает предоставление родителем информации о возможных путях достижения желаемого результата, а также наличие четких и взвешенных требований по отношению к ребенку «определяющим является то, до какой степени родители обеспечивают наличие понятных и согласованных указаний, ожиданий и правил для детского поведения» (Grolnick, Ryan, 1989).

В противовес структурированности, понятие «хаоса» используется для обозначения родительского поведения, которое отличается непоследовательностью, беспорядочностью, непредсказуемостью и ненадежностью.

«Поддержка автономности–принуждение». Данный параметр в исследованиях стилей родительства подчеркивает важность обес-

печения поддержки автономности ребенка. Эта черта была впервые отмечена при рассмотрении исследователями последствий использования принуждения, также известного как «психологический контроль». Родительское отношение, в котором присутствует выраженное принуждение, описывается в литературе с применением таких существительных, как ограничение, гиперконтроль, навязчивость, автократия. Являясь ключевой характеристикой «авторитарного родительства» (Baumrind, 1967, 1971), принуждение приводит к возникновению различных проблем в развитии ребенка в подростковом возрасте (Barber, 1996).

Определение родительской поддержки автономности, изначально фокусировалось на отсутствии психологического контроля и принуждения (Barber, 1996), тем не менее, исследования самоопределения и автономности внесли в концепцию родительской поддержки большую ясность (Deci, Ryan, 1985; Grolnick, Ryan, 1989, 1992; Grolnick, Ryan, Deci, 1991; Ryan, 1982; Skinner, Edge, 2002b; Skinner, Wellborn, 1994). Поддержка автономности ребенка выходит за границы простого обеспечения его свободой выбора, выражения уважения в рамках коммуникации, побуждения его на активное исследование и проговаривания собственных взглядов, целей и предпочтений. Поддержка автономности ребенка подразумевает выражение им своего мнения, которое будет иметь вес в ходе решении проблем в семье.

Долгое время в практике психологических исследований преобладали те теории, в которых подчеркивалась особая значимость полярных характеристик родительского отношения. Тем не менее, наряду с ними также появлялись и другие, содержавшие побуждение отказаться от полюсного взгляда на стили детско-родительского взаимодействия. Таким образом, перед психологами в ходе разработки инструментария оценки РО встала огромная проблема – следовать ли логике биполярности в исследовании и анализе собранных данных, или рассматривать родительское отношение как многофакторное явление. Известно, что многие интеракции родителя с ребенком (детьми) более полно описываются отдельным фактором, не в противопоставлении его другим факторам.

Э. Скиннер и соавторы (2005) предложили мотивационную (многофакторную, униполярную) модель РО и рассмотрели возможность использования не трех общепринятых, основанных на принципе биполярности, характеристик родительского отношения, а шести черт РО, т. е. каждый признак из трех основных категорий («теплота–отвержение», «организованность–попустительство», «поддержка автономности–принуждение») должен был рассматриваться как са-

мостоятельный показатель. Это означало, что родитель, который демонстрирует высокий уровень выраженности одной из характеристик РО (например, теплоты и сердечности), необязательно покажет низкий уровень выраженности его противоположности (в данном случае – отвержения). На первый взгляд кажется, что родитель не может быть одновременно теплым и отвергающим. На самом же деле тот факт, что родительский стиль может быть выражен в огромном количестве паттернов взаимодействия, означает, что такая комбинация вполне возможна хотя бы в принципе. Это также может значить, что родители могут демонстрировать низкие показатели по обоим из данных параметров и это будет отражать достаточно хорошее родительское отношение, как предполагала Д. Баумринд (1991), или низкую степень вовлеченности в процесс выполнения роли родителя.

Такая логика рассмотрения параметров РО, в которой автор придерживался бы точки зрения, что биполярная модель не отражает всей полноты возможного отношения к ребенку и процесса построения взаимодействия с ним, двумя десятилетиями ранее была частично отражена в работе А. Я. Варга. Она отмечала, что родительское отношение противоречно и амбивалентно, и в нем сосуществуют в разной пропорции противоположные элементы эмоционально-ценностного отношения (симпатия и антипатия, уважение и неуважение), которые проявляются поочередно во взаимодействии с ребенком в разное время и по разным поводам. Родительское отношение должно рассматриваться как многомерное образование, в структуре которого могут быть выделены четыре образующих: 1) интегральное принятие либо отвержение ребенка; 2) межличностная дистанция («симбиоз»); 3) формы и направление контроля (авторитарная гиперсоциализация) и 4) социальная желательность поведения. Каждая образующая представляет собой сочетание (в разной пропорции) эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов (Варга, 1986).

Таким образом, теоретические воззрения психологов на проблему родительского отношения претерпели существенные изменения с течением времени, что было выражено в переходе от преимущественно биполярной модели рассмотрения черт РО к многофакторной. Тем не менее, в практике конструирования и использования методик шкальной оценки все также преобладает первая из перечисленных моделей. Это сказывается на результатах исследований, лишая специалистов возможности более полно и адекватно оценить взаимодействия родителя и ребенка в рамках конкретной семейной системы.

В настоящее время одной из центральных проблем использования количественных методов оценки родительского отношения является следующая: подавляющее большинство опросников базируются на теоретических основаниях биполярной модели РО, тогда как сама эта модель уже утратила актуальность. Многие исследователи склонны считать более функциональной мультиполярную модель родительского отношения, подразумевающую большую вариативность поведения родителя, амбивалентность его отношения к ребенку в разные моменты времени.

Литература

- Варга А. Я.* Структура и типы родительского отношения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
- Barber B. K.* Parental psychological control: Revisiting a neglected construct // *Child Development*. 1996. V. 67. P. 3296–3319.
- Baumrind D.* The influence of parenting style on adolescent competence and substance abuse // *Journal of Early Adolescence*. 1991. V. 11. P. 56–95.
- Grolnick W. S., Ryan R. M.* Parent styles associated with children's self-regulation and competence: A social contextual perspective // *Journal of Educational Psychology*. 1989. V. 81. P. 143–154.
- Schaefer E. S.* A circumplex model for maternal behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1959. V. 59. P. 226–235.
- Skinner E., Johnson S., Snyder T.* Six Dimensions of Parenting: A Motivational Model // *Parenting: Science and Practice*. 2005. V. 5 (2). P. 175–235.

Психологический статус понятия «семейные наставления»

В. Н. Куницына, Е. А. Юмкина (Санкт-Петербург)

vkuni@mail.ru

В статье представлено теоретическое обоснование понятия «семейные наставления». Определено его психологическое содержание, отличие от близких понятий, таких как «совет», «родительское послание», «семейный сценарий». Выделены виды (вербальные и невербальные), формы и функции семейных наставлений в современной семье. Показано, что семейные наставления являются формой реализации семейного сценария, направлены на трансляцию нравственных ценностей и представления о должном поведении человека. Сформулированы перспективные направления изучения семейных наставлений.

Ключевые слова: семейные наставления, семейный сценарий, межпоколенные отношения в семье.

В современной действительности остро стоит проблема целостности и устойчивости общества. При этом особая роль отводится семье, во все времена выполнявшей функции посредника между личностью и обществом. Одной из таких важных проблем, как предмет изучения психологов и философов со второй половины XX века, стал механизм социального наследования или передачи социального опыта.

Применительно к семье данная проблема обозначается термином межпоколенной передачи опыта, или, в английской терминологии, трансгенерации, и разрабатывается в контексте семейного воспитания (А. Адлер, Т. В. Андреева, С. О. Муромцева и др.), семейного сценария (Э. Берн, А. С. Боярко, Дж. Вэнн, Н. В. Клюева, Й. Стюарт, К. Штайнер), семейной истории (М. Х. Богатырева, А. А. Шутценбергер,), передачи ценностных ориентаций в семье (В. Н. Дружи-

нин, Н. В. Гришина, А. А. Иконникова, В. Н. Куницына, и др.), выбора брачного партнера и образа будущей семьи (С. О. Докучаева, М. В. Галимзянова, О. А. Карабанова, О. В. Трофимова). В центре внимания подавляющего большинства работ был поиск ответа на вопрос, «что и как передается от старшего поколения к младшему», в то же время сравнительно мало изучается проблема, «в какой форме осуществляется передача».

В связи с этим приобретает актуальность определение психологического статуса понятия «семейные наставления» как одной из форм воспроизводства семейного опыта. Поставленная цель сопряжена с решением ряда задач. Во-первых, определить отличие данного понятия от близких по смысловому содержанию категорий. Во-вторых, описать виды и формы семейных наставлений. В-третьих, охарактеризовать функции семейных наставлений.

Соотношение семейного сценария и семейных наставлений, в нашем понимании, тождественно отношению категорий содержания и формы. Основатель транзактного анализа Э. Берн, предложивший сам термин «сценарий», определял его как некую имеющуюся у индивида программу, в соответствии с которой он строит свою жизнь. Программа в отсутствии специальных средств для ее реализации представляет собой некий безличный информационный код, который оживает во взаимодействии людей. Семейные наставления, являясь системой действий и высказываний, обозначают форму, запускающую развертывание и реализацию семейного сценария.

Толковый словарь С. И. Ожегова определяет наставление как «руководство», «инструкция», «настоятельный совет», «поучение». В совокупности этих толкований задана схема вертикального, одностороннего взаимодействия – от более опытного к менее опытному, причем предполагающее принятие на веру.

Сопоставление однокоренных слов – устав, ставить, застава, пристав – придает термину «семейные наставления» смысл устойчивости, надежности, проверенности опытом поколений. В латинском языке эквивалентом наставлений является «instruction» (буквально – руководство), что еще раз подчеркивает степень доверия обучающегося и руководителя, чей авторитет и опыт не подвергается сомнению. Исследователи отмечают, что семейный сценарий в подавляющем большинстве случаев проявляется на бессознательном уровне и не подвергается специальному анализу субъектом. На наш взгляд, корень этого явления заключен в иррациональном (т. е. через принятие на веру, а не через доводы разума) усвоении ребенком определенных смыслов от родителей. В этом аспекте термин «семей-

ные наставления» точнее других схожих понятий передает сущность формирования и реализации семейного сценария.

Еще один аспект наставления, представленный в современном толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова, – это значение «научить кого-либо чему-либо хорошему», указывающее на его нравственный характер, на кодирование представлений о добре и зле. При этом сразу становятся очевидными две формы наставлений: побуждение к добру (например, «поступай в соответствии со своей совестью») и предостережение от зла (скажем, «не бери чужого»).

Схожим по смыслу является понятие «родительское послание» (используемое больше в практической психологии и психотерапии, в частности в работах Э. Берна, Г. Бейтсона). Его принципиальное отличие от семейного наставления заключается в том, что оно фиксирует скрытый смысл, который выражается не в расшифровке буквального смысла, а в обобщении ребенком целого комплекса вербального и невербального поведения родителей. В этом отношении оно ближе по широте семейному сценарию и, следовательно, также может быть соотнесено с семейными наставлениями как содержание и форма. В том же аспекте отличаются и семейные установки. Кроме того, семейные установки являются следствием раскрытия смысла семейного наставления и его усвоения ребенком (отношение результата и процесса).

При сопоставлении понятий «семейные наставления» и «поучение» различие выражается в тонком смысловом нюансе. Глагол наставлять подразумевает придание опоры, позволяющей уверенно стоять и двигаться определенной дорогой (распространенное выражение «наставить на путь истинный»). Глагол поучать предполагает вооружение ценными знаниями, но окончательный выбор, какой стратегией поведения следовать, принимается субъектом самостоятельно.

От совета «семейные наставления» отличаются тем, что совета обычно спрашивают, причем зачастую со скрытым намерением получить подтверждение уже выработанному собственному решению. Наставление дается в определенной ситуации с целью обратить внимание субъекта на недостаток у него знания определенных правил поведения с человеком или обращения с предметом.

Таким образом, обобщив сказанное, возможно дать определение семейным наставлениям – это одностороннее речевое или неречевое воздействие родителей (и/или прародителей) на ребенка, рассчитанное на длительную перспективу, с целью приведения его поведения в соответствие с принятыми в семье представлениям о должном. В данном определении выражается, прежде всего,

то, что семейное наставление – это форма одностороннего, вертикального общения родителей и ребенка. Оно может быть выражено речью и/или на языке жестов. Основная его цель состоит в передаче правильного или нравственного образа поведения. Этот нюанс обуславливает длительную перспективу воздействия наставления на сознание ребенка. Наставление может регулярно повторяться, запечатляясь в памяти ребенка и всплывая при определенных ситуациях. В наставлении как бы оказываются размыты временные границы: произносимое в настоящем, оно выражает опыт предыдущих поколений, имеющий тенденцию на реализацию в будущем. Существенный момент – это фраза «принятые в семье представления о должном», в котором выражается не столь очевидная цель семейных наставлений – формирование семейной идентичности у ребенка, как частного случая групповой идентичности.

Вербальные наставления могут предъясняться в следующих формах: (а) как моральный упрек, вменяющий то или иное действие ребенка в вину («Вечно ты разбрасываешь вещи», «Все-то ты делаешь на зло»); (б) как приказ, запрещающий или разрешающий определенные действия («Не бери», «Сделай, как я сказал»); (в) как акума, или назидание, зачастую имеющее устойчивую конструкцию пословиц или народной мудрости («Закончил дело – гуляй смело», «Без труда не вытащишь и рыбки из пруда», «Познай самого себя – и познаешь весь мир»); (г) как притча; (д) как назидательный пример из литературы; (е) как назидательный пример из жизни членов семьи.

Каждая из данных форм семейных наставлений может быть использована в зависимости от ситуации. Недопустимой является лишь форма морального упрека, которая формирует у личности ощущение собственной неполноценности и никчемности. Приказательная форма применима в экстренных ситуациях, требующих быстрого реагирования (немедленного блокирования нежелательных и угрожающих жизни ребенка действий). Остальные формы в большей или меньшей степени предполагают не только принятие на веру, но и привлечение аргументации или побуждение к размышлению.

Необходимо особо остановиться на наставлении, выраженном в отсылке к литературным героям. Такая форма возможна лишь с определенного возраста, когда ребенок набрал достаточный словарный запас с тем, чтобы понимать смысл детских сказок. Ссылки на литературных героев вызывают яркий образ и запускают процесс сравнения, результатом которого является решение о соответствии или несоответствии действий ребенка образу и о желании продолжать поступать сходным образом.

Помимо вербальных возможны наставления, выраженные на языке жестов. Они могут существовать, по крайней мере, в двух формах: а) демонстрации должного поведения; б) демонстрации мимикой, жестами, позой неодобрения или одобрения тех или иных действий ребенка (пауза, кивок, скрещивание рук, нахмуривание бровей).

Специально хотелось бы охарактеризовать место противоречивых наставлений, которые лежат в основе формирования таких личностных особенностей, как лицемерие и двоедушие. В них как бы заложен конфликт между личными интересами и общественными. В качестве примера можно привести: «не подмажешь – не добьешься», «не делай добра, не получишь и зла», «цель оправдывает средства».

В частности, первое высказывание настраивает на следование нормам доброжелательного поведения, но оно противоречит одному из императивов И. Канта, согласно которому человек должен быть целью, а не средством. Обходительность в данном случае связана только с личной выгодой, не предполагает наличие каких-либо чувств к другому человеку.

Второе высказывание имеет благую цель оградить ребенка от разочарований во взаимоотношениях, но первая часть «не делай добра» намного сильнее и категоричнее второй, что в целом настраивает личность общаться в довольно напряженном ключе и имеет перспективу социальной изоляции.

Третье высказывание, ориентирующее на достижение успеха в деле и доведение его до конца любыми способами, имеет скрытый подтекст, что целью, вообще говоря, может быть не только конструктивное, но и деструктивное поведение (история знает массу примеров, когда человек ставил задачу завоевать весь мир и в результате развязывались масштабные кровопролитные войны). Следовательно, вновь личная выгода или амбиции оказываются превыше человеческих взаимоотношений. Тем не менее, подобных наставлений можно привести множество.

На наш взгляд, насыщенность семейной коммуникации высказываниями такого рода является важным сигналом нарушения нормального, благополучного существования семьи и связано это с накоплением социальных противоречий и с обострением кризисных процессов. Необходимость выживания актуализирует эгоистическую мораль «человек человеку – волк». В связи с этим противоречивые наставления – это диагностический критерий, выявляющий не только потребности в помощи конкретной семье, но и указывающий на серьезную социальную проблему, в основе которой лежит разложение моральных устоев общества.

До сих пор мы рассматривали в основном виды семейных наставлений. Теперь охарактеризуем их функции. Явной функцией является передача опыта и ценностей от старшего поколения к младшему. Менее очевидна, но довольно разнообразна по формам функция самоутверждения родителя. Родитель может осознавать собственное превосходство и значимость, или компенсировать несостоявшуюся карьеру преподавателя. Все эти стороны самоутверждения без специального обращения внимания плохо поддаются рефлексии самим родителем, но могут так же бессознательно считываться ребенком и служить препятствием для усвоения смысла семейного наставления. Причина этого кроется во все том же нарушении императива И. Канта. Когда главное стремление родителя при наставлении своего ребенка самоутвердиться, то последний выступает средством этого самоутверждения, а передача опыта становится второстепенной задачей. Важное следствие этого – ослабление доверия, которое, как обсуждалось нами выше, составляет необходимое условие восприятия наставлений.

Еще один нюанс касается присутствия третьих лиц при предъявлении семейных наставлений. Должно ли семейное наставление реализовываться в диаде, или оптимальна триада (как установлено в социальной психологии для большинства ситуаций взаимодействия). На наш взгляд, наставление должно осуществляться в диаде. Данное исключение вовсе не опровергает правила. Триада оптимальна для партнерского общения, т. е. где все равны. Как следует из определения семейных наставлений, в ситуации их предъявления изначально заложено неравенство: родитель более опытен и компетентен, чем ребенок. Наставление также зачастую предстает как мягкая форма наказания за ненадлежащее поведение. Присутствие третьего человека может осложнить ситуацию: создать условие психологического давления (если принимается сторона родителя) или противоречивых требований (если принимается сторона ребенка). Кроме того, в определенных ситуациях лучше, если отец наставляет сына, а мать – дочь.

Таким образом, «семейные наставления», являясь новым понятием в психологии, довольно четко определено в границах своей применимости. Такая ситуация позволяет перейти к переводу его на язык эмпирического исследования, что отчасти реализовано в ряде пилотажных исследований. В ходе теоретического анализа было выяснено, что семейные наставления относятся к классу моральных суждений, которые в одностороннем порядке предъявляются родителями по отношению к детям. Они являются формой реализации семейного сценария и могут предъявляться в зависи-

мости от ситуации и возраста ребенка в более директивной или более мягкой формах.

Помимо вербальных существуют также и невербальные семейные наставления, действенность которых становится более явной на высоком уровне сплоченности семьи. Противоречивость семейных наставлений актуализируется в ситуациях социальных изменений и может быть важным диагностическим критерием социально-психологического благополучия семьи. Семейные наставления также актуализируют развитие психических процессов, таких как анализ, сравнение, категоризация, экстраполяция, обобщение, учат ценить доверительные отношения, являются важнейшим условием формирования Я-концепции личности. В качестве перспективных направлений исследования можно отметить изучение взаимосвязи между личностными особенностями ребенка и литературными героями, с которыми сравнивали его поведение родители, реконструирование по семейным наставлениям идеальный тип личности и сопоставление с ним реальные особенности детей и родителей, разобрать сам принцип отбора фраз семейных наставлений родителями.

Литература

- Богатырева М. Х.* Межпоколенная передача семейной истории. Дефекты передачи // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 109. С. 164–170.
- Карабанова О. А., Трофимова О. В.* Роль родительской семьи в формировании образа будущей семьи // Современная российская семья: психологические проблемы и пути их решения: Монография. Астрахань, 2013.
- Куницына В. Н., Юмкина Е. А.* Семейные отношения и дом (метод изучения внутрисемейных отношений). СПб.: ЛЕМА, 2015.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Осницкий А. В.* Проблема наследования личностных свойств // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 12. Вып. 2. Ч. I. С. 248–253.
- Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002.
- Социально-психологические аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире / Отв. ред. В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Стюарт Й., Вэнн Дж.* Жизненный сценарий: как мы пишем историю своей жизни. 1987. Русский перевод В. Данченко, 2000.

- Штайнер К.* Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003.
- Шутценбергер А. А.* Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциаграммы. М.: Изд-во Института психотерапии, 2009.
- Hautamäki A., Hautamäki L., Neuvonen L., Maliniemi-Piispanen S.* Transmission of attachment across three generations: continuity and reversal // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2010. V. 5 (3). P. 347–354.
- Snarey J.* How fathers care for the next generation. A four-decade study. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

Повышение педагогической культуры родителей

Д. Ю. Пинчук (Москва)

dipinchuk@gmail.com

Родители являются субъектами образовательного пространства. Обсуждается вопрос повышения их педагогической культуры, так как воспитательный потенциал большинства семей недостаточен для воспитания духовно-нравственной личности. В статье рассматриваются вопросы повышения педагогической культуры родителей, анализируются понятия «педагогическая культура родителей» и близкие по нему «психолого-педагогическая культура родителей», «психолого-педагогическая компетентность родителей».

Ключевые слова: педагогическая культура, народная педагогика, семейное воспитание, традиционные ценности, дети.

Семья является важнейшим социальным институтом, влияющим на количество и качество народонаселения в стране. При этом семья – это часть общества и на ней отражаются те процессы, которые происходят в современном мире. Сегодня особенно важно, чтобы семья и общество передавали детям и последующим поколениям традиционные ценности народов России и любовь к Отечеству.

Семья в обществе выполняет ряд функций, важнейшими из которых является репродуктивная и воспитательная. Воспитательная функция реализуется через семейное воспитание, которое рассматриваем:

- как систему взаимоотношений в семье между участниками семейной группы;
- как педагогическую деятельность родителей (цели, содержание и методы воспитания в семье, а также субъекты воспитания и место воспитания);

- как процесс подготовки детей к жизни в существующих социальных условиях и как усвоение детьми знаний, умений, навыков, необходимых для нормального формирования личности в условиях семьи.

Содержание семейного воспитания включает в себя основы духовно-нравственного, эстетического, физического, трудового, интеллектуального, патриотического, полового (гендерного), экологического, воспитание семьянина и др.

Как указывают психологи и педагоги, на воспитание ребенка (детей) в семье оказывает существенное влияние социокультурная среда семьи, педагогическая культура родителей. В семейном воспитании важным условием успешного развития ребенка (детей) выступает: принятие, диалогичность общения (субъект-субъектное взаимодействие), атмосфера любви, атмосфера искренности (Реан, 2010).

Проблема семейного воспитания, включая педагогическую культуру родителей, интересует многих исследователей (Л. Е. Раскин, Г. Н. Волков, В. А. Сухомлинский, В. Я. Титаренко, Л. Г. Емельянова, И. В. Гребенников, М. Д. Махлин, М. В. Богуславский, А. П. Валицкая, Г. А. Виленский, Г. Ф. Карпова, Е. Н. Шиянов, Л. В. Мардахаев, А. В. Иванов, А. В. Мудрик, О. Л. Зверева, В. М. Данильченко, И. Ф. Исаев, Г. И. Риц, Е. Ю. Захарченко, Г. В. Звездунова, И. Ю. Кульчицкая, Е. Н. Сорокина, И. В. Дорно, Н. К. Гончаров, Е. П. Арнаутова, Г. В. Новикова, А. М. Егорычев и др.). Рассмотрим некоторые определения термина «педагогическая культура».

Г. Н. Волков с позиции этнопедагогики определил понятие: «педагогическая культура – это среда материальной и духовной культуры народа, которая непосредственно связана с воспитанием детей. Это колыбель и колыбельные песни, игрушки и игровые песни, детская одежда и подвижные игры, детские орудия труда и труд детей, детская пища и детское питание, правила кормления детей, детский фольклор, праздники, традиционные формы назидания, советы молодой матери и заветы предков потомкам, спортивные или иные состязания подростков и молодежи, посвящение их в «возмужалость», методы приучения и совокупность взглядов народов на подготовку подрастающего поколения к жизни и т. д. и т. п.» (Волков, 1974). М. Д. Махлин в педагогическую культуру родителей включает способность планировать свою воспитательную деятельность. Он считает, что в педагогическую культуру не входят родительская любовь и стремление обеспечить детей материально, так как эти качества присущи всем родителям и не нуждаются в специальном форми-

ровании (Махлин, 1976). Л. Г. Емельянова, В. Я. Титаренко рассматривают педагогическую культуру родителей как качественную характеристику деятельности по воспитанию детей, отражающую степень их готовности как воспитателей, содействующую всестороннему развитию личности. В. Я. Титаренко определяет педагогическую культуру как конкретно-исторический специфический способ сознательного решения стоящих перед семьей задач, совокупность специфических «механизмов» и средств организации воспитательного процесса. Выделяет когнитивный компонент: осознание воспитательных целей и способов их достижения; уточняется содержание этих способов как соответствующей суммы психолого-педагогических, этико-педагогических, физиолого-гигиенических и других знаний, необходимых педагогических навыков и умений и педагогического мастерства (Титаренко, 1987). И. В. Гребенников под педагогической культурой понимает такой уровень педагогической подготовленности родителей, который отражает степень их зрелости как воспитателей и проявляется в процессе семейного и общественного воспитания детей. Уровень педагогической культуры зависит от индивидуальных особенностей личности, образования, профессии, богатства жизненного опыта (Гребенников, 1991). И. Ю. Кульчицкая считает, что «педагогическая культура – это часть общечеловеческой, в которой с наибольшей полнотой запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, а также способы творческой деятельности, необходимые для обслуживания исторического процесса смены поколений, социализации личности, осуществления образовательно-воспитательных процессов» (Кульчицкая, 2005). «Педагогическая культура родителей – личностное образование, которое выражается в ценностно-целевой направленности родителей на полноценное воспитание и развитие ребенка, способности к рефлексии, самоконтролю, регуляции своего поведения, в творческом владении психолого-педагогическими технологиями, знаниями, гуманистическим стилем взаимодействия с ребенком» (Зверева и др., 2009). О. Л. Зверева дополняет содержание понятия педагогической культуры способностью родителей к рефлексии – способность анализировать собственную воспитательную деятельность, методы воздействия на ребенка, способность обнаруживать допущенные ошибки в воспитании и намечать пути их исправления (2009).

Помимо термина «педагогическая культура родителей», рассматривают близкие по значению понятия: психолого-педагогическая культура родителей, психолого-педагогическая компетентность родителей, др. А. А. Реан следующим образом определяет

психолого-педагогическую компетентность родителей: это «психолого-педагогические знания и опыт, которые могут помочь создать необходимые условия для развития ребенка как потенциально гармоничной личности» (Реан, 2010). В. Я. Титаренко писал, что психолого-педагогическая культура родителей позволяет существенно снизить элемент стихийности, свойственный семейному воспитанию. «Психологическая компетентность родителей предполагает четкое осознание воспитательных целей, а также способов их достижения» (Титаренко, 1987).

Целенаправленное воздействие на ребенка необходимо проводить с рождения и в дошкольном возрасте, так как на это время приходится «сензитивные пики» в формировании качеств, служащих в дальнейшем эмоциональной основой духовно-нравственного, семейного (воспитание семьянина), патриотического, трудового, экологического, эстетического и др. направлений воспитательной деятельности.

Проанализировав различные подходы к рассмотрению вопроса педагогической культуры родителей, мы уточнили это понятие.

Педагогическая культура родителей – это часть общей культуры родителей, интегративно-функциональное образование их личности, реализующееся посредством нормативно-ролевого поведения (отцовства и материнства), предполагающая владение не только определенным уровнем знаний, умений и навыков по выполнению воспитательных функций семьи, но и интериоризацию социокультурных смыслов, норм и ценностей общества, а также готовность к их реализации в семейном воспитании (Егорычев, Пинчук, 2015).

На основе структуры педагогической (профессиональной) культуры социального педагога Л. В. Мардахаева мы разработали модель педагогической культуры родителей. В этой модели рассматриваем родителя как человека и саморазвивающуюся личность, так как процесс воспитания – это сложный и ответственный вид деятельности, который требует от родителей творческого подхода, самовоспитания, самоконтроля, напряжения внутренних ресурсов. Каждый человек обладает внутренней культурой, которая проявляется во внешней культуре и они тесно взаимосвязаны. Компоненты внутренней культуры: ценностный, эмоционально-чувственный, когнитивный и рефлексивный. Компоненты внешней культуры: *коммуникативный, деятельностный, имиджевый и средовой*. Внутренняя культура характеризуется следующими компонентами: *ценностный, эмоционально-чувственный, когнитивный, оценочный*.

Ценностный компонент внешней культуры включает в себя ценности родителя, насколько они сформулированы, осознают-

ся им или бессознательны. Мотивы родительства, принятие роли отца или матери, ожидания родителей, нравственные идеалы. Самопознание, самоопределение, проектирование себя, своей семьи, отношение к родным, обществу, природе. Эмоционально-чувственный компонент включает в себя комплекс чувств, эмоций, настроений, которые возникают в процессе воспитания детей. Включает в себя способность к саморегуляции и др. Когнитивный компонент включает в себя знания о ребенке, о содержании и способах ухода и воспитания и др.

Рефлексивный компонент включает в себя внутреннее отношение родителей к ребенку, анализ собственного поведения как воспитателя. Рефлексия – умение увидеть себя глазами ребенка. Оценка успеха спланированных, организованных и проведенных воспитательных мероприятий. Какая, возможно, требуется коррекция, что можно сделать лучше. Нормы и правила, «внутреннее мерило», что хорошо, а что плохо, тесно связано с ценностным компонентом и др.

Коммуникативный компонент включает в себя культуру речи, стиль общения между родителями, между родителями и ребенком: совместное чтение, материнский фольклор (Теплова, 2013; и др.).

Деятельностный компонент включает в себя разнообразные виды деятельности в семейно-хозяйственной сфере (распределение домашних дел, самообслуживание), игровой, учебной, общественно-полезной, производственной, творческой, общие дела, способ проявления каждого члена семьи и др.

Имиджевый компонент включает в себя внешний вид, внешние проявления родителя, его способность заражать других своим примером, отношением, авторитет родителей и др.

Средовой компонент включает в себя характеристики социокультурной среды семьи: уклад семьи, семейные традиции, условия проживания, организация и проведение досуга, управление интересами ребенка через традиционные игрушки, концерты народных исполнителей, семейные путешествия по старинным городам и интересным местам, посещение музеев и выставок, и др.

В целях дальнейшего нашего исследования мы провели анализ компонентов педагогической культуры, выделили критерии и соответствующие показатели их проявления. Результаты представлены в таблице 1.

В настоящий момент мы разрабатываем методiku оценки педагогической культуры родителей дошкольного возраста, и надеемся представить анализ полученных данных в докладе на конференции.

Таблица 1

Критерии и показатели педагогической культуры родителей

Компоненты	Критерии	Показатели
Мотивационный	Мотивационно-целевой	Интерес к изучению и принятию русской культуры; готовность к повышению своей педагогической культуры; желание построить семейное воспитание с учетом традиций народной педагогики
Ценностный	Ценностные ориентиры родителей	Стремление родителей к: этнической идентификации; освоению педагогической культуры на основе народных воспитательных традиций; воспитанию детей с учетом смыслов и ценностей русской народной культуры
Эмоционально-чувственный	Эмоционально-ориентированный	Внешнее выражение родителями чувств любви к русской культуре; к родной природе; к традициям русской семьи
Когнитивный	Знаниевый	Уровень знаний о: русской истории и культуре; русском языке; семейных воспитательных традициях народной педагогики; культуре отношений мужчины и женщины (родителями) в русской традиции
Коммуникативный	Социально-педагогическое взаимодействие в семье	Культура взаимодействия родителей и всех членов семьи; социальное взаимодействие с внешней средой (учебные и рабочие коллективы, спортивные, культурные и образовательные организации)
Деятельностный	Результативный	Уровень сформированных у родителей умений и навыков по организации жизнедеятельности семьи с учетом русских традиций (уклад семьи); сформированности педагогической культуры на основе народной педагогики; сформированность традиционных гендерных отношений в семье
Имиджевый	Образ родителей (восприятие детьми своих родителей)	Уровень отношения ребенка (детей) к своим родителям; насколько авторитетны родители для своих детей
Рефлексивный	Самооценочный	Способность родителей отслеживать и корректировать свое эмоциональное состояние во взаимодействии со всеми членами семьи; взглянуть на ситуацию «глазами ребенка»; способность осознавать мотивы и ожидания всех членов своей семьи
Средовой	Характеристики воспитательной культурной среды семьи	Уровень сформированности у родителей способности создавать и поддерживать семейные традиции, организовать досуг семьи, развивать и поддерживать образовательные запросы всех членов семьи

Литература

- Семья: психология, педагогика, социальная работа / Под ред. А. А. Реана. М.: АСТ, 2010.
- Зверева О. Л., Ганичева А. Н., Кротова Т. В.* Семейная педагогика и домашнее воспитание детей раннего и дошкольного возраста: Учеб. пособие. М.: ТЦ «Сфера», 2009.
- Иванов А. В.* Педагогика социальной среды как отрасль социальной педагогики: Монография. М.: АПК и ППРО, 2011.
- Мардахаев Л. В.* Социальная педагогика. Основы курса: Учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.

Трансляция родителями ценностей и отклоняющееся поведение подростков*

Т. В. Сорокина, Н. Е. Харламенкова (Москва)
satorytat@mail.ru nataly.kharlamenkova@gmail.com

В статье представлены результаты исследования ценностей подростков с разными видами отклоняющегося поведения, а также анализа ценностей их матерей. Определена степень трансляции ценностей подросткам взрослыми. Сравнительный анализ ценностей подростков с различными проявлениями отклоняющегося поведения: неуспеваемость, непослушание, плохое поведение и подростков с социально приемлемым поведением показал, с одной стороны, сходство групп по определенным ценностям – универсализм, доброта, безопасность, а с другой – различия между группами по ценностям – конформность, самостоятельность, гедонизм. Обнаружено, что высокая степень трансляции ценностей подросткам родителями определяет вероятность проявления специфики отклоняющегося поведения подростка, соответствующего проекции родителей.

Ключевые слова: подростки, отклоняющееся поведения, неуспеваемость, ценности, трансляция ценностей.

Ценностные ориентации являются важной психологической характеристикой человека. Они определяют направленность личности, отражают стиль поведения, его поступки, деятельность в целом. Психологической основой ценностной ориентации личности является многообразная структура потребностей, мотивов, интересов, целей, идеалов, убеждений, мировоззрения. По Рокичу (1973), личностные ценности представляют собой руководящие принципы жизни, которые служат критериями результатов деятельности человека,

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ №0159-2015-0010.

определяют то, как нужно себя вести, каково желательное состояние или образ жизни – «модель должного» (цит. по: Леонтьев, 1996).

Обычно главным каналом трансляции ценностей, принимаемых подростками, является семья – семейные ценности. Процесс этот протекает неоднозначно: от полного приятия до полного неприятия транслируемых ценностей детьми. Очевидно, интенсивность трансляции играет здесь важную роль, определяя различное отношение ребенка к передаваемым ценностям.

Гипотеза исследования: предполагается, что трансляция родителями значимости какой-либо ценности семьи и гиперстимуляция ребенка с целью принятия ценности оказывают обратное действие, проявляясь в поведении. Чем больше родители транслируют значимость какой-либо ценности, тем вероятнее, что поведение ребенка будет лежать в этой области (области проекции родителей), проявляя себя в соответствующих видах отклоняющегося поведения.

Целью настоящего исследования является изучение ценностных ориентаций подростков и их матерей как факторов, сопряженных с формой отклоняющегося поведения подростка и анализ влияния степени трансляции ценностей матерями своим детям.

Методика

Участники исследования. В исследовании приняли участие 206 чел.: подростки и их матери. Средний возраст детей – 14,2 лет, что соответствует периоду подросткового возраста, среди них 49 девочек, 54 мальчика. Средний возраст матерей подростков – 38,3.

Подростки, чьи матери обратились за помощью в психологическую службу с жалобами на непослушание, неуспеваемость своих детей и нарушение ими социальных норм поведения составили *основную группу*. В нее вошли 60 подростков и 60 их матерей.

Эти семьи проходили диагностику во время консультаций с семейным психологом. Диагностическая работа проводилась до консультативной работы психолога. Каждая консультация длилась от 1 часа до полутора. Интервалы встреч составили от 1 до 3 недель. Количество встреч колебалось от 3 до 10.

В *контрольную группу* вошли подростки (43 чел.), которые характеризуются, со слов матерей, высокой социальной компетентностью; отсутствуют жалобы на поведение детей со стороны взрослых. Их матери (43 чел.) также приняли участие в исследовании. С такими семьями проводилось однократное 2-часовое интервью, включающее заполнение методик.

Правомерность распределения на группы подтвердилась методикой А. М. Прихожан «Исследование социальной компетентности» (2009).

Семьи основной группы по критерию отклоняющегося поведения (запроса) были поделены на 3 подгруппы по следующим признакам:

- 1) «Неуспеваемость» – жалобы на неуспеваемость в школе (21 семья);
- 2) «Непослушание» – жалобы на непослушание (20 семей);
- 3) «Асоциальное поведение» – жалобы на асоциальное поведение (19 семей).

Базой исследования выступило Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Московская служба психологической помощи населению».

Методики. Определение ценностных ориентаций проводилось с помощью *методики Ш. Шварца*, позволяющей изучить ценностно-мотивационную сферу человека. Эта методика была взята за основу с целью изучения системы ценностных ориентаций подростков и их матерей.

Для исследования степени родительской трансляции ценностей детям нами была разработана *Анкета степени трансляции ценностей родителями*, содержащая 12 вопросов с четырьмя вариантами ответов. Вопросы направлены на исследование степени давления родителями на детей в соответствии с родительскими ценностями. Родителям предлагалось выбрать один из предложенных вариантов ответа: «да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», «нет». Каждому ответу соответствовали числовые значения от 1 до 4. Сумма набранных баллов в ответах показывала степень трансляции ценностей детям и степень ожидания соответствия детских ценностей родительским. Чем больше сумма баллов, тем выше степень трансляции.

Результаты исследования

По каждому из 10 типов ценностей по методике Шварца высчитывался средний балл, далее типы ранжировались по уровню значимости. В итоге была получена структура ценностей каждого респондента на уровне нормативных идеалов. Ранги ценностных ориентаций подростков по методике Ш. Шварца основной и контрольной групп представлены в таблице № 1.

Из таблицы результатов видно, что у подростков из обеих групп на первом месте находится ценность *универсализма*, которая подразумевает, что в жизни респондентов особое место занимают по-

Таблица 1

Ранги ценностных ориентаций подростков по методике Ш. Шварца в основной группе (ОГ) и контрольной группе (КГ)

Конформность	Традиции	Доброта	Универсализм	Самостоятельность	Стимуляция	Гедонизм	Достижения	Власть	Безопасность
ОГ	5	2	1	3,5	10	9	7	8	3,5
КГ	7	2	1	4	9	10	5	8	3

Таблица 2

Ранги ценностных ориентаций подростков в 3 основных подгруппах и контрольной группе

	1-я подгр. Неуспеваемость	2-я подгр. Непослушание	3-я подгр. Ассоциальное поведение	Контрольная группа
Конформность	4	8	8,5	6
Традиции	5	6	8,5	7
Доброта	2,5	4	2,5	2
Универсализм	1	1	2,5	1
Самостоятельность	6	2	1	4
Стимуляция	10	10	10	9
Гедонизм	9	9	4,5	10
Достижения	7	7	6	5
Власть	8	5	4,5	8
Безопасность	2,5	3	6	3

нимание, терпимость, защита благополучия окружающих людей и природы.

На втором месте у подростков обеих групп ценность *доброты*, которая говорит о важности благополучия в повседневном взаимодействии с близкими людьми для респондентов подросткового возраста.

На третьем месте в контрольной группе ценность *безопасность*, которая говорит о важности для подростков собственной безопасности и окружающих его людей, стабильность общества и взаимоотношений. В основной группе на третьем месте – *самостоятельность и безопасность*. Определяющая цель этого типа ценностей состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности. Самостоятельность как ценность производна от организменной потребности в самоконтроле и самоуправлении, а также от интеракционных потребностей в автономности и независимости.

На четвертом и пятом местах у подростков контрольной группы располагаются *самостоятельность и достижения*. На пятом месте у подростков основной группы *традиции*. Четыре из пяти значимых ценностей у основной группы – социальные ценности, одна ценность развития – самостоятельность.

Сравнение показателей подростков по методике исследования ценностных ориентаций Ш. Шварца с помощью U-критерия Манна–Уитни в контрольной и основной группах свидетельствует о различии значимости ценности гедонизма. Для подростков с отклоняющимся поведением ценность гедонизма оказывается наиболее значимой ($p=0,000$).

Полученные результаты свидетельствует о том, что среди пяти самых значимых ценностей для подростков контрольной и основной групп присутствуют ценности социального благополучия и развития. В целом ценности двух групп не различаются по их месту в иерархии ценностей.

Результаты сравнения контрольной группы и трех основных подгрупп. Ранги ценностей подростков трех основных подгрупп и контрольной группы представлены ниже (см. таблицу 2).

Во второй и третьей подгруппах, в отличие от первой, среди пяти самых значимых ценностей у подростков выявлена ценность самостоятельности, в третьей подгруппе в отличие от первой и второй – ценность гедонизма. Во второй и третьей подгруппах среди наиболее значимых ценностей присутствует ценность власти. Контрольную группу отличает наличие ценности достижения в сравнении со всеми основными подгруппами.

Сравнение показателей подростков по методике «Исследование ценностных ориентаций» Ш. Шварца в контрольной группе и основной подгруппах показало наличие значимых различий. Так, подростки с формой отклоняющегося поведения «Неуспеваемость» имеют более высокие показатели ценностных ориентаций, таких как: конформность ($p=0,000$), традиции ($p=0,001$), доброта ($p=0,000$), безопасность ($p=0,002$), универсализм ($p=0,000$).

Ценностные ориентации подростков в основных подгруппах различаются на статистически значимом уровне. У первой подгруппы «Неуспеваемость» выраженными оказались *ценности конформности* ($p=0,00$), традиции ($p=0,001$), доброты ($p=0,00$), универсализма ($p=0,00$) и безопасности ($p=0,001$). Выявленные ценности характеризуют человека как сдержанного, лежат в сфере достижения социального благополучия. Среди значимых выявлены ценности, выражающие интересы группы (конформность) во взаимодействии подростков с социумом. Действительно, именно к подросткам первой подгруппы родители не предъявляют жалоб по поводу нарушения социальных норм в общении, а только к успеваемости.

Во второй подгруппе «Непослушание» выше *ценность самостоятельности* ($p=0,0096$), в сравнении с двумя другими подгруппами. Эта ценность адекватна особенностям подросткового возраста. Однако при наличии значимых ценностей социального благополучия, таких как: доброта, традиции, безопасность, универсализм, мы можем наблюдать несбалансированность и противоречие взаимно уравновешивающих тенденций. Речь идет об одновременном стремлении к независимости и соблюдению социальных норм. К таким же характеристикам социально неадаптированного подростка в своем исследовании приходит Ю. А. Пучкова (2006).

Подростки из группы «Асоциальное поведение» наиболее высоко оценили для себя *ценность гедонизма* ($p=0,000$) в сравнении с другими подгруппами. Таким образом, индивидуалистические ценности преобладают в этой группе – в отличие от подростков из первых двух групп. Согласно Т. Н. Смотровой и В. В. Гриценко (2009), наличие индивидуалистических ценностей, таких как власть и стимулирование, в сочетании с ценностью традиций связаны со склонностью к нарушению социальных норм. По данным, полученным Ю. А. Васильевой (1997), девиантные подростки характеризуются ориентацией на удовлетворение собственных потребностей, а также пассивным отношением к жизни и пониженным уровнем ответственности.

Результаты анализа ценностных ориентаций матерей. У матерей контрольной группы значимо выше ценность стимуляции

($p=0,001$), в сравнении с матерями основной группы. Этот тип ценностей является производным от организменной потребности в разнообразии и глубоких переживаниях для поддержания оптимального уровня активности. Мотивационная цель этого типа ценностей заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям. Данная ценность определяет задачи семьи, связанные с переходом от одной стадии жизненного цикла к другой. Ценность стимуляции может отражать закон развития семейной системы, а не закон гомеостаза. Другими словами, для успешного прохождения жизненного цикла семья должна в определенные моменты проявлять готовность к трансформации, перестройке прежних отношений (Варга, 2001; Черников, 2005; и др.).

В ценностной сфере матерей основной группы были выявлены значимые различия в сравнении с ценностной сферой матерей контрольной группы. Особое внимание обращает на себя выбор ценности конформности, которая чаще предпочитается матерями основной группы ($p=0,001$). Ценность конформности, по нашему мнению, отражает состояние гомеостаза и может соотноситься с неспособностью семьи как системы перестроиться.

В ценностной сфере матерей подростков, которые вошли в разные подгруппы, также были выявлены значимые различия.

У матерей подростков первой подгруппы «Неуспеваемость» выше *ценность конформности* ($p=0,0018$) и *достижения* ($p=0,0377$) в сравнении с другими подгруппами. Это означает, что отклоняющееся поведение (неуспеваемость, отсутствие достижений) лежит в области тех ценностях матерей, которые отличают их от матерей подростков из других подгрупп.

У матерей подростков второй подгруппы «Непослушание» более значимой является *ценность власти*, чем у матерей других подгрупп ($p=0,0000$). Отклоняющееся поведение ребенка в этой подгруппе проявляется в непослушании, что противоречит значимой ценности матерей (в сравнении с другими матерями). Другими словами, при важности для матери власти и послушания подросток демонстрирует именно неподчинение, а не что-то другое (например, неуспеваемость).

Для матерей подгруппы подростков «Асоциальное поведение» значимо выше оказались ценности *традиции* ($p=0,003$), *доброты* ($p=0,0006$), *универсализма* ($p=0,0016$). Ценность доброты и традиций относятся к типу ценностей «сохранение, консерватизм» (Шварц, 2004). Подростки же этой подгруппы проявляют нетерпимость к социуму, что противоречит значимым ценностям матерей подростков подгруппы «Асоциальное поведение».

Результаты исследования степени трансляции ценностей. Было проведено исследование степени трансляции ценностей матерями подросткам в основной и контрольной группах. Степень трансляции ценностей в основной группе ($med=29,5$), по сравнению с контрольной группой ($med=22,0$), оказалась выше. То есть в семьях с жалобами на поведение ребенка выше показатели уровня требований к подросткам по выполнению родительских установок.

Обсуждение результатов

Результаты исследования ценностных ориентаций подростков показали как общие для них ценности – универсализм, доброту, безопасность, так и различия в ценностях. У *неуспевающих* подростков значительное место в иерархии ценностей занимают конформность, универсализм и безопасность, что, согласно концепции Шварца (Карандашев, 2004), относится к ценностным типам консерватизма и самотрансцендентности. Ценности описываемых подростков направлены на избегание конфликтов, сохранение мира, что скорее согласуется с преобладанием закона гомеостаза и не соответствует задачам подросткового периода как переходного и кризисного этапа жизни.

У подростков, которых характеризуют как *непослушных*, выраженной ценностью, по сравнению с другими подростками, является ценность самостоятельности, характеризующаяся проявлениями открытости к изменениям. Ценность самостоятельности относится к ценностям, выражающим интересы индивида.

У подростков с *асоциальным* поведением оказалась выраженной ценностью гедонизма. Она относится к ценностным типам самовозвышения и открытости к изменениям. Ценность гедонизма тоже относится к ценностям, выражающим интересы индивида. По данным Ю. А. Пучковой, неадаптированные социальные подростки воспринимают трудовую деятельность как постыдное компрометирующее обстоятельство (Пучкова, 2006). В литературе отмечается сниженная субъективная потребность в достижениях у подростков-правонарушителей (Моисеева, 2003), а также ориентация на удовлетворение собственных потребностей (Васильева, 1997).

У матерей подростков обеих (основной и контрольной) групп основные ценности также оказались схожими: доброта, универсализм, безопасность. Однако в ценностной сфере матерей были выявлены значимые различия. Особенно интересным представляется следующий результат: ценность конформности выше для *матерей основной группы*. Согласно системному подходу, семья, как любая живая система, существует и развивается под действием двух основных за-

конов: гомеостаза и развития. Ценность конформности, по нашему мнению, отражает действие закона гомеостаза. Исследуемые семьи находятся на переходном периоде к стадии «семья с подростком», а успешное продвижение по жизненному циклу семьи обеспечивает закон развития. Высокая ценность конформности для матерей, т. е. преобладание закона гомеостаза в семье, соотносится с наличием проблем в функционировании подростка как члена семьи.

В семьях основной группы были выявлены высокие показатели степени *трансляции ценностей* родителями детям в отличие от семей контрольной группы. Родители подростков с отклоняющимся поведением характеризуются более высокой степенью ожидания соответствия ценностных ориентаций детей своим собственным. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что гипертрансляция ценностей является обязательным параметром для формирования негативного поведения подростков, а форма отклоняющегося поведения подростков сопряжена с семейными ценностями. Можно предполагать, что гипертрансляция ценностей родителями детям – необходимый, но недостаточный параметр для того, чтобы симптом ребенка лежал в ценностной сфере семьи.

По данным А. Я. Варга, интенсивность трансляций, как правило, увеличивается в депривационных семьях и в семьях, где родители прожили непростую жизнь, полную ограничений (война, катастрофа, бедное детство и проч.). Такие родители обычно гипертранслируют идеальную модель жизни – жизнь без лишений. Подобная цель нереалистична и оказывает негативное воздействие на формирование личности детей (Варга, 2001).

Исходя из результатов, можно сделать следующие *выводы*:

Ценностные ориентации семьи сопряжены с формой симптоматического поведения подростка в семейной системе. Параметром становления формы симптома является гипертрансляция родителей о значимости какой-либо ценности семьи и требований к ребенку ее достижения. Чем больше родители транслируют значимость какой-либо ценности, тем вероятнее, что симптоматическое поведение ребенка будет лежать в этой области.

Литература

- Варга А. Я. Семейные мифы в практике системной семейной психотерапии // Журнал практического психолога. 2001. № 1–2. С. 65–77.
- Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушении социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 58–78.

- Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004.
- Леонтьев Д. А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
- Моисеева С. И.* Психологические особенности подростков, склонных к девиантным формам поведения в современных социально-экономических условиях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Прихожан А. М.* Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М.: АНО «ПЭБ», 2007.
- Пучкова Ю. А.* Характеристики личности подростков-деликвентов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Смотрова Т. Н., Гриценко В. В.* Ценностные ориентации личности и склонность к нарушению социальных норм // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 5–18.
- Черников А. В.* Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2005.
- Rokeach M.* The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973.

Восприятие родителей подростками с разным уровнем глобального самоотношения

А. И. Тащёва, С. В. Бедредина, Р. А. Шаова (Ростов-на-Дону)

annaivta@mail.ru gridneva-sveta@mail.ru rshaova@list.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей восприятия подростками 14–15 лет их родителей в связи с уровнем глобального самоотношения респондентов, приведены статистически значимые результаты этих связей, выявлено своеобразие восприятия отцов и матерей детьми с различным самоотношением. Результаты могут использоваться при оказании психологической помощи подросткам и их родителей для оптимизации их восприятия и, следовательно, взаимоотношений.

Ключевые слова: самоотношение, глобальное самоотношение, восприятие подростками родителей, особенности восприятия отцов и матерей в 14–15 лет.

Несмотря на то, что в психологии накоплен большой потенциал научных исследований, раскрывающих важные аспекты отношений значимости, а также активно ведется поиск эффективных средств гармонизации личностного и группового развития школьников в период отрочества, различные стороны социального взаимодействия подростка с его ближайшим окружением остаются недостаточно изученными (Кривцова, 1997). Кроме того, ощущается недостаток исследований, посвященных комплексному рассмотрению отношений межличностной значимости подростка с его ближайшим окружением как единой системы, включающей ее основные компоненты: «подросток–подросток», «подросток–учитель» и «подросток–родитель» (Аверин, 1998).

Объектом исследования стали 86 подростков 14–15 лет, учащиеся МОУ лицея № 103 г. Ростова-на-Дону. Выборка делилась на две

группы по уровню глобального самоотношения (Вассерман, Горьковая, Ромицына, 1995).

В основную группу вошли 29 чел. с высоким уровнем глобального самоотношения, в контрольную – 26 чел. с низким уровнем глобального самоотношения.

Методический инструментарий: подростковые варианты опросников А. И. Тащёвой «Атрибутивное сопровождение общения» (Тащёва, 2013) и «Ретроспективная рефлексия конфликтов» (Тащёва, 2013), тест «Подростки о родителях» Е. Шафера, модифицированный Л. И. Вассерманом, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной (Вассерман и др., 1995), тест-опросник самоотношения В. В. Столина (Общая психодиагностика, 1989). Метод статистической обработки данных: коэффициент корреляции Спирмена и критерий F Фишера.

Качественно-количественный и статистический анализ результатов подтвердил выдвинутые гипотезы.

- Подросткам с различным самоотношением свойственны разные характеристики восприятия ими своих родителей.
- Позитивное самоотношение подростков сочетается с их позитивным восприятием родителей.

Подросткам с различным самоотношением свойственны разные эмоционально-оценочные и содержательные характеристики восприятия своих родителей и их отношений к ребенку.

Подросткам, имеющим высокий уровень глобального самоотношения, свойственны аутосимпатия, самоинтерес, самопринятие и самопонимание, самоуважение. Респонденты имеют низкий показатель самообвинения. Положительным оказалось их отношение к другим людям. Такие дети уверены в себе, они полагают, что аналогичные чувства к ним испытывают и другие. Девочки, по сравнению с мальчиками, ожидают более высокой оценки со стороны окружающих людей, проявляют больше интереса к себе; мальчики же имеют более высокий уровень самоуважения.

Подростки с низким уровнем глобального самоотношения отличаются высоким самообвинением, средним уровнем принятия себя и аутосимпатии, низким саморуководством и самоуважением. Подростки данной группы не уверены в себе, для них характерна противоречивость их собственного «Я», они плохо понимают себя и склонны к самообвинениям, менее позитивно относятся и к другим людям. Мальчики имеют более высокий уровень самоуважения и самоинтереса, по сравнению с девочками, но чаще ожидают отрицательного отношения к себе других людей (родителей и сверстников).

Описывая себя, подростки основной группы в 37% случаев, а контрольной – в 74% воспроизводят отношение к ним родителей и сверстников, что свидетельствует о недостаточной дифференцированности самоотношения и недостаточной автономности у респондентов. Ни один из наших респондентов не указал в качестве значимых людей педагогов, что, на наш взгляд, является признаком недостаточности уважения подростков к педагогическому коллективу школы.

Подростки с высоким глобальным самоотношением своих матерей воспринимают как позитивных, не директивных, проявляющих преимущественно положительные чувства к ребенку, наделенных положительными качествами. На первый план для этих детей выступают психологические качества матерей, которые в глазах ребенка выглядят близкими, принимающими, помогающими, последовательными и понятными. У этих подростков отмечается высокий уровень позитивной генерализации восприятия матерей.

Подростки с позитивным самоотношением воспринимают своих отцов как позитивных, добрых, внимательных по отношению к ним, не директивных, позволяющих детям самим делать выбор. Такие отцы вовремя реагируют на достижения ребенка похвалой и одобрением. На первый план при восприятии отцов выступают психологические качества отцов.

Подростки с негативным самоотношением воспринимают своих матерей как директивных, эмоционально отвергающих, описывают мам чаще социально-экономическими характеристиками. При этом уровень позитивной генерализации восприятия подростками матерей является низким.

Подростки с негативным самоотношением воспринимают своих отцов как автономных, формальных в общении, слабо предсказуемых в своих реакциях на поведение и достижения детей, описывают их при помощи социально-экономических характеристик. Отцов воспринимают с позиции их статуса, роли, социального положения. Отмечается низкий уровень позитивной генерализации восприятия подростками с негативным самоотношением к отцам.

С уровнем глобального самоотношения (самоуважение и ауто-симпатия) положительно связано позитивное восприятие подростками матерей и описание их психологическими и эмоционально-оценочными характеристиками. Симпатия к себе и самопонимание отрицательно связаны с восприятием матерей как директивных, автономных и враждебных. Директивность также положительно связана с самообвинением и отрицательным отношением к другим (сверстникам, родителям). Обвинительное отношение в свой адрес

сочетается в восприятии подростков с непоследовательностью со стороны матерей. Подростки, ожидающие положительного отношения других людей, воспринимают своих матерей как положительных и описывают мам чаще всего психологическими характеристиками. Положительное, эмоционально-оценочное восприятие матерей связано с самоинтересом и самопринятием подростков. Подросткам, употребляющим при описании своих матерей преимущественно социально-экономические характеристики, свойственен низкий уровень самопонимания, аутосимпатия, интерес к себе и ожидание положительного отношения к себе окружающих.

Восприятие матерей как директивных, властных и контролирующих у мальчиков связано с антипатией в свой адрес, а у девочек – с самообвинением.

Высокий уровень глобального самоотношения подростков положительно связан с позитивным восприятием отцов, и отрицательно – с восприятием отцов как директивных, автономных и непоследовательных. При этом подростки, имеющие высокий уровень глобального самоотношения, описывают своих отцов большим количеством слов. Восприятие автономности и непоследовательности со стороны отца характерно для подростков с низким самоуважением и саморуководством. Дети, ожидающие положительного отношения других людей, имеют позитивное восприятие собственных отцов и описывают их психологическими характеристиками. Эта же особенность самоотношения, наряду с самоинтересом и самопринятием, отрицательно связана с восприятием отцов как враждебных по отношению к детям. Подростки, принимающие себя и проявляющие интерес к себе, воспринимают отцов положительно и эмоционально-оценочно. Эмоциональное восприятие детьми отцов и описание их психологическими характеристиками связано с самопониманием, а преимущественное использование социально-экономических характеристик отрицательно связано с пониманием себя.

Практическая значимость

Полученные данные могут быть использованы при разработке профилактических и коррекционных психологических программ работы с подростками и их родителями при наличии психологических трудностей, связанных с самоотношением подростков и неадекватным восприятием ими родителей и, напротив, неадекватным восприятием родителями подростков. Стратегии оказания психологической помощи: психологическое консультирование, профилактическое

психологическое консультирование, психологическая коррекция с целью формирования адекватного самоотношения подростков, оптимизации восприятия ими родителей и родителями – подростков. Результаты исследования могут использоваться в программах подготовки и переподготовки специалистов, работающих с подростками: психологов, педагогов и социальных работников, а также родителей, заинтересованных в лучшем понимании подростков и в оптимизации взаимоотношений с ними.

Литература

Аверин В. А. Психология детей и подростков. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 1998.

Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. Вып. 9. М.: Фолиум, 1996.

Кривцова С. В. Подросток на перекрестке эпох. М.: Генезис, 1997.

Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Тащёва А. И. Опросник «Атрибутивное сопровождение общения» («АСО») // Энциклопедический словарь по психологии общения / Под общ. ред. А. А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2013.

Тащёва А. И. Опросник «Ретроспективная рефлексия конфликтов» («РПК») // Энциклопедический словарь по психологии общения / Под общ. ред. А. А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Когито-Центр, 2013.

Нарушения межличностных коммуникаций в семье и личностная беспомощность у подростков*

Д. А. Циринг, И. В. Пономарева, Е. А. Евстафеева (Челябинск)

ivp-csu@yandex.ru

Статья посвящена природе личностной беспомощности. Цель исследования – выявить особенности семейных взаимоотношений и их вклад в формирование личностной беспомощности у подростков. С позиции системного подхода авторы статьи доказывают, что коммуникативные процессы в семье беспомощных подростков отличаются большим количеством нарушений, чем семейные взаимоотношения самостоятельных подростков.

Ключевые слова: личностная беспомощность, семья, нарушение межличностных коммуникаций, детско-родительские отношения.

В современной отечественной психологии результатом научного интереса к феномену беспомощности явилось множество исследований, как самого феномена, так и смежных с ним явлений. Среди направлений изучения беспомощности в современной отечественной психологии можно выделить исследование разных аспектов беспомощности (Введенская, 2003; 2009; Евстафеева, 2015; Забелина, 2009; Циринг, 2001, 2010; Уянаев, 2004; Шиповская, 2009; Яковлева, 2010). Д. А. Циринг (2001, 2010) исследует новый феномен в психологии, создавая концепцию личностной беспомощности.

Субъектно-деятельностный подход, являясь теоретико-методологической основой изучения личностной беспомощности, предопределяет содержание этого понятия. Личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство личностных особенностей, определяющее низкий уровень субъектности, то есть

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00577а.

низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая трудности. Такими внутренними условиями являются эмоциональные, мотивационные, когнитивные и волевые особенности личности. Внешними условиями выступают средовые факторы. Необходимо отметить, что Д. А. Циринг доказана континуальная природа личностной беспомощности, при этом противоположной характеристикой данного феномена выступает самостоятельность субъекта.

Формирование личностной беспомощности человека – крайне важный, но фактически не изученный до сих пор вопрос. Осознание того, как происходит этот процесс, даст ключ к пониманию психологического смысла феномена личностной беспомощности. Вопрос формирования личностной беспомощности является краеугольным камнем при создании системы профилактики и коррекции. В настоящем исследовании рассматриваются факторы формирования, опосредующие процесс становления личностной беспомощности.

Наиболее важным фактором формирования личностной беспомощности нам представляются нарушения в системе семейных взаимоотношений, в том числе травмирующие отношения. Семья многими психотерапевтами и психологами рассматривается как фактор травматизации личности и причина различных психологических проблем личности. Представляется очевидным, что нарушения в стиле воспитания родителей являются фактором риска для формирования личностной беспомощности, особенно, если у ребёнка есть некоторые врожденные особенности (Эйдемиллер, 2000; Циринг, 2010; Пономарева, 2013).

Цель исследования: выявление особенностей семейных взаимоотношений и их вклад в формирование личностной беспомощности у подростков.

Гипотеза исследования: личностная беспомощность подростков детерминирована дисгармоничностью взаимоотношений с родителями.

Для проверки выдвинутого предположения было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 533 подростка в возрасте от 13 до 16 лет и 557 родителей (из них 182 отца, 375 матерей).

Для диагностики личностной беспомощности применялись: Опросник стиля атрибуции у подростков (Д. А. Циринг), Шкала депрессии (Т. И. Балашова), Личностная шкала проявлений тревоги (Т. А. Немчинов, В. Г. Норакидзе), Методика определения самооценки (С. А. Будасси). Для выявления нарушений семейных взаимоотно-

ношений – методика «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса.

Для проверки гипотезы о нарушениях семейного воспитания как средовом факторе формирования личностной беспомощности нами были созданы выборки испытуемых (контрастные группы) с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В соответствии с концепцией личностной беспомощности (Циринг, 2005–2012), а также существующими теоретическими представлениями и результатами эмпирических исследований (Веденева, 2009; Забелина, 2009; Яковлева, 2011), в качестве показателей оценки личностной беспомощности и самостоятельности были использованы показатели атрибутивного стиля, депрессии, тревожности и самооценки. Диагностическими критериями личностной беспомощности выступают: пессимистический атрибутивный стиль, высокое значение по шкале «Надежда», который указывает на безнадежность, повышенный уровень депрессивности и тревожности, пониженную самооценку. Самостоятельность как противоположная характеристика личностной беспомощности личности, диагностируется соответственно при оптимистическом атрибутивном стиле, низком значении шкалы «Надежда», низком уровне депрессивности и тревожности и адекватной или несколько повышенной самооценке.

По указанным критериям было обследовано 533 подростков, после чего был применен кластерный анализ. Два из полученных нами кластеров характеризуются полярными значениями диагностических показателей личностной беспомощности. Подростки, вошедшие в первый кластер, названный «Беспомощные» (n=119), отличаются пессимистическим атрибутивным стилем (0,23), относительно высоким уровнем депрессивности (44,49) и тревожности (24,45), заниженным уровнем самооценки (0,57), что свидетельствует о наличии у данных испытуемых признаков личностной беспомощности. Полученные данные соответствуют результатам ранее проведенных исследований (Веденева, 2009; Циринг, 2010; Евстафеева, 2014; Забелина, 2009; Яковлева, 2011). Во второй кластер, названный «Самостоятельные» (n=114), вошли испытуемые, для которых свойственны противоположные личностной беспомощности характеристики: оптимистический атрибутивный стиль (3,77), низкий уровень депрессивности (30,02) и тревожности (13,90), адекватная самооценка (0,68), что соответствует описанию такой системной характеристики субъекта, как самостоятельность (Циринг, Яковлева, 2011).

С целью проверки достоверности различий полученных кластеров по диагностируемым критериям было проведено сравнение средних значений посредством однофакторного дисперсионного

анализа. Результаты сравнения доказывают, что существуют достоверно значимые различия между выявленными кластерами по всем диагностическим критериям личностной беспомощности: уровню депрессивности ($F=324,6$ при $p=0,000$); тревожности ($F=143,1$ при $p=0,000$), самооценки ($F=4,68$ при $p=0,01$); показателю надежды ($F=20,3$ при $p=0,000$); атрибутивному стилю ($F=27,4$ при $p=0,000$). Таким образом, полученные кластеры достоверно отличаются друг от друга по выраженности признаков личностной беспомощности.

Для эмпирического подтверждения предположения о том, что нарушения семейных взаимоотношений определяют личностную беспомощность у подростков, были изучены типы негармоничного семейного воспитания в семьях подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Был проведен сравнительный анализ выявленных нарушений семейных взаимоотношений подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. В исследовании приняли участие родители подростков с беспомощностью ($n_{\text{отцы}}=42$; $n_{\text{матери}}=119$) и самостоятельностью ($n_{\text{отцы}}=53$; $n_{\text{матери}}=114$).

Сравнительный анализ средних значений по показателю протекции в процессе воспитания показал, что матери беспомощных подростков больше склонны к проявлению гиперпротекции, чем матери самостоятельных ($U=4595$, $p=0,000$), но по типам семейного воспитания отцов не обнаруживаются значимые отличия в проявлении гиперпротекции. Отцы как самостоятельных, так и подростков с личностной беспомощностью проявляют гиперпротекцию в равной степени.

Гиперпротекция матерей беспомощных подростков, проявляется в чрезмерном уделении времени ребенку, сил и внимания, его воспитание становится центральным делом их жизни. Е. Л. Птичкина (2001) предполагает, что претензии матери на главенствующую роль в жизни подростка не позволяют последнему удовлетворить потребность в автономии в семье, а затем и в самостоятельной жизни, что и приводит, по нашему мнению, к формированию личностной беспомощности. Гиперпротекция способствует развитию межличностной зависимости, так как поощряет зависимость ребенка от матери. Гиперпротекция неблагоприятна для ребенка еще и тем, что в определенных сочетаниях входит как составляющая в такие типы негармоничного семейного воспитания, как доминирующая и потворствующая гиперпротекции. При анализе влияния семейного воспитания на формирование личностной беспомощности важно отметить, что доминирующая гиперпротекция не дает возможность учиться на собственном опыте, разумно использовать свободу,

приучает к несамостоятельности, подавляет чувство ответственности и долга (Эйдемиллер и др., 2003). Данный тип воспитания способствует закреплению несамостоятельности подростка, его психологической незрелости, и как следствие, становлению личностной беспомощности как качества личности. По шкале «гипопротекция» семейное воспитание подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью достоверно не различаются.

По результатам сравнения степени удовлетворения потребностей ребенка были также обнаружены статистически значимые отличия по шкале «Потворствование» между родителями самостоятельных и беспомощных подростков.

Матери ($U=4782$, $p=0,000$), и отцы ($U=87$, $p=0,000$) беспомощных подростков стремятся в большей степени, чем родители самостоятельных, удовлетворить максимально и некритично потребности ребенка. Семья, создавая чрезмерно благополучную обстановку, воспитывает недостаточно подготовленного к самостоятельной жизнедеятельности субъекта.

Игнорирование потребностей ребенка со стороны матери беспомощных подростков обнаруживается чаще, чем у самостоятельных ($U=5024$, $p=0,000$) и свидетельствует о недостаточном стремлении родителя к удовлетворению потребностей ребенка. В условиях эмоционального отвержения формируются черты неуверенности, низкая самооценка, что является одним из показателей личностной беспомощности подростка. Н. С. Бубновой было обнаружено, что наиболее деструктивным для образа «Я» подростка является такой стиль взаимодействия, как отвержение. Другими словами, нарушение удовлетворения потребностей ребенка матерью влечет снижение самооценки личности ребенка, развивает неуверенность, неспособность контролировать ситуации. Отсутствие стремления родителя отслеживать потребности ребенка в сочетании с другими нарушениями семейного воспитания приводит к формированию личностной беспомощности.

Необходимо отметить, что чрезмерное количество требований-обязанностей чаще предъявляется к подросткам со стороны матерей, воспитавших беспомощных подростков, чем матерями подростков с самостоятельностью ($U=5185$, $p=0,001$). Предъявляемые требования к ребенку, как правило, очень велики, не соответствуют возможностям ребенка и не только не содействуют полноценному развитию его личности, но и напротив, представляют риск психотравматизации.

Матери беспомощных подростков более склонны предъявлять большое количество требований-запретов к ребенку ($U=3838$,

$p=0,000$), ограничивающих его свободу и самостоятельность, что может лежать в основе типа такого негармоничного типа воспитания, как доминирующая гиперпротекция. Чрезмерность требований-запретов к подростку отражает страх матери перед любым проявлением его самостоятельности, этот страх проявляется в резком преувеличении последствий, к которым может привести даже незначительное нарушение запретов. Такое воспитание, однозначно, купирует самостоятельность ребенка, лишая его возможности самому выбрать способ поведения.

Недостаточность требований-обязанностей со стороны отцов ($U=586$, $p=0,000$) и матерей ($U=5795$, $p=0,05$) чаще встречается в стилях воспитания самостоятельных подростков. В данном случае ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье, возможно и большую свободу, предоставляемую чаще отцом, чем матерью. Также со стороны отца в воспитании самостоятельных чаще обнаруживается такая особенность, как недостаточность требований-запретов ($U=695$, $p=0,000$), то есть ребенку многое позволено, отсутствуют рамки поведения со стороны отца, чего не прослеживается в воспитании беспомощных подростков.

Строгость санкций за нарушение требований ребенком, как со стороны отца ($U=660$, $p=0,000$), так и матери ($U=5638$, $p=0,02$) отличает воспитание в семьях беспомощных подростков от самостоятельных. Для таких родителей характерна приверженность к применению строгих наказаний, что лежит в основе воспитания по типу жестокого обращения.

Особенностью семейных взаимоотношений беспомощных подростков является высокая степень непоследовательности и неустойчивости поведения родителей ($U=352$, $p=0,000$ (отцы), $U=3809$, $p=0,000$ (матери)).

Неустойчивость семейных взаимоотношений проявляется в непрогнозируемости реакций родителя на поведение ребенка, размытости воспитательных приоритетов, норм и принципов. Подросток оказывается не в силах предвидеть развитие ситуации, а значит, и влиять на нее. Данная особенность может проявляться как необоснованная смена воспитательных приемов в отношении подростка, приводящая к росту тревожности и неуверенности подростка, которые, в свою очередь, складываются в симптомокомплекс личностной беспомощности.

При анализе структурно-ролевого аспекта жизнедеятельности семьи выявлено предпочтение в подростке детских качеств отцом беспомощных подростков достоверно чаще, чем отцами самостоятельных ($U=771$, $p=0,006$).

Отцы беспомощных подростков чаще стремятся стимулировать сохранение у подростка детских качеств, таких как непосредственность, наивность, игривость, проявляя, таким образом, страх и нежелание взросления детей, а в частности, проявления последними самостоятельности, снижая в процессе воспитания уровень требования к подростку, создавая потворствующую гиперпротекцию, тем самым культивируя в ребенке личностную беспомощность.

Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств также диагностируется у родителей беспомощных подростков чаще, чем у самостоятельных ($U=679$, $p=0,000$ (отцы), $U=3088$, $p=0,000$ (матери)). Родитель видит в ребенке мнимые черты характера, которые чувствует, но не признает в себе самом. Он ведет активную борьбу с ними, извлекая из этого эмоциональную выгоду для себя. В такой борьбе родитель явно высказывает неверие в ребенка, стремление в любых поступках ребенка выявить негативную причину, что приводит к демотивации ребенка, к его нежеланию проявлять активность, самостоятельность.

Значимые различия между нарушениями в межличностных семейных коммуникациях самостоятельных и беспомощных подростков были получены по шкале «вынесение отцом конфликта между супругами в сферу воспитания» ($U=310$, $p=0,000$). Открытое недовольство отца методами воспитания матери беспомощных подростков демонстрирует не столько то, как воспитывать ребенка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах.

Более выраженная воспитательная неуверенность обоих родителей беспомощных подростков ($U=582$, $p=0,000$ (отцы), $U=3981$, $p=0,000$ (матери)), позволяет последним манипулировать родителями, так как подросток сумел найти «слабое место», подход к своему родителю и добивается для себя в этой ситуации «минимум требований – максимум прав». В основе данного стиля воспитания лежит такое нарушение, как потворствующая гиперпротекция, реже просто пониженный уровень требований. Данный вид нарушения в семейном воспитании обнаруживается как у отцов, так и у матерей беспомощных подростков.

Неразвитость родительских чувств диагностируется у родителей беспомощных подростков в большей мере, чем у самостоятельных ($U=437$, $p=0,000$ (отцы), $U=4697$, $p=0,000$ (матери)). Данная особенность семейного воспитания возникает при отсутствии у родителей чувства долга, симпатии, любви к ребенку. Таких родителей характеризует нежелание участвовать в жизни ребенка, поверхностность интереса к его делам. Незрелость родительских чувств обуславливает тип воспитания – повышенная моральная ответственность,

когда в семье на ребенка перекладывается значительная доля родительских обязанностей.

Итак, полученные данные свидетельствуют об очевидных различиях в нарушениях семейных взаимоотношений подростков с личностной беспомощностью и самостоятельностью. Коммуникативные процессы в семье беспомощных подростков отличаются большим количеством нарушений, детерминирующих формирование личностной беспомощности, чем семейные взаимоотношения самостоятельных подростков. Для родителей беспомощных подростков характерен негармоничный тип семейных взаимоотношений, поддерживающий низкую степень дифференцированности в семье, обуславливая отсутствие у ребенка собственных внутренних ресурсов для решения сложностей различного характера, чрезмерную зависимость от окружающих, что приводит к формированию личностной беспомощности.

Обобщая рассмотренные особенности семейных взаимоотношений беспомощных подростков, можно сделать вывод, что родители беспомощных подростков по сравнению с родителями самостоятельных чаще проявляют доминирующую гиперпротекцию, повышенную моральную ответственность, жестокое обращение, неустойчивый тип семейных взаимоотношений. В исследовании подтверждена гипотеза о том, что нарушения семейных взаимоотношений выступают одним из основных средовых факторов формирования личностной беспомощности.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 3–18.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Евстафеева Е. А.* Личностная беспомощность как одна из детерминант деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 106.
- Зуев К. Б.* Психология семьи в современной России: некоторые тенденции (вместо предисловия) // Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред Т. В. Пушкарева, М. Н. Швецова, К. Б. Зуев. М.: Когито-Центр, 2014. С. 7–9
- Зуев К. Б., Швецова М. Н.* Всероссийская научная конференция «Семья, брак и родительство в современной России» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 125–126.

- Никольская И. М., Грановская Р. М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Речь. 2006. С. 249–253.
- Пономарева И. В.* Семья как фактор формирования личностной беспомощности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. № 4. 2011. С. 109–113.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.
- Птичкина Е. Л.* Семья и подросток: внутрисемейные детерминанты девиантного поведения старших подростков. Учебное пособие. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ. 2006.
- Семья, брак и родительство в современной России / Отв. ред. Т. В. Пушкирева, М. Н. Швецова, К. Б. Зувев. М.: Когито-Центр, 2014.
- Циринг Д. А.* Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия. 2010.
- Циринг Д. А., Пономарева И. В., Овчинников М. В., Эвнина К. Ю.* Средовая природа личностной беспомощности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 217–220.
- Циринг Д. А., Пономарева И. В., Овчинников М. В., Евстафеева Е. А., Честюнина Ю. В.* Эмпирическое исследование стилей семейного воспитания и особенностей взаимоотношений с родителями в семьях детей с личностной беспомощностью // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–4. С. 929–933.
- Циринг Д. А.* Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 22–31.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. 2-е изд., расшир. и доп. СПб.: Питер. 2000. 656 с.
- Яковлева Ю. В.* Феномен самостоятельности (на материале юношеского возраста) // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2008. № 5. С. 161–165.
- Ponomareva I., Tsiring D.* Adolescents from families with disturbances in relationships: typology of personal helplessness // 28th International Congress of Applied Psychology. Paris, France. 2014. <http://www.icap2014.com> (дата обращения 10.09.2015).
- Ponomareva I., Tsiring D.* Typology of Personal Helplessness and Its Relationship with Different Parenting Styles // The 13th European Congress of Psychology. Stockholm. 2013. <http://www.ecp2013.se> (дата обращения 10.09.2015).
- Seligman M. E. P.* Helplessness: On depression, development and Death. San Francisco: W. H. Freeman, 1975.

Tsiring D. Effects of Personal Helplessness in Adolescents' Behaviour // 28th International Congress of Applied Psychology. Paris, France. 2014. <http://www.icap2014.com> (дата обращения 10.09.2015).

Tsiring D. Effects of Personal Helplessness in Human Activities and Behavior // The 13th European Congress of Psychology. Stockholm. 2013. <http://www.ecp2013.se> (дата обращения 10.09.2015).

Научное издание

СЕМЬЯ, БРАК И РОДИТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
Выпуск 2

Редакторы – *А. В. Махнач, К. Б. Зув*
Корректор – *Л. В. Бармина*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: +7 (495) 682-61-02
www.ipras.ru; e-mail: vbelop@ipras.ru

Сдано в набор 01.11.15. Подписано в печать 24.11.15.
Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура гтс Charter
Уч.-изд. л. 19,75; усл.-печ. л. 25,5. Тираж 500 экз. Заказ 549

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6